

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

ISSN 2073-0101

2013

№ 1 (121)

ЯНВАРЬ – МАРТ

Основан в 1991 г.

www.vestarchive.ru

www.arhivemagazine.com

В 2013 году выходит 4 номера журнала

В ближайших номерах:

Грамоты императора Священной Римской империи Карла VI
русскому царю Петру I в собрании РГАДА

Архив В.П. Эфроимсона – уникальный источник
по истории отечественной генетики

Император Александр I в воспоминаниях профессора Г.Ф. Паррота

Восприятие Екатериной II восстания 1773–1775 гг.
по архивным источникам

Воззрения архиепископа Пермского и Кунгурского Андроника
(Никольского; 1870–1918) на русский гражданский строй

Материалы Комиссии помощи демобилизованным
красноармейцам и бывшим красным партизанам
как массовый источник по истории Гражданской войны

Фотографии представителей императорской семьи Романовых
в фондах Красноярского краевого краеведческого музея

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки РФ журнал «Вестник архивиста» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:**И. А. Анфертьев**, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:****А. Н. Артизов**, доктор исторических наук**М. Д. Афанасьев**, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ**В. Ю. Афиани**, кандидат исторических наук, доцент**А. Б. Безбородов**, доктор исторических наук, профессор**Т. М. Булавкина****С. Р. Долгова**, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РФ**З. П. Иноземцева**, заместитель главного редактора, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ**В. П. Козлов**, член-корреспондент Российской академии наук**М. В. Ларин**, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ**С. В. Мироненко**, доктор исторических наук**О. В. Наумов**, кандидат исторических наук**Е. И. Пивовар**, член-корреспондент Российской академии наук**Ю. С. Пивоваров**, академик Российской академии наук**В. П. Тарасов****Е. А. Тюрина**, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ**Т. И. Хорхордина**, доктор исторических наук, профессор**В. А. Черных**, кандидат исторических наук**А. А. Чернобаев**, доктор исторических наук, профессор**А. О. Чубарьян**, академик Российской академии наук**А. С. Шапошников**, кандидат технических наук**С. О. Шмидт**, академик Российской академии образования**РЕДАКЦИЯ:****В. В. Борисов** (редактор-системный администратор сетевых журналов «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru), «Вестник архивиста.com» (www.arhivemagazine.com)); **Н. В. Глищинская** (дизайн и верстка); **М. С. Исакова**, кандидат исторических наук (руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан, Ташкент); **Е. Ю. Нуйкина** (ведущий научный редактор); **В. Б. Прозорова**, кандидат исторических наук (руководитель представительства журнала в Европе, Париж, Франция); **Д. В. Савин** (ведущий научный редактор); **М. Н. Селезнев** (редактор-переводчик); **О. Н. Солдатова**, кандидат исторических наук (руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе, г. Самара)

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

<i>Агеева О.Г.</i> Журналы Церемониальных дел (Департамента) – источник церемониальной жизни русского императорского двора. 1744–1796 гг.	5
<i>Морозан В.В.</i> Попытки создания исторического архива в Одессе А.А. Скальковским. Вторая половина XIX в.	19
<i>Маишковиц А.А.</i> Документы Национального архива Республики Татарстан – источники по истории казанских неправославных христиан. Вторая половина XIX – начало XX в.	34
<i>Корнилова И.В.</i> Труды В.Ф. Кудрявцева как источники по истории русской провинции. Вторая половина XIX – начало XX в.	49
<i>Магидов В.М.</i> Источники о деятельности Скобелевского комитета и его роли в отечественном кинопроцессе накануне и в ходе Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г.	65
<i>Пронин А.А.</i> Архивные фонды по истории эмиграции из России: источниковедческий аспект.	82
<i>Пашин В. П.</i> Источники по исследованию кадровой политики партии большевиков. 1920-е гг.	93
<i>Синельников С.П.</i> Документы Государственного архива Российской Федерации об отмене религиозного образования и введении антирелигиозного воспитания в советской России. 1917–1929 гг.	103
<i>Кузьминых А.Л.</i> Корпус источников по истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны.	113
<i>Салеева Л.В.</i> Из истории становления и развития архивного дела в Хабаровском крае. 1923–2013 гг.	129
<i>Альтман М.М., Иноземцева З.П.</i> Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе.	137

Исторические исследования

<i>Рыженков М.Р.</i> Первая трагедия в «Доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г.	151
<i>Маркелов А.В.</i> «Кончилась Вятка, кончились золотые деньки». Ссылка представителей Дома Романовых в Вятку в апреле 1918 г.: реконструкция событий.	170
<i>Тереженко В.В.</i> Создание первых округов Пограничной охраны Советской Республики. 1918–1923 гг.	178
<i>Юдин К.А.</i> Организационно-правовые и идеологические основы деятельности Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б). 1934–1936 гг.	191
Официальный отдел	
<i>Буравченко Н.А.</i> Хроника событий.	200

Генеалогия: отечественный и зарубежный опыт

<i>Морозова Л.Е.</i> Родственные связи предков Романовых с представителями династии московских князей. XIV–XVII вв.	208
<i>Петин Д.И., Ефремова Ю.Н.</i> Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в.	217

Научная публикация архивных документов

<i>Шумейко М.Ф.</i> Белорусские адреса российского историка-архивиста А.Ф. Изюмова. Первая половина XX в.	232
<i>Ганин А.В.</i> Хлопоты наркомвоенмора Л.Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М.М. Загю и С.М. Языкова. 1919 г.	247

Люди. События. Факты

<i>Судовиков М.С.</i> Купеческий род Прозоровых в воспоминаниях современников. XIX – начало XX в.	259
<i>Лантева Т.Н.</i> Флоровские – Попруженко: история семьи. 1840–1880-е гг. По «Воспоминаниям» К.В. Флоровской	269

Зарубежная архивная Россия

<i>Генцике В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С.</i> Архивная Россия в Австралии.	276
--	-----

Зарубежный опыт

<i>Тур О.Н.</i> Первые шаги советской власти по охране и сохранению архивных документов в Украине в сопоставлении с современными тенденциями развития архивного дела.	288
<i>Сукач А.Н.</i> Выделение из массива электронной переписки документов, подлежащих включению в систему управления документами организации.	298

Критика и библиография

<i>Иноземцева З.П.</i> Изданы учебники по истории российских архивов и истории архивоведческой мысли.	308
--	-----

Тихонов Н.Т. О репрессивной политике в отношении советских авиационных специалистов в 1920-е–1940-е гг.	311
---	-----

Наши авторы	316
--------------------------	-----

Contents	318
-----------------------	-----

Основные требования к оформлению рукописей для представления в редакцию журнала «Вестник архивиста»	320
--	-----

ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ

О.Г. АГЕЕВА

ЖУРНАЛЫ ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ДЕЛ (ДЕПАРТАМЕНТА) – ИСТОЧНИК ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА. 1744–1796 гг.

**Ageeva O. G. Journals of Ceremonial affairs
(department) as historical source of the ceremonial
life of the Russian Imperial Court in 1744–1796's**

Аннотация / Annotation

В статье исследуется комплекс документов Российского государственного исторического архива (РГИА) за 1744–1796 гг. – так называемые «Журналы» Церемониальных дел (департамента) Коллегии иностранных дел. Архивные документы представляют собой переплетенные в книги дневниковые записи событий и отдельные разного рода документы за год или два года, относящиеся к деятельности церемониальной части Коллегии иностранных дел, которая первоначально называлась «Церемониальными делами», а с 1779 г. именовалась «Церемониальным департаментом». Их ценность как исторического источника показана на примере восстановления истории церемониальных дел и дипломатической жизни русского императорского двора.

The article deals with the Journals of Ceremonial affairs (department) of the Collegium Foreign Affairs 1744–1796. Archival documents represent the diary records of events that bound in books and certain documents in a year or two years relating to activity of ceremonial part of the Collegium Foreign Affairs, that at first was named “Ceremonial affairs”, and in 1779 was named “Ceremonial department”. The value of the Journals as a historical source is demonstrated by the history of Ceremonial affairs and the ceremonial diplomatic life of the Russian imperial Court.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-14030г.

Ключевые слова / Keywords

Источник, архив, РГИА, Императорский двор России XVIII в., «Церемониальные дела», «Церемониальный департамент», Коллегия иностранных дел, повестка, промемория, делопроизводственный источник, дневниковые описания, празднества, аудиенции, визиты, деловые письма. Source, archive, RGIA, Imperial Court of Russia, 18th century, Ceremonies, Ceremonial affairs (department) of the Collegium Foreign Affairs, notification, memorandum, office work source, diary description, celebration, audiences, visits, business letters.

До настоящего времени мало исследован комплекс документов, отложившихся в фонде Церемониальной части Министерства императорского двора Российского государственного исторического архива (Ф. 473) среди дел описи 1, получивший название «Журналы, входящие и исходящие бумаги церемониальной части»¹. Первоначально с момента создания церемониальная часть назвалась «Церемониальными делами», а с 1779 г. именовалась «Церемониальным департаментом». Хронологически журналы церемониальной части охватывают период с 1744 по 1853 г. При этом журнал за тот или иной год составляет одно дело, и только в нескольких случаях в деле соединены журналы за два года.

В данном исследовании основное внимание уделено журналам за 1744–1796 гг., т.е. за тот период XVIII в., когда Церемониальные дела (департамент), входили в состав Коллегии иностранных дел. Нижней хронологической рамкой служит дата учреждения специального церемониального ведомства, верхней – год, когда после вступления на престол Павла I Церемониальный департамент по штату двора от 30 декабря 1796 г. был приписан к Придворной конторе (отметим, что в XIX в. при Александре I он был возвращен в Министерство иностранных дел, но потом в 1850-е гг. вновь стал подразделением императорского двора). За рассматриваемый период отсутствуют только журналы за 1772 и 1786 гг., судя по пометкам в описи, они из фонда выбыли.

Дела, именуемые «Журналами, входящими и исходящими бумагами церемониального департамента», по внешнему виду – книги, которые составляют переплетенные документы разного рода и разного формата за тот или иной год. Книг, соединивших под одним переплетом дела двух лет, за рассматриваемый период только четыре – за 1744–1745, 1746–1747, 1748–1749 и 1760–1761 гг. Внутри них документы также сгруппированы по го-

дам. Судя по переплетам и унифицированной форме оформления, возможно, что документы переплетались в книги в более позднее время, чем создавались, а точнее, в начале XIX в.: в фонде документы Церемониальных дел – Церемониального департамента они переплетены по годам по 1817 г. включительно, а с 1818 г. разрозненные документы хранятся по годам в папках.

В то же время по пометам 1740-х гг. ясно, что подборки были единым комплексом документов. На это указывает, например, помета в журнале 1748 г., что «Журнал церемониальных дел 1748 года на 52 страницах ассесором Яковом Решетовым пересмотрен и по листам скреплен»².

Книги-«Журналы» имеют четкую структуру. Открываются «Журналы» оглавлениями-перечнями записей и документов, называемыми «Содержание журнала церемониальной части», «Список...» или «Реестр...». Далее идут сами документы, расположенные строго по хронологии, по месяцам и дням. Вероятно, такое расположение собранных бумаг церемониальной части-департамента и дало название «журнал», т.к. собственно «журналы» – т.е. дневниковые записи деятельности церемониального подразделения и церемониальных событий придворной жизни делались подчас на отдельных листах и составляют только часть переплетенных документов. Уже с 1740-х гг. они были перемешаны с отдельными документами, касающимися деятельности Церемониальной части и помещены строго по датам.

Особенностью структуры «Журналов» с середины века стало то, что внутри книги дневниковые записи с исходящими документами и входящие документы могли группироваться отдельно. Например, в журнале 1770 г. выделены подборки документов, озаглавленные «Записки» и «Оглавление полученным из Придворной конторы повесткам», в журнале 1780 г. – «Записки» и «Повестки из Придворной конторы» и т.д. Иногда раздел повесток именовался «Повестки о праздниках» (1791 г.) и др.

Все вошедшие в «Журналы» документы можно отнести к разновидностям нормативных и делопроизводственных источников. По форме это повестки от Придворной конторы о предстоящих протокольных мероприятиях двора или об их отмене (речь шла о табельных праздниках, дипломатических

аудиенциях, балах, маскарадах, театральных представлениях, наложении при дворе траура и пр.), повестки самой Церемониальной части с приглашением ко двору дипломатов, деловая переписка высших чинов двора и Иностранной коллегии с высочайшими распоряжениями или по поводу организации того или иного мероприятия, промемории Церемониальных дел, отправленные в другие ведомства, например, в Придворную контору, Придворную Конюшенную контору, к дежурству генерал-адъютантов и т.д., а также полученные от них в ответ документы. Большой интерес представляют вошедшие в «Журналы» церемониалы придворных действий, составленные при Церемониальной части, документы о церемониальных конфликтах и установлении правил пребывания при дворе дипломатов. Также в «Журналы» входили списки участников протокольных мероприятий двора и списки лиц, представляющихся монарху, схемы их «засадки за столами» и т.д.

Анализ разновидностей документов, их содержания и пересылки позволяет выявить механизм подготовки придворных мероприятий и оповещения о них – кто и в какой форме приглашался ко двору, какими были правила посещения императорского дворца (правила приезда, сопровождения, протокольной одежды, допуска в те или иные помещения дворца) и т.п. Так, очевидно, что приглашением ведали четыре ведомства. Придворных дам и кавалеров оповещала Придворная контора, дипломатический корпус – Церемониальная часть, присутствие высших офицеров – ведомство военное, а остальных чинов первых классов – полиция. Когда речь шла о придворных празднествах и увеселениях, инициатором приглашений, разумеется, по высочайшему повелению, была Придворная контора, пересылавшая образцы повесток в Церемониальную часть, полицию и другие места, но в случаях дипломатических аудиенций и наложения траура по правящим особам Европы, распоряжения о рассылке приглашений и образцы повесток могли идти от Церемониальных дел.

Что же представляла подборка документов, составляющая Журнал за тот или иной год? Возьмем, к примеру, «Журнал» 1755 г.³ Его содержание делится на два блока. Первый (до л. 120) составляют записи журнала Церемониальных дел,

второй (с л. 121 по 231) – отдельные входящие и исходящие документы Церемониальной части.

В части первой содержатся журнальные записи Церемониального ведомства за 184 дня 1755 г., а т.к. записи за один день могли касаться двух и более событий, то в них освещено 208 сюжетов придворной жизни – празднеств, повесток о них и пр. При этом государственным праздникам Романовых (дни рождения, тезоименитства, дни восшествия на престол и коронавания) было посвящено 13 записей (оповещение и описание торжеств), торжеству Нового года – одна, 7 записей касались орденовских праздников св. Александра Невского и св. Андрея Первозванного и пожалования Андреевского ордена цесарскому послу графу Эстергази (что касается дня ордена св. Екатерины, то он совпадал с тезоименитством великой княгини). Записей о проведении и отмене театральных представлений было внесено в журнал 79, о куртагах и их отмене – 49, о маскарадах – 10. В «Журнал» также вошли описания некоторых церковных праздников, например, зимнего крещенского водосвятия 6 января, которое торжественно отмечалось при дворе с приглашением дипломатов.

Исключительно хорошо в «Журнале» 1755 г. представлены вопросы жизни дипломатического корпуса при русском дворе. Записи журнала касаются приезда в 1755 г. в Петербург новых шведских, цесарских и английских послов и посланников, а также с кратковременным поручением турецкого посланника; они освещают вопросы проведения и подготовки дипломатических аудиенций, визитов в министерство и к главам церемониального ведомства; отвозение дипломатам визитного списка первых лиц русского общества, экстракта церемониала приемной аудиенции, презентов; сообщают сведения об ознакомительной поездке дипломатического корпуса в Царское Село, отведении дипломатам квартир в Петергофе, разрешении послам первого ранга проезжать через стрельнинский и петергофский сады, гулять в Летних садах и пр. Всего таких записей в «Журнале» 32. Еще три дипломатических сюжета журнала касаются жалоб цесарского посла о недопуске во дворец его лакея против установленных правил и непозволительном входе в посольскую ложу в театре солдат во время спектакля⁴.

Кроме этого, вопросы обхождения с дипломатами затрагивались и при описании общих придворных событий. Так, в записях о празднествах всегда отмечалось присутствие чужестранных министров, принесение ими поздравлений лицам правящей фамилии, игра с ними в карты и др. Есть в «Журнале» и факты праздничного «трактования» дипломатов у канцлера, получение для них Церемониальной частью билетов на маскарады, раздачей которых занималась Придворная контора (например, 24 билета было получено 9 января, 28 билетов 20 мая)⁵ и пр.

Из других событий придворной жизни в журнал Церемониальных дел вошли записи о переезде двора из Зимнего в Летний дворец и обратно, об отбытии его в загородные резиденции и возвращении в столицу. Есть записи об обручении фрейлины Нарышкиной, выплате канцеляристу Фере «извощичьих денег» за поездки с повестками и др.⁶ Внутри журнальных записей могли быть помещаемы списки кавалеров русских орденов, схемы орденских обеденных столов, указания на форму придворной одежды и пр.

Вторая часть журнала, как отмечено выше, включает несколько десятков отдельных документов – повесток, писем и прочих, присылавшихся в Церемониальные дела или исходящих из них, записок о расследовании нарушения придворного этикета. Большинство из этих делопроизводственных бумаг связано с теми событиями, которым посвящены журнальные записи 1755 г., но есть и документы о иных сюжетах. Например, во второй части книги имеется повестка о праздновании орденского дня св. Анны и документы, связанные с расследованием не предусмотренного протоколом появления при дворе посольского кавалера графа Кегловича⁷.

«Журнал» за 1755 г. по своему содержанию является типичным для всего комплекса «Журналов» Церемониальной части, однако практически в каждом из них есть какая-либо особенная информация. С этой точки зрения, документы Церемониальной части представляют значительный интерес для истории придворной протокольной жизни за те периоды, которые не представлены в других схожих источниках. Примерами такого рода являются «Журнал» за 1747 г. и часть «Журнала» 1762 г. за последние

три месяца правления Петра III⁸, т.к. Камер-фурьерские журналы 1747 г. и за апрель, май и июнь 1762 г. не обнаружены (последние, вероятно, были уничтожены в связи с переворотом 28 июня 1762 г.).

Уже из приведенного перечня сюжетов «Журнала» 1755 г. ясно, что представленный источник освещает множество вопросов жизни императорского двора и высшего общества России XVIII в. Специально коснемся только двух тем, для изучения которых «Журналы» могут быть востребованы. Одна из них – это история самой Церемониальной части, в том числе персоналии церемониальных чинов и служащих и круг вопросов, которыми они занимались.

Документы «Журналов» церемониального подразделения императорского двора, которые собственно и велись со времени его образования, позволяют увидеть, как оно создавалась. Чин обер-церемониймейстера, вписанный в петровскую Табель о рангах 1722 г., появился при русском дворе еще в 1725 г. Он был пожалован итальянцу графу Ф. Санти. После возвращения графа из 14-летней ссылки и вторичного назначения ко двору Елизаветы Петровны обер-церемониймейстером, 14 ноября 1743 г. высочайшим указом в помощники к Санти впервые был пожалован в чин церемониймейстера Ф.П. Веселовский⁹. Затем команду графа постепенно пополнили секретарь, переводчик и копиист. Из отложившихся в «Журнале» Церемониальной части документов следует, что 19 января 1745 г. Санти подал доношение об особом помещении для своего подразделения, а 2 июня 1745 г. канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, М.Л. Воронцов и другие члены коллегии сообщили в Церемониальные дела о получении специальной печати для грамот и указов с надписью «Печать церемониальных дел». Она была выполнена в Академии Наук, оценена в 6 руб. 55 коп. и получена в коллегии 12 июня¹⁰. Это и завершило процесс создания нового подразделения.

Что касается лиц, служивших в Церемониальных делах, что о них позволяют судить источники нескольких разновидностей, вошедшие в «Журналы». Что касается чинов обер-церемониймейстеров и церемониймейстеров, то ими, как правило, были хорошо известные фигуры. При Елизавете Петровне в чин

жаловались, помимо графа Ф.М. Санти, Н.Н. Чоглоков (1752 г.) и барон П.П. Лефорт (1758 г.), при Екатерине II – М.Ф. Кашталинский (с 1774 г.), граф Н.П. Панин (с 1793) и П.С. Валуев (с 1795 г.). Церемониймейстерами при дворе в рассматриваемый период служили дипломат Ф.П. Веселовский, будущий статс-секретарь Екатерины II А.В. Олсуфьев, Ф.Д. Бехтеев, Ал.Н. Квашнин-Самарин, М.Ф. Кашталинский, известный коллекционер граф И.Ал. Мусин-Пушкин и граф Н.П. Панин.

Документы церемониальной части позволяют добавить в биографии этих людей новые факты. Так, граф Ф. Санти в литературе прежде всего известен как создатель еще в петровское время губернских, провинциальных и городских гербов России, а также один из организаторов первой имперской коронации 1724 г.¹¹ Документы Церемониальной части позволяют увидеть его в роли одного из главных создателей многих придворных барочных церемониалов блестящего двора Елизаветы Петровны и как лицо, ведавшее повседневными контактами с дипломатическим корпусом.

Что касается биографии внучатого племянника петровского сподвижника Ф. Лефорта – барона П.П. Лефорта, то «Журналы» прослеживают его деятельность при дворе вплоть до начала 1764 г.¹², хотя по литературе уже в 1762 г. состоялось его назначение в посольство в Пекин (сохранилось прошение барона о назначении вторым послом в Китай от 30 сентября 1762 г. с положительной резолюцией императрицы, императрице Екатерине II оно было доложено канцлером 16 октября).

«Журналы» церемониальной части также позволяют увидеть новые аспекты деятельности таких известных лиц, как А.И. Мусин-Пушкин, Н.П. Панин, показывают служебные занятия при дворе М.Ф. Кашталинского, который почти 30 лет правил должности церемониймейстера и обер-церемониймейстера двора Екатерины Великой.

Что касается первых лиц Церемониальной части, то в «Журналах» имеются копии некоторых указов о пожаловании их в чин, например, высочайший указ об отправлении должности обер-церемониймейстера графу Н.П. Панину, подписанный в Царском Селе 13 июля 1793 г. Этот факт представляет интерес, ибо, например,

в списке обер-церемониймейстеров Н.Е. Волкова, Н.П. Панин вообще не указан и числится только среди церемониймейстеров¹³.

Не менее ценными являются и сведения «Журналов», помогающие выявить лиц второго плана, служивших в Церемониальном ведомстве. Это – секретари, переводчики, копиисты и другие служители и чины, отправлявшие текущие канцелярские и иные дела. Всего в «Журналах» упоминается около десятка лиц, среди которых секретари П. Аргамаков, Ст. Решетов, канцелярист А. Фере, студент Д. Розен, копиист Я. Давыдов, переводчик, а затем коллежский асессор и надворный советник А. Сейделер, актуариусы Я. Рингель и др. Сведения об этих персонах различны. В ряде случаев имеется простое упоминание имен в делопроизводственных бумагах за те или иные годы. Но есть и челобитная о повышении в чине, доношения Церемониальной части в коллегию, поддерживающие прошения служителей о повышении чинов, определения Иностранной коллегии об увольнении со службы и зачислении на освободившееся место с жалованьем нового служителя (например, актуариуса А. Боттома на место Я. Рингеля)¹⁴.

Среди других «бытовых» вопросов истории Церемониальных дел (департамента) – наём в первопрестольной Москве, во время пребывания там двора, помещений для своей деятельности и архива¹⁵, увольнение церемониальных чинов в отпуски и др. Хорошо показывают «Журналы» и такую сторону деятельности Церемониальных дел (департамента), как регулярное ведение придворной и дипломатической хроники в «Санкт-Петербургских ведомостях». Эта обязанность появилась при графе Санти в 1740-х гг. Требование о ней Церемониальные дела получили в декабре 1746 г. По сведениям «Журналов», первоначально Академия наук, издававшая газету, обратилась с этим вопросом в Придворную контору, но та переадресовала его в Иностранную коллегию, так как полагала, что «потребны известии» для «здешних ведомостей» должны сообщаться от «Церемониальных дел неотменно, ибо в том должность зависит собственно оных церемониальных дел». В результате заметки о дипломатической жизни составлялись при Церемониальных делах и затем сообщались в Академию наук. Тексты заметок-«Артикулов», имеющие черновую правку, как и последующие публикации, отложились в их

«Журналах». В 1755 г. обер-церемониймейстер и церемониймейстер ставили вопрос об обратном поступлении в Церемониальные дела экземпляров «Санкт-Петербургских ведомостей» с описаниями публичных церемоний¹⁶.

Другая тема, касающаяся содержания «Журналов» и его ценности для исследования церемониальной жизни двора, относится собственно к придворному этикету и придворным церемониям. Это – освещение жизни дипломатического корпуса, правил его пребывания при императорском дворе и контактов с Церемониальной частью. К сюжетам такого рода относятся прежде всего записи-описания многочисленных аудиенций дипломатов первого и второго рангов.

Следует сказать, что порядок приема европейских послов первого ранга был определен практически одновременно с созданием Церемониальной части особым законодательно утвержденным Церемониалом 1744 г. «Журналы» показывают, что этот церемониал, единый для дипломатических представителей первого ранга всех ведущих европейских стран, в целом соблюдался все XVIII столетие. Однако на практике, и эта информация также есть в «Журналах», в Церемониал 1744 г. постепенно были внесены незначительные изменения, снижавшие торжественность посольских аудиенций. Их перечисление нашло отражение в «Журнале» 1780 г., в котором после описания только что состоявшейся приемной аудиенции двух голландских послов (де Вассенаер-Старренбурга и барона Гекерен-де-Бранценборга) приведен перечень ее церемониальных особенностей (отмена тростей церемониальных чинов, стояние императрицы рядом с троном, а не на нем и т.д.)¹⁷.

Исключительное значение «Журналы» церемониального департамента имеют и для выяснения особой формы аудиенций послов в столичных Летних и загородных дворцах. Их сведения существенно дополняют описания Камер-фурьерских журналов и «Санкт-Петербургских ведомостей». Так, в «Журнале» 1781 г. помещена адресованная обер-камергеру двора записка-письмо обер-церемониймейстера М.Ф. Кашталинского, подробно освещающая правила проведения предстоящей 2 мая в Царском Селе отпусковой аудиенции голландского посла. В письме-записке И.И.

Шувалову сообщалось о том, что вне резиденции (в Петергофе и Царском Селе) аудиенции проходят без всяких церемоний и встреч по установленным правилам: приезд положен в собственном экипаже, прием в назначенной комнате церемониймейстером, а в комнате ожидания обер-церемониймейстером и т.д. Помещенная далее записка показывает, как были проведены аудиенции у ее величества и великокняжеской четы, кто был назначен в церемониальные должности, как посол был приглашен к столу, получил свой рекредитив и подарок¹⁸. Перечисленные черты приёма можно увидеть также в описаниях других загородных приёмных и отпусковых аудиенций послов 1785 и 1792 гг.¹⁹ Столь же ценный материал содержат «Журналы» для восстановления формы проведения при русском дворе аудиенций министров второго ранга.

Особые церемониальные формы приема при дворе послов и посланников, приезжающих с супругами, также нашли отражение в «Журналах», как и специально составленный для этого в 1768 г. церемониал их представления²⁰. Кроме этого, в «Журналах» есть сведения о посольских подарках, привилегиях, имеются списки первых лиц государства, с которыми дипломаты должны были обменяться визитами при аккредитации в России и при отъезде²¹. Помещено в «Журналы» и несколько переводов верительных, известительных и иных грамот к русским монархиням. Пример – переводы кредитивных грамот 1779 г. римского императора Иоасифа II послу Л. Кобенцелю; 1785 г. французского короля Людовика XVI министру графу де Сегюру; 1788 г. великобританского короля Георга III посланнику К. Витворту²².

Интерес представляют подробно описанные в журналах церемониальные конфликты. Сведения о них показывают, как и какие установились при императорском дворе нормы и правила нахождения иностранных дипломатов в стенах дворца. Наиболее часто конфликты происходили в правление Елизаветы Петровны, когда только отрабатывались правила дворцовой жизни. Есть в «Журналах» и единичные документы о бытовом обустройстве дипломатов в России. Например, имеется подробное описание посольского дома-резиденции в Москве английского посла Гинфорта²³.

Для изучения жизни императорской фамилии может быть востребована информация о введении в церемониальную диплома-

тическую жизнь царских детей. «Журналы» показывают, что великие князья Павел Петрович и Александр Павлович стали полноценными ее участниками по достижении 7 лет²⁴.

Особую актуальность для современных исследований Российской государственности имеют описания аудиенций и приемов во дворце, касающиеся так называемой внутренней дипломатии, то есть церемониально оформленное общение представителей регионов и обществ, входящих или уже вошедших на разных основаниях в состав Российской империи. Приведем примеры. В «Журнал» 1750 г. вошло описание приема 24 апреля в Янтарной комнате Зимнего дворца делегации Малороссии, прибывшей с прошением о конфирмации избранного гетмана К.Г. Разумовского. В описание этого события вошло указание имен депутатов, церемониальных форм приема (шествие по дворцу, подача письменного текста, произнесение речей, призыв в палату Разумовского и объявление его гетманом самой императрицей), тексты речи депутатов и ответной от имени императрицы Елизаветы Петровны, произнесенной канцлером²⁵.

Внескольких журналах (1761, 1793 и за другие годы) имеются сведения о контактах императорского двора с грузинскими владетелями и их представителями. Так, в «Журнал» 1785 г. вошел экстракт описания приемной аудиенции имеретинских посланников 29 декабря прошедшего 1784 г. и сведения о проведении отпускной аудиенции 14 сентября текущего 1785 г. Посланники прибыли от царя Давида с извещением о его вступлении в царское достоинство Имеретинской области и объявлением о «подвержении» царя и его народа «в милость и покровительство» ее величества. В экстракте описаны встреча-приветствие церемониймейстера, порядок приемной аудиенции в малой тронной («аудиенц-камере») императрицы (три поклона, обмен речами – от ее величества отвечал канцлер, подача грамоты и пр.), аудиенция у великого князя, отправление обеда от двора. Далее даны повеление об отпускной аудиенции и ее описание, «артикул» с черновой правкой, текст речи на грузинском языке с переводом²⁶. К ним приложена печатная статья «Ведомостей» из № 79 с речами, произнесенными на аудиенции.

Еще один пример внутренней дипломатии, отраженный в «Журналах» церемониальной части, относится к 1795 г. Он касается приема в русское подданство герцогства Курляндского и Пилтенского округа. В «Журнал» за этот год включен целый комплекс документов, связанных с публичным приемом в Зимнем дворце 15 апреля Екатериной II и членами императорской фамилии прибалтийских делегаций. Среди документов – именной список 17 делегатов с указанием их чинов, промемории Церемониального департамента в Придворную контору, Придворную конюшенную контору, генералу-адъютанту и в полицию о подготовке аудиенции, правилах ее проведения и приезде во дворец лиц первых 4 классов. Наконец, тексты 16 отдельных речей двух делегаций на немецком языке с переводом, а также ответных речей канцлера от имени императрицы, которые произносились на аудиенциях у императрицы, у цесаревича, у великой княгини, у великого князя Александра Павловича и великой княгини Елизаветы Алексеевны, давших совместную аудиенцию, на четырех аудиенциях у Александра Павловича и великих княжен Александры, Елены и Марии Павловны²⁷.

Документы по дипломатическому церемониалу являются только одной из тематических групп источников церемониальной жизни императорского двора. Не менее интересны документы о жизни русских орденов, так как до создания в конце XVIII в. орденовских капитулов именно Коллегия иностранных дел ведала орденовскими делами, документами по придворным маскарадам и балам, театральной культуре двора века Просвещения, протокольной придворной одежде, религиозности царской фамилии и иным темам. Таким образом, «Журналы» церемониальной части являются незаменимым источником официальной жизни русского императорского двора XVIII в.

Примечания

¹ Исключением является публикация документов первого десятилетия правления императрицы Елизаветы Петровны, принадлежащая Л.М. Стариковой. В нее вошли все фрагменты журналов по истории театра и придворных увеселений. См.: *Стариков Л.М.* Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны. 1741–1750. Вып. 2. В 2 ч. М., 2003–2005.

- ² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
- ³ Там же. Д. 9.
- ⁴ Там же. Л. 11–12, 31–36, 115–119, 129–131, 219–219 об.
- ⁵ Там же. Л. 8 об., 49.
- ⁶ Там же. Л. 2, 183–183 об., 189, 200.
- ⁷ Там же. Л. 19, 136–137, 145, 150.
- ⁸ Там же. Д. 2, 15.
- ⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 9. СПб., 1830. № 8818.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1. Л. 77, 122–122 об.
- ¹¹ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 39–46, 48–56; *Она же.* Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 47–62; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 45, 48; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 198. Оп. 1. Д. 241; Д. 919. Л. 5–6 об.
- ¹² РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 17. Л. 14, 60.
- ¹³ Там же. Д. 46. Л. 71, 72; *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 151–152, 158.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 16. Л. 35–35 об.; Д. 35. Л. 62; Д. 45. Л. 198–198 об.; Д. 38. Л. 48.
- ¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 65.
- ¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 84; Д. 9. Л. 11.
- ¹⁷ Там же. Д. 33. Л. 164–165.
- ¹⁸ Там же. Д. 34. Л. 42 об.–44, 53.
- ¹⁹ Там же. Д. 38. Л. 75–77 об., Д. 45. Л. 60–61 об.
- ²⁰ Там же. Д. 14. Л. 7–10, 92, 100 об., 108; Д. 21. Л. 74–75 и др.
- ²¹ Там же. Д. 16. Л. 169–170; Д. 20. Л. 13–14; Д. 30. Л. 39 а–39 б об.
- ²² Там же. Д. 33. Л. 23–23 об.; Д. 38. Л. 41–42, 43–44 об.; Д. 41. Л. 147–147 об.
- ²³ Там же. Д. 3. Л. 56–64 об.
- ²⁴ Там же. Д. 14. Л. 87; Д. 37. Л. 146.
- ²⁵ Там же. Д. 4. Л. 20–23.
- ²⁶ Там же. Д. 37. Л. 108–110, 111–119.
- ²⁷ Там же. Д. 48. Л. 61–112.

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА В ОДЕССЕ А.А. СКАЛЬКОВСКИМ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

Morozan V.V. Historical archive in Odessa creation attempts of Apollo Skalkovsky. The second half of 19th century

Аннотация / Annotation

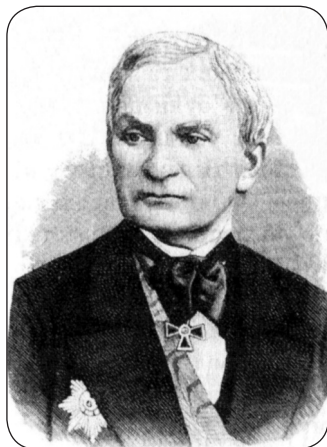
В статье рассматривается попытка создания в Одессе Исторического архива Новороссийского края и ключевая роль в этом деле А.А. Скальковского. Отмечена его работа по выявлению исторических документов в различных ведомственных архивах и систематизации огромного массива документальных материалов после ликвидации генерал-губернаторства в Новороссии. In the article Historical archive of Novorossiysk area in Odessa creation attempt and a key role of A. Skalkovsky is analyzed. The article deals with his work on revealing of historical documents in various departmental archives and ordering of huge weight of documentary materials after general governorship liquidation in New Russia region.

Ключевые слова / Keywords

Источники, история, архивное дело, краеведение, разбор архивных документов, государственные архивные учреждения. Sources, history, archive development, local history, analysis of archival documents, state archival institutions.

Известного историка и статистика XIX в. Аполлона Александровича Скальковского без преувеличения можно отнести к «ревнителям старины». Его усилиями была собрана ценнейшая коллекция по истории Новороссийского края. Примечательно, что Новороссийская губерния была основана в 1764 г., испытав до начала XIX в. и слияние, и ликвидацию, и восстановление. С присоединением к ней ряда других административно-территориальных единиц она была превращена в Новороссийское генерал-губернаторство с центром в Одессе. В 1823 г. в ее состав уже входили Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии и Бессарабская область.

За долгие годы существования края в ведомственных архивах отложились значительные объемы документов, некоторые из них

А.А. Скальковский

имели особую ценность. Однако доступ к ним был сопряжен с различными бюрократическими препятствиями, требовавшими от исследователей немалых усилий. Многие ценные материалы гибли безвозвратно, лишая отечественную историческую науку громадного комплекса источников. Одним из первых, кто обратил внимание властей на бедственное положение архивов Новороссийского края и приложил огромные усилия к их сохранению, был А.А. Скальковский.

Окончив в 1827 г. юридический факультет Московского университета, молодой кандидат права поступил

11 июня 1828 г. на службу в штат канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Уже в первый год своей службы коллежскому секретарю Скальковскому пришлось пройти немало тяжелых испытаний. В 1828 и 1829 г. в Одессе свирепствовала чума, на борьбу с которой и был отправлен только что принятый на службу чиновник. При этом он был командирован «для прекращения оной в предместьях города и сие поручение исполнил с усердием, за что и получил благодарность губернатора»¹.

Рано увлекшись историей Юга России, Скальковский стал одним из первых пропагандистов бережного отношения к историческим источникам. Посещая по долгу службы различные документальные хранилища, он пришел к выводу, что без усилий властей и общества сохранить эти источники будет невозможно. В середине 1830-х гг. коллежский асессор А.А. Скальковский обратился к генерал-губернатору графу М.С. Воронцову с предложением учредить в Одессе исторический архив. Инициатива молодого чиновника была встречена с пониманием. Впервые он был отправлен в командировку для сбора документов в архивах Причерноморья, в том числе и в Бессарабии, 14 мая 1835 г. Благодаря этим изысканиям в 1836 и 1838 гг. им были изданы 2 части книги «Хронологическое обозрение истории Новороссийского

края (1731–1823 гг.)» с картами района и разнообразными рисунками². Архивные изыскания чиновника всячески поддерживались генерал-губернатором М.С. Воронцовым, который в 1840 г. вспоминал: «Служащий в штате моем надворный советник Скальковский в начале 1835 года представил мне проект учреждения в Одессе исторического архива, желая осмотреть важнейшие архивы новороссийских губерний и Бессарабии, и откуда извлечь все те дела и документы, которые относились к истории края»³.

Вместе с тем А.А. Скальковский стал настойчиво обращать внимание властей на состояние ведомственных архивов, которые располагались в непригодных для этих нужд помещениях. Массовая потеря документов для того времени была явлением привычным, однако масштабы потерь в некоторых ведомствах были громадными. В одной из своих записок на имя Воронцова Скальковский с горечью отмечал, что архивы во многих местах были помещены «в деревянных зданиях и подвержены всем действиям непогоды. Я видел там, – доносил историк, – многие дела, превращенные в какую-то истлевшую грязную массу, в которых и самые искусные сфрагистики не отыщут ничего»⁴.

Между тем, во многих присутственных местах Екатеринославля, Симферополя, Херсона, Одессы, по его словам, хранилось множество «связок дел, весьма интересных в отношении к истории сих городов». Эти дела давно потеряли всякую связь с текущими занятиями городских органов управления, что позволяло выделить их в отдельно устроенное учреждение без вреда для жизнедеятельности указанных городов. В Херсоне, к примеру, в Инженерном архиве располагалась вся документация по ранней истории этого города. Среди них были планы уже не существовавших новороссийских крепостей. Там же хранилась переписка А.В. Суворова с Г.А. Потемкиным. Однако все эти бумаги, ввиду потери их всякой делопроизводственной ценности для текущих дел ведомства, были помещены военными властями в деревянном амбаре, где погибали.

В Николаеве, в Гидрографическом депо, хранились важные письменные источники, относившиеся к истории основания этого города и Черноморского военного флота. Там же находился и так называемый «Ганибаловский архив». Скальковский полагал,

что военное руководство охотно могло уступить эти бумаги вновь создаваемому историческому архиву. При этом исследователь активно использовал обнаруженные материалы, публикуя одну работу за другой. Так, в 1837 г. по поручению графа М.С. Воронцова он исследовал одесские архивы, издав в конце того же года книгу «Первое тридцатилетие истории Одессы (1793–1823 гг.)»⁵.

Среди выявленных Скальковским документов особенно ценными были материалы по истории Крымского полуострова до присоединения его к России. В 1830-е гг. в Феодосии еще встречались редкие письменные памятники времен Крымской Орды, которые истреблялись в массовом порядке в XVIII в. в ходе военных столкновений. Первый урон этим бумагам был нанесен в 1736 г. войсками Х.А. Миниха, которые сожгли Бахчисарайский дворец вместе с ханским архивом. «Мы полную викторию получили, – доносил Миних, – но в то время наши люди в таком были сердце, что никак невозможно было их удержать, чтобы в Бахчисарае и в ханских палатах огня не подложили, отчего четверть города и ханские палаты, кроме кладбища и бань, сгорели»⁶. Довершили дело истребления письменных источников, относящихся к истории Крыма, войны времен Екатерины II. Лишь малая часть документов, в основном судопроизводственного характера, досталась России после присоединения к ней этого полуострова.

Необходимость спасти хотя бы частично важнейшие письменные памятники предшествующих времен вынудили Скальковского обратиться к Воронцову с проектом создания Новороссийского исторического архива. В одной из своих записок он отмечал исключительную важность, «какую могло бы принести отечественной истории учреждение в Одессе исторического архива и заведение постоянного разыскания документов к сему относящимся»⁷. Предложение Скальковского получило полную поддержку у генерал-губернатора, который дал ход этому делу 9 августа 1835 г., обратившись с ходатайством к министру внутренних дел Д.Н. Блудову. В своем обращении М.С. Воронцов отмечал: «С моей стороны я вполне согласен, что учреждение подобного Архива для Южной России принесет большую пользу Отечеству вообще, а потому честь имею покорнейше просить Вас Милостивый государь ... дозволения

учредить в Одессе архив под названием “Новороссийский исторический архив”»⁸. Для сбора необходимых документов он предлагал отправить А.А. Скальковского не только в города генерал-губернаторства, но и в те губернии, где хранились бумаги, имевшие «близкую связь с бытом Новороссийского края». Впрочем, из общей массы таких документов, по его мнению, следовало исключить материалы имущественного и уголовного характера, а также бумаги, подтверждавшие дворянское происхождение жителей края.

«Если Ваше высокопревосходительство найдет возможным исполнить настоящее мое ходатайство, – писал Воронцов, – то я полагаю бы основание и первоначальное устройство Исторического архива поручить самому надворному советнику Скальковскому, как чиновнику, занимающемуся с 1834 года, по моему поручению, собранием документов, до истории Новороссийского края...»⁹ Сам Блудов, согласившись с предложением генерал-губернатора, попытался найти поддержку у министра просвещения С.С. Уварова. При этом он предложил назвать новый архив «Собранием исторических и статистических сведений о Новороссийском крае».

Проект Скальковского был одобрен и министром просвещения, однако 20 декабря 1838 г. его отклонил Комитет министров. Он счел предложение М.С. Воронцова преждевременным и до разбора архивных дел и выявления необходимых документов, относившихся к истории Новороссийского края, такое хранилище не следовало бы открывать. В свою очередь военный министр, для скорейшего и успешного разбора архивных дел, предложил командировать в помощь А.А. Скальковскому офицера Генерального штаба. Таким образом, Комитет министров постановил поручить Скальковскому и откомандированному офицеру осмотреть «в подробности все те архивы, в которых по соображениям его могут находиться какие-либо сведения, относящиеся к истории Новороссийского края, и составя тем делам, в коих сведения сии заключаются, особую опись, представить оную генерал-губернатору для сношения с теми министерствами...»¹⁰

В мае 1839 г. чиновник губернаторской канцелярии приступил к исполнению положения Комитета министра, отправившись ис-

следовать архивы Новороссийского края. Для полноценной работы с большим объемом документов он получил полный доступ ко всем хранилищам Причерноморья, не исключая военных архивов. Генерал-губернатор связался с главным командиром Черноморского флота и портов, с руководителями Новороссийских епархий, с главным попечителем иностранных поселенцев южного края страны, а также с другими ведомственными руководителями, чтобы «не чинились препятствия в исполнении означенного распоряжении». Поиск был значительно облегчен не только тем, что ему помогал один из офицеров Генерального штаба, но и предоставлением ему необходимых средств для совершения поездок в разные города Новороссии. По просьбе М.С. Воронцова министр финансов Е.Ф. Канкрин распорядился, чтобы Херсонская казенная палата отпускала этим лицам нужные средства для оплаты прогонных, квартирных и суточных расходов. Благодаря полноценной поддержке центральных и краевых властей, особенно в финансовом отношении, Скальковскому удалось совершить несколько долговременных командировок для осмотра гражданских, духовных и военных архивов¹¹.

Одним из самых заметных достижений этой экспедиции стало открытие в Екатеринославе остатков «запорожского архива», который находился, по словам Скальковского, в тот момент в «полуистлевшем» состоянии¹². Отдельные документы сечевого архива Скальковский находил и в 1835 г., однако основная масса его документов была обнаружена лишь в 1839 г. Примечательно, что после вывоза его в Одессу, в Екатеринославе случился крупный пожар, уничтоживший ряд ведомственных архивов. Таким образом, Скальковскому удалось спасти, хотя и в поврежденном состоянии, казачий сечевой архив от полной гибели. Впоследствии, обработав и тщательно изучив обнаруженные бумаги, он издал две замечательные работы: «Сношения Запорожья с Крымом. Материалы для истории Новороссийского края», «История Новой Сечи и последнего коша Запорожского»¹³. Отметим, что многие работы автора были высоко оценены Академией наук и другими общественными организациями России. Неоднократно он получал и ценные подарки из рук членов императорской фамилии, которые с благодарностью принимали его сочинения.

Среди документальных находок Скальковского были царские грамоты Федора Алексеевича и Петра I, указы Екатерины II за 1791–1793 гг., Павла I и Александра I за 1798–1803 гг., переписка губернаторов Г.А. Потемкина и П.А. Зубова и др. Так, среди царских бумаг был рескрипт Екатерины на имя правителя Екатеринославского наместничества В.В. Кохановского от 7 января 1792 г., написанный ею собственноручно. В документе шла речь о недавно основанном городе Екатеринославе, судьба которого особенно интересовала императрицу. «Немедленно иметь копии с плана сего города, – писала она В.В. Кохановскому, – каким образом его выстроить предполагаете и также знать, что по оному исполнено и что еще не достроено, с присовокуплением к тому подробного описания окружностей и сведения о числе казенных и партикулярных домов, в них жителей всякого состояния. И всего того, что до сего города касается»¹⁴.

Несколько лет велись поиски архивных материалов для будущей коллекции, в результате которых в Одессу были доставлены еще 93 крупных дела, состоявшие из многих десятков отдельных томов, и 17 копий уникальных документов. М.С. Воронцов счел этот объем достаточным для нового обращения к министру просвещения С.С. Уварову с прошением открыть исторический архив.

В своем отношении от 18 мая 1841 г. он отметил, что В.А. Скальковский провел огромную работу по выявлению необходимых документов, составив подробную их опись. Исполнив постановление Комитета министров от 20 декабря 1838 г., новороссийские власти могли приступить к созданию архивного собрания. «Основываясь на сделанных уже попытках, – писал в 1840 г. М.С. Воронцов, – я полагаю, что уже можно приступить к учреждению, или лучше сказать основанию исторического архива, а потому считал бы нужным для пользы исторических изысканий о России, сделать следующие распоряжения: 1) для основания архива, дозволить перевести все те дела, которые надворный советник Скальковский в разных архивах отыскал и для сего предмета назначены; 2) поручить устройство оного надворному советнику Скальковскому, как первому изобретателю; 3) причислить его и самый архив в ведение археографической комиссии, учрежденной при Министерстве народного просвещения»¹⁵.

Однако в ходе межведомственной переписки выяснилось, что министр внутренних дел находил коллекцию чрезмерно малой по ее объему для создания специального хранилища. По этой причине он предложил создать особую комиссию при Одесском обществе истории и древностей, которая должна заняться изучением выявленных документов. По мнению министра внутренних дел, в ее состав надлежало ввести президента общества Д.М. Княжевича, его секретаря Н.Н. Мурзакевича, а также А.А. Скальковского и В.В. Григорьева. Согласно решению Комитета министров 20 июля 1840 г. временная комиссия должна была работать в течение года. Впрочем, работа над документами продолжалась гораздо большее время, позволив впоследствии опубликовать не только часть этих памятников в «Записках Общества истории и древностей», но и выпустить несколько оригинальных исследований Мурзакевича, Скальковского и других авторов¹⁶.

Сам же архив так и не был основан, хотя попытки по его организации предпринимались неоднократно. Очевидно, главной причиной неудачного исхода проекта Скальковского стало назначение его покровителя, М.С. Воронцова, кавказским наместником в 1844 г. «Отъезд князя Воронцова на Кавказ, – писал позднее Аполлон Александрович, – а затем и перемены в Министерстве внутренних дел были причиной, что столь полезное дело встретило сначала многие препятствия, а после и совершенно остановлено, во избежание издержек»¹⁷.

Кроме того, в 1840-е гг. обнаружился влиятельный противник Одесского исторического архива в лице киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова. Ревностно собирая древние акты в монастырях и присутственных местах юго-западных губерний для будущего архива в Киеве, он настоял на немедленном возвращении документов из Одессы в Николаев, Симферополь и Екатеринослав. По некоторым сведениям, большинство из них впоследствии погибли. Работа по сбору исторических письменных памятников в Киеве началась в 1843 г., когда по инициативе профессора Н.Д. Иванишева была учреждена временная комиссия для разбора древних актов в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Сам же исторический архив в Киеве был основан в 1852 г. при университете Св. Владимира. Для сбора необходимых

документов привлекался и Скальковский, который распоряжением Николая I от 3 мая 1843 г. был командирован в Киевскую и Подольскую губернии для «обозрения в историческом отношении фамильных архивов», хранившихся в конфискованных имениях участников польского восстания 1830–1831 гг.¹⁸

Примечательно, что А.А. Скальковский сам был страстным коллекционером письменных документов. В частности, в его доме долгие годы хранился спасенный им запорожский архив, по сути, став его частной коллекцией. Его собрание значительно пополнилось материалами в 1851 г., когда бывший профессор Виленского университета И.Н. Лобойко передал ему на хранение архив ректора Петербургского университета А.А. Дегурова (Du Gour). К самому Лобойко этот архив попал от дочери последнего, Клариссы, которая нашла нужным его передать одному из свидетелей кончины Дегурова в Одессе 10 мая 1849 г.

Ректорское собрание документов представляло собой солидную коллекцию, состоявшую из семи объемных связок. В первую входили печатные указы и распоряжения по государственной хозяйственной части. Во второй были сосредоточены сенатские указы, циркуляры Министерства народного просвещения и университетские уставы. Третья связка, содержащая документы по истории Петербургского университета с 1817 по 1835 г., была самой ценной. Четвертая связка касалась переписки по следственным делам С.-Петербургского учебного округа. Пятая связка была посвящена Харьковскому учебному округу с 1810 по 1815 г. Шестая связка содержала документы и разного рода бумаги о Новороссийском крае. Наконец, седьмая связка была заполнена проектами и обозрениями различных тем по народному образованию¹⁹. Впоследствии большая часть собранных Скальковским документов, включая и бумаги отмеченных выше коллекций, была им передана в архивы Одессы.

Возвращаясь к судьбе исторического архива, отметим, что определенную надежду «ревнителям старины» Одессы дала работа комиссии по разбору дел в ведомственных документальных хранилищах города, созданная в 1850 г. Однако несколько лет ее сотрудники занимались исключительно выявлением документов, потерявших практическое и научное значение. Благодаря

такому подходу к архивным материалам была сожжена или продана огромная масса документов. При этом, как отмечал Скальковский, не входивший в состав этой комиссии, в массе этих бумаг попадались и ценные документы. К счастью, в этот бесконтрольный процесс ликвидации старых дел вмешалось Министерство иностранных дел, сумев спасти часть научно важных материалов.

В 1856 г. комиссия приступила и к отбору исторически ценных дел, которых за 6 лет ее работы набралось около одной тысячи. Кроме того, Скальковский продолжал бороться за свою идею создания исторического архива, обращая то к министру внутренних дел А.Е. Тимашеву, то к директору департамента полиции П.П. Косоговскому. Наконец, с назначением в 1879 г. временным одесским генерал-губернатором графа Э.И. Тотлебена, Скальковский пытался привлечь и его к этой работе. Но найти должного понимания у государственных чиновников ему не удалось. Вместе с тем, все эти годы он выполнял по поручению местного начальства различные исследовательские изыскания. Так, в 1864 г. он был командирован для сбора статистических данных, относившихся к состоянию промышленности в местах, где предполагалось строительство железных дорог. В 1865 г. он был отправлен в северные уезды Херсонской губернии для обследования местных дач. В том же году был назначен председателем комиссии по изучению дел по соляным промыслам в Куяльницком и Хаджибеевском лиманах. В 1869 г. он командирован в Екатеринославскую губернию для сбора сведений по улучшению судоходства по реке Северный Донец и развитию угледобывающей промышленности в том же районе.

В 1874 г. Скальковский вновь был привлечен к архивному делу. Это случилось вслед за назначением графа П.Э. Коцебу 17 января того же года варшавским генерал-губернатором и ликвидации новороссийского и бессарабского генерал-губернаторства. Таким образом, Коцебу оказался последним руководителем Новороссийского края. Вскоре в Одессу с широкими полномочиями был направлен тайный советник Ф.К. Гирс, которому предписывалось распределить дела управления краем между отдельными его административно-территориальными частями. Занимаясь этим, Гирс обратил свое внимание на архив генерал-губернатора,

в котором, по его словам, хранились «дела и драгоценные исторические документы», восходившие ко времени присоединения Причерноморья и Приазовья к России и представлявшие богатый материал для его истории. При этом распределение бесценных дел этого архива между несколькими губерниями и градоначальствами, а также министерствами должно было, по убеждению Гирса, привести к его фактическому уничтожению.

В этой связи столичный чиновник предлагал оставить его в прежнем состоянии, с приведением его лишь в должное состояние. Для его систематизации и выявления тех документов, которые согласно закону подлежали уничтожению, предлагалось образовать особую комиссию при одесском градоначальнике из числа его подчиненных. В итоге в ее состав вошел один представитель военного ведомства и два чиновника особых поручений при министре внутренних дел. Среди особо назначенных лиц оказались А.А. Скальковский и бывший архивариус канцелярии генерал-губернатора К.С. Ельский. Последний прослужил в этой должности более 20 лет и хорошо знал состояние дел в этом архиве. Лестно о нем отзывался и сам Скальковский, считая его превосходным знатоком своего дела.

Градоначальник Одессы Н.И. Бухарин поставил перед членами комиссии только общие задачи. По его поручению следовало разобрать дела архива так, чтобы сохранить «драгоценные исторические документы, относившиеся к основанию, заселению и благоустройству здешнего края империи». Вместе с тем, комиссии надлежало оставить архив в таком состоянии, чтобы он был полезен для «администрации Одессы и всего Новороссийского края»²⁰. Исходя из этих задач, участники разбора дел намеревались вначале лишь изучить доверенный им архив. Затем они планировали представить градоначальнику свой план, как сохранить и структурировать его для будущего использования. Лишь после этого они предполагали приступить к его разбору.

Комиссия начала свою работу 20 октября 1874 г., однако долгое время ее деятельность была малоэффективной. Очевидно, разбор дел шел медленно из-за крайней тесноты архивного помещения в дворцовом доме. Затем много времени ушло на перевозку документов в другое здание, в котором несколько раз приходилось

перемещать бумаги из одной комнаты в другую. Так, в 1877 г. угроза нападения неприятельского флота на Одессу вынудила комиссию спустить архив в подвал здания, потом вернуть его обратно. Впрочем, работа по его разбору продолжалась и в этих условиях. Между тем, К.С. Ельский передал комиссии для обработки 46 330 дел, а также еще 1 278 единиц хранения из секретной или особой канцелярии.

В это же собрание документов попали так называемые приходно-расходные книги, которые относились к канцелярии генерал-губернатора, и переписка по экзекуторской части. Вскоре в комиссию поступило большое количество дел и счетных книг «Пароходного общества» и других упраздненных учреждений. Сюда же доставили 472 дела с планами, чертежами и картами²¹. Наконец, комиссии передали коллекцию книг, в которую вошло Полное собрание законов Российской империи, циркуляры МВД, отчеты земских управ и другие материалы. Отчасти работу членов комиссии облегчало то обстоятельство, что в их распоряжении оказались хронологические и алфавитные описи, которые были составлены до ликвидации генерал-губернаторства. В итоге архивные бумаги были разделены на три категории: дела, имевшие историческую ценность и предназначенные для передачи историческому архиву; дела, имевшие текущее служебное значение для администрации Южной России; дела, потерявшие всякое значение и подлежащие с разрешения Министерства внутренних дел уничтожению.

21 апреля 1878 г. Скальковский по распоряжению одесского градоначальника графа В.В. Левашова был командирован в Москву и Петербург для осмотра государственных архивов. Его снабдили рекомендательными письмами к различным лицам, в том числе к сенатору Н.В. Калачеву и барону Ф.А. Бюлеру. Благодаря этому ему удалось познакомиться с устройством архивного дела двух крупнейших документальных хранилищ России: Московского Главного архива Министерства иностранных дел и Московского архива Министерства юстиции. Исследование отмеченных учреждений позволило Скальковскому прийти к выводу, что лучше всего обустроен был архив барона Бюлера. По его мнению, хранилище Министерства иностранных дел не уступало ни

в чем знаменитому Французскому государственному архиву. Однако образцом для провинциального хранилища, каким намечался исторический архив в Одессе, мог стать Московский архив Министерства юстиции (ММЮ), которым руководил Н.В. Калачев.

«Не смотря на плачевное положение здания, – писал Скальковский, – в котором он помещается, его отличное устройство, скромность материальных обстановок и расположение дает нам указание, по которому мы должны следовать в нашей задаче». Одесскому гостю особенно нравились методы работы в ММЮ, который стараниями Калачева обрел характер публичной научной библиотеки. Его архивные материалы получали «полнейший доступ» со стороны широкого круга исследователей. Сам Калачев советовал Скальковскому строить исторический архив Новороссийского края по примеру ММЮ²². Кроме того, одесский чиновник «посетил в Петербурге почти все главнейшие архивы», среди которых особое внимание он уделил организации хранения документов в Центральном топографическом депо. Ознакомился он и с архивным делом в Вильно и Киеве, где основой местных коллекций стали бумаги XVII–XVIII столетий. По возвращению в Одессу Скальковский усилил работу по разбору документальных материалов. По его поручению в 1880 г. комиссия составила список дел для исторического отдела. Дела же второй категории еще подлежали разбору и описанию.

В январе 1881 г. одесский временный генерал-губернатор А.Р. Дрентельн предложил передать заинтересованным ведомствам часть дел, книг, планов и карт исследуемого архива, ненужные бумаги уничтожить, а на основе оставшихся документов создать Исторический архив Новороссийского края. В его состав могли войти около 2 000 дел, состоявших из нескольких десятков тысяч томов. В их числе были книги с автографами нескольких императоров, отчеты генерал-губернаторов, переписка по устройству колоний, портов, городов и прочее. Еще 10 тыс. дел предполагалось отправить в разные ведомства, как не потерявшие служебную ценность. Оставшиеся 30 тыс. дел предполагалось сохранить как справочный материал.

Казалось, условия для организации исторического архива складывались более чем благоприятные. Обширный материал

исторического характера позволял осуществить предложение Скальковского конца 1830-х гг. Однако в 1882 г. в Министерство внутренних дел поступило от одесского градоначальника П.П. Коссаговского предложение объединить архив бывшего генерал-губернаторства и документальное хранилище Одесского градоначальства. Для производства этого объединения надлежало разобрать дела последнего архива, на что требовалось дополнительное время. Ко всему назначенный 9 января 1882 г. одесским временным генерал-губернатором И.В. Гурко оказался противником создания исторического архива. В своем отзыве от 3 июня 1882 г. он писал, что образованием такого заведения «не будет исчерпана та польза, которую могли бы извлечь правительственные и общественные учреждения и частные лица из богатств, хранящихся в разбираемом ныне архиве бывшего новороссийского генерал-губернатора».

Примечательно, что к 1882 г. изменилось отношение к идее создания исторического хранилища документов у самого А.А. Скальковского. В одной из бесед с одесским генерал-губернатором И.В. Гурко он высказал мнение, что целесообразней было бы иметь при административном архиве Одессы, основанного на делах бывшей канцелярии новороссийского генерал-губернаторства, лишь исторический отдел. В его распоряжение могли отойти те бумаги, которые потеряли значение для текущих дел края, вместе с тем могли быть использованы как справочный материал. Однако и это предложение не было осуществлено, хотя сторонники организации отдельного исторического архива продолжили свои усилия. В 1885 г. по их предложению была основана новая специальная комиссия из числа профессоров Новороссийского университета, которые единогласно предложили открыть подобный архив при этом учебном заведении. Комиссия также разработала проект «Устава исторического архива», отправив его в Министерство внутренних дел. Однако и эти усилия не привели к появлению в Одессе отдельного исторического архива. Сам же А.А. Скальковский прожил долгую жизнь, скончавшись на 91 году, но дожидаться воплощения своей мечты ему так и не удалось. Она не была реализована и до крушения царской России.

Примечания

- ¹ Послужной список А.А. Скальковского: Институт российской литературы (Пушкинский дом – далее ИРЛИ). Ф. 281. Д. 7703.
- ² *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1835.
- ³ ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7836.
- ⁴ Записка надворного советника А. Скальковского. 27 июля 1838 г. Одесса. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1017. Л. 3.
- ⁵ *Скальковский А.А.* Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793–1823. Одесса, 1837.
- ⁶ *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Т. XX. М., 1993. С. 398.
- ⁷ Записка надворного советника А. Скальковского. 27 июля 1838 г. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1017. Л. 3.
- ⁸ М.С. Воронцов – Д.Н. Блудову. 9 августа 1835 г. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1017. Л. 1.
- ⁹ М.С. Воронцов – Д.Н. Блудову. 9 августа 1835 г. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1017. Л. 2.
- ¹⁰ Выписка из журналов Комитета министров 7 и 20 декабря 1838 г. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1017. Л. 15.
- ¹¹ Докладная записка А.А. Скальковского об учреждении в Одессе исторического архива. Июнь 1876 г. ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7988.
- ¹² Докладная записка действительного статского советника А. Скальковского 7 июля 1862 г. РГИА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 157. Л. 23.
- ¹³ *Скальковский А.А.* Сношения Запорожья с Крымом. Материалы для истории Новороссийского края. Одесса, 1844; *Он же.* История Новой сечи или последнего коша Запорожского. Тт. 1–3. Одесса, 1885–1886.
- ¹⁴ Записка о содержании старых письменных актов Новороссийского края, рассмотренных в Одесском обществе истории и древностей. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 421. Л. 1 об.
- ¹⁵ Записка графа М.С. Воронцова об историческом архиве в Одессе. 1840 год. ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7836.
- ¹⁶ *Мурзакевич Н.Н.* История геноуэских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
- ¹⁷ ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7988.
- ¹⁸ Послужной список, состоящего при Министерстве внутренних дел и откомандированного в распоряжение Одесского градоначальника, тайного советника Аполлона Александровича Скальковского. 1 сентября 1892 г. ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7703.
- ¹⁹ И.Н. Лобойко – А.А. Скальковскому. 18 апреля 1851 г. ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7511а
- ²⁰ Рапорт А.А. Скальковского одесскому градоначальнику. 1880 год. ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7991.
- ²¹ Рапорт А.А. Скальковского одесскому градоначальнику. 1880 год. ИРЛИ. Ф. 281. Д. 7991.
- ²² *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999. С. 111.

А.А. МАШКОВЦЕВ

ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН – ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКИХ НЕПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.

Mashkovtsev A.A. Documents of the National archive of the Republic of Tatarstan on history of the Kazan not orthodox Christians (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century)

Аннотация / Annotation

В статье проанализированы документы Национального архива Республики Татарстан, позволяющие рассмотреть численность и этнический состав казанских неправославных христиан, а также их взаимоотношения с местными органами власти. In the article documents of National archive of the Republic of Tatarstan are analyzed, allowing to consider number and ethnic structure of the Kazan not orthodox Christians, as well as their relationships with local authorities.

Ключевые слова / Keywords

Источники, источниковедение, Национальный архив Республики Татарстан, католицизм, протестантизм, сектантство. Sources, source study, the National archive of the Republic of Tatarstan, Catholicism, Protestantism, Sectarianism.

Во второй половине XIX – начале XX в. Казанская губерния отличалась от других регионов Европейской части России своим сложным конфессиональным составом населения. Согласно данным, содержащимся в отчете казанского губернатора за 1890 г., помимо православных верующих (свыше 1,4 млн чел.) в губернии проживало 629,7 тыс. мусульман, 25,8 тыс. старообрядцев, 12,7 тыс. язычников, 2,4 тыс. иудеев¹. Наибольшим религиозным разнообразием отличалась сама Казань. В начале XX в. здесь насчитывалось 65 православных храмов, 12 мечетей, 2 синагоги, лютеранская кирха и католический костел².

Крупнейшие религиозные организации Татарстана уже достаточно детально изучены. За последние 20 лет лишь по истории Казанской епархии дореволюционного периода вышло несколько монографий и были защищены кандидатские и докторские диссертации³. Еще более обширной является историография ислама в Волго-Уральском регионе, насчитывающая десятки различных публикаций⁴. Также неплохо изучено старообрядчество и языческие верования марийцев, живших на территории Казанской губернии.

В то же время, ряд конфессиональных групп края были явно обделены вниманием исследователей. Речь, в первую очередь, идет о местных неправославных христианах, к которым можно отнести католиков, лютеран, баптистов и духовных христиан (духоборов, скопцов, хлыстов и молокан). В 2003 г. по истории протестантизма в Татарстане была защищена кандидатская диссертация И.П. Корнилова, представляющая собой довольно глубокое и содержательное исследование. Однако основное внимание автор уделил советскому периоду, тогда как дореволюционная история казанских лютеран и баптистов была рассмотрена фрагментарно. Что же касается других религиозных общин, то по их истории имеются лишь небольшие по объему статьи, не дающие целостного представления о развитии в крае католицизма, протестантизма и духовного христианства⁵.

Между тем, несмотря на относительно малочисленность, названные религиозные группы играли заметную роль в экономическом и социокультурном развитии региона. Так, в Казанском университете трудилось немало известных ученых (например, выдающийся лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ), являвшихся по вероисповеданию католиками и лютеранами. Кроме того, на протяжении практически всего обозначенного хронологического периода местные католики, протестанты и сектанты являлись объектом пристального внимания со стороны казанской губернской администрации и православного духовенства. При этом конфессиональная политика региональных властей в отношении неправославных христиан и взаимоотношения последних с Русской православной церковью также чрезвычайно слабо изучены. Рассмотреть историю развития католицизма, протестантизма и ду-

ховного христианства в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. позволяют материалы Национального архива Республики Татарстан.

Наибольшей информативной ценностью по истории неправославных христиан Казанской губернии обладает делопроизводственная документация. Основной ее массив содержится в фондах местных органов государственной власти и управления, таких как Канцелярия казанского губернатора (Ф. 1) и Казанское губернское правление (Ф. 2). Это связано с тем, что именно данные структуры непосредственно реализовывали конфессиональную политику в крае, осуществляя надзор за религиозными меньшинствами.

Важнейшей группой делопроизводственной документации является переписка различных органов государственной власти, которую можно условно разделить на три подгруппы. К первой относится переписка вышестоящих органов с подчиненными. В фондах Канцелярии казанского губернатора и Казанского губернского правления имеются многочисленные циркуляры Министерства внутренних дел, касающиеся вопросов реализации на региональном уровне общеимперской религиозной политики. Примером может служить циркуляр МВД от 28 апреля 1872 г., устанавливающий порядок освобождения ссыльного римско-католического духовенства от гласного надзора полиции⁶.

Впрочем, что касается католического клира, то наибольшее количество циркуляров, предписаний и распоряжений вышших и центральных органов государственной власти, отложившихся в фондах НАРТА, относится к 1860 гг. Это было связано с польским восстанием 1863–1864 гг. и той политикой, которая проводилась имперским руководством после его подавления. Известно, что католическое духовенство, наряду со шляхтой, приняло в выступлении самое активное участие, что не могло не осложнить и без того непростые отношения между российским правительством и Костелом. Несколько католических иерархов (например, виленский епископ Адам Красинский) и сотни ксендзов подверглись административной высылке в отдаленные районы страны. Одним из центров размещения опального католического духовенства была Казанская губерния.

Министерство внутренних дел, высылая в край ксендзов, детально регламентировало условия их содержания. В первую очередь оно стремилось не допустить негативного (с точки зрения властей) воздействия ссыльных священнослужителей на ситуацию в Польше, а также в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, и с этой целью пыталось полностью поставить под контроль правоохранительных органов их переписку. В январе 1864 г. вышел циркуляр МВД, фактически ликвидировавший для политических ссыльных свободу переписки. «Почтовая и телеграфная переписка лиц, высланных под надзор полиции и подвергнутых особому наблюдению, производится не иначе как с ведома главного местного полицейского начальства. Почтовые конторы и телеграфные станции все письма и депеши, получаемые на имя означенных лиц, состоящих под особым надзором, предоставляют на предварительный просмотр губернатора или уездного исправника, которые по рассмотрении писем и депеш, или разрешают передать их по принадлежности, или задерживают. Корреспонденцию, отправляемую помянутыми лицами, последние обязаны предоставить местному начальству, которое разрешает отдачу оной на почту или телеграфную станцию, а в случае предосудительного содержания задерживает сию корреспонденцию», – отмечалось в циркуляре⁷.

В 1860-е гг. активную переписку с казанским губернатором осуществлял Департамент духовных дел иностранных исповеданий, входивший в структуру МВД и непосредственно контролировавший деятельность неправославных конфессий. Эта переписка касалась как общих, так и частных вопросов. К примеру, департамент рассматривал различные обращения ссыльных ксендзов, касающихся религиозных вопросов. Так, в конце 1866 г. казанский губернатор направил в департамент ходатайство сосланного в г. Цивильск ксендза Иоанна Вершило, просившего переслать ему священническое облачение и различные предметы культа, используемые при богослужении. Ксендз мотивировал свою просьбу тем, что он тяжело болен и в случае смерти хотел бы быть похоронен по всем церковным канонам и в облачении священнослужителя.

Однако руководство Департамента духовных дел иностранных исповеданий восприняло такую мотивацию как уловку. Оно опасалось, что получив предметы религиозного культа, И. Вершило начнет совершать богослужения, в ходе которых может обратиться с патриотическими воззваниями к прихожанам. «Принимая во внимание, что ксендз Вершило, при высылке его вследствие политической неблагонадежности из Северо-Западного края, не получил разрешения совершать богослужения, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что к выдаче ему означенных вещей нет достаточных оснований, тем более что местное начальство должно строго наблюдать, чтобы Вершило не совершал общественных богослужений», – писал директор департамента Э.И. Сиверс⁸. Скорее всего, отказ на просьбу больного священника был вызван не только политическими мотивами, но и опасением возможной миссионерской деятельности И. Вершило среди православных жителей Цивильска.

По мере нормализации ситуации в Польше и Западном крае интенсивность переписки различных департаментов МВД с руководством Казанской губернии относительно местного римско-католического духовенства стала снижаться, тем не менее, даже в конце XIX в. Министерство внутренних дел оперативно реагировало на любую информацию о проявлении нелояльности со стороны ксендзов. Примером служит переписка Департамента духовных дел иностранных исповеданий с канцелярией губернатора о викарном священнике казанского костела Евгении Слицевиче. На основании докладной записки попечителя Казанского учебного округа ксендз был обвинен в негативном влиянии на учащихся-поляков ряда школ Казани. «В 1-й императорской гимназии Слицевич, во время чтения молитвы отвернулся от икон⁹...», а в Мариинской женской гимназии внушал ученицам избегать русского светского пения», – отмечал губернатор¹⁰.

Что касается казанских протестантов, то до конца XIX в. они мало интересовали как центральные органы власти, так и местные органы управления. Дело в том, что на протяжении почти всего XIX в. единственной заметной протестантской организацией в крае являлись лютеране, отличавшиеся исключительной законопослушностью. Их лояльность не вызывала никаких сомнений

ни у светских властей, ни у православного духовенства. В силу этого в документах НАРТа второй половины XIX в. переписка о лютеранах вышестоящих органов с нижестоящими представлена довольно слабо.

В годы Первой мировой войны положение Евангелическо-лютеранской общины в России заметно ухудшилось. Война с Германией и Австро-Венгрией привела к резкому росту антинемецких настроений, а большинство верующих лютеранских церквей во внутренних губерниях страны были именно немцы. Так, в Казани, по данным известного исследователя О.В. Курило, немцы на рубеже XIX–XX вв. составляли 72% от общего количества прихожан кирхи св. Екатерины¹¹. Кроме того, уже в начале войны в Казанскую губернию интернировали большое количество немцев из прифронтовой полосы. Наконец, после первых успехов русской армии (в частности, победы в Галицийской битве) в крае разместили несколько тысяч немецких и австрийских военнопленных.

Рост шовинистических настроений и шпиономании привел к тому, что правоохранительные органы и значительная часть простых обывателей видели в каждом немце если не настоящего, то потенциального шпиона германской разведки. В особенно трудном положении оказалось лютеранское духовенство, стремившееся оказывать материальную и духовную поддержку военнопленным и интернированным лицам. В фонде Казанского губернского жандармского управления (Ф. 199) сохранилась переписка о лютеранском пасторе Казани Э.К. Гохайзеле, которого местные правоохранительные органы подозревали в антиправительственной агитации и даже в шпионаже¹².

В конце XIX в. на территории Казанской губернии происходило распространение еще одного протестантского вероучения – баптизма. Данная конфессиональная группа заметно отличалась от лютеранства не только по догматике и организационной структуре, но и по своим взглядам на существовавший в России государственный строй и официальную церковь. Мы уже отмечали, что российские лютеране всегда характеризовались не только полной лояльностью к светской власти в империи, но и толерантным отношением к православию. Лютеранские пасторы Казани никогда не занимались прозелитизмом среди русских, поэтому

случаи перехода православных в лютеранство были единичными и объяснялись, главным образом, личным духовным выбором новообращенных.

Баптисты придерживались совершенно противоположной позиции. Для них была характерна активная миссионерская деятельность на чужой канонической территории и критическая позиция в отношении православия. Некоторые лидеры русского баптизма негативно отзывались о самодержавии, заявляя о необходимости демократизации государственного строя в России. Наконец, баптисты отличались специфическим отношением к исполнению воинской повинности, что наиболее ярко проявилось в годы Первой мировой войны. Естественно, что возникавшие в российской провинции баптистские общины сразу же попадали под контроль центральных и местных властей, а также православного духовенства.

Первые циркулярные указания МВД казанскому губернатору об усилении надзора за деятельностью баптистов датируются концом 1880-х гг. К примеру, в 1889 г. Департамент общих дел МВД потребовал от руководства края принятия действенных мер к прекращению пропаганды баптизма¹³. В первой половине 1890-х гг. велась активная переписка между различными департаментами МВД и канцелярией казанского губернатора относительно возникновения баптистской общины в с. Мордовские Каратаи Тетюшского уезда¹⁴. Документы о баптистах, датированные концом XIX в., отложилась также в фонде Казанского губернского правления¹⁵.

Однако наибольший пласт источников по истории казанских баптистов относится к периоду Думской монархии. После принятия манифеста 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», провозгласившего свободу совести в России, началось стремительное распространение баптизма во многих регионах страны, в том числе и в Казанской губернии. Это вызвало серьезное беспокойство у властей, но остановить данный процесс, не нарушая нового, достаточно либерального законодательства, они не могли.

Ситуация резко изменилась после начала Первой мировой войны: массовые случаи отказа баптистов от мобилизации на

военную службу дали властям повод для резкого ужесточения политики в отношении представителей данной религиозной группы. При этом баптистов обвиняли не только в прозелитизме среди адептов официальной церкви, но и в стремлении ликвидировать самодержавие. Наиболее откровенно такая позиция изложена в циркуляре Департамента полиции МВД от 7 марта 1915 г. В Национальном архиве Республики Татарстан данный документ содержится в фонде Казанского губернского жандармского управления (Ф. 199). «Не подлежит сомнению, что между разрушительными стремлениями революционеров и колебанием устоев господствующей в России Православной церкви существует тесная связь, так как те и другие усилия в конечном результате направляются к единой цели – ниспровержению существующего в Империи строя. Поэтому сектантство в России, объединяющееся на почве враждебного отношения к православию, искони уже признается, с государственной точки зрения, явлением безусловно вредным...»

На состоявшихся за границей баптистских конгрессах, русские представители этого сектантского вероучения неоднократно провозглашали себя противниками существующего в Империи государственного строя, стремящимися к социальному перевороту», – отмечалось в документе¹⁶.

В циркуляре также указывалось на то, что весомую роль в распространении баптизма в России сыграли немецкие миссионеры, поэтому русские баптисты, якобы, настроены прогермански: «В возникших в Западной Европе и распространенных затем в России германскими проповедниками лжеучениях адвентистов и баптистов настолько сильно сказывается влияние Германии, что означенные секты, в особенности баптисты, являются, в сущности, рассадниками германизма в России»¹⁷.

В заключительной части документа руководство Департамента полиции отнесло баптистов к числу наиболее опасных религиозных организаций в России и потребовало от губернских правоохранительных органов принятия действенных мер по пресечению дальнейшего распространения баптизма: «В связи со столь враждебным отношением баптизма к русской государственности и приверженностью его к германизму, надлежит особо отметить

свойственную этому вероучению идею о недопустимости даже на войне действовать оружием против неприятеля. В виду того, что идея эта в корне подрывает всю систему государственной обороны, нельзя не признать, что баптизм, по условиям переживаемого ныне Россией момента, представляется одним из наиболее вредных сектантских учений. В виду изложенного, Департамент полиции... просит Вас держать баптистов на учете и установить наблюдение за их деятельностью, ...а по обнаружении с их стороны опасных для государственного порядка деяний, пресекать таковые имеющимися в Вашем распоряжении мерами»¹⁸.

Исполняя предписания МВД, Казанское губернское жандармское управление усилило контроль за деятельностью баптистских общин. Кроме того, на баптистов стало оказываться интенсивное административное давление, включавшее запрет на проведение молитвенных собраний, осуществление обысков и т.д. Наиболее жесткое воздействие оказывалось на духовных лидеров местных баптистов, имевших большое влияние на своих единоверцев. Так, в конце 1915 г. начальник Казанского губернского жандармского управления полковник К.И. Калинин ходатайствовал перед губернатором о выселении за пределы губернии руководителя баптистской общины в с. Ершовка Мамадышского уезда Гурьяна Федорова¹⁹.

Казанские баптисты имели значительные связи с единоверцами из других регионов страны. К примеру, ершовские баптисты тесно контактировали с баптистами с. Верхняя Слудка, расположенного в Малмыжском уезде соседней Вятской губернии. Стремясь пресечь подобные связи, казанские жандармы пытались координировать свои действия с вятскими коллегами, что нашло отражение во второй группе деловой переписки – переписке между равными учреждениями. В фонде Казанского губернского жандармского управления сохранились письма и отношения, полученные от вятских жандармов, в которых содержалась достаточно важная оперативная информация. Она позволяла казанской жандармерии устанавливать родственные и деловые связи местных баптистов, выявлять каналы поступления в край их проповеднической литературы, а также анализировать методы миссионерского воздействия баптистов на православных верующих. Кроме того, вят-

ская полиция информировала казанских коллег о проезде через территорию Вятской губернии баптистских пресвитеров из крупных городов страны и о их возможном появлении и в Казани.

Помимо католиков и протестантов объектом пристального внимания казанских губернских и уездных властей были различные сектанты, в частности, так называемые «духовные христиане». Относившиеся к данному течению молокане, духоборы, хлысты и скопцы по своей численности значительно уступали даже казанским католикам и лютеранам, и, в отличие от баптистов, не занимались активной проповеднической деятельностью среди православных. Однако особенности догматики и богослужебной практики ставили их в совершенно особое положение среди всех религиозных организаций Российской империи. Дело в том, что хлысты и скопцы допускали применение в ритуальных целях самоистязания, которое могло закончиться причинением тяжкого вреда здоровью, а в отдельных случаях и смертью человека.

Наибольшую известность в этом отношении получили скопцы, догматика которых предусматривала кастрацию («оскопление») новообращенных. В силу этого российским законодательством хлысты и скопцы относились к «изуверским» сектам, сама принадлежность к которым служила основанием для уголовного преследования. Даже после издания 17 апреля 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» данные организации не были легализованы и продолжали преследоваться правоохранительными органами.

В отличие от хлыстов и скопцов, молокане и духоборы не применяли варварских обрядов, однако для них было характерно неприязненное отношение к православию и самодержавному строю. Власть и официальная церковь отвечали им ответной нелюбовью, выражавшейся в постоянных административных преследованиях и миссионерском воздействии со стороны православного клира.

Выявление хорошо законспирированных общин духовных христиан возлагалось на низовой административно-полицейский аппарат и на приходское духовенство. Они обязаны были немедленно информировать свое руководство о появлении на подконтрольной им территории любых признаков сектантства. Поэто-

му значительной информативной ценностью для исследователя обладает третья группа деловой переписки, осуществлявшаяся между нижестоящими и вышестоящими органами. К ней относятся многочисленные рапорты, донесения, представления и прочие документы.

В Национальном архиве Республики Татарстан большое количество указанных источников отложилось в фонде Канцелярии казанского губернатора. Сюда можно отнести рапорт казанского полицмейстера о жившем в Казани в начале 1870-х гг. скопце Е.Ф. Бесфамильном²⁰, переписку о розыске скопца П. Быстрова и т.п.²¹ Существенное число источников по истории казанских сектантов содержится и в фонде Казанской духовной консистории (Ф. 4), которая осуществляла деятельный контроль за сектантами. Большой интерес представляют дела о противодействии православному клиру проникновению в край хлыстовщины²², молоканства²³ и других религиозных течений.

Рапорты полицмейстеров, уездных исправников и приходских священников важны в первую очередь тем, что эти люди напрямую контактировали с представителями сектантских организаций. Их донесения позволяли локализовать районы распространения тех или иных сектантских течений, установить фамилии лидеров местных общин духовных христиан, методы воздействия последних на своих единоверцев и т.д. В рапортах иногда приводятся высказывания самих сектантов, позволяющие глубже понять их идейно-политические воззрения. В то же время, информация, шедшая от приходского духовенства, а также волостных и уездных чиновников, не лишена и ряда недостатков. Главный из них – высокая степень субъективизма в оценке тех или иных явлений, связанных с сектантством. Так, православные священники, объясняя причины распространения в своих приходах сектантства, постоянно указывали на легковерие и невежество паствы. Чаще всего, подобными рассуждениями они пытались скрыть собственные недостатки (низкий уровень образованности, пренебрежение своими прямыми обязанностями и т.п.), которые вели к падению авторитета священника.

Помимо деловой переписки еще одним важным видом источников по истории казанских сектантов является прото-

кольная документация. В течение всей второй половины XIX в. и вплоть до начала революционных событий 1917 г. на заседаниях Казанской духовной консистории постоянно рассматривались меры по противодействию распространению сектантских верований, что видно из ее журналов. Примером может служить журнал заседания консистории от 29 января 1913 г., где обсуждались вопросы борьбы с хлыстовщиной. Поскольку даже после провозглашения веротерпимости в 1905 г. хлысты продолжали оставаться вне закона, они всячески скрывали свои истинные религиозные взгляды. Некоторые из них исправно посещали православную церковь и совершали все ее обряды, поэтому их сложно было заподозрить в принадлежности к запрещенной секте.

На упомянутом заседании Казанской духовной консистории как раз был поднят вопрос о выявлении подобных тайных хлыстов. При этом председательствовавший на заседании профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский предложил использовать опыт тамбовских священников, изложенный в работе «Исповедание веры подозреваемого в хлыстовщине»: «Если то или другое лицо, заподозренное в содержании хлыстовского учения, явится на исповедь к своему приходскому священнику, то последний должен воспользоваться этой исповедью, как лучшим для него средством, чтобы убедиться – принадлежит ли на самом деле заподозренное лицо к секте хлыстов. В этих видах священник предлагает исповедуемому им лицу соответствующие вопросы, заимствуя их содержание из «Исповедания веры подозреваемого в хлыстовщине»²⁴.

Консистория одобрила предложение Н.И. Иванова, постановив больше внимания уделять выявлению тайных хлыстов и их публичному обличению в храме перед односельчанами. Названное противосектантское издание, созданное тамбовским духовенством на основе многолетнего опыта борьбы с хлыстовщиной, было признано полезным и рекомендовано казанским священнослужителям.

В целом, журналы заседаний Казанской духовной консистории свидетельствуют о том, что вплоть до падения монархии руководство епархии очень большое внимание уделяло борьбе со староверием, сектантством и протестантизмом. При этом угрозы,

исходившие со стороны этих конкурирующих религиозных организаций, православным клиром часто преувеличивались. Кроме того, увлекшись борьбой с сектантами, Церковь меньше внимания обращала на внутренние проблемы – рост революционных настроений среди семинаристов, пустеющие храмы и т.д.

Поскольку многие сектантские организации подвергались репрессиям со стороны правоохранительных органов, важно использовать и такой вид источников, как судебно-следственная документация. Она отложилась в фондах Казанского окружного суда (Ф. 41) и прокурора Казанского окружного суда (Ф. 390). Такая разновидность судебно-следственной документации, как показания обвиняемых и свидетелей, позволяет установить фамилии руководителей тех или иных сектантских общин в крае, а также методы пропаганды их религиозных взглядов среди представителей других конфессий. Протоколы обысков дают важные сведения об используемой сектантами религиозной литературе, а иногда и о каналах ее поступления на территорию Казанской губернии.

Наконец, еще одним важным источником по истории католиков, протестантов и сектантов Казанской губернии дореволюционного периода является статистика. Наиболее полные статистические сведения содержатся в фонде Казанского губернского статистического комитета (Ф. 359). Они позволяют установить общее количество католиков и лютеран в губернии, их половой и этнический состав, а также распределение по уездам. Примером служат статистические данные, собранные комитетом в 1913 г. для планировавшейся второй всеобщей переписи населения Российской империи²⁵.

Материалы Казанского статистического комитета позволяют проследить динамику численности адептов Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей. При этом, если лютеранская община Казани во второй половине XIX – начале XX в. медленно, но неуклонно росла, то численность католиков была подвержена значительным колебаниям, вызванным внешними факторами. Так, резкое увеличение числа католиков в губернии в 1860-х гг. объясняется массовой высылкой сюда участников польского восстания 1863–1864 гг.

К сожалению, материалы комитета не позволяют установить точное число казанских молокан, хлыстов и скопцов. Это объясняется не недостатками в работе сотрудников комитета, а тем, что большинство духовных христиан скрывали свои истинные религиозные взгляды, опасаясь репрессий со стороны властей. К примеру, в 1883 г. общее количество духовных христиан в крае комитетом оценивалось примерно в 80 чел.²⁶, тогда как другие источники (отчеты приходских священников, судебно-следственная документация) позволяют значительно увеличить эту цифру.

Таким образом, документы Национального архива Республики Татарстан позволяют всесторонне изучить историю католиков, протестантов и сектантов Казанской губернии дореволюционного периода. Различные виды источников (деловая переписка, протокольная и судебно-следственная документация, статистика) дают исследователю возможность детально рассмотреть конфессиональную политику местных властей в отношении неправославных христиан, а также оценить вклад последних в экономическое и культурное развитие края во второй половине XIX – начале XX в.

Примечания

¹ Обзор Казанской губернии за 1890 г. Приложение к всеподданнейшему отчету казанского губернатора. Казань, 1891.

² *Ермолаев И.П., Смыков Ю.И.* Казань // Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.). Т. 2. М., 1996. С. 448.

³ *Алексеев И.Е.* Православная миссия в Казанской епархии в конце XIX – начале XX в. Казань, 2010; *Журавский А.В.* Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Понятов А.И.* Миссионерская деятельность «Братства святителя Гурия» в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007; *Степанов К.С.* Русская православная церковь в политической жизни Казанской губернии в первое десятилетие XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000 и др.

⁴ *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006; *Кадырметова Н.Н.* Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX в. по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; *Мухаметшин Р.М.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005; *Салихов Р.Р.* Исторические мечети Казани. Казань, 2005; *Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917 гг.). Казань, 1999 и др.

⁵ *Луцаков Е.В.* Католический приход в Казани во второй половине XIX – начале XX вв. и польская диаспора // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность: Материалы международной научной конференции. Казань, 2007. С. 94–100; *Пичугина В.В.* Деятельность католического прихода в Казани в XIX в. // Историческая наука в Казанском университете: Материалы научной конференции. Казань, 2000. С. 180–182.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 3243. Л. 2.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 1837. Л. 71–72.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 402. Л. 4.

⁹ Имеется в виду – отвернулся от православных икон.

¹⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10838. Л. 14.

¹¹ *Курило О.В.* Лютеране в России (XVI – XX вв.). М., 2002. С. 83.

¹² НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 956. Л. 27.

¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7802.

¹⁴ Там же. Д. 8727, 9400 и т.д.

¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3620, 3633, 3825.

¹⁶ Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1033. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Л. 1 об.–2.

¹⁹ Там же. Д. 1021. Л. 51.

²⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2190. Л. 19.

²¹ Там же. Д. 3273. Л. 1–3.

²² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120769. Л. 1–2.

²³ Там же. Оп. 132. Д. 15. Л. 1–3.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 131931. Л. 2 об.

²⁵ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 584. Л. 18, 49, 103, 107, 129, 187, 188.

²⁶ Там же. Д. 59. Л. 223.

ТРУДЫ В.Ф. КУДРЯВЦЕВА КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.

***Kornilova I.V. The works of V.F. Kudryavtsev
as the sources for history of Russian province.
The second half of 19th – the beginning of 20th centuries***

Аннотация / Annotation

В статье представлен анализ трудов исследователя истории российской провинции Василия Филипповича Кудрявцева (1843–1910). Выявлены особенности историко-этнографических, этнографических, фольклорных, исторических и религиозных работ, их связь с исторической наукой и общественной мыслью, методы работы В.Ф. Кудрявцева с историческим материалом.

In this article the analyses of the researcher of the Russian province history Vasily Kudryavtsev is presented (1843–1910). The peculiarities of the historical-ethnographic, ethnographic, folklore, historical and religious works, their relationship with the historical science and social thought, methods of V.F. Kudryavtsev works with historical material.

Ключевые слова / Keywords

Источники, история российской провинции, В.Ф. Кудрявцев, Вятка, Тверь, Нижегородский край, Прикамье, русская провинция, фольклор, этнография, религиозная история. Sources, history of Russian province, V.F. Kudryavtsev, Vyatka, Tver, Nizhny Novgorod region, Prikamye, Russian province, folklore, ethnography, religion history.

Обращение к творчеству исследователей истории российской провинции научно значимо в связи с возросшим интересом к изучению феномена личности историков «второго плана», богатейшее наследие которых по праву вошло в «золотой фонд» российской науки. Современные исследования, освещающие отдельные этапы развития историописания в русской провинции XIX в., дают понимание того, что русская историография представлена не только интеллектуальной жизнью столичных университетских центров, но и в немалой степени творческим потенциалом провинции (историков и краеведов различного масштаба и уровня), не имевшего аналогов в предшествующие и последующие периоды развития отечественной исторической науки.

Изучение истории российских регионов позволяет более масштабно и полно воссоздать картину накопления и распространения исторических знаний, способствует определению соотношения общего и особенного в историографическом процессе, выявлению закономерностей его развития на локальном уровне, раскрытию различных проявлений связи исторической науки с жизнью провинциального общества, более глубокому познанию общероссийского исторического процесса. А потому роль исследователей российской провинции не менее значима. Все вышесказанное обуславливает актуальность обращения к научному творчеству дореволюционных исследователей, их эмпирическим и теоретическим работам по истории российских регионов.

Попробуем проследить их, обратившись к творческому наследию Василия Филипповича Кудрявцева (1843–1910), историка, этнографа, археолога, краеведа, подвижника просвещения и фольклориста¹. В сюжетику его жизни входили многие областные центры Российской империи, деятельное участие в работе столичных научных обществ, губернских ученых комиссий и статистических комитетов. Он вошел в историческую науку как неутомимый исследователь архивов и местной старины, познание которых выходило за рамки узко локального научного знания. В.Ф. Кудрявцев являлся автором более 25 книг, многочисленных научных публикаций в общероссийской и областной прессе, в сборниках губернских статистических комитетов (ГСК), в «Трудах...» научных обществ и губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Его связывали продолжительные контакты с научными и просветительскими кругами Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Нижнего Новгорода, Казани, Перми и Вятки. Особо важной страницей в его творческой биографии явилось соучастие в делах Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при императорском Московском университете (ОЛЕАиЭ), Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете (ОАИЭ) и деятельное сотрудничество с профессорами Н.А. Поповым, Д.И. Иловайским, С.М. Шпилевским, И.Н. Смирновым, Н.А. Толмачевым, Д.А. Корсаковым и др.

Научные труды В.Ф. Кудрявцева, как печатные, так и рукописные, можно условно поделить на историко-этнографические, этнографические, фольклорные, исторические и работы по вопросам религии. При этом очевидный количественный перевес приходится на историко-этнографические изыскания², представленные статьями в периодической печати, журнальными публикациями, сообщениями, докладами, зарисовками, очерками. Среди них: «Кулачные бои в купеческой Елабуге» (1863), «Крестьянские святки в Елабужском уезде» (1864), «Зимние народные увеселения в городе Василе» (1870). Эта группа публикаций освещает начальный период деятельности В.Ф. Кудрявцева и отражает его интерес к народности, народным праздникам, повседневности, быту обычных людей. Они имеют огромное значение и для раскрытия роли православия в крестьянской семейной обрядности.

Труды, посвященные особенностям повседневной жизни российской провинции, представляли собой неоценимый источник для изучения местных народных традиций, обычаев и празднеств. Нельзя отрицать того факта, что интерес к отдельным любопытным самим по себе провинциальным работам сыграл положительную роль в деле изучения истории уездных городов и уездов российской глубинки: тем самым была подготовлена база для исследования, вырваны из забвения и спасены от полного исчезновения многие образцы традиционной русской культуры XIX столетия.

Собственно этнографические труды представлены серией работ В.Ф. Кудрявцева, посвященных свадьбе, связанными с ней обычаями и обрядами Вятской, Нижегородской и Пермской губерний³.

Итогом наших библиографических изысканий явилось выявление еще одной этнографической работы В.Ф. Кудрявцева «Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде»⁴, до настоящего времени неизвестной ученым-историкам. Эта работа была опубликована на страницах «Вятских губернских ведомостей» в 1861 г. Долгое время статью приписывали перу И.М. Красноперова (1839–1920), ученого, историка, экономиста, статистика, известного как члена студенческого кружка, привлеченного к делу «Казанского загово-

ра» 1863 г. Так, известный этнограф Е.И. Якушкин (1826–1905) в своем библиографическом указателе «Обычное право» ошибочно упоминал об одной из статей И.М. Красноперова «Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде», опубликованной в период его учения в Вятской духовной семинарии в 1860 г.⁵

В процессе исследования нами была выдвинута гипотеза о принадлежности этой статьи перу В.Ф. Кудрявцева. В фондах Вятского ГСК Государственного архива Кировской области (ГАКО) была обнаружена рукопись статьи «Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде»⁶, предназначенная для публикации в «Вятских губернских ведомостях» (1861. № 2–6). Тщательное исследование рукописи путем сличения стиля написания, подачи материала и почерка дало возможность сделать вывод о том, что автором статьи является Василий Кудрявцев. Материалами для этой статьи послужили личные наблюдения и зарисовки автора крестьянской свадьбы в с. Икское Устье Елабужского уезда, оформленные первоначально в качестве сочинения, заданного на каникулы в Вятской духовной семинарии. В статье дано обширное описание «грустного» варианта свадебного обряда, характерного для северных российских губерний, сопровождавшегося обрядом вытья невесты. Вся процедура обряда сопровождалась песнями печальными и веселыми разнообразного жанра: причитальными, величальными жениху и невесте, дружке, гостям, священнику, свату и свахе, причем приведены тексты только тех песен, которые пелись в Елабужском уезде (22 песни). Помимо самого свадебного обряда автор привел любопытные зарисовки некоторых сюжетов, сопровождающих обрядовые действия, множество примет и обычаев, по которым судили о дальнейшей жизни молодых. Ценность опубликованного материала подтверждается и тем, что в 1900 г. он был перепечатан в сборнике⁷ известного российского этнографа П.В. Шейна (1826–1900).

В 1873 г. в Санкт-Петербурге вышла статья В.Ф. Кудрявцева «Свадебный обычай оплакивания “девчей красоты” в гор. Перми», продолжившая серию работ о свадебных обычаях и обрядах. К сожалению, эта статья, как и многие другие из архива Русского географического общества, оказалась в числе тех, судьба которых на сегодняшний день неизвестна. Сохранилось только ее

описание Д.К. Зелениным в работе «Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества» (1916). В частности, Д.К. Зеленин писал о статье В.Ф. Кудрявцева, что в ней содержатся «общие рассуждения о свадебных обрядах. Песни: “Подле реку на крутом берегу стояла рябинушка”, “На горе было у Троицы, у Пречистой Богородицы, трою колокола позвонили”. Причитания невесты во время заплетения и расплетения ею косы; мать влетает при этом в косу своей дочери алую ленту, знаменующую ее девство; ленту эту потом невеста кладет на божницу, а оттуда сваха уносит ее в церковь, и она кладется в напрестольное евангелие в тот момент, когда читают евангелие во время венчания; “в иных случаях невеста или сваха передает эту ленточку в руки дьякона”»⁸. Д.К. Зеленин заострил внимание на том, что причеты и песни записаны В.Ф. Кудрявцевым без соблюдения особенностей местного говора. Данное обстоятельство вполне объяснимо, т.к. он не был знаком с особенностями разговорной речи в виду того, что не проживал в Перми.

К фольклорным исследованиям можно отнести материалы детского фольклора⁹, собранные В.Ф. Кудрявцевым в Нижегородском крае, в период преподавания его в Васильском уездном училище. Они представляют собой отдельную группу источников, как опубликованных, так и хранящихся в архиве – записи песен, игр, а также подборка редких фольклорных материалов, бытовавших в сельской и городской местности. Начиная с середины XIX в., в многочисленных больших и малых собраниях памятников русской устной словесности наряду с «классическими» произведениями (былины, песни), публиковались произведения, хранимые и исполняемые в детском мире. Детский фольклор – это совокупность устных произведений, исполняемых детьми, но не входящих в репертуар взрослых. Труд «Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: этнографические материалы» (1871) содержит в себе богатый и разнообразный этнографический материал.

В числе первых этнографов-фольклористов он попытался ранжировать детское народное творчество, выделив в нем разные формы бытования игрового (уличные, комнатные и школьные игры) и песенного фольклора (речитативы, речитативы комиче-

ского свойства; речитативы, имеющие некоторое отношение к природе; речитативы сказочного свойства; песенки воспитательного характера). В.Ф. Кудрявцев выделил игровые прелюдии – жеребьевые приговорки или считалки, а также обратил внимание на сечки, как на сольную декламацию, необходимую для того, чтобы чувствовать музыку речи.

Представленные в сборнике игры сохраняют местный говор, порядок игры, последовательность действий, причем описаны они как общественные явления с разъяснениями некоторых «провинциализмов» и терминов игры. «Детские игры и песенки в Нижегородской губернии» – результат внимательных и скрупулезных наблюдений В.Ф. Кудрявцева за повседневной жизнью детей, поэтому его зарисовки представляются всесторонними и весьма объективными, в полной мере характеризующими многообразный мир детства. Высокую оценку данному этнографическому материалу дали современники. Исследование В.Ф. Кудрявцева по научному уровню стоит в одном ряду среди наиболее значимых работ по русской традиционной культуре в целом и детскому фольклору в частности. Кроме того, на страницах этой работы автор высказал свои взгляды на проблемы обучения и воспитания детей младшего школьного возраста.

Для раскрытия роли В.Ф. Кудрявцева в исследовании этнографии и фольклора Нижегородского края имеет большое значение его доклад, прочитанный на заседаниях Этнографического отдела ОЛЕАиЭ при императорском Московском университете¹⁰, опубликованный в 1877 г. в «Трудах...» Этнографического отдела. Свое выступление В.Ф. Кудрявцев построил на основе анализа фольклорно-этнографического материала, помещенного в пяти томах Нижегородского сборника, ранжировав его по тематическим рубрикам, включающим в себя сведения, касающиеся всех сфер народной жизни, быта и традиций. Наиболее интересным в его обзоре был анализ материалов о свадебных, похоронных и календарно-хозяйственных обрядах, народных праздниках, развлечениях, играх, песнях, он уделил внимание и детскому фольклору, т.е. темам, наиболее близким к его творчеству в тот период.

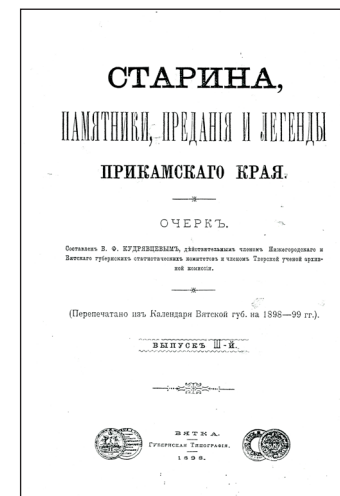
Доминирующее место в творчестве исследователя занимают исторические описания и очерки¹¹, сопровождавшиеся источни-

коведческими и историографическими ссылками на документы и труды. Среди них: «Историческое описание города Василя, Нижегородской губернии» (1877) и «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края» (1897-1905). Для них характерно применение новых подходов к изучению и использованию источников, овладение современной тому времени методикой историописания, самостоятельный выбор тематики и проблематики исследования, знакомство с научной литературой.

«Историческое описание города Василя, Нижегородской губернии» – первая в своем роде авторская историческая работа В.Ф. Кудрявцева, объемом 98 страниц, содержащая в себе ценные фактологические сведения. Эта работа замечательна тем, что в ней автор представил материал, опираясь на разнообразные документальные источники (Никоновская летопись, жалованные грамоты, работы известных русских историков В.Н. Тагищева, Н.М. Карамзина, Н.П. Рычкова и др.), собранные в архиве Министерства юстиции, и сделал весьма интересные, на наш взгляд, выводы. В.Ф. Кудрявцев считал, что г. Василь примечателен, прежде всего, в историческом плане по тому значению, которое он имел прежде для Московского государства, как пограничный город, как оплот для развития торговых связей с Волжско-Камским краем.

Одно из центральных мест в творческом наследии В.Ф. Кудрявцева занимает объемная работа, «лебединая песня» всей его жизни – «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края». Жанр произведения был определен как исторические очерки, содержащие воспоминания самого автора, его историографические наблюдения, исследования прошлого края, очерки о современниках, народные

Титульный лист работы В.Ф. Кудрявцева «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края». 1897–1905

сказания, предания и легенды, сохранившиеся в устном народном творчестве. Главной жанрообразующей чертой очерков являлась документальность, которая обогащала их новыми историческими данными, основополагающей чертой являлась также достоверность описываемых событий.

Очерки в свою очередь подразделяются на главы, в каждой из которых выделены основные тематические блоки, намечены, таким образом, пути дальнейшего исследования. Главы неравноценны по объему, глубине исследования, обобщениям, по приводимым сведениям и фактам. Схематичность повествования можно объяснить отсутствием необходимых исторических источников, в которых бы предельно объективно воспроизводились события ушедшей эпохи. Использовались народные предания, сказания, легенды, важность которых, по его мнению, заключается не в степени достоверности, а в уяснении воззрений местных жителей и отчасти народного духа.

Еще более глубокий смысл, по мнению В.Ф. Кудрявцева, имеет религиозная сторона преданий, которая передает настроение жителей, жизненные идеалы. Поэтому при рассмотрении многих сюжетов истории Прикамского края, наряду с историческими фактами, присутствует и религиозная оценка описываемых событий, а в некоторых случаях она является преобладающей. Не следует считать, что религиозное воззрение у него превалировало над научным. Приоритет науки для него всегда был высок, а религия, как форма общественного сознания, имела в большей степени применительное отношение к науке, способствовала познанию российского социума, что было свойственно русскому просветительству второй половины XIX в.

Композиционно исторические очерки представляют собой своеобразную ступенчатую пирамиду, центральное место в которой, ее смысловое ядро, составляют второй и четвертый выпуски, которые и по объему, и по смысловой нагрузке на них доминируют во всем повествовании. Преобладает описание истории Елабуги и Елабужского края, памятников старины, тогда как в первом и третьем выпусках елабужская тема только обозначена, зато в большей мере уделено внимание процессам, захватывающим территорию всего Прикамья и Вятского края. В то же

время в очерках прослеживается разнообразный круг интересов автора – краеведение и история, этнография и фольклористика, топонимика и география, статистика и археология. Для всех выпусков характерно сообщение сведений, выходящих далеко за пределы Прикамского края.

Следует обратить внимание на одну весьма характерную деталь. Василий Филиппович посылал свои очерки для публикации в Вятке через Вятский ГСК. Работа с материалами фонда Вятского ГСК (Ф. 574) дала возможность выявить прекрасно сохранившиеся рукописные тексты В.Ф. Кудрявцева¹². При работе с опубликованным и рукописным материалом было выявлено, что черновики, хранящиеся в фонде Вятского ГСК, полнее, нежели более сглаженные чистовые варианты.

Приведем конкретный пример. Мы имеем в распоряжении черновик четвертого выпуска исторических очерков «Об Ананьинском могильнике», датированный 1902 г. Текст рукописи написан мелким разборчивым почерком, аккуратно, с многочисленными правками красными чернилами, перечеркнутый самим автором. Далее следует другой более обширный вариант этого же выпуска, датированный 1904 г. и опубликованный в «Памятных книжках и календарях Вятской губернии» с внесенными правками автора¹³. Вычеркнутые фразы не изменяют смысла опубликованного текста в целом, зато внесенные дополнения более точно, на наш взгляд, раскрывают содержание данного выпуска исторических очерков. Естественно, что подобные случаи нельзя не учитывать.

Еще одна важная деталь, сохранившаяся в рукописном варианте, это счастливая для последующего исследователя привычка В.Ф. Кудрявцева каждую рукопись заканчивать обозначением даты и места написания, что позволило уточнить дату окончания работы над историческими очерками.

Наиболее важной информационной частью авторского текста исторических очерков являются редакционные примечания. В них содержатся авторские комментарии к тексту очерков, выделены ключевые слова и фразы, даны пояснения. В приведенных примечаниях использовались традиционные для того времени методы исследования – сопоставление и выборочное использование информации в сочетании с приемом структурирования текстов

примечаний, что позволило составить целостное представление о научных подходах к исследованию документов и о собственно научных взглядах В.Ф. Кудрявцева, а также, что не менее важно, информационной и просветительской направленности редакционных текстов.

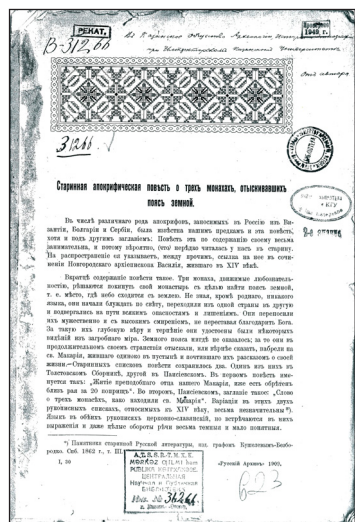
Исторический материал, собранный Василием Филипповичем, нередко оказывался на стыке наук, и даже порой выходил за рамки истории, этнографии и археологии.

Менее многочисленны работы религиозного содержания, относящиеся к последнему периоду жизни В.Ф. Кудрявцева, обусловленные его не менее плодотворной деятельностью в Тверской ГУАК. К их числу принадлежат работы «Об иконе Рождества Богородицы по Тверскому подлиннику в сравнении с другими подлинниками и некоторыми старинными иконами»¹⁴ (1909), «Старинная апокрифическая повесть о трех монахах, отыскавших пояс земной»¹⁵ (1909), а также неопубликованные

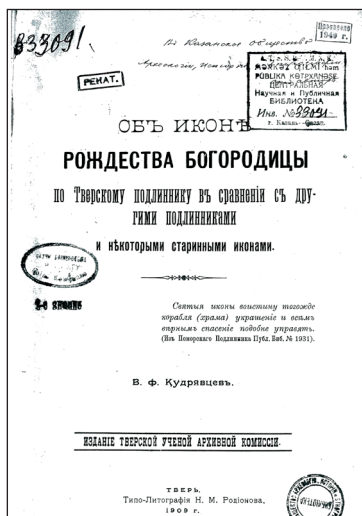
доклады и рефераты. В Твери он умело сочетал работу по обобщению собранного в Москве документального материала по истории Прикамского края, вылившегося в научный труд, с работой в Тверской ГУАК, уделявшей внимание, прежде всего, церковной истории края. Знания истории русской церкви, иконографии, полученные в годы обучения в Елабужском духовном училище и Вятской духовной семинарии, позволили В.Ф. Кудрявцеву заняться подвижнической деятельностью в области исследования церковной истории Тверского края.

Интерес к религиозной истории у В.Ф. Кудрявцева не угасал всю его жизнь, что, несомненно, шло еще от его детских и юношеских занятий в духовных учебных заведениях. Не случайно поэтому, что на страницах своих исторических очерков он уделял внимание и вопросам религии и иконографии. Исследуя источники по христианской живописи, он словно отдал дань своим юношеским увлечениям. Более того, он достаточно чутко реагировал на появление новых тенденций в развитии российского общества в начале XX в., таких, как возрастание роли идеологии в жизни страны, необходимость активного воздействия на духовную жизнь общества, влияния на сознание народных масс, активно выходивших на политическую арену. События первой российской революции выявили все сложности и опасности революционных преобразований, показали потерю духовных основ российского общества. Не случайно поэтому обращение многих исследователей к вопросам истории церкви и религии.

Статья «Старинная апокрифическая повесть о трех монахах, отыскавших пояс земной» была опубликована на страницах журнала «Русский архив» в 1909 г. Редактор журнала П.И. Бартнев, подчеркивая популяризаторскую задачу «Русского архива», совмещал принципы научного и научно-популярного издания с требованиями современной исторической науки. Тираж журнала по тем временам был немалый и составлял до 700-800 экземпляров. Исследователь О.Б. Кох отмечает, что, безусловно, журнал «Русский архив» П.И. Бартнев в отличие от «Русской старины» М.И. Семевского был самым интересным и содержательным¹⁶, доступным для всех любителей старины. Для того, чтобы поместить статью в таком солидном издании, учитывалось ее соот-

Титульный лист работы В.Ф. Кудрявцева «Старинная апокрифическая повесть о трех монахах, отыскавших пояс земной» с посвящением и автографом

Титульный лист работы В.Ф. Кудрявцева «Об иконе Рождества Богородицы по Тверскому подлиннику в сравнении с другими подлинниками и некоторыми старинными иконами» с посвящением и автографом

ветствие научным и техническим критериям отбора материала: объективность и точность освещения исторических фактов, беспристрастность изложения материала, общественная значимость содержащейся в статье информации, умение автора владеть слогом, динамика повествования и др.

Одной из отличительных черт творческой лаборатории В.Ф. Кудрявцева являлась первоначальная апробация найденных и обработанных материалов по местно-областной старине на страницах периодической печати¹⁷, а также в виде докладов¹⁸. Как и всякий исследователь, он стремился как можно быстрее обнародовать подготовительные публикации, не оставляя их под спудом для своих будущих обобщающих работ. Этот метод вполне оправдан, т.к. дает возможность постоянно совершенствовать достигнутое, дополнять исследование новыми найденными сведениями, фактами и заключениями.

Особенно эффективным оказалось применение этого метода в процессе работы над историческими очерками «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края», первый выпуск которых увидел свет в 1897 г. Публикации, предшествовавшие данному исследованию, появились еще в 1870-е гг. Так, в преддверии открытия IV Археологического съезда в Казани В.Ф. Кудрявцевым была подготовлена для публикации статья об одном из замечательных памятников старины Волго-Камского края – Елабужском «Чертовом» городище. Во время работы съезда, проходившего с 31 июля по 16 августа 1877 г., на страницах нового московского печатного издания «Русской газеты», издававшейся с июля 1877 г., в числе первых исторических публикаций была напечатана статья В.Ф. Кудрявцева «Чертово городище близ Елабуги»¹⁹. В тематике съездов традиционно преобладали доклады, связанные с историей и археологией того края, где проводился съезд. Не случайно поэтому, что в вышедшей через пять номеров обширной обзорной статье²⁰ о работе и результатах съезда, есть ссылка на напечатанную ранее статью В.Ф. Кудрявцева.

Целью подготовительных публикаций было также привлечение внимания ученых и общественности к истории Прикамского края. Подтверждением этому являются первые строки статьи В.Ф. Кудрявцева: «Делая археографическое опи-

сание городища и сообщая существующую литературу по отношению к этому памятнику, я имею целью обратить внимание археологов и вообще ученых на этот замечательный, на северо-востоке России, памятник, о котором не сказано еще последнего слова науки»²¹.

В 1897 г. на страницах «Вятских губернских ведомостей» была напечатана еще одна статья В.Ф. Кудрявцева «По вопросу о времени основания Елабуги»²², также вошедшая в исторические очерки по истории Прикамья. Вероятнее всего в течение 20 лет, разделяющих эти две статьи по истории города Елабуги, были еще подготовительные публикации. Однако на данный момент нам не удалось их выявить.

Исторические очерки «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края» являются не только важным источником по истории Прикамья, но и содержат биографические факты об авторе: место рождения («уроженец Прикамского края»²³, «хотя я и вятчанин»²⁴, «Елабуга... Это моя родина»²⁵), место проживания («путешествие на родину, изредка совершаемое из Москвы»)²⁶, круг общения, содержание бесед, личные впечатления, оценки и отношения. Самостоятельный историографический интерес представляют страницы работы, посвященные описанию жизни и творчества известных елабужан – Надежды Андреевны Дуровой (1783–1866), первой русской женщины-офицера, участницы Отечественной войны 1812 г., ординарце фельдмаршала М.И. Кутузова, писательнице, создавшей в Елабуге знаменитые «Записки кавалерист-девицы», получившие высокую оценку А.С. Пушкина; Петру Никитичу Кулыгинскому (1798–1855), первому летописцу г. Елабуги и Елабужского края, члену-корреспонденту Русского географического общества; городскому голове Ивану Васильевичу Шишкину (1792–1872), автору «Истории города Елабуги», краеведу-любителю, восстановившему в 1867 г. на свои средства одну из башен белокаменного сооружения Елабужского городища, одному из первых исследователей Ананьинского могильника; Капитону Ивановичу Невоструеву (1816–1872), члену-корреспонденту Императорской Академии наук, члену Сербского ученого общества в Белграде, Югославянской Академии в Загребе, профессору-археографу, археологу,

историку и филологу, открывшему всему миру Ананьинский могильник; Дмитрию Ивановичу Стахееву (1840–1918), писателю-купцу, автору 12-томного собрания сочинений.

В целом, научно-творческая деятельность В.Ф. Кудрявцева, как и любого исследователя второй половины XIX – начала XX в., должна быть оценена в соответствии с критериями рассматриваемой эпохи. Безусловно, ему не удалось избежать заблуждений и ошибок, свойственных любому исследователю, носителю ментальности своего времени, деятельность которого постоянно сопряжена с осмыслением происшедшего в прошлом. Тем не менее, труды В.Ф. Кудрявцева обогатили историческую науку знанием общественной и социальной жизни российского провинциального общества второй половины XIX – начала XX в., как одной из переломных эпох в истории Российского государства, его социальных классов, психологии многонациональных народов Вятско-Камского края. Многие его труды еще при жизни стали библиографической редкостью, до сих пор не переизданы, а только отрывочно представлены в современных исследованиях и то по большей части фольклористов. Бесспорно, остается еще ряд его работ, неизвестных современному читателю.

Примечания

¹ См.: Корнилова И.В. Василий Филиппович Кудрявцев: Этнограф и просветитель // Россия и современный мир. 2009. № 2. С. 212–221; Корнилова И.В. В.Ф. Кудрявцев и Тверская губернская ученая архивная комиссия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 96–102; Корнилова И.В. Летописец местного края: штрихи к портрету В.Ф. Кудрявцева // Библиотекосведение. 2010. № 2. С. 74–80; Корнилова И.В. Русская провинция XIX века в ранних работах В.Ф. Кудрявцева // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 149–156.

² См.: [Кудрявцев В.Ф.]. Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде // Вятские губернские ведомости. 1861. № 2. С. 13–14; № 3. С. 25–26; № 4. С. 38–40; № 5. С. 47–49; № 6. С. 57–59; Кудрявцев В.Ф. Кулачные бои в купеческой Елабуге // Вятские губернские ведомости. 1863. № 5 (21 февраля). С. 51–52; К–в [Кудрявцев В.Ф.]. Крестьянские святки в Елабужском уезде // Вятские губернские ведомости. 1864. № 2 (11 января). С. 9–10; № 3 (18 января). С. 15–17; Кудрявцев В.Ф. Зимние народные увеселения в городе Василе // Нижегородский сборник / Под ред. А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1870. Т. III. С. 107–124; Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: этнографические материалы. Нижний Новгород, [б.г.]. 71 с.

³ См.: [Кудрявцев В.Ф.]. Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде // Вятские губернские ведомости. 1861. № 2. С. 13–14; № 3. С. 25–26; № 4. С. 38–40; № 5. С. 47–49; № 6. С. 57–59; Кудрявцев В.Ф. Зимние народные увеселения в городе Василе // Нижегородский сборник / Под ред. А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1870. Т. III. С. 107–124; Кудрявцев В.Ф. Свадебный обычай оплакивания «девей красоты» в гор. Перми. СПб., 1873.

⁴ [Кудрявцев В.Ф.]. Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде // Вятские губернские ведомости. 1861. № 2. С. 13–14; № 3. С. 25–26; № 4. С. 38–40; № 5. С. 47–49; № 6. С. 57–59.

⁵ Красноперов И.М. Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде // Вятские губернские ведомости. 1860. № 22 (28 мая). С. 145–147; № 23 (4 июня). С. 151–156; № 24 (11 июня). С. 160–163.

⁶ Рукопись для Вятских Губернских Ведомостей (№ 2-6 за 1861 г.). Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде. ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 17. Л. 1-14.

⁷ Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 459–469.

⁸ Кудрявцев В.Ф. Свадебный обычай оплакивания «девей красоты» в гор. Перми. СПб., 1873. 12 с. // Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 3. Пг.: Типография А.В. Орлова, 1916. № 52. С. 1028.

⁹ См.: Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: Этнографические материалы // Нижегородский сборник / Под ред. А.С. Гациского. Нижний Новгород, 1871. Т. IV. С. 167–238; Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии: этнографические материалы. Нижний Новгород, [б.г.]. 71 с.

¹⁰ См.: Кудрявцев В.Ф. Обзор этнографических данных, помещенных в 5-ти томах «Нижегородского сборника» // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXVIII. Кн. IV. М.: Типо-литография С.П. Архипова и К, 1877. С. 77–96.

¹¹ См.: Кудрявцев В.Ф. Историческое описание города Василя Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1877; Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк: В 4 вып. Вятка, 1897–1905.

¹² См.: Рукопись для Памятной книжки и календаря Вятской губернии В.Ф. Кудрявцева «Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края». (Очерк). ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 73. Л. 1–68; Рукопись В.Ф. Кудрявцева об Ананьинском могильнике. ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 80. Л. 1–31; Рукопись В.Ф. Кудрявцева. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. Окончание. ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 82. Л. 1–56.

¹³ См.: Рукопись В.Ф. Кудрявцева об Ананьинском могильнике. ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 80. Л. 1–31.

¹⁴ См.: Кудрявцев В.Ф. Об иконе Рождества Богородицы по Тверскому подлиннику в сравнении с другими подлинниками и некоторыми старинными иконами. Тверь, 1909. 21 с.

¹⁵ См.: Кудрявцев В.Ф. Старинная апокрифическая повесть о трех монахах, отыскавших пояс земной // Русский архив. 1909. № 3. С. 465–482.

¹⁶ Кох О.Б. М.И. Семевский: опыт аналитической биографии: Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2005. С. 336.

¹⁷ См.: Кудрявцев В.Ф. Замечательные местности около г. Василя // Нижегородские губернские ведомости. 1867. № 28 (12 июля). С. 172–173; Кудряв-

цев В.Ф. Предание о Чертовом городище // Русская газета. 1877. № 23 (3 августа). С. 1–2; Кудрявцев В.Ф. Прикамский край, легенды и предания // Всемирный путешественник. 1890. № 7. С. 105–112; № 8. С. 131–142; № 9. С. 143–158; № 10. С. 159–160; Кудрявцев В.Ф. По вопросу о времени основания Елабуги // Вятские губернские ведомости. 1897. № 83 (18 октября). С. 5–7.

¹⁸ См.: Кудрявцев В.Ф. Образ страшного суда в Тверском Отроче монастыре сравнительно с списками того же образа в других местах: Доклад // Журнал 72-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 10-го декабря 1899 года / Под ред. И.А. Виноградова. Тверь: Типография губернского правления, 1900. С. 4–5; Кудрявцев В.Ф. Образ страшного суда в Тверском Отроче монастыре сравнительно с Чудовским и другими списками того же образа: Доклад // Журнал 74-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 28-го марта 1900 года / Под ред. И.А. Виноградова. Тверь: Типография губернского правления, 1900. С. 2–6; Кудрявцев В.Ф. О праздновании в Тверской губернии девятой и десятой пятниц и о почитании всех двенадцати пятниц: Доклад // Журнал 87-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 3-го сентября 1902 года / Под ред. И.А. Виноградова. Тверь: Типография губернского правления, 1902. С. 66–70; Кудрявцев В.Ф. Об иконе Рождества Богородицы по Тверскому подлиннику в сравнении с другими подлинниками и некоторыми старинными иконами: Доклад // Журнал 101-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 2-го июня 1906 и 2-го мая 1907 года / Под ред. И.А. Виноградова. Тверь: Типо-литография Н.М. Родионова, 1909. С. 11–30.

¹⁹ Кудрявцев В.Ф. Предание о Чертовом городище // Русская газета. 1877. № 23 (3 августа). С. 1–2.

²⁰ Четвертый археологический съезд в гор. Казани // Русская газета. 1877. № 28 (11 августа). С. 3.

²¹ Кудрявцев В.Ф. Предание о Чертовом городище // Русская газета. 1877. № 23 (3 августа). С. 1.

²² Кудрявцев В.Ф. По вопросу о времени основания Елабуги // Вятские губернские ведомости. 1897. № 83 (18 октября). С. 5–7.

²³ Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края: Очерк: В 4 вып. Вып. 1. Гл. I. Вятка: Губернская типография, 1897. С. 8.

²⁴ Там же. Гл. VII. С. 39.

²⁵ Там же. Вып. 2. Гл. XIV. 1898. С. 1.

²⁶ Там же.

ИСТОЧНИКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА И ЕГО РОЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНОПРОЦЕССЕ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

Magidov V.M. Sources about activity of Skobelevsky's committee and its role in domestic film process on the eve and during the World War I, February and October revolutions in 1917

Аннотация / Annotation

В статье рассматривается во многом неисследованная до настоящего времени история создания и функционирования Скобелевского комитета, раскрывается методика исследовательской работы по выявлению документов, отражающих деятельность комитета. Автор проводит анализ выявленных документальных фильмов и киносюжетов, выпущенных Скобелевским комитетом.

In this article the history of creation and functioning of Skobelevsky committee is considered, the technique of research work on detection of the documents reflecting activity of committee reveals. The author carries out the analysis of the revealed documentary films and the film plots that released by Skobelevsky committee.

Ключевые слова / Keywords

Архив, источник, Скобелевский комитет, Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), документальный фильм, кинохроника, Первая мировая война, Гражданская война в России, М.Д. Скобелев, Г.М. Болтынский, С.С. Гинзбург, В.С. Росоловская, П.К. Новицкий, А.А. Ханжонков. Archive, source, Russian State Archive of Cinema and Photo Documents (RGAKFD), Russian State archive of literature and art, Russian state military and history archive, documentary film, news film, World War I, Civil war in Russia, M. Skobelev, G. Boltyanskiy, S. Ginzburg, V. Rosolovskaya, P. Novitskiy, A. Hanjonkov.

Окончание. Начало см. Вестник архивиста. 2012. № 4.

ВРГАКФД хранятся дошедшие до нас в полном объеме и в фрагментах хроникальные выпуски и фильмы 1917 г.: «Великие дни революции в Москве (28 февраля – 4 марта 1917 г.)», «Похороны жертв Февральской революции в г. Москве», «Праздник 1 мая в Петрограде», «Государственное совещание в Москве, 12–15 августа 1917 г.» и др. Анализ этой продукции позволяет установить характер и политическую направленность работы отдела социальной хроники Скобелевского комитета. В этот период появляются киноленты, характеризующие политическую обстановку в стране между двумя революциями. Эти материалы были сняты операторами в разных городах России.

Основная часть съемок революционных событий в период Февральской революции проводилась для хроникального журнала Скобелевского комитета «Свободная Россия», выходившего на экраны с мая по октябрь 1917 г. Журнал был задуман как еженедельное издание. Однако эту периодичность Скобелевскому комитету выдержать не удалось, киножурнал выходил два–три раза в месяц. Комитет выпустил 13 номеров этого киножурнала, отражавших события с 5 июля 1917 г. по 2 октября 1917 г., метраж которых в совокупности составил 1920 метров. Хорошая реклама создавала журналу популярность. В РГАКФД сохранились три полных журнала «Свободная Россия» за № 5 (датирован 3 июля 1917 г.); № 10 (14 августа 1917 г.) и № 11 (12 сентября 1917 г.)¹, а также отдельные сюжеты других выпусков журнала², в которых были зафиксированы события, происходившие в стране в июне 1917 г. – портреты участников Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня 1917 г.), членов Государственной думы на совещании 16 июня 1917 г., представителей Временного исполнительного комитета Государственной думы. Важное значение имеет пятый выпуск журнала, он повествует о событиях конца мая – начала июля 1917 г. Так, в один из сюжетов включены кадры, зафиксировавшие участников демонстрации 18 июня 1917 г. В одном из них запечатлен момент сбрасывания демонстрантами с Троицкого моста в Неву плаката «Да здравствует Временное правительство».

Особый интерес вызывает десятый выпуск журнала, посвященный событиям, происходившим в августе 1917 г. (вышел на

экраны 14 августа 1917 г.)³. Выпуск состоит из разрозненных сюжетов. Один из первых титров гласит: «Бабушка русской революции Е.К. Брешко-Брешковская». Оператор запечатлел пожилую женщину в белой одежде и белом платке, сидящей на лавочке в саду. У нее печальный вид, глаза опущены вниз, в руках тросточка. Вот она встрепенулась и у нее уже живой взгляд, она что-то активно говорит, видимо, отвечает кому-то стоящему за кадром. Следующая надпись гласит: «Бабушка и “внучек” Е.К. Брешко-Брешковская и А.Ф. Керенский». К сожалению, надпись не сопровождается изобразительным рядом. Далее оператор ведет съемку Брешко-Брешковской во время ее беседы с раненым. Это происходит на том же месте, что и в предыдущем кадре.

Затем идут два небольших сюжета, первый из них показывает группу людей, беседующих в открытой автомашине, среди них делегат Черноморского флота матрос Ф. Баткин; второй сюжет посвящен работе первого Всероссийского съезда рабочей кооперации, на общем плане запечатлены президиум и зал заседаний. Следующий сюжет отражает жизнь детской колонии для детей петроградского пролетариата: воспитатели фотографируются в окружении детей от 5 до 12 лет; в кадре дети-санитары, на рукавах у них повязки с красным крестом.

Уникальна киносъемка, произведенная операторами на фронте – это «ударный батальон Рижского фронта», о чем гласит надпись титров. Ведется съемка церемонии освящения знамени батальона: военные стоят в строю обнажив головы, на первом плане священник ведет богослужение, перед ним стоит солдат и держит в руках знамя. Последний титр сюжета «Священник обходит батальон с иконой перед боем» не сопровождается кадрами кинохроники.

Съемки Февральской революции в Москве в основном были включены в фильм «Великие дни революции в Москве (28 февраля – 4 марта 1917 г.)». Решение о необходимости создания такой картины было принято на Чрезвычайном собрании кинодеятелей, созванном Всероссийским обществом владельцев кинематографических театров в «Кино-Арс». Об этом 3 марта 1917 г. сообщал журнал «Сине-фоно».

На этом же заседании Временный исполнительный комитет деятелей отечественной кинематографии постановил весь доход

от эксплуатации ленты, снятой Союзом кинодеятелей⁴, передать Исполнительному комитету Московского Совета рабочих депутатов «в пользу жертв старого режима, освобожденных из царских тюрем и возвращенных из недр ссылки». Ввиду большого исторического значения негативы этой ленты передавались в собственность государства. Временное правительство, эсеро-меньшевистские представители Совета рабочих и солдатских депутатов всячески рекламировали события Февральской революции. 26 марта 1917 г. в театре «Кино-Арс» на Тверской состоялся просмотр киноленты.

В съемке этой картины участвовали операторы Скобелевского комитета, многих частных фирм: бр. Пате, Тимана, Рейнгардта, Ермольева, Гомона, Эклера и др. Среди операторов были исследователи, в частности, С.С. Гинзбург, называют А. Левицкого, С. Зебеля, Е. Славинского, А. Бендерского, Л. Форестье, П. Новицкого, Г. Гиберы и др.⁵ Фильм состоял из трех частей, его общий объем – 956,2 м.

В ГАРФе сохранился перечень сюжетов картины, обнаруженной на одном московском прокатном складе⁶. Операторы зафиксировали на пленку толпы людей на площадях и улицах Москвы (на Воскресенской пл. – ныне пл. Революции, на Манеже, Арбатской пл. и др.), присоединение солдат к революционным рабочим, гражданский митинг на Воскресенской площади, отряд народной милиции на Пречистенке, арест переодетых полицейских и шпииков, жандармов и царских чиновников. Эти кинокадры, несмотря на фрагментарность и односторонность, представляют исторический интерес.

Наибольшую историческую ценность имеют кадры с изображением простых людей, одетых в гражданскую одежду и солдатские шинели. Именно в этом фильме, как справедливо отметил С.С. Гинзбург, впервые в мировой кинематографии были запечатлены народные массы. События Февральской революции в Москве показывались в основном с объективистских позиций. Только немногие его эпизоды имеют определенно выраженные интересы буржуазии, меньшевиков и эсеров (эпизод парада 4 марта на Красной площади и молебен кремлевского духовенства, провозгласившего «многая лета Временному правительству» и др.).

Под давлением большевиков эсеро-меньшевистский Исполнительный Комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов разрешил отделу социальной хроники Скобелевского комитета произвести съемки в день первомайского праздника 1917 г. К ним допустили также представителей ряда частных фирм. Операторам рекомендовалось снимать народные демонстрации, митинги. Часть сборов от проката этих съемок должна была поступить в пользу Совета рабочих и солдатских депутатов. Это были первые киносъемки первомайского праздника в нашей стране – операторам комитета А.Ф. Дорну, И.С. Кобозеву и их коллегам удалось зафиксировать народные демонстрации, митинги, в том числе митинг, организованный газетой «Правда» на Марсовом поле. Первомай снимался также в Москве, Ярославле, Владивостоке и других городах.

Для официозной кинохроники Временного правительства, снимаемой Скобелевским комитетом, характерен фильм «Государственное совещание в Москве 12-15 августа 1917 г.» (сохранился в РГАКФД почти в полном объеме – 300,2 м.). Известно, что оператором съемок был А. Левицкий. Фильм снимался в непростой политической обстановке в стране. Наступление контрреволюции было узаконено государственным совещанием, созванным Временным правительством 12 августа в Москве. В Москву съехались депутаты всех четырех Государственных дум, царские генералы и офицеры, представители промышленных и финансовых кругов, духовенство, купцы, помещики, казаки. Вместе с ними в работе совещания участвовали эсеры и меньшевики, представляющие Советы, кооперацию, местные органы самоуправления. Большевики призвали рабочий класс протестовать против контрреволюционного движения. В день открытия совещания забастовало свыше 400 тысяч рабочих Москвы. Контрреволюционные власти всячески пропагандировали это совещание. В реакционной прессе печатались заметки, в которых возлагались большие надежды на его итоги. В общей пропагандистской шумихе не смогли остаться безучастными и кинематографисты.

Отдел социальной хроники Скобелевского комитета снял свой очередной рекламный фильм. Он зафиксировал на пленку наиболее видных участников государственного совещания. Вот о чем

могут рассказать сохранившиеся в архиве кинокадры фильма «Государственное совещание в Москве 12–15 августа 1917 г.». Здание Большого театра, где проходило совещание, усиленно охранялось войсками. Весь этот район был оцеплен несколькими рядами солдат, юнкеров, милиции. К так называемому «министерскому» подъезду театра подъезжают один за другим лимузины. Вот из открытой машины выходит и позирует перед объективом министр-председатель А.Ф. Керенский, комиссар Временного правительства по г. Москве чернобородый кадет Н.М. Кишкин, буквально «выползает» из машины старая народница, семидесятитрехлетняя Е.К. Брешко-Брешковская⁷. Снимается на память делегация меньшевистского Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с Н.С. Чхеидзе. В объектив попадают договаривающиеся о чем-то генерал А.М. Каледин и председатель Государственной думы IV созыва монархист М.В. Родзянко.

Попытка показать на экране консолидацию всех контрреволюционных сил авторам фильма явно не удалась (хотя бы потому, что кинооператор так и не снял ни одного кадра проведения самого совещания). Дело в том, что в зале заседания было запрещено снимать. По существу получился кинопортрет крупнейших деятелей политической реакции. Кинохроника Скобелевского комитета в это время явно преследовала не столько информационные, сколько пропагандистские цели. Нельзя не согласиться с С.С. Гинзбургом, считавшим, что в этом повинны прежде всего не операторы, а руководители Скобелевского комитета.

Помимо кинохроники, Скобелевский комитет выпускал игровые картины. Эта продукция была неравноценной и по своему содержанию еще весьма далекой от советской. Не случайно Н.А. Лебедев в конце января 1918 г. видел на экране какую-то «невообразимую революционно-патриотическую чушь»⁸. Летом 1918 г. вышло постановление Наркомпроса о запрещении демонстрации многих картин производства Скобелевского комитета, отмеченных порнографическим содержанием, низким художественным уровнем и т.п. Среди них фильмы: «Дамы курорта не боятся даже черта», «Любовнику не повезло», «Ревнивая собака», «Темные души» и др.

Таким образом, в период между Февралем и Октябрем 1917 г. появляются кинодокументы, характеризующие политическую обстановку в стране между двумя революциями. Их источниковедческий анализ позволит в конечном итоге установить характер и направленность работы отдела социальной хроники. Уже сейчас можно говорить о том, что политическая односторонность съемок Скобелевского комитета до сентября 1917 г. была очевидной. Деятельность Комитета в тот период находилась под контролем руководства Петроградского и Московского Советов рабочих и солдатских депутатов. Оно прикладывало немало усилий для превращения кинохроники Комитета в действенное орудие Временного правительства в пропаганде империалистической войны до «победного конца» и др. Эти важнейшие факторы оказывали влияние на содержание выпускаемых на экран кинолент и т.п.

Работа Скобелевского комитета продолжалась и после Октябрьской революции. С этого времени начинается третий этап его деятельности. С начала декабря 1917 г. Комитет стал официально именоваться Скобелевским просветительным комитетом. Согласно уставу, утвержденному на общих собраниях всех служащих и сотрудников в Петрограде и в Москве, Правление комитета было выборным. В первом параграфе устава говорилось, что «Скобелевский просветительный комитет, являясь культурно-просветительным учреждением, имеет главнейшей и основной своей задачей – распространение знаний в широких народных массах Российской республики и поднятие культурного их уровня, вместе с развитием художественного вкуса». Эту главную задачу в своей работе выполняли три основных отдела Комитета: издательский, кинематографический и просветительно-научный. Кинематографический отдел разделялся на три секции: художественную, социальную и научную. Социальная секция и занималась съемкой хроники⁹.

В январе 1918 г. при кинематографическом отделе была открыта «Студия экранного искусства», к работе в которой были привлечены видные театральные деятели того времени: А. Бенуа, Н. Евреинов, В. Мейерхольд, В. Юренева и другие. В издательском отделе работали писатели Е. Зозуля, М. Кольцов (позже

М. Кольцов, как отметил Г.М. Болтянский, стал сотрудником отдела рабочей хроники Комитета; видимо, кинематографическая деятельность Кольцова началась в Скобелевском комитете) и др., которые издавали «Свободный журнал». Всего вышло в 1918 г. три номера журнала. В нем печатались материалы по кино, в основном, в разделе «Хроника».

Нельзя полностью согласиться с мнением Н.А. Лебедева, высказанным им в ноябре 1924 г. В «Кино-газете» он писал, что «в первые месяцы после Октября Советской власти некогда было заниматься кинематографией... И поэтому, естественно, российская кинематография была предоставлена самой себе». Наркомпрос осуществлял контроль за деятельностью Скобелевского комитета. «Я чуть ли не ежедневно бывал на докладе у Луначарского, – отмечал Г. Болтянский – ... Скобелевский комитет все время был под контролем и получал инструкции от Наркомпроса»¹⁰.

В это время перед Советской властью стояла задача создания своей кинопродукции, полностью отвечающей интересам Советского государства. И уже в декабре 1917 г. встал вопрос о национализации кинопромышленности в целом. Проект о национализации кинопромышленности был обсужден на декабрьском заседании Наркомпроса. Однако никаких конкретных решений по этому поводу вынесено еще не было.

В декабре 1917 г. Скобелевский комитет получил автономию. «Я явился в Смольный, – отмечал Г. Болтянский, – и получил распоряжение о съемках. Скобелевский комитет продолжал существовать, Луначарский дал ему автономию. Бумажку об этом где-нибудь в делах можно найти...».

Государственная Комиссия по просвещению под председательством А.В. Луначарского сочла возможным предоставить на первое время самостоятельное существование этой просветительной организации. Руководство комитета по существу не изменилось. Управляющим делами и фактическим председателем Правления Комитета являлся В. Дементьев, его заместителем был избран Г. Болтянский. Мы можем предполагать, что эта автономия означала фактическое признание Скобелевским комитетом платформы Советской власти. В то же время во внутренней своей организации Комитет сохранял самостоятельность. Идеальная позиция

Комитета, выражавшаяся в выпуске кинопродукции, находилась под строгим контролем Наркомпроса.

Учитывая политическую важность хроникальных съемок Комитета, Наркомпрос признал необходимым, отмечает в своих воспоминаниях старейший советский киноработник М.Л. Кресин, взять съемку кинохроники под государственный контроль¹¹. Предоставление автономии Скобелевскому комитету являлось временной мерой Наркомпроса, и, очевидно, как подчеркивал Г.М. Болтянский, отвечало задачам развития кинопромышленности того времени. Необходимо было подвергать последовательной критике руководство Скобелевского комитета, пытавшееся в первые месяцы Советской власти использовать хронику в антибольшевистских целях. Автономия Комитета, как одна из форм перехода к его национализации, предоставила возможность Советской власти применить важнейшую в политическом отношении хронику Февральской и Октябрьской революций для пропаганды советской действительности. Советская власть имела возможность вплоть до национализации Комитета осуществлять контроль за выпуском его кинопродукции. Поэтому не случайно, что уже в период автономии Скобелевского комитета (декабрь 1917 – март 1918) под непосредственным контролем Наркомпроса им был выпущен ряд важнейших агитационно-пропагандистских хроникальных кинолент.

В кинематографическом отделе работали операторами П. Новицкий, А. Левицкий, И. Доред, Н. Топорков и другие. В первые годы после Октябрьской революции ощущался недостаток в операторах. Их освобождали от трудовой повинности и окопных работ. Из документов личного архива П. Новицкого узнаем, что, например, А.В. Луначарский просил районный Совет рабочих и солдатских депутатов (г. Петроград) освободить от трудовой повинности П. Новицкого на время производства съемок.

Операторам Скобелевского комитета принадлежат первые съемки различных эпизодов периода Октябрьской революции. 29 октября 1917 г. П. Новицкому Скобелевский комитет выдал удостоверение, в котором ему поручалось производить кинематографические и фотографические съемки текущих политических событий. В эти же дни получил мандат Петроградского Со-

вета рабочих и солдатских депутатов на съемку и Г. Болтянский. Ему вместе с П. Новицким разрешалось снимать исторические события первых дней после Октябрьской революции. Кинематографический отдел московского отделения Скобелевского комитета, судя по воспоминаниям Г. Болтянского, не запечатлел на пленку ноябрьские события в Москве. Оператором Н. Топорковым и другими (скорее всего И. Доредом) были отсняты лишь последствия боев отрядов Красной гвардии с контрреволюционными силами, разрушения на территории Кремля и на Красной площади, у Никитских ворот и в других местах. Эти кадры позволяют установить места боев, степень разрушения зданий, настроение публики на улицах и др.

Анализируя эти кинокадры, Г. Болтянский обратил внимание, что эта съемка снята якобы специально с таким расчетом, чтобы показать разрушения, сделанные большевиками. Это замечание автора представляется вполне обоснованным. Руководство Скобелевского комитета, операторы которого в основном снимали революционные события в Москве, не было заинтересовано в пропаганде событий Октябрьской революции.

Операторами Комитета было отснято несколько хроникальных фильмов, посвященных созыву и роспуску Учредительного собрания. 21 декабря 1917 г. за подписью члена Петроградского Военно-революционного комитета М.С. Урицкого оператору П. Новицкому был выдан пропуск на право входа на заседания Учредительного собрания. На следующий день оператор получил другой пропуск – с правом входа до 15 января 1918 г. в Таврический дворец, где должно было проходить заседание Учредительного собрания. 15 января была отснята на пленку демонстрация, пытавшаяся пробиться к Смольному¹². Командующим отрядами Смольно-Таврического района В.Д. Бонч-Бруевичем были приняты меры к недопущению этой демонстрации к Таврическому дворцу и Смольному. Демонстранты были остановлены отрядом матроса А.Г. Железнякова.

В сохранившемся в РГАКФД фрагменте фильма «К открытию и роспуску Учредительного собрания» нашла отражение организованная меньшевиками и эсерами манифестация в поддержку Учредительного собрания. О политической направленности

картины, классовом составе манифестантов, их поведении и др. говорят надписи на транспарантах, которые несли участники манифестации, их одежда. Большую часть участников составляют зажиточные слои городского населения и офицерства. Среди манифестантов были и рабочие, представленные небольшой упаковочной фабрикой «Маркус». Однако эта группа была малочисленной. Надписи на транспарантах содержат ярко выраженный меньшевистский и эсеровский характер с требованием поддержки Учредительного собрания, передачи ему власти и т.п.

Отмечая значение этих съемок, Г. Болтянский писал в марте 1918 г.: «Какой-нибудь снимок момента разгона Учредительного собрания... один из величайших в психологическом отношении драматических эпизодов революции, и будет неистощимым материалом и для художника, стремящегося познать тайну на человеческом лице..., и для ученого с самых различных точек зрения»¹³.

В целом это событие представлено с позиций сторонников созыва Учредительного собрания. Это дало основание Н.К. Крупской при оценке съемок Учредительного собрания обратить внимание на «вред кинематографа как проводника буржуазной морали и буржуазных идей», отметив при этом, что «даже съемки с натуры могут давать в опытных руках тенденциозный до искажения истины результат».

Достаточно острой была реакция революционно настроенной публики на эту картину в Москве. Аудитория особенно отрицательно отнеслась к кинокадрам, которые с антисоветских позиций трактовали события того времени. Показанная в январе 1918 г. в кинотеатре «Форум» хроника «К открытию и роспуску Учредительного собрания» вызвала, по отзывам очевидцев, грандиозный скандал, закончившийся дракой. Неудачной оказалась ее демонстрация и в «Казино-Рома»: четыре красноармейца потребовали прекратить демонстрацию фильма. Остальные кинотеатры: «Коллизей», «Модерн» и «Унион» у Никитских ворот отказались от демонстрации фильма.

В конце ноября – начале декабря 1917 г. на основе кадров хроникальных съемок Октябрьской революции в Петрограде, Гатчине и Москве, снятых операторами Скобелевского комитета, Г.М. Болтянский смонтировал фильм «Октябрьский пере-

ворот. Вторая революция», явившийся, по сути дела, первым советским кинодокументом, отразившим события Октябрьской революции. Г.М. Болтянский в своих многочисленных статьях, мемуарах не сообщает даже приблизительно объема проведенных съемок применительно именно к данному периоду.

В.С. Листов обратил внимание на одно из его сообщений о том, что в фильме «Октябрьский переворот. Вторая революция» содержалось 400 м пленки, из которых 60 м отражали московские события¹⁴. Кроме того, он обнаружил в одной газетной заметке указание на объем этого фильма – 3 серии, 52 эпизода¹⁵. Однако эти данные далеко не исчерпывают проблемы. Во-первых, здесь также необходимо учитывать, что в фильм «Октябрьский переворот. Вторая революция», который не сохранился в оригинале, в первоначальном монтаже и в полном объеме, не вошел весь отснятый материал. В результате оказалось непросто определить первоначальный объем этого фильма. Согласно описям съемок фильма, сохранившимся в РГАКФД, в архиве имеется в неполном объеме только материал третьей серии фильма объемом 211,7 м¹⁶.

Кроме того, сохранились киносъемки под условным названием «Октябрьская революция в Петрограде» (объем 193,8 м), близкие по содержанию к фильму «Октябрьский переворот...»¹⁷. Однако надписи к кадрам этих киносъемок значительно отличаются по своему характеру и политической направленности от тех, которые включены в третью серию фильма. Обращает на себя внимание орфография текста надписей. Они были, очевидно, составлены не в 1917 г., а после октября 1918 г., когда в советской печати уже не использовали «яти», твердый знак. Исходя из того, что фильм «Октябрьский переворот. Вторая революция», по утверждению Г. Болтянского, включал 400 м пленки, можно говорить о том, что пока не удалось обнаружить, материал первой и второй серий этой картины объемом около 200 м¹⁸.

Как выяснилось, это не единственное свидетельство, по которому мы можем судить об объеме фильма. По другим документальным сведениям известно, что метраж картины составлял 500 м¹⁹. Не исключено, что указанный в первом и втором случаях объем фильма весьма условен, если иметь в виду ряд обстоятельств: большую разницу в объеме между третьей серией (ее

объем в фрагменте составляет 211,7 м) и двумя первыми (их объем не должен превышать 300 м, если исходить из указанной цифры).

Из сохранившихся петроградских киносъемок наибольший интерес для историков представляют кинокадры, запечатлевшие панораму Дворцовой площади до и после Октябрьского восстания, вид следов обстрела Зимнего дворца, разрушений Владимирского юнкерского училища. Особое значение имеют кинодокументы, зафиксировавшие штаб революции Смольный (красногвардейцы на ступеньках, проверка пропусков), броневик «Лейтенант Шмидт», орудия, проходы красногвардейцев и солдат и др. Отдельные эпизоды характеризуют обстановку на Гатчинском фронте.

Обращаясь к фильму «Октябрьский переворот. Вторая революция», следует поставить на повестку дня ряд весьма сложных вопросов. Где искать фильм? Ведь прошло после его создания более 90 лет. Нет в живых непосредственных создателей фильма; крайне скупы архивные свидетельства, почти ничего не упоминается в киноведческой и исторической литературе о фильме, его прокате в периодической печати. Какие методы поиска следует использовать сегодня? И все-таки в этой, казалось бы, безнадежной ситуации можно назвать несколько возможных вариантов и версий поиска и местонахождения фильма.

Первая версия – западноевропейская. Уникальными документами по истории России, художественным наследием нашей страны, в том числе кинодокументами, располагают страны Западной Европы согласно системе редеванса, т.е. обмена культурными ценностями, существовавшего между Февральской и Октябрьской революциями и в первое время после победы Октября²⁰. Тысячи национальных реликвий и раритетов попали за рубеж во время Гражданской войны²¹. Возможно, этот фильм «Октябрьский переворот...» демонстрировался на экранах Австрии и Венгрии, Финляндии и Баварии, где в 1918–1919 гг. была также установлена Советская власть.

Вторая версия – американская. Она возникла не на пустом месте и до сих пор считается одной из наиболее вероятных. Советское правительство, заинтересованное в пропаганде советского строя, а также важнейших событий Октябрьской революции, передавало для проката за границей наиболее удачные хроникаль-

ные и игровые фильмы. Так, в начале 1918 г. руководство петроградского отделения Скобелевского просветительного комитета направило в свое московское отделение и Моссовет следующую телеграмму: «Март 1918 г. Срочная Москва Скобелевский [комитет], копия Совдеп Преображенскому.

Согласно письму Ленина и требованию Комиссариата иностранных дел необходимо срочно отпечатать [в] течение недели для Америки 5 экземпляров позитива без надписей «Царя Николая» и 10 экземпляров «Октябрьского переворота»²².

Текст данной телеграммы важен для нас не только тем, что характеризует распространение этой киноленты за рубежом, но и точным указанием на возможность нахождения в США полного экземпляра фильма. Однако пока никаким документом не подтверждается, как было, и было ли выполнено поручение В.И. Ленина.

Версия третья – отечественная, возможно, более реальная. Она предполагает два пути поиска. Цель первого из них – выявить в отечественных архивах все кинодокументы, имеющие отношение к теме фильма «Октябрьский переворот...». В качестве основных объектов намечены три фильмохранилища: РГАКФД, Госфильмофонд России и фонд кинолетописи Российской Центральной студии документальных фильмов. Второй путь – сугубо исследовательский, более сложный и продолжительный по времени, предполагает реконструкцию ленты на основе использования научных приемов и методов источниковедческого анализа самых различных кинодокументов и прежде всего тех из них, которые составляют основу фильма «Октябрьский переворот. Вторая революция».

Острое политическое звучание имели съемки революционных событий в Финляндии, произведенные в начале февраля 1918 г. оператором П.К. Новицким под руководством помощника заведующего социально-кинематографическим отделом (теперь именно так стал именоваться киноотдел) Скобелевского комитета М.Е. Кольцова, известного советского публициста. В РГАЛИ сохранился доклад Кольцова о поездке в Финляндию, точнее, его отчет о командировке, в настоящее время опубликованный²³. В нем достаточно подробно описаны все основные съемки, сделанные на территории Финляндии как в тылу, так и на фронте Гражданской

войны: будни революционных матросов на бывших царских яхтах «Штандарт» и «Полярная звезда»; штаб Северного флота; боевые действия под Таммерфорсом; портреты руководителей финского рабочего движения и т.д. Эти кинокадры, почти полностью дошедшие до наших дней, имеют большое историческое значение, ибо показывают, по выражению М.Е. Кольцова, «неприкрашенную гражданскую войну, настоящую непримиримую кровавую классовую борьбу», которая происходила в то время в Финляндии.

Хроника Скобелевского комитета по-разному воспринималась публикой. В корреспонденции, полученной из Петрограда, говорилось, что 28 февраля 1918 г. в кинотеатре «Пикадилли» на Невском демонстрировалась картина «Переговоры в Бресте», которая была встречена свистом и криком²⁴. Администрация была вынуждена снять картину с экрана. Буржуазная публика, в основном посещавшая в то время кинотеатры, не хотела смотреть советскую хронику. Очевидно поэтому 23 февраля 1918 г. кинематографический отдел Скобелевского комитета по предложению Президиума Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и области прекратил выдачу для демонстрации девяти экземпляров этой ленты.

По мысли создателей и организаторов съемок периода Февральской и Октябрьской революций, отдельные фильмы, отражавшие эти исторические события, должны были составить 15–20 серий кинематографической истории революции. Их метраж в общей сложности должен составить 10 000 метров негатива. В печати тех лет («Московский вечерний час», 13 марта 1918 г.) отмечалось, что Скобелевским комитетом «зафиксированы наиболее выдающиеся события, имевшие место в крупных центрах России с первых дней революции».

В начале марта 1918 г. проходила эвакуация имущества Петроградского отделения Скобелевского комитета в Москву. 19 марта 1918 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению, проходившем под председательством Н.К. Крупской, было принято решение о передаче его Наркомпросу и о национализации киноотдела Скобелевского комитета. Это дало возможность, по словам Н.Ф. Преображенского, приобрести целый музей киносъемок Февральской и Октябрьской революций.

При изучении съемок Скобелевского комитета очень важно учитывать и специфику кинематографической деятельности на разных этапах его существования, особенно после Февральской революции, когда Комитет все больше уделял внимания съемкам политических событий. Нельзя игнорировать ту роль, которую это учреждение играло в организации киносъемок (имеется в виду запланированный объем съемок; лимит пленки; различного рода указания операторам, на что при съемке обращать особое внимание; осуществление цензуры и контроля над выпуском и демонстрацией кинолент).

Подводя итоги, отметим, что киносъемки Комитета требуют более глубокого и всестороннего исследования. Однако и сейчас можно утверждать, что в ряде выпусков Скобелевского комитета встречаются съемки, объективно отражающие важнейшие события Февральской и Октябрьской революций. Вряд ли руководство Комитета допускало мысль о том, что после Октябрьской революции эти съемки войдут в историю как важнейшие документы, разоблачающие политику Временного правительства и его сторонников. Операторы-кинохроникеры оставили для потомков кинодокументы о революционной борьбе народных масс. Они приобрели теперь всемирную известность, слились в нашем восприятии с представлениями о периоде Октябрьской революции. Эти кинодокументы находят широкое применение в современных документальных фильмах и программах телевидения.

В то же время нельзя не отметить следующего обстоятельства. Скобелевский комитет, отснявший довольно подробно события, связанные с созывом и роспуском Учредительного собрания, вовсе не обратил внимания на весьма значительные события, связанные с деятельностью Советской власти. Остались совершенно незафиксированными на пленку работа Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (ноябрь–декабрь 1918 г.), Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, введение рабочего контроля, саботаж чиновников, жизнь населения на территории страны и др. Отсюда можно сделать вывод, что период от Февраля до Октября 1917 г. и первые месяцы Советской власти недостаточно полно представлены в кинодокументах. Кроме того, нельзя не учиты-

вать, что ряд важнейших съемок утрачен, много ценного материала оказалось за границей. Поиск и выявление кинодокументов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны продолжает оставаться одной из актуальнейших задач современных специалистов.

Примечания

- 1 РГАКФД. № 1-12377; 1-12655; 1-12741.
- 2 Там же. № 1-12415.
- 3 Там же. № 1-12655.
- 4 В. Росоловская считает, что это указание неточно, т.к. в фильм были смонтированы съемки операторов Скобелевского комитета. См. *Росоловская В.* Указ. соч. С. 76.
- 5 *Гинзбург С.С.* Указ. соч. С. 338; *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. С. 114–116.
- 6 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 27. Д. 11. Л. 28–29.
- 7 Е.К. Брешко-Брешковская (1844–1934) – одна из организаторов и лидеров партии эсеров, с 1873 – в народническом движении. Эсеровская печать пыталась создать ей популярность, именуя ее «бабушкой русской революции». Октябрьскую революцию встретила крайне враждебно.
- 8 Кино-газета. 1924. 4 ноября. С. 2.
- 9 *Магидов В.М.* Зримая память истории... С. 61–62.
- 10 РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 43. Л. 56–57.
- 11 *Кресин М.Л.* Из воспоминаний старого киноработника // Из истории кино. Материалы и документы. Вып. 1. М., 1958. С. 95.
- 12 Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ). Ф. 369. Картон 85. Д. 5. Л. 1–2.
- 13 *Болтянский Г.* Указ. соч. С. 29.
- 14 *Листов В.С.* Указ. соч. С. 56; *Магидов В.М.* Фильм «Октябрьский переворот. Вторая революция». Проблемы поиска и источниковедческого анализа кинодокументов // Тр. Историко-архивного института. Т. 33. М.: РГГУ, 1996. С. 135.
- 15 *Листов В.С.* Указ. соч. С. 70.
- 16 РГАКФД. № 1-12530.
- 17 Там же. № 1-13071.
- 18 См.: *Болтянский Г.М.* Кинематограф в Октябрьские дни (Из воспоминаний) // Кинонеделя. 1924. № 40–41. С. 11.
- 19 РГАЛИ. Ф. 3296. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–40; *Листов В.С.* Указ. соч. С. 184.
- 20 РГАКФД. № 1-12962; 1-11549; 1-12837.
- 21 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 2. Д. 118. Л. 9; РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 43. Л. 29, 38; *Болтянский Г.М.* Политические события на экране // Сов. кино. 1926. № 4–5. С. 16.
- 22 Самое важное из всех искусств. Ленин о кино. Сб. документов и материалов. М., 1963. С. 65; *Листов В.С.* Указ. соч. С. 71; *Магидов В.М.* Зримая память истории... С. 65–66.
- 23 См.: *Кольцов М.Е.* Доклад о поездке в Финляндию // Из истории кино. Вып. 9. М., 1974. С. 30–34.
- 24 Кино-газета. 1918. № 7. С. 6.

А.А. ПРОНИН

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ПО ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Pronin A.A. Archive funds on history of emigration from Russia. Source study aspect

Аннотация / Annotation

В статье предпринята попытка обзора корпуса зарубежных и российских архивных фондов по истории российской эмиграции и российского зарубежья, материалы которых введены в научный оборот отечественными историками в 1980–2005 гг. In this article author try give the review of the case of foreign and Russian archival funds on history of the Russian emigration and the Russian abroad which materials are entered into a scientific turn by domestic historians in 1980–2005.

Ключевые слова / Keywords

Архивы, источниковедение, источники, российская эмиграция, российское зарубежье, архивные фонды. Archives, source study, Russian emigration, Russian abroad, archival funds.

Термином «российское зарубежье» принято обозначать всю совокупность деятельности и пребывания наших соотечественников за рубежом; термином «российская эмиграция» – всех оставивших страну подданных и граждан Российского государства, в разные периоды его истории уехавших за рубеж на постоянное жительство либо оказавшихся за пределами родины по политическим, экономическим и другим причинам на более или менее длительный срок.

Непредвзятое изучение российского зарубежья остается одной из актуальных научных задач на протяжении двух последних десятилетий. Причин этому несколько. Первая – в условиях появления в странах нового зарубежья многомиллионной связанной с Россией диаспоры обрело небывалую остроту изучение опыта адаптации различных слоев российской эмиграции разных волн к условиям жизни на чужбине. Вторая причина – осмысление большого творческого наследия эмигрантов имеет исключительное значение для духовного, культурного и социально-экономического

возрождения России в условиях становления новой государственности и выбора вариантов общественного развития. Наконец, третья и основная причина – необходимость пересмотра многих аспектов отечественной истории, объективной оценки прошлого нашей страны, объединения культур российского зарубежья и метрополии.

Создание научной истории российского рассеяния, начатое в 1990-е гг., требует прежде всего расширения информационной (источниковедческой и библиографической) базы исследований. Для координации усилий по выявлению круга источников были проведены конференция (1993) и совещание (1995) по проблемам россики¹ – литературы, изданной за пределами России, но содержательно относящейся к нашей стране и русским.

На страницах журнала «Вестник архивиста» и в интернет-приложении «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) была открыта специальная рубрика – «Зарубежная архивная Россия», где регулярно публикуются материалы об архивных и опубликованных источниках соответствующей тематики². За последние 10 лет журналом было опубликовано немало информационных сообщений о выставках и конференциях архивистов³, статей по проблемам методологии, теории и практики исследований документального наследия российского зарубежья⁴.

Председателем Российского общества историков-архивистов, членом редакционной коллегии «Вестника архивиста», автором ряда серьезных монографий, статей и учебных пособий по истории эмиграции проф. Е.И. Пивоваром⁵ совместно с другими исследователями на рубеже XX–XXI в. были обозначены состояние и направления изучения истории российского зарубежья⁶.

Под руководством проф. Е.И. Пивовара создана наиболее крупная (по нашим подсчетам) научная школа историков-эмигрантоведов. Среди его учеников – защищавшие диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Е.И. Алдюхова («Социальный состав российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: По материалам анкет обследования 1921–1923 гг.», 1996), В.Ф. Ершов («Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг.», 1996), О.А. Грибенчикова («Российское предпринимательство в эмиграции: (1918–1929 гг.)»),

1997), Е.Б. Парфенова («Казачья эмиграция в Европе в 1920-е гг.», 1997), А.М. Бегидов («Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–1930-е гг.», 1998), М.Г. Гришунькина («Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920–1930-е гг.», 2005). Все указанные работы представлялись к защите по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Две трети из них были выполнены в Российском государственном гуманитарном университете (Москва).

На кафедре отечественной истории новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, которой в 1996–1997 г. заведовал Е.И. Пивовар, в 2000 г. под руководством канд. ист. наук, доц. С.В. Карпенко вышли на защиту четверо диссертантов: С.С. Ипполитов («Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918–1924 гг.»), Ю.И. Руденцова («Социальная адаптация российской эмиграции во Франции, 1920–1930-е гг.»), К.А. Чистяков («Активизм“ в среде российской эмиграции: идеология, организация, практика: 1920–1930-е гг.»), И.С. Шинкарук («Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.»). Все – по специальности 07.00.02. (При характеристике научной школы преемственность часто трактуется как продолжение тематики исследований учителя в трудах учеников⁷.) На той же кафедре в 1999 г. подготовлена кандидатская диссертация О.О. Антропова «Астраханское казачье войско в первой трети XX в.: Опыт социально-исторического анализа», специальность 07.00.02 (научный руководитель – канд. ист. наук, доц. В.В. Минаев) и докторская диссертация Н.Л. Роголиной по специальности 07.00.09 на тему «Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России».

Здесь же, в Историко-архивном институте РГГУ, в 1998 г. были подготовлены к защите кандидатские диссертации историков А.В. Попова «Документы российской эмиграции в архивах Москвы. История формирования комплекса эмигрантских материалов: проблемы выявления, комплектования, описания и использования» (специальность 05.25.02, научный руководитель – д-р ист. наук Е.В. Старостин) и А.И. Сперкач «Кадетская эмиграция в Германии: (1920–1931 гг.)» (специальность 07.00.02, руко-

водитель – директор Государственного архива РФ, д-р ист. наук С.В. Мироненко).

Сказанное позволяет характеризовать научную школу ИАИ РГГУ, основоположником которой выступил проф. Е.И. Пивовар, как одну из ведущих среди эмигрантоведов. Доминирующее положение в источниковой базе всех названных исследований школы занимают впервые вводимые в научный оборот архивные документы, прежде всего, комплекс фондов Русского заграничного исторического архива (т.н. «Пражский архив»).

Вообще фонды зарубежных, российских (федеральных, региональных, ведомственных) архивов выступают важными источниками для характеристики российской эмиграции как социокультурного феномена. Обращение к хранящимся в них документам позволяет исследовать национальный, социальный, профессиональный, возрастной и половой состав до- и послеоктябрьской российской эмиграции; охарактеризовать положение российской диаспоры XIX–XX вв. в разных странах, понять политические, экономические, социальные различия основных географических центров эмиграции разных волн; исследовать вопросы социально-правовой адаптации эмигрантов; изучить деятельность в зарубежье российских военных, общественных, политических, профессиональных организаций и объединений; ознакомиться с научной, издательской и иными культурно-просветительскими видами деятельности эмиграции разных волн, культурным наследием эмиграции (проза, поэзия, философия, театр, кинематограф, изобразительное искусство); знать историю Русской православной церкви за рубежом, включая деятельность православных (духовных) миссий; и пр.

Основу источниковой базы примерно половины диссертаций эмигрантоведческого характера, защищавшихся в 1980–2005 гг., составляют документы, хранящиеся в Государственном архиве РФ (ГАРФ), при этом с 1990-х гг. на первый план выходит комплекс фондов Русского заграничного исторического архива, который насчитывает около 600 фондов. Однако, по нашим подсчетам, в указанные хронологические рамки историками-эмигрантоведами введены в научный оборот материалы лишь 160 фондов ГАРФ, из которых 76 – это личные фонды деятелей

эмиграции, главным образом первой послеоктябрьской волны (64), в значительно меньшей степени – фонды эмигрировавших до 1917 г. (9) и второй постреволюционной (4).

В помощь историкам российского зарубежья в 2001–2004 гг. вышли два тома путеводителя по ГАРФ. Один из них содержит сведения о хранящихся в ГАРФ документах учреждений белогвардейских правительств, действовавших на территории бывшей Российской империи в 1919–1922 гг., и документах эмигрантских организаций за 1918–1946 гг. Они существенно отличаются от основной массы документов архива как по своему происхождению, так и по истории комплектования. Фонды белогвардейских правительств, включенные в Путеводитель, представлены их центральными и местными учреждениями; эмигрантские фонды состоят из дел учреждений и организаций, действовавших в разных странах. Другой том содержит сведения о документах, хранящихся в личных фондах государственных и общественных деятелей СССР и РСФСР (1917–1991), государственных деятелей Российской Федерации (1991–2000), а также характеристики на личные фонды деятелей российской эмиграции и архивные коллекции, хранящиеся в ГАРФ⁸. Кроме того, в 1999 г. издательством «Российская политическая энциклопедия» издан межархивный путеводитель по фондам Русского заграничного исторического архива в Праге⁹.

Важные сведения об истории борьбы большевиков с оппозиционными партиями и течениями, антисоветской интеллигенцией содержат фонды Российского государственного архива социально-политической истории (до 1991 г. – Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Здесь же находятся фонды Г.В. Плеханова и ЦК РСДРП, раскрывающие историю идейной борьбы в рабочем движении России в начале XX в., а также документы, подтверждающие факты насильственного угона мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии (1941–1945 гг.)¹⁰

В РГАСПИ хранятся и неопубликованные официальные документы российской и заграничной организаций партии эсеров, которые отложились в фондах партийных организаций, чле-

нов партии и фондах иного происхождения¹¹. Материалы фондов «Коммунистическая партия Китая» (Ф. 514. Оп. 1) и «Сектор экстерриториальных парторганизаций (документы КВЖД)» (Ф. 17. Оп. 38) позволяют выявить издания, выпускавшиеся нашими соотечественниками в Китае¹². В фонде 17 «ЦК КПСС» и фонде 372 «Дальбюро ЦК РКП (б)» сохранились документы по различным вопросам эмигрантской жизни: о взаимоотношениях казачьей эмиграции с населением и китайскими властями; о деятельности эмигрантских казачьих благотворительных, общественно-политических и военных организаций, обществ и казачьих союзов; об участии казачества в антибольшевистской борьбе¹³.

Отложившиеся в РГАСПИ (Ф. 17, 24, 278, 341, 361, 362, 384, 451, 622) источники личного происхождения, прежде всего письма, помогают сопоставить и уточнить многие исторические сюжеты, связанные с деятельностью Ю.О. Мартова в эмиграции¹⁴. В личных фондах известных политиков: Г.В. Плеханова, П.Б. Струве, П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова (Ф. 264, 279, 316, 362) можно найти разнообразные данные об эмигрантской периодике и издательской деятельности политической эмиграции в конце XIX – начале XX в.¹⁵

Материалы о культурной жизни российской эмиграции собраны в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Архив содержит несколько десятков фондов по истории российской эмиграции межвоенного периода, среди которых фонды как общественных организаций, периодических изданий, эмигрантских учреждений, так и личного происхождения, содержащие обширную переписку между деятелями культуры и науки. В качестве примера можно назвать фонд «Русский культурно-исторический музей в Праге» (Ф. 1355), где собраны материалы о культурной жизни российской эмиграции. Фонды «Союз русских писателей и журналистов в Югославии» (Ф. 2482) и «Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии» (Ф. 2474) содержат систематические отчеты о музыкальных и литературных вечерах, сведения о благотворительных концертах, афиши и программы, рецензии и отзывы на спектакли русских театров, существовавших на территории славянских стран.

Фонд 2478 содержит материалы Русского камерного театра в Праге. Документы «Союза русских художников в Париже» (Ф. 990) раскрывают детали общественной деятельности российских художников в эмиграции, содержат списки их участников. В РГАЛИ также представлены разнообразные материалы о театральные и хоровых коллективах, существовавших при частях русской армии. Много ценной информации о культурной жизни российской эмиграции находится в личных фондах творческой интеллигенции: художницы-авангардистки Н.С. Гончаровой; живописца, театрального художника и педагога К.А. Коровина; художника, одного из основоположников русского авангарда М.Ф. Ларионова; актера немого кино И.И. Мозжухина; писателя А.М. Ремизова; актера, театрального педагога, режиссера М.А. Чехова; прозаика, критика, публициста А.А. Яблоновского и др. Вклад казаков-эмигрантов в культуру и искусство российского зарубежья отражен в материалах таких фондов РГАЛИ как фонд донского поэта и режиссера С.Ф. Супина и фонд Донского казачьего хора под управлением С.А. Жарова (Ф. 2273 и 2477). Фонды архива располагают также фотографиями, афишами и концертными программами других хоровых коллективов российского зарубежья¹⁶.

Для изучения истории дореволюционной (политической и трудовой) эмиграции из России важны фонды Российского государственного исторического архива¹⁷.

Большую научную ценность представляют материалы, находящиеся на хранении в Российском государственном военном архиве (РГВА) в фондах т. н. «Особого архива», созданного для хранения архивных фондов и коллекций иностранного происхождения, вывезенных Красной армией в конце Второй мировой войны из Германии и Восточной Европы в Москву.

Бывший «Особый архив» хранит, например, документы западных контрразведок, которые собирали информацию о российских белоэмигрантских экстремистских («активистских») организациях («Братство русской правды», «Национально-трудовой союз нового поколения», «Русская фашистская партия», «Народный союз защиты родины и свободы», «Русский политический комитет» и «Русский эвакуационный комитет» и др.), их численности,

финансовом положении, настроениях их участников, военно-политических планах; документы о возможности их использования в политических, а в отдельных случаях – и в военных целях¹⁸.

РГВА имеет в своем составе фонд «Антисоветская, антикоммунистическая фашистская литература, издававшаяся за рубежом» (Ф. 1699), который является трофейной коллекцией изданий (среди которых десятки русских), поступившей в архив в 1945 г.¹⁹ Фонд члена комитета русских беженцев во Франции Я.Л. Рубинштейна (Ф. 121 к) содержит доклады комиссий при Лиге Наций, вырезки из газет со статьями об организации служб по оказанию помощи эмигрантам, протоколы заседаний административного совета и финансовой комиссии Международного бюро по выдаче нансеновских паспортов эмигрантам, а также дело 1939–1940 гг. о ликвидации Международного бюро по выдаче нансеновских паспортов²⁰.

Интересные историкам-эмигрантоведам фонды имеются в Российском государственном военно-историческом архиве. В частности, фонд 409 содержит послужные списки русских военных, уехавших в США²¹. Материалы фондов 2007 и 5049 позволяют полнее раскрыть военную биографию ряда лидеров казачьей эмиграции (Е.И. Балабин, А.П. Богаевский и др.)²².

Историю дальневосточной эмиграции отражают документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока – единственного в России федерального архива, расположенного во Владивостоке. Источником информации о социальном составе первых переселенцев в зону КВЖД является фонд 75 РГИА ДВ. Фонд 702 «Канцелярия Приамурского Генерал-губернатора» содержит сведения о национальном и количественном соотношении европейского, в том числе и российского населения Харбина²³.

Примечания

¹ Материалы I Всероссийского рабочего совещания по проблемам «Россики». Москва, 29–30 июня 1995 г. М., 1995. 70 с.; Проблемы зарубежной архивной Россики: сб. статей / Сост. Н.Г. Томилина. М., 1997. 199 с.

² См., напр.: *Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С.* Источники по русскому зарубежью. Аннотированный указатель публикаций из отечествен-

ных журналов и продолжающихся изданий. 2005–2008 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 1. С. 193–210; *Гентике В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С.* Русское зарубежье на страницах специализированных журналов. Материалы к указателю. 2005–2010 гг. // Вестник архивиста. 2011. № 1. С. 300–308; *Гентике В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С.* Русское зарубежье на страницах специализированных журналов. Материалы к указателю. 2005–2010 гг. // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 273–280; *Петрушева Л.И.* Зарубежная архивная россика в Государственном архиве Российской Федерации. 1998–2009 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 172–183; *Сабенникова И.В.* Библиография «зарубежная архивная россика» // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 236–265; *Хорхордина Т.И.* Новое о Русском заграничном историческом архиве: события и люди // Вестник архивиста. 2006. № 2–3. С. 339–357; *Хорхордина Т.И.* Новое о Русском заграничном историческом архиве: события и люди // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 212–235; *Шмидт В.* Танзанийские источники о переселенческом движении российских немцев в немецкую Восточную Африку // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 265–272.

³ *Железняков М.К.* IX Международная научная конференция «Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России» (г. Москва): информ. сообщение // Вестник архивиста. 2007. № 1. С. 227–228; *Петрушева Л.И.* Выставка о российской эмиграции в Болгарии // Вестник архивиста. 2007. № 3. С. 253–260.

⁴ *Звавич В.И., Ловцов А.С.* Особенности поиска документов зарубежной архивной россики // Вестник архивиста. 2010. № 1. С. 66–86; *Звавич В.И., Ловцов А.С.* Особенности поиска документов зарубежной архивной россики // Вестник архивиста. 2009. № 4. С. 28–38; *Кривченко Л.А.* Из истории семьи эмигрантской поэтессы Ларисы Андерсен // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 228–234; *Попов А.В.* Документальное наследие русского зарубежья в архивах России // Вестник архивиста. 2004. № 6. С. 249–290; *Попов А.В.* Мемуары митрополита Евлогия как источник по истории российского православного зарубежья // Вестник архивиста. 2006. № 2–3. С. 157–175; *Серковская Л.В.* Из истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 28–41.

⁵ См., напр.: *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х гг. // Отечеств. история. 1993. № 5. С. 75–86; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2008. 546 с.; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: учеб. пособие для студентов / Е.И. Пивовар, Н.П. Герасимова, С.И. Голотик и др. М.: Ист.-арх. ин-т РГГУ, 1994. 117 с.

⁶ Изучение истории российского зарубежья в 1990-е гг.: Некоторые итоги и перспективы // Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Е.И. Пивовар (рук.), Е.И. Алдюхова, В.Ф. Ершов и др.; Ин-т всеобщ. истории РАН, Центр теорет. пробл. ист. науки ист. фак-та МГУ. М., 1999. С. 6–28; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье XIX – первой половины XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Ист. записки. 2000. № 3 (121). С. 237–253.

⁷ *Криворученко В.К.* Научные школы – эффективный путь проведения диссертационного исследования. URL: http://www.zpu-journal.ru/asp/scientific_schools/2007/Krivoruchenko/ (дата обращения: 01.12.2011).

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель: в 6 т. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции / Ред. С.В. Мироненко; сост. А.В. Добровская (отв. сост.), Н.И. Владимирцев, Б.Ф. Додонов, О.Н. Копылова и др. М., 2004. 793 с.; Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000) / [Сост.: М.Е. Голостенов и др.]; ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2001. 672 с.

⁹ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: межархивный путеводитель / Ответ. ред. Т.Ф. Павлова. М.: РОССПЭН, 1999. 672 с.

¹⁰ *Барихновский Г.Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921–1925 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1982. 391 с.; *Квакин А.В.* Нововеховство как кризис белой эмиграции: дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1981. 161 с.; *Тютюкин С.В.* Первая российская революция и Г.В. Плеханов: Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905–1907 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981. 334 с.; *Худобородов А.Л.* Современная историко-партийная историография борьбы В.И. Ленина, большевиков за идейное и организационное укрепление партии нового типа накануне и в годы первой русской революции: (1903–1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 219 с.; *Шуплецов В.М.* Насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии: (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982. 227 с.

¹¹ *Чубыкин И.В.* Российские социалисты-революционеры в эмиграции: (1920 е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 25 с.

¹² *Букреев А.И.* Книжные собрания русских эмигрантов и репатриантов из Китая в коллекциях стран Азиатско-Тихоокеанского региона: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 250 с.

¹³ *Фомин К.В.* Казачья эмиграция в Китае: (1922–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 163 с.

¹⁴ *Казарова Н.А.* Политические взгляды и деятельность Ю.О. Мартова: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 1999. 348 с.

¹⁵ *Савченко А.И.* Пресса российской политической эмиграции в конце XIX–начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 395 с.

¹⁶ *Бакина Н.Е.* Российские художники-эмигранты во Франции: аспекты адаптации: (1918–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 199 с.; *Маргар О.И.* История российской артистической эмиграции в славянских странах: 1918–1939 гг.: (Чехословакия, Югославия, Болгария): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. 203 с.; *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 424 с.; *Филитова М.В.* Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920–1933 гг.: Живопись и театр: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001. 223 с.; *Худобородов А.Л.* Российское казачество в эмиграции: (1920–1945 гг.): Социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 433 с.

¹⁷ *Ананян Е.В.* Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2004. 172 с.; *Дайирбекова Р.А.* Российская политическая эмиграция в Болгарии в 80–90-е годы XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 208 с.; *Соколов А.С.* Русские в Америке в конце XIX в.: Социально-экономические, общественно-политические и научные контакты, 1881–1900 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 193 с.; *Сундиева А.А.* П.Л. Лавров и «Народная воля»: дис. ... канд.

ист. наук. М., 1984. 224 с.; *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма: в Германию, Скандинавские страны и США: дис. ... д-ра ист. наук. Кишинев, 1986. 312 с.; *Уляшев И.Н.* Проблема создания партии нового типа в трудах В.И. Ленина и переписка редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, 1900–1903 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 180 с.

¹⁸ *Бегидов А.М.* Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 278 с.; *Ершов В.Ф.* Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 213 с.; *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1920–45 гг.: организация, идеология, экстремизм: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 486 с.; *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 195 с.; *Парфенова Е.Б.* Казачья эмиграция в Европе в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 226 с.; *Чистяков К.А.* «Активизм» в среде российской эмиграции: идеология, организация, практика: (1920–1930-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 200 с.

¹⁹ *Букреев А.И.* Книжные собрания русских эмигрантов и репатриантов из Китая в коллекциях стран Азиатско-Тихоокеанского региона: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 250 с.

²⁰ *Бочарова З.С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов: исторический анализ: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 449 с.

²¹ *Хисамутдинов А.А.* Деятельность общин американцев русского происхождения на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах: 1867–1980-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 459 с.

²² *Худобородов А.Л.* Российское казачество в эмиграции: (1920–1945 гг.): Социальные, военно-политические и культурные проблемы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 433 с.

²³ *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 183 с.; *Куликова Н.В.* Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае: (1917–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 248 с.; *Ревякина Т.В.* Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае: (начало 1920 – середина 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 308 с.; *Хисамутдинов А.А.* Деятельность общин американцев русского происхождения на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах: 1867–1980-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 459 с.

Продолжение следует

ИСТОЧНИКИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ. 1920-е гг.

**Pashin V.P. Sources on personnel policy
of Bolsheviks party research. 1920's**

Аннотация / Annotation

В статье раскрывается важность использования в научных исследованиях по вопросам работы с кадрами партии большевиков опубликованных источников. Приводится основной их перечень и общие характеристики.

In the article reveals the importance of using the published sources in the scientific research on personnel policy of Bolsheviks party. There is a list of primary sources and their general characteristics.

Ключевые слова / Keywords

Источники, номенклатура, кадры, Орграспредотдел ЦК, партия большевиков. Sources, nomenclature, personell, Organizing and distributive department of Central Committee, the Bolsheviks party.

Одна из центральных проблем отечественных исторических исследований XX века – деятельность РСДРП (б) – РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. История большевизма – центральный политический, идеологический, социальный фактор в жизни советского общества.

С момента зарождения большевизма первостепенное значение придавалось их лидерами организационным вопросам, подчиняя их требованиям политической линии. Общая концептуальная линия – марксизм, считало руководство партии большевиков, выработана и определена. Поэтому главная задача – подбор кадров исполнителей.

Именно в партии большевиков зародилась и сформировалась административная система, чему в немалой степени способствовали условия подполья и эмиграции, с их суровой партийной дисциплиной, Гражданская война и политика «военного коммунизма». Принципы и методы партийного строительства затем полностью были сфокусированы и на государственное строи-

тельство. В связи с этим научное изучение нашего прошлого, истории большевизма и советского общества невозможно без осмысления партийной номенклатуры – основы советского социализма.

Несмотря на почти 70-летнюю историю своего «юридически оформленного» существования в нашем обществе, номенклатуры как бы и не было. Не только изучение, но и упоминание о ней находилось фактически под запретом. Важно сегодня объективно разобраться в этом вопросе, видеть его адекватное сущностное отражение, а не только внешнюю форму проявления.

В СМИ и научной литературе 1930-х – первой половине 1980-х гг. термин «номенклатура» не получил широкого распространения. Одно из немногих его определений, наиболее полно отражающей его суть, обозначено в учебном пособии для партийных школ. «Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и др.). Освобождение от работы лица, входящего в номенклатуру партийного комитета, происходит также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах»¹.

Изучение проблем номенклатуры позволит по-новому взглянуть на официально традиционные принципы в кадровой политике РКП (б) – ВКП (б) – КПСС, классово-партийный подход при оценке человеческой личности и переосмыслить их.

В современных условиях проявляется тенденция преувеличения роли архивных документов, их абсолютизация и переоценка. Нередко на основе одного–двух выявленных документов делаются обобщающие выводы в целом на историческое время, регион. Одновременно идет процесс недооценки опубликованных документов, средств массовой информации. Между тем значение опубликованных источников не стоит ни преувеличивать, ни недооценивать. Отдельные проблемы вообще нельзя изучать без публикаций – идеологические вопросы, например. К числу опубликованных источников относятся документы партии и правительства, произведения их руководителей и мемуары, периоди-

ческая и непериодическая печать. В статье предпримем попытку дать общие характеристики опубликованных документов и некоторые аспекты методики работы с ними при изучении становления механизма номенклатуры в 1920-е гг.

В 1920-е годы, особенно в их первой половине, опубликовано достаточно большое количество документов, даже их проектов, которые в 1930-е и последующие годы получают гриф «секретно».

Долгие годы вне научной критики оставались произведения Маркса – Энгельса – Ленина, а периодически во временной ауре – здравствующих и правящих Генеральных (первых) секретарей партии и иных «выдающихся деятелей» мирового коммунистического движения и советского государства.

Большевистская интерпретация классиков марксизма–ленинизма, основополагающих партийных документов проявили свою несостоятельность. Внедрение политизированного сознания в область гносеологии не допускало ранее многомерного изучения действительности.

При работе с подобными источниками следует избегать «цитатной» методологии. Приведение и сопоставление цитат не позволяет проникнуть в суть проблемы. В конечном итоге важно не что сказали, а почему сказали, что сделано в соответствии со сказанным. Метод цитатничества – тупиковый метод. Ведь не случайно все преобразования и изменения в советском обществе «освещали» цитатами В.И. Ленина.

Официально проводимый курс партии в области организационно-партийной работы отражается в документах партийных органов и партийных организаций: Программе и Уставе партии, стенограммах партийных съездов, материалах конференций и Пленумов ЦК. К материалам партийных съездов тесно примыкают документы руководящих партийных органов, прежде всего ЦК и местных партийных органов и организаций. Постановления ЦК и партийные решения, принятые совместно с Советом Народных Комиссаров по вопросам работы с кадрами, конкретизировали решения съездов.

Необходимо вести анализ документов не только с позиции времени, в которое они появились, но и сравнивать их проекты с

окончательным вариантом, с какой целью они создавались, какие личности их создавали.

Понять суть исследуемой проблемы невозможно без произведений, статей и речей деятелей Коммунистической партии и Советского государства и так называемых «оппозиционеров» – членов партии, стоявших на противоположных официально проводимому партийному курсу позициях. Их значение тем более будет возрастать, т.к. исторический процесс все более изучается не через близкую деятельность «партии и народных масс», абстрактные фигуры, а живую и конкретную деятельность конкретного человека. Сопоставление взглядов позволяет вскрыть некоторые характерные одиозные и позитивные черты функционирования партийного аппарата.

Большое значение в изучении поставленной проблемы имеет информационное партийное издание – «Известия ЦК РКП (б)», с конца 1925 г. – «Известия ЦК ВКП (б)». Первоначально журнал выходил ежемесячно, а с октября 1924 г. – еженедельно. Он являлся основным органом, освещавшим текущую работу Оргбюро, Секретариата, отделов и комиссий ЦК через публикацию их важнейших постановлений и решений, отчетов об их работе за месяц, квартал, год. В руководящих статьях, обзорах давалось предварительное и последующее освещение основных вопросов партийной жизни, стоящих в порядке работы Оргбюро, Секретариата, отделов и комиссий.

В разделе «Партийная жизнь на местах» через статьи, обзоры, хроникальные заметки освещались состояние и практика работы отдельных организаций. В журнале публиковались резолюции, циркуляры, циркулярные указания и другие официальные материалы ЦК, обязательные для руководств местным партийным организациям в работе с кадрами. Всего с мая 1919 г. по октябрь 1929 г. вышло 287 номеров «Известий ЦК».

В 1929 г. журнал преобразуется в «Партийное строительство». Новый журнал только «информировал» членов партии о работе ЦК ВКП (б) и его некоторых отделов. Основная его задача состояла в «содействии местным партийным организациям в разъяснении решений ЦК, а также мобилизации кадров на практическое проведение и проверку исполнения этих решений»².

Другим важным журналом по исследованию поставленной проблемы является журнал «Большевик» – массовое теоретическое издание ЦК партии. По его публикациям можно проследить, как разворачивалась борьба за «идейную монолитность партии», «беспощадно разоблачать уклоны», подбирались «идейно-выдержанные» кадры руководителей. Созданный после дискуссии в РКП (б) 1923 г., он был использован как «идеологическая дубина» И.В. Сталина, основным своим содержанием направляясь им на защиту «линии партии» от наскоков как «справа», так и «слева». Большой интерес представляют изменения, происходившие в редакционном составе журнала. В первые годы известное влияние на его облик оказывали Н. Бухарин, Л. Каменев, И. Вардин. Существенное место отводилось статьям теоретического плана, внутривластным и экономическим обзорам. После «разоблачения правового уклона в партии», с конца 1920-х – начала 1930-х гг., за последнее теоретическое слово стали выдавать статьи членов ЦК, руководящих деятелей партии, пользующихся покровительством Сталина и его ближайшего окружения.

Важным сборником документов ЦК партии, материалов директивного и нормативного характера является 1-е издание «Справочника партийного работника». С 1921 по 1926 гг. (I–V выпуски) Справочник выходил ежегодно. VI выпуск вышел в 1928 г., VII – в 1930, VIII – в 1934 г.

В 1920-е гг., особенно в первой половине, издавались тематические и видовые сборники, публиковались отдельные документы. Они раскрывали основные требования к постановке учета номенклатурных работников, показывали основные критерии учетной работы, приводили образцы учетных документов. Местными издательствами широко публиковались документы областных и губернских партийных организаций³.

Показателем гласности в обществе и в партии в 1920-е гг. являлся характер подбираемых документов по дискуссионным вопросам в зависимости от времени выпуска сборника.

Сборники, подготавливаемые к определенным съездам партии, включали в себя отчеты отделов ЦК РКП (б) – ВКП (б). Публиковались материалы к Орготчету ЦК партии большевиков по

внутрипартийной работе, по работе с руководящими кадрами народного хозяйства⁴. В отчетах имелись разделы, характеризующие организационную и распределительную работу партии, процессы «коммунизации» руководящих кадров, «выдвиженчества» от станка и плуга на руководящие должности, ведомственное распределение.

Большой интерес, для анализа работы партии с хозяйственными кадрами, представляют тематические сборники, издававшиеся по материалам работы Орграспредотдела ЦК РКП (б)⁵. Приводится уникальный материал в области учетно-распределительной работы партии в промышленности, на транспорте, в руководящих партийных органах, отражающий процессы «коммунизации» и «орабочения» различных категорий руководящих кадров. Наряду с богатым цифровым материалом раскрывается и механизм функционирования учетно-распределительной работы партии, разъясняются некоторые партийные решения по данному вопросу. Здесь четко прослеживается политика социального апартеида в отношении «бывших», перечень которых законодательно был закреплен в Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г.

Необходимо выделить в качестве источника заявленной темы исследования книгу Я. Бинемана, С. Хейнмана, которая содержит материалы переписки Орграспредотдела ЦК с нижестоящими структурами, а также и состав госаппарата по состоянию на 1 сентября 1929 г.⁶ Приводятся формы анкет, включавшие в себя 12 блоков вопросов, в том числе: возраст, партийность, социальное положение, работа в дореволюционном царском аппарате, образование и пр. Перепись охватила 825 086 человек, из них управленцев промышленных предприятий – 45 986⁷.

Но, несмотря на обилие материала, сгруппировать его в единое целое, с целью выявления динамики на протяжении нескольких лет, не представляется возможным. Исследуя одну и ту же проблему, авторы брали разные регионы страны и отрасли народного хозяйства, различные уровни руководящих кадров, объединения и разъединения их.

В любом случае, к публикуемым цифрам следует подходить критически, проверяя их достоверность по трем–четырем источникам, в том числе и архивным. Например, почти во всех открытых

публикациях писалось, что утвержденная в 1923 г. номенклатура № 1 составляла цифру 3 500, вторая – 1 500. Но в подписанных В. Молотовым и Л. Кагановичем списках должностей центральных учреждений и местных органов, хранящихся в архиве, есть следующие цифры – 3 581 и 1 458 соответственно⁸. Или в журнале «Известия ЦК РКП (б)» указывалось, что 7 комиссий ЦК партии проверили к одному и тому же сроку 38% списочного состава номенклатуры № 1. В книге «Руководящие кадры РКП (б) и их распределение» – 30%, а фактически – 31%⁹.

Изучение проблемы номенклатуры требует привлечения и материалов общепартийных переписей¹⁰. Они позволяют дать общее представление об образовательном уровне «руководящей и направляющей силы общества», социальном составе, динамике роста ее рядов.

В целом необходимо отметить, что в первой половине 1920-х гг. публикуемые документы давали широкое представление о работе аппарата партии с руководящими кадрами. Они позволяют осмыслить историческую и теоретическую часть проблемы подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров, изучить, как вопросы оргпартработы разрабатывались в официальных партийных документах.

С середины 1920-х гг. происходит резкое сокращение публикуемых документов, которые все чаще распространялись через закрытые письма и инструкции. Обнарождаются партийные документы общего пропагандистского характера. Большинство конкретно-разъясняющих документов помечались грифами «не для печати», «совершенно секретно», «для служебного пользования» и т.д. Подобные грифы стали распространяться и на литературу. Автор настоящей статьи в начале 1990-х гг. лично видел книгу Э. Кара «История Советской России», издательство «Прогресс», 1990 г. выпуска, с грифом Д.С.П.¹¹

К числу источников, позволяющих раскрыть основные направления деятельности партийного аппарата в области работы с кадрами, относится и непериодическая печать: научная, политическая и художественная литература в той ее части, которая непосредственно отражала работу аппарата партии, психологию их руководителей и стиль деятельности. Особо следует выделить

брошюры и книги авторов, описывающих собственный опыт работы. От газетных и журнальных статей они отличаются не только обстоятельным изложением существа проблемы, но и большим удельным весом авторских обобщений. Однако они охватывают небольшой круг источников. Поэтому выводы и предложения или вообще отсутствуют, или носят, скорее, узкоутилитарный, чем широко научный характер.

Мемуары несут на себе отпечаток авторских симпатий и антипатий, времени публикации. Их значение тем более возрастает, что открылись спецхраны, где «складировались» воспоминания «неугодных» авторов и свидетелей исторических событий. Мемуары отражают колорит эпохи, не связанный с официальной доктриной. Здесь в полной силе рисуются человеческие характеры, передается накал обстановки событий. Так, Л. Троцкий, Н. Валентинов, Б. Бажанов¹², работая в аппарате ЦК 1920-х гг., изнутри видели механизм действия партийных органов. Их книги позволяют увидеть, сравнить официальные партийные документы, официальные выступления и практику реальной жизни.

Но в ряде случаев ненависть к аппарату, лично к И. Сталину, перехлестывает через край. Если посмотреть на мемуары Бажанова, то весь аппарат состоял из глупых и недалеких людей, и только он являлся единственным «умным и талантливым». По Бажанову теория марксизма–ленинизма – «галиматья» и т.д.

Многочисленные мемуары и воспоминания, опубликованные в советской печати, позволяют посмотреть на 1920-е гг. их глазами, понять некоторые действия партийного руководства того времени. Особенно ценны воспоминания, опубликованные в первое десятилетие Советской власти, которые не были еще «приглажены» в угоду тому или другому партийному деятелю.

Но к мемуарам, как ни к какому другому источнику, следует относиться осторожно. Их значимость проявляется в соотношении с другими документами, в сравнительном анализе.

Наряду с публицистической литературой источником для изучения нравственных отношений среди номенклатурных работников служит художественная литература. Художественный образ не предполагает документального и точного

воспроизведения факта. Но типизация образа позволяет глубже понять отображенную фактическую информацию.

Научная литература позволяет выявить содержание и направления исследовательской работы. Умение адекватно отражать практику и обобщать ее является важным показателем раскрепощения мысли.

Таким образом, опубликованные источники, при их умелом использовании и широком охвате, позволяют достаточно полно выявить общие тенденции развития работы аппарата партии большевиков по подбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров. И игнорировать их в исследовательской работе не совсем правомерно. А выявленные 2-3 факта в архивах – еще не повод к утверждению всеобщности явления. Необходимы корректность и научная добросовестность.

Примечания

- ¹ Партийное строительство. Уч. пособие, изд. 6-е. М., 1981. С. 300.
- ² См.: О журнале «Партийное строительство». Постановление ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1933 г. // Партийное строительство. 1933. № 7. С. 5.
- ³ См.: Итоги трехлетнего партийного и советского строительства в Новгородской губернии. Новгород, 1920; Сборник циркуляров, инструкций и положений о постановке партийной работы. Воронеж, 1921; Справочник партийного работника. Составлен Секретариатом ЦК РКП (б). М., 1921; Справочник партийного работника. Вып. I–VIII. М., 1921–1924, 1934; Справочник партийного работника. М.–Л., 1926, 1928, 1930; Партийная работа в новых условиях (Итоги и задачи по Тульской губернии. Сб. ст. и официальных распоряжений. Тула, 1922; Вопросы партийного строительства. М., 1923; Резолюция ЦК и ЦКК по партийному и хозяйственному строительству. М., 1924; Материалы по вопросам партийного строительства XIV Всесоюзной партийной конференции и к совещанию заворгов губкомов и обкомов (Проекты постановлений ЦК, разработанных Орграспредотделом ЦК). М.–Л., 1925; О партийно-организационной работе. Материалы, разработанные организационной секцией XIV Московской губернской партийной конференцией ВКП (б) и утвержденной бюро МК ВКП (б) 9 января 1926 г. М., 1926; Вопросы партийного строительства (материалы и документы под ред. Г. Баклаева). М., 1927; Материалы к отчету ЦКК ВКП (б) XVI съезду ВКП (б). Составленный ОГПИУ (к докладу т. Орджоникидзе). М., 1930; Номенклатура должностей, подбор работников на которые производится постановлением обкома и через согласование с соответствующими отделами. Смоленск, 1931 и др.
- ⁴ См.: К XV съезду ВКП (б). М.–Л., 1927; Справочник о составе руководящих кадров центральных и местных учреждений. Вып. I. Руководящие кадры партийных и профсоюзных органов. М., 1928; К XVI съезду ВКП (б). Вып. I. Внутрипартийная работа. М., 1930; Вып. III. Кадры. М., 1930 и др.

⁵ См.: Итоги партийной работы за год (1922–1923). М., 1923; Руководящие кадры РКП (б) и их распределение: 1–3-е издание. М., 1924–1925 гг.; Состав крупной промышленности. М., 1924; Местный аппарат хозяйственных, торговых и кредитных органов. М., 1925 и др.

⁶ См.: *Бинеман Я., Хейнман С.* Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР. М., 1930.

⁷ См.: *Бинеман Я., Хейнман С.* Указ. Соч. С. 5, 62.

⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 49. Л. 57–67.

⁹ См.: Известия ЦК РКП (б). 1924. № 62. С. 43; Руководящие кадры РКП (б) и их распределение. М., 1924. С. 19.

¹⁰ См.: РКП(б) в цифрах. (Вып. IV). М., 1925; ВКП (б) в цифрах. (Вып. V–VIII). М., 1926–1928.

¹¹ Д.С.П. – гриф документа для служебного пользования.

¹² См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. В 2 т. М., 1990; *Он же.* Моя жизнь: опыт автобиография. В 2-х т. М., 1990 и др.; *Валентинов Н.В.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Stanford, 1971; *Он же.* Наследники Ленина. М., 1991; *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980 и др.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОТМЕНЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВВЕДЕНИИ АНТИРЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1917–1929 гг.

Sinelnikov S.P. The State Archive of Russian Federation documents about abolish religious education and the introduction of anti-religious upbringing in Soviet Russia (1917–1929)

Аннотация / Annotation

В статье анализируются фонды Государственного архива Российской Федерации, которые содержат документы по истории отмены религиозного образования и введения антирелигиозного воспитания в советской России в 1917–1929 гг. Архивные материалы раскрывают масштабную деятельность государственных органов власти и управления, общественных организаций, нацеленную на полную ликвидацию всех форм обучения религиозным основам. С другой стороны, документы Священного собора, антисоветских правительств и многочисленные письма, в том числе советских граждан, выражают позицию, направленную на сохранение религиозного образования для детей и взрослых.

Collections of the State Archive of the Russian Federation contain documents on the history of the abolition of religious education and the introduction of anti-religious upbringing in Soviet Russia in 1917–1929. Archival material reveals a large-scale activity of state administrative bodies, public organizations, aimed at the complete elimination of all forms of religious education. On the other hand, the documents of the Holy Council, the anti-Soviet governments, and numerous letters from citizens, express their attitudes in order to preserve religious education for children and adults.

Ключевые слова

Источник, архив, ГАРФ, Закон Божий, религиозное образование, антирелигиозное воспитание, советское правительство, Народный комиссариат юстиции, Народный комиссариат просвещения, НКВД, Священный собор Православной российской церкви. Source, archive, GARF, Law of God, religious education, anti-religious upbringing, Soviet government, People's Commissariats of Justice, Education and Internal Affairs (NKVD), Holy Council (Convocation) of the Russian Orthodox Church.

Документальная база исследуемой тематики достаточно широка и включает в себя различные виды источников. Большая часть законодательных актов – декретов и постановлений ВЦИК и СНК, а также постановлений и приказов комиссариатов просвещения, по военным делам, государственного призрения, имуществ, внутренних дел, юстиции, регламентировавших курс на устранение религиозного обучения и носившая нормативно-обязательный и общеприменительный характер, опубликована в Собрании узаконений правительства (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ). М., 1917–1929).

В первые годы советской власти изданы отдельными книгами сборники документов¹. В отличие от официальных правительственных изданий здесь помещался обширный круг подзаконных актов – ведомственных циркуляров, инструкций и разъяснений НКВД, Наркомюста и Наркомпроса, а также краткие юридические комментарии составителей. Документы, относящиеся к деятельности Наркомпроса и его структур, характеризующие политику государственных органов в области культуры, образования и просвещения, представлены отдельными тематическими книгами². В 1996 г. был издан сборник, содержащий законодательские материалы советских государственных органов по церковно-государственным отношениям в целом и по части религиозного образования³.

Церковное законодательство, имеющее важное значение для членов Церкви, приходов, благочиний и епархий, представлено указами и определениями Священного синода, Святейшего патриарха и Священного собора. Значительным и содержательным трудом, раскрывающим беспрецедентную законодательскую деятельность Церкви в 1917–1918 г., является сборник документов «Акты Святейшего Тихона»⁴. Подробно и основательно освещена позиция и деятельность Церкви в отношении религиозного образования в советских условиях – в постановлениях и определениях Св. собора, опубликованных отдельными книгами в «Собрании определений и постановлений», в «Деяниях» Св. собора и статье из «Богословского вестника»⁵. Определенный вклад в изучение темы вносят публикации документов последних лет⁶.

В 1920-е гг. сложилась, как представляется, трехуровневая система государственного контроля, значительно сократившего правовое поле деятельности Церкви, в том числе и в сфере образования. К таким структурам относились, во-первых, высшие или надгосударственные органы в лице ЦК РКП (б)–ВКП (б), его рабочего аппарата – Отдела агитации, пропаганды и печати (АППО) и образованной Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП (б), которая выработывала общую линию по ликвидации Церкви как института (1922–1929). Во-вторых, высшими органами власти и управления, утверждающими и проводящими политику полного отделения Церкви от государства были ВЦИК (президиум и секретариат) и Совет народных комиссаров с правительственными органами и структурами в лице наркоматов и их отделов – Наркомюста и его VIII (V) ликвидационного (культурного) отдела (1918–1929), Госкомиссии по просвещению Наркомпроса (1917–1918), Наркомпроса и его отделов и управлений (отдела единой школы и др., управлений – Главсоцвоса, Главполитпросвета, ГУСа), Административного подотдела отдела управления НКВД, 6-го отдела секретного отделения ОГПУ, а также созданной в 1929 г. Постоянной комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. И, в-третьих, информационно-агитационную и пропагандистскую деятельность осуществляли неправительственные общественные, союзные и профессиональные организации, претендовавшие на общественный размах и инициативу в деле антирелигиозной пропаганды и просвещения (Общество друзей газеты «Безбожник», Союз воинствующих безбожников, РКСМ, ВЦСПС и другие). Все указанные выше государственные органы издавали и проводили в жизнь декреты и постановления, распоряжения и инструкции, циркуляры и разъяснения, прямо или косвенно запрещающие и отменяющие религиозное образование, сужающие сферу обучения религии⁷. А союзные и общественные организации, целиком поддерживая решения партии и правительства, показывая со своей стороны пример, призывали общественность к активной борьбе против религии.

Собранные в архивохранилищах делопроизводственные документы центральных советских учреждений и материалы церковных органов требуют дальнейшего глубокого изучения и осмыс-

ления. Фонды Государственного архива Российской Федерации содержат руководящие документы центральных органов власти, доклады, циркуляры, инструкции и разъяснения, направляемые в губернии, а также отчеты и служебную переписку – внутриведомственную, межведомственную и с местными органами власти. Среди архивных документов имеются проекты, письма и предложения по тем или иным вопросам, касающимся отмены религиозного образования. Необходимое первичное представление о фондах ГАРФ дают путеводители, в которых содержатся обобщенные аннотации фондов⁸. Более компетентное суждение о содержательной стороне отдельных фондов можно приобрести, ознакомившись с тематическим указателем, составленным сотрудниками архива для исследователей⁹.

Особо ценным и информативным является фонд Народного комиссариата юстиции РСФСР (Наркомюст РСФСР) (1917–1925), специальный отдел которого был призван устранять не соответствовавшие Декрету проявления церковной жизни и деятельности. Делопроизводственные документы Наркомюста включают в себя переписку, сообщения и разъяснения VIII отдела по отдельным поводам и запросам, выдачу ответов на те или иные предложения с мест. К этой группе документов относятся заявления и прошения коллективов верующих, прихожан, уполномоченных приходов, председателей церковных советов, настоятелей церквей и законоучителей, благочинных, неуполномоченных заявителей и отдельных граждан о необходимости возобновления преподавания Закона Божия. Некоторые священники наивно и явно не по адресу предлагали VIII отделу Наркомюста меры по совершенствованию духовно-нравственного воспитания путем реформирования преподавания Закона Божия и т.д. В указанном фонде содержатся материалы, свидетельствующие об отношении граждан к декрету об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, а также к запрещению преподавания Закона Божия¹⁰.

Фонд Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос РСФСР) (1917–1929) содержит материалы, свидетельствующие о стремлении взять под тотальный контроль не только разные типы образовательных учреждений, подвергнув их огосударствлению, но и охватив все формы и виды внешкольной и негосу-

дарственной образовательной деятельности¹¹. Особой заботой Наркомпроса и его коллегии была отмена Закона Божия в школе и наполнение программ преподавания гуманитарных и естественнонаучных учебных дисциплин (комплексов) антирелигиозным содержанием.

В документах фонда Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР) (1917–1930) отложились протоколы заседаний коллегий Наркомпроса, Наркомюста, Большой и Малой Государственной комиссии по просвещению, заявления граждан, постановления и разъяснения Административного подотдела отдела управления и Административного отдела НКВД, межведомственного совещания при НКВД и др.¹² В этих документах рассматривались вопросы о преподавании Закона Божия, о духовных учебных заведениях и их передаче в ведение Наркомпроса, о порядке открытия религиозных курсов и контроля над ними, инструкции о проведении в жизнь декрета, об отмене прежних разрешительных в отношении мусульманского религиозного образования решений, переписка о разрешении в порядке религиозно-образовательной подготовки к конфирмации лютеран для детей с 15-летнего возраста и т.д.

В материалах фонда Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917–1929) имеются документы и материалы из папки «мусульманские дела», освещающие вопрос о преподавании мусульманского вероучения детям с 15 лет, а также заявление Патриарха Тихона председателю ВЦИК, содержащее юридический анализ антицерковных постановлений советской власти¹³.

В фонде Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР (СВБ СССР) (1922–1931) помимо резолюций, директивных и информационных материалов, сосредоточен большой массив писем, обращений, заметок, корреспонденций и статей в редакцию газеты «Безбожник», поступивших от граждан – взрослых и детей, учителей и учащихся¹⁴. Все письма посвящены одной теме – антирелигиозному воспитанию в школе. Встречаются письма-исповеди, в которых учащиеся анализируют перемены в своих религиозных воззрениях.

Структурные подразделения Наркомпроса также были призваны заниматься вопросами антирелигиозного воспитания в школе. В фонде Секретариата заместителя наркома просвещения РСФСР Н.К. Крупской (1927) собраны многочисленные письма от граждан, высказывавших свои пожелания и предложения в вопросе антирелигиозного воспитания¹⁵. За научно-педагогическую, идеологическую сторону содержания школьных программ отвечала научно-педагогическая секция Государственного ученого совета (ГУС)¹⁶.

Одним из главных управлений Наркомпроса РСФСР был Главсоцвос и его школьный отдел, обязанность которого состояла в практическом приложении заложенного в программах и учебниках содержания образования. Документы фонда Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (протоколы коллегии, письма, протоколы совещаний инспекторов школьного отдела) показывают, как готовилось решение о переходе к антирелигиозному воспитанию в школе¹⁷.

Отдельные важные по теме документы имеются в материалах органов, курировавших деятельность Церкви во второй половине 1920-х гг. – Административной комиссии при Президиуме ВЦИК (1923–1927)¹⁸, а также Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (1929–1938)¹⁹. Вопросы истории отмены религиозного образования и введения антирелигиозного воспитания в 1917–1929 гг. нашли отражение в исследованиях и опубликованных документах М.И. Одинцова, А.Л. Беглова, А.Г. Кравецкого, М.В. Шкаровского и других авторов²⁰.

Другая точка зрения на религиозное образование представлена в церковных делопроизводственных документах – в фонде Всероссийского Церковного Поместного Собора (Священного собора) Православной российской церкви (1917–1918)²¹. Неопубликованные материалы Св. собора 1917–1918 гг. помимо определений, прямо относящихся к религиозному образованию, содержат выписки из протоколов Соборного совета, предваряющих соборные определения, резолюции 1-го Всероссийского Родительского съезда по религиозно-нравственному обучению и воспитанию, протоколы заседаний XV-го отдела о преподавании Закона Божия, предварительно обсуждавшего и готовившего все

соборные постановления о религиозном образовании, многочисленные обращения к Собору родителей, педагогических коллективов, законоучителей о сохранении обязательности Закона Божия, докладные записки Патриарху Тихону от председателя секции по религиозно-нравственному воспитанию при Союзе родительских организаций и т.д.

Положение Церкви и состояние религиозного образования в регионах, к примеру, на Дону, характеризуют фонды Особой комиссии при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России по расследованию действий большевиков, Отдела народного просвещения правительства Всевеликого войска Донского (1918–1919) и Временного высшего церковного управления (ВВЦУ) на Юго-Востоке России (1919–1920)²². В указанных материалах показаны результаты разгрома Донской церкви и усилия правительства Дона и ВВЦУ по восстановлению религиозного обучения в школах, а также выражено соборное мнение Церкви и народа на факт запрещения преподавания Закона Божия.

Изучение архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что особая роль в правовой регламентации антицерковных мероприятий по отделению Церкви от народа и религии от общества принадлежала VIII (V) ликвидационному отделу Наркомюста РСФСР, который с 1918 по 1924 г. являлся главным государственным органом в деле ликвидации религиозного образования и других форм деятельности Церкви в обществе. С 1924 г. все большее влияние в контроле над религиозным обучением и духовным образованием оказывал НКВД. Наркомпрос, отвечавший за школьную политику и воспитание детей и принимавший самое активное участие в отмене преподавания Закона Божия в советской школе, в 1927–1929 гг. стал главным учреждением антирелигиозного воспитания.

Таким образом, материалы ГАРФ дают полное и объемное представление о состоянии вопроса о религиозном образовании – с двух сторон – исходя из установок гонителей Церкви, противников православной веры и религиозного образования и с позиции убежденных сторонников и защитников обучения детей Закону Божию.

Примечания

¹ *Гидулянов П.В.* Отделение Церкви от Государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других советских социалистических республик [Систематизированный сборник действующего в СССР законодательства] / Под ред. П.А. Красикова. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 712 с.; *Филолетов Н.Н.* Церковь и государство по советскому праву. II. (Обзор и комментарий законодательства по вопросам отношения церкви и государства за 1923 и начало 1924 г.). М.-Саратов, 1924. 54 с.; *Орлеанский Н.* Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М.: Изд-во «Безбожник», 1930. 224 с.

² Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: «Педагогика», 1974. 560 с.; Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 1. Документы и материалы. 1917–1920 / Главархив РСФСР, ЦГА РСФСР. М.: Сов. Россия, 1983. 464 с.

³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. 352 с.

⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. Сборник в двух частях / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. 1064 с.

⁵ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 1-й. 34 с.; Вып. 2-й. 30 с.; Вып. 3-й. 68 с.; Вып. 4-й. 55 с.; Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / Вступ. статья и публ. подготовлены прот. Владиславом Цыпиним // Богословский вестник. 1993. Т. [1.] № 1. С. 102–174.

⁶ «Наркомпросу необходимо взять более решительный курс...»: Документы ГАРФ и РГАСПИ о введении антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 гг. [Электронный ресурс] / Вступит. статья, подгот. текста к публикации и коммент. В.А. Шевченко // Альманах «Россия. XX век». [Фонд А.Н. Яковлева]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-document/1004618> (Дата обращения: 12.10.2009); «Желаем, чтобы наши дети были верующими в Бога»: Обращения граждан в Св. Собор Православной Российской Церкви и органы советской власти в защиту религиозного образования (1918–1921) / Вступит. статья, подготовка текста к публикации и комментарии С.П. Синельникова // Альманах «Россия. XX век» [Фонд А.Н. Яковлева]. Дата обновления: 28.02.2011. URL: <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1013356> (дата обращения: 28.02.2011).

⁷ На губернском (краевом или областном) уровне отмену Закона Божия и внешкольных форм религиозного образования детей и взрослых осуществляли отделы исполкомов – управления (ОУ), юридические, народного образования (ОНО), административные и общие отделы, а также специально созданные комитеты и комиссии (по отделению церкви от государства и школы от церкви, по изъятию церковных ценностей), а с 1930 г. – комиссии по вопросам культов при

краевых исполкомах. Аналогичные отделы и комитеты создавались при окружных и уездных исполкомах. Вся непосредственная работа по отмене религиозного обучения проводилась на уровне волостей, сельских и городских районов, станиц и поселений.

⁸ [ГАРФ]. Путеводитель: Т. 2. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР / ГАС РФ; ГА РФ / Отв. ред. С.В. Мироненко. Сост.: Л.Г. Аронов, М.Н. Белова, М.Е. Голостенев, Т.Н. Котлова и др. М., 1996. С. 309–320, 337–339, 402–405, 442–445, 462–465.

⁹ Церковь и Государство. 1917–1925: Оглавление к перечню документов. ЦГА РСФСР [ГАРФ]. Ч. I–III. М., Б.г. С. 112–113, 147–154.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-353 [Ликвидационный отдел (отдел по проведению в жизнь Декрета «об отделении церкви от государства и школы от церкви») Наркомюста РСФСР]. Оп. 2. Д. 687, 689, 690, 691, 698, 700, 719; Оп. 3. Д. 730, 731, 736, 739, 749, 754, 774, 775, 789, 795, 796; Оп. 4. Д. 379, 383; Оп. 5. Д. 228, 237, 242, 247, 249; Оп. 6. Д. 6, 7, 19; Оп. 7. Д. 9, 10, 11, 14, 22, 25, 26, 26 а.

¹¹ Там же. Ф. А-2306. Оп. 1 [Секретариат коллегии Наркомпроса]. Д. 2307, 2323, 2558, 2748, 3455; Оп. 2 [Управление делами, организационный центр]. Д. 10, 32, 395, 591; Оп. 4 [Отдел единой школы]. Д. 82, 677.

¹² Там же. Ф. Р-393. Оп. 1 [канцелярия НКВД]. Д. 170, 171, 172, 173; Оп. 1 а [Управление делами НКВД]. Д. 34; Оп. 11 [административный подотдел]. Д. 44; Оп. 43 [секретариат и административный отдел Центрального административного управления]. Д. 52; Оп. 43 а [Центральное административное управление]. Д. 51, 54, 283, 489, 1633.

¹³ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 53 [секретариат председателя ВЦИК]. Д. 68, 69; Оп. 56. Д. 26; Оп. 57. Д. 25, 26; Оп. 59. Д. 39.

¹⁴ Там же. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 12, 13, 20, 37; Оп. 2 [редакция газеты «Безбожник»]. Д. 21, 22, 23.

¹⁵ Там же. Ф. А-7279. Оп. 5. Д. 6; Оп. 6. Д. 7; Оп. 8. Д. 8, 9.

¹⁶ Там же. Ф. А-298. Оп. 1. Д. 41, 42, 149; Оп. 2. Д. 67.

¹⁷ Там же. Ф. А-1575. Оп. 1. Д. 2, 524; Оп. 10. Д. 434, 428, 552.

¹⁸ Там же. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 3.

¹⁹ Там же. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 18, 25, 26, 55, 1428, 1700; Оп. 2. Д. 7.

²⁰ *Одинцов М.И.* Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. 57 с.; *Он же.* Судьбы светской школы в России. (60-е годы XIX в. – 80-е годы XX в.) // Проблемы преподавания и современное состояние религиоведения в России. Материалы конференций. Москва, 2000–2001. М.: «Рудомино», 2002. С. 5–28; *Кравецкий А.* Светское, советское и конфессиональное // Отечественные записки. 2008. № 1 (40). С. 198–219; *Беглов А.* Православное образование в подполье: страницы истории // Альфа и омега. 2007. № 3 (50). С. 153–172; *Шкаровский М.В.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в XX веке // Кифа [М.-СПб. Издание Преображенского содружества малых православных братств]. 2007. № 12 (70) сентябрь. (Миссионерское обозрение. Приложение к газете. № 20. С. 1–2); *Балашов Е.М.* Религиозные и антирелигиозные представления российских школьников 1910-х – 1920-х гг. // Россия в XX веке: Сборник статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора Валерия Александровича Шишкина. СПб., 2005. С. 151–165; *Шевченко В.А.* Формирование антирелигиозных представлений советской школой. 1927–1932 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Шев-

ченко. М., 2007. 26 с.; *Он же.* «Необходимо ударить, кого следует, чтобы делу не мешали»: введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 годах // *Российская история.* 2009. № 1. С. 86–96; *Синельников С.П.* Разработка концепции религиозного образования в документах Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // *Вестник ПСТГУ.* Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. № 3 (36). С. 36–47.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 142, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 555.

²² Там же. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 4, 6, 6а, 10, 154, 203; ГАРФ. Ф. Р-1264. Оп. 1. Д. 4; Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4.

КОРПУС ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО ПЛЕНА И ИНТЕРНИРОВАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Kuz'minykh A.L. Sources of the military captivity and the internment history of the World War II in the USSR

Аннотация / Annotation

В статье исследован корпус источников по истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны. Рассмотрены различные категории документов официального и личного происхождения, осуществлен их источниковедческий анализ.

In the article the sources on the history of the Soviet military captivity and the internment of the World War II is considered. The various categories of documents for official and personal origin are examined, carried out their source study analysis.

Ключевые слова / Keywords

Исторические источники, источниковедение, Вторая мировая война, НКВД-МВД, военнопленные, интернированные. Historical sources, source study, World War II, the NKVD-MVD, prisoners of war, internees.

Объективное исследование истории военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР невозможно без привлечения и анализа исторических источников. Комплекс источников по данной теме условно можно разделить на два вида: документы официального и личного происхождения. Рассмотрим их более подробно, начиная с документов официального происхождения.

Документы официального происхождения. Первая группа официальных источников представлена документами международно-правового характера, в первую очередь, международными конвенциями, регулирующими правила обращения с жертвами вооруженных конфликтов. К ним относятся Гагская конвенция

Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-01-00344а.

«О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., Женевские конвенции «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г. и 12 августа 1949 г. Тексты упомянутых конвенций являются своеобразным эталоном, который позволяет определить степень гуманности политики советского государства в отношении военнопленных.

Вторую группу официальных источников образуют законодательные и нормативные акты высших органов государственной власти. К ним относятся постановления и распоряжения Совета народных комиссаров (Совета министров СССР), Государственного комитета обороны, а также протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам обращения с военнопленными и интернированными. По данным Е.М. Цунаевой, за 1931–1956 гг. Совет народных комиссаров (Совет министров СССР) принял 112 постановлений, распоряжений и решений, касавшихся иностранных военнопленных в СССР¹. Наиболее значимым из перечисленных законодательных актов было постановление СНК № 1798–800 от 1 июля 1941 г., утвердившее «Положение о военнопленных» – основной документ, регулировавший режим военного плена в СССР в годы войны².

Не меньшее внимание проблеме военного плена уделял Государственный комитет обороны, издавший в 1941–1945 гг. по этому вопросу 33 постановления и распоряжения. Пожалуй, самым значимым из них явилось постановление ГКО № 8921 от 4 июня 1945 г. «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных», по которому наркоматам и ведомствам для использования в народном хозяйстве СССР передавались свыше 2 млн бывших неприятельских военнослужащих.

Наконец, вопросы, связанные с военнопленными, фигурируют, как минимум, в 18 протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) за 1939–1952 гг. Наибольшую известность получил протокол № 13 от 5 марта 1940 г., в котором вынесено решение о расстреле 25 700 польских военнослужащих и гражданских лиц, содержащихся в лагерях и тюрьмах НКВД³. Таким образом, высшие органы государственно-партийной власти в своих постановлениях, решениях и распоряжениях определяли основополагающие

принципы содержания и трудового использования военнопленных и интернированных в СССР. Данные документы наглядно демонстрируют политическую линию в отношении бывших солдат и офицеров противника. Однако реального положения иностранцев в лагерях НКВД-МВД эти источники, разумеется, не раскрывают.

Третью группу официальных источников составляет делопроизводственная документация органов НКВД-МВД и иных государственных органов, работавших с военнопленными и интернированными. Ее можно разбить на 5 подгрупп.

Первая подгруппа представлена делопроизводственной документацией центральных органов управления учреждениями военного плена и интернирования. Особое место среди данной группы документов занимают распорядительные (нормативные) документы центрального аппарата НКВД-МВД СССР, регламентирующие деятельность органов и учреждений военного плена и интернирования. Сюда же можно отнести приказы и директивы Наркомата обороны (Министерства вооруженных сил СССР), Наркомата (Министерства) здравоохранения, Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации, Главного политического управления РККА и других государственных ведомств и органов, тесно взаимодействовавших с Наркоматом (Министерством) внутренних дел СССР в процессе реализации государственной политики в отношении военнопленных и интернированных.

Главным видом распорядительной документации НКВД-МВД являлись приказы, распоряжения и директивы наркома (министра) внутренних дел. Они содержат подробную информацию о дислокации и штатах органов и учреждений военного плена и интернирования, формировании лагерной инфраструктуры и комплектовании личного состава, порядке содержания, организации труда и репатриации лагерного контингента. В 1946 г. были подготовлены и разосланы на места «Сборник приказов и директив НКВД-МВД и указаний ГУПВИ МВД СССР по вопросам режима и охраны военнопленных в лагерях МВД» (М., 1946), «Сборник приказов и директив НКВД-МВД и распоряжений ГУПВИ МВД СССР по вопросам медико-санитарного обслуживания военнопленных» (М., 1946 г.), «Сборник приказов и директив НКВД СССР по трудовому использованию военнопленных» (М., 1946)⁴.

Комплекс организационно-распорядительной документации НКВД-МВД по вопросам плена и интернирования находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации в фонде секретариата НКВД-МВД (Ф. 9401. Оп. 1). Копии и типографские экземпляры приказов, директив, распоряжений, положений и инструкций НКВД-МВД также представлены в фондах архивных подразделений территориальных управлений Министерства внутренних дел РФ.

Обширный массив делопроизводственной документации по истории советского плена и интернирования сосредоточен в Российском государственном военном архиве (РГВА). Материалы Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (ГУПВИ) сконцентрированы в фонде под номером 1п, причем дела систематизированы по описям в зависимости от принадлежности к тому или иному подразделению УПВИ-ГУПВИ. Так, в описях с литерой «а» сосредоточена делопроизводственная документация общего отдела (секретариата) ГУПВИ, «б» – отдела кадров, «в» – отдела службы режима и охраны, «е» – учетного отдела, «г» – отдела организации и комплектования, «ж» – отдела снабжения, «з» – санитарного отдела, «и» – трудового отдела, «к» – квартирно-эксплуатационного отдела, «л» – фронтального отдела, «м» – 2-го управления по интернированным и мобилизованным, «н» – инспекции ГУПВИ, «о» – ветеринарной службы, «п» – архивного отделения, «т» – тюремного отдела МВД, который после расформирования УПВИ выполнял его функции. В самостоятельные фонды выделены документы Особого справочного бюро МВД СССР (фонд 2п), Политотдела ГУПВИ (фонд 3п), Антифашистского отдела при Политотделе ГУПВИ (фонд 4п), Оперативного отдела ГУПВИ (фонд 451п).

Наиболее ценными для исследователя с точки зрения информативности являются итоговые обзоры и доклады о деятельности УПВИ-ГУПВИ. К числу таких документов следует отнести «Обзор организационной деятельности ГУПВИ НКВД-МВД СССР за период 1941–1951 гг.», «Обзор деятельности ГУПВИ МВД СССР по охране и режиму содержания военнопленных за период 1941–1950 гг.», «Обзор деятельности ГУПВИ МВД СССР по медико-санитарному обеспечению военнопленных и деятель-

ности медицинской службы за период 1941–1950 гг.», «Обзор деятельности УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР по организации трудового использования военнопленных», «Обзор опыта политической работы ГУПВИ МВД СССР с военнопленными в 1941–1950 гг.», «Обзор деятельности УПВИ-ГУПВИ по репатриации военнопленных»⁵.

Ценность отчетной документации УПВИ-ГУПВИ обусловлена тем, что в ней обобщен обширный фактический и статистический материал, определены этапы в развитии Управления в целом и его отдельных структурных подразделений. Несмотря на то обстоятельство, что итоговая отчетность достаточно полно отражает деятельность УПВИ-ГУПВИ, она имеет существенные изъяны. К примеру, из сферы внимания авторов-составителей выпал период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. По всей вероятности, это было обусловлено нежеланием руководства главка включать этот период в официальную историю ведомства. Неопределенный правовой статус помещенных в лагеря НКВД польских военнослужащих, а затем расстрел узников Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей делали невозможным объективное освещение этого периода истории советского военного плена. Также в отчетах остался без рассмотрения завершающий период деятельности УПВИ с июня 1951 по апрель 1953 г., когда оставшиеся в СССР военнопленные и интернированные содержались на положении военных преступников.

На настоящий момент значительный корпус документации центральных органов управления учреждениями военного плена и интернирования опубликован в документальных сериях «Русский архив. Великая Отечественная»⁶, «Военнопленные в СССР»⁷, а также ряде других изданий⁸.

Вторая подгруппа представлена документацией региональных органов управления военного плена и интернирования. Это документы республиканских наркоматов, краевых и областных управлений НКВД-МВД, а также входивших в их структуру управлений (отделов, отделений или групп) по делам военнопленных и интернированных. Организационно-распорядительная документация региональных органов управления военного плена и интернирования во многом аналогична документации вышестоящих

управленческих структур. Как правило, приказы и директивы руководителей регионального звена военного плена издавались во исполнение распоряжений центрального аппарата НКВД-МВД и УПВИ-ГУПВИ. Они развивали и конкретизировали их положения применительно к местным условиям, устанавливали круг ответственных за реализацию на местах лиц.

Уникальные материалы содержат фонды управлений (отделов, отделений) по военнопленным и интернированным, входивших в структуру территориальных НКВД(МВД)-УНКВД(УМВД). Они включают документы отчетного и информационно-справочного характера: доклады и отчеты УПВИ-ОПВИ по вопросам размещения, материально-бытового обслуживания, трудоустройства и репатриации контингента, докладные записки и донесения о политической и оперативной работе с лагерным контингентом, материалы обследования кладбищ военнопленных и интернированных. Большинство документов появились в процессе выполнения указаний центрального аппарата ГУПВИ, многие документы несут следы текстовой правки. Они дают возможность проследить механизм работы системы УПВИ-ГУПВИ: от принятия решения в центральном аппарате до его реализации на местах. Обширный комплекс делопроизводственной документации региональных структур военного плена и интернирования опубликован в третьем и пятом томах серии «Военнопленные в СССР»⁹.

Третья подгруппа – делопроизводственная документация учреждений военного плена и интернирования (приемных пунктов, лагерей, спецгоспиталей, рабочих батальонов и т.п.). Особенностью данного вида источников является их разная ведомственная принадлежность и разбросанность по архивам. К примеру, в фонде Общего отдела (секретариата) УПВИ-ГУПВИ (Ф. 1п), находящемся на хранении в РГВА, в описи 9в представлены личные дела лагерей военнопленных, в описи 15а – дела-формуляры лагерей, в описи 35а – истории и итоговые доклады об их деятельности. Фонды лагерей и спецгоспиталей также встречаются в региональных государственных и ведомственных архивах. Деятельность территориальных учреждений военного плена и интернирования частично отражена в региональных документальных изданиях¹⁰.

Определенный интерес представляют итоговые отчеты лагерей и спецгоспиталей, которые содержат обзор их деятельности за весь период существования. Большое внимание в итоговой отчетности уделяется описанию организационной структуры и кадрового состава, производственно-хозяйственной и лечебной деятельности, политической работы с личным составом и военнопленными и т.п. Зачастую отчеты сопровождаются иллюстративным материалом: фотографиями, схемами, графиками и т.п. Несмотря на информационную ценность итоговой документации, исследователь должен относиться к ней с известной долей критики. Это обусловлено стремлением авторов документов акцентировать внимание на положительных результатах работы с военнопленными и интернированными. Негативные моменты в деятельности учреждений, например, высокая смертность контингента, объясняются, как правило, внешними причинами, например, плохим физическим состоянием военнопленных при поступлении.

Четвертая подгруппа – делопроизводственная документация органов региональной государственно-партийной власти: городских комитетов обороны, республиканских, краевых и областных комитетов ВКП (б), а также партийных организаций предприятий и учреждений. Данные документы, сосредоточенные в фондах региональных партийных архивов, показывают участие партийных инстанций в реализации государственной политики по отношению к военнопленным и интернированным. В первую очередь, это касается распределения спецконтингента по объектам местной промышленности. При этом партийные органы выступали в качестве своеобразного «арбитра» при разрешении конфликтов между различными ведомствами, предприятиями и учреждениями, борющимися за трудовые ресурсы.

Пятая подгруппа – делопроизводственная документация местных хозяйственных организаций и предприятий, использовавших труд военнопленных и интернированных. Документы региональных государственных архивов позволяют во всей полноте увидеть процесс использования труда военнопленных на предприятиях местной промышленности и других сферах народного хозяйства СССР. В фондах предприятий и хозяйственных организаций сохранилась переписка и отчетность по трудовому использованию

«узников войны». Данные документы наглядно демонстрируют отношение хозорганов к «рабсиле», их заинтересованность в максимальной эксплуатации труда лагерного контингента. Интерес также представляют типовые договоры между лагерными отделениями и хозяйственными организациями, закреплявшие взаимные права и обязанности.

Особую группу делопроизводственной документации составляют следственные дела осужденных военнопленных и интернированных. Они содержат протоколы допросов, приговоры военных трибуналов, кассационные жалобы осужденных, свидетельские показания. Эти источники позволяют определить категории лиц, привлекаемых к судебной ответственности, выявить основания для их осуждения, а также соотнести степень адекватности наказания с тяжестью совершенного преступления, т.е. изучить проблему судебного преследования военнопленных и интернированных. В последние годы часть таких документов опубликована¹¹.

Специфическими источниками являются фотодокументы. В фондах РГВА хранится значительное количество фотоальбомов, отражающих пребывание военнопленных на территории СССР. Они являлись своеобразным фотоотчетом о работе администраций лагерей. Как правило, иллюстративный ряд строился по тематическому принципу: «бараки», «столовая», «лазарет», «производственные мастерские», «антифашистская работа», «культурно-массовые мероприятия». Следует учитывать то обстоятельство, что лагерные власти стремились показать условия жизни пленных в выгодном свете и подходили к отбору снимков избирательно. Несмотря на некоторую показательность и приукрашивание, этот вид источников наглядно свидетельствует о том, какой должна была быть «норма» жизни в лагере. Фотографии запечатлели внешний вид военнопленных, выражение их лиц, позы, одежду, окружающую обстановку.

Исследователям военного плена нельзя игнорировать такой вид исторического источника как периодическая печать. Ценность советской прессы (центральных, региональных и ведомственных газет) заключается в том, что она, во-первых, выполняет информативную функцию (сводки Совинформбюро о количестве захваченных в плен неприятельских солдат и офицеров, материалы о су-

дебных процессах над немецко-фашистскими оккупантами и т.п.), во-вторых, наглядно показывает деятельность по формированию образа врага, демонстрирует пропагандистский подход советских политорганов к проблеме плена.

Особым видом прессы, использовавшимся в идеологической работе с обезоруженными солдатами и офицерами противника, были газеты для военнопленных, издавшиеся Главным политическим управлением РККА. Для немецких военнопленных печатались газеты «Дас Фрайе Ворт» («Свободное слово»), «Фрайес Дойчланд» («Свободная Германия»), «Нахрихтен» («Вперед»). Газеты также выпускались для венгерских («Игаз Со»), румынских («Грауйл Либер»), японских военнопленных («Ниппон Симбун»)¹². В некоторых лагерях действовали пресс-бюро, которые издавали лагерные газеты. Такие газеты вывешивались для чтения в специальных витринах и информировали пленных о важнейших событиях в мировой политике, новостях лагерной жизни.

Информативным источником являются листовки – печатные листки агитационно-политического содержания, распространяемые среди войск и населения противника. Эти документы, издававшиеся огромными тиражами (до 1 млн экз.), доводили до неприятельских солдат официальную позицию советского правительства по вопросу военного плена, а именно – убеждали в гуманном характере обращения с военнопленными в СССР. О содержании листовок красноречиво свидетельствуют их заголовки: «Советский Союз точно соблюдает Гаагскую конвенцию о военнопленных», «Русский комиссар встретил меня, как друга», «Я впервые за много недель наелся досыта», «Русские врачи лечат немецких военнопленных», «Мы вернулись к мирному труду» и т.д. Листовки забрасывались на вражескую территорию различными способами: их сбрасывали с самолетов, переправляли через линию фронта с помощью специальных артиллерийских мин и снарядов, передавали через перебежчиков. Всего за годы войны политорганами Красной армии было распространено среди войск противника более 20 тыс. наименований различного вида пропагандистских материалов общим тиражом 2,7 млрд экз. Часть таких документов опубликована в серии «Русский архив. Великая Отечественная»¹³.

Используя периодическую печать и агитационные материалы в качестве исторического источника, необходимо критически относиться к содержащейся в них информации, учитывая ее ярко выраженный пропагандистский подтекст. Рассказы обезоруженных вражеских солдат и офицеров, публикуемые на страницах советских газет и листовок, о «хорошем питании», «чистых простынях», «уютных и теплых помещениях» разительно расходились с реальным положением в лагерях военнопленных. В свою очередь, неприкрытая пролетарско-марксистская риторика наводит на мысль о прямом участии в подготовке данных обращений сотрудников Главного политуправления РККА. В отличие от листовок и советской печати, материалы лагерной прессы содержат больше достоверной информации, т.к., несмотря на наличие цензуры, готовились самими военнопленными.

Документы личного происхождения. Изучение истории пребывания солдат и офицеров противника в плену на территории Советского Союза требует тщательного изучения не только источников официального характера, но и документов личного происхождения: дневников, мемуаров, писем, художественных произведений. Они позволяют историку вырваться за рамки «сухой» документальности, взглянуть на те или иные явления и события глазами их непосредственных участников, ощутить дух времени.

Дневники – наиболее ценный и информативный тип исторического источника, т.к. максимально приближены к описываемым событиям. Кроме того, они писались «для себя», а поэтому гораздо откровеннее традиционных мемуаров, рассчитанных на широкий круг читателей. Однако дневники чрезвычайно редки, т.к. вести какие-либо записи в плену запрещалось. Тем не менее, ряд таких документов известен исследователям. Наиболее известным является дневник генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, который он вел в советском плену со 2 марта 1943 г. по 20 декабря 1949 г.¹⁴ В нем подробно описаны условия жизни в плену, сложный процесс переосмысления идеологических убеждений.

Другим примером чудом сохранившихся дневников являются записные книжки польских офицеров, расстрелянных органами НКВД под Катынью и обнаруженные при эксгумации трупов¹⁵. Всего известно 22 экземпляра таких документов, копии текстов

которых хранятся в Гуверовском институте в США (подлинники были утеряны). В них более или менее подробно описано пребывание в плену на территории Советского Союза, в том числе условия лагерного быта, питания, организации досуга и т.д. Заканчиваются же все записи в апреле 1940 г.: либо в момент отправки из лагеря, либо – как в случае майора Адама Сольского – в лесу под Смоленском. Некоторые дневниковые записи очень подробны и интимны, другие лаконичны и носят общий характер.

Следующим видом источников личного происхождения являются мемуары. При работе с мемуарами военнопленных исследователю необходимо учитывать специфику этих документов. Во-первых, они создавались после возвращения пленных на родину, нередко спустя длительное время после описываемых автором событий. Следовательно, воспоминания могут содержать неточности и искажения, обусловленные ограниченными возможностями человеческой памяти. Во-вторых, мемуары не лишены авторского субъективизма. В воспоминаниях зафиксировались оценочные суждения позднейшего времени, которые требуется соотносить с исторической действительностью. Примером мемуаров военнопленных являются воспоминания В. Адама, В. Биркемайера, Г. Вельца, И. Видера, Х. Герлаха, Ф. Заппа, Д. Крамера, Х.-Ю. Отто, В. Хенса¹⁶.

Текст воспоминаний в сюжетном отношении условно можно разделить на три смысловых блока, которые тематически связаны между собой. Первый блок касается предыстории и обстоятельств пленения. Излагаются причины, побудившие автора пойти на армейскую службу, ход боевых действий и, наконец, сам факт попадания в плен. Далее следует описание транспортировки в лагеря, которое включает характеристику условий перевозки или конвоирования, отношение охраны и т.д. Следующий блок – это жизнь военнопленных в лагере. Здесь повествуется об адаптации к лагерной жизни, отношении к пленным со стороны лагерной администрации и местного населения. Затем описываются лагерный быт, питание, болезни, труд, наказания, побег и другие эпизоды из жизни в плену. В заключение – блок, посвященный возвращению на родину и началу мирной жизни. Безусловно, в мемуарах информация распределяется на логические блоки в разных про-

порциях в зависимости от того, что автор хотел подчеркнуть своими воспоминаниями. Если автор считал важным изложить свой опыт плена, то описание лагерного быта – наиболее обширный блок. Если автор хотел показать свою армейскую жизнь, то наиболее детальное внимание уделяется фронтовому быту и описанию боевых действий.

Оценивая мемуары военнопленных как исторический источник, необходимо отметить, что они содержат не только сугубо описательный, но и аналитический компонент. Несомненный интерес у исследователя вызовут размышления и раздумья авторов о советской действительности, о глубинных причинах происшедшего в Советском Союзе. Вместе с тем, исследователи отмечают тот факт, что мемуары иностранцев зачастую описывают лагерную жизнь поверхностно и тенденциозно, как цивилизованный человек описывает дикое и непробудное варварство¹⁷. В силу «культурного шока», усиленного спецификой лагерного колорита, воспоминания военнопленных и интернированных нередко пропитаны отвращением к жизни в советских лагерях. Здесь нужно учитывать тот факт, что большинство мемуаров были изданы на Западе в эпоху холодной войны, в силу чего носят выраженный антисоветский характер. С другой стороны, имеется немало воспоминаний, авторы которых сохранили теплое отношение к русским людям и оценивают советский плен более взвешенно.

Отдельная группа мемуарной литературы представлена воспоминаниями советских граждан и военнослужащих. В воспоминаниях советских военачальников В.С. Антонова, П.И. Батова, А.М. Василевского, Г.К. Жукова, К.В. Крайнюкова, К.И. Провалова¹⁸ содержатся сведения о количестве плененных вражеских солдат в ходе той или иной боевой операции, их физическом и психологическом состоянии, политической работе среди военнослужащих и населения противника. В отличие от официально-парадного стиля мемуаристики генералитета РККА, воспоминания рядовых фронтовиков менее тенденциозны и предвзяты. В них нашли отражение факты, замалчиваемые на официальном уровне. Так, на практику расстрелов немецких солдат ссылается в своих фронтовых воспоминаниях бывший лейтенант РККА В.М. Иванов¹⁹. В противовес этому ветеран войны В. Рудаков сви-

детельствует о фактах панибратского отношения к попавшим в плен гитлеровцам²⁰. Большой интерес также представляют воспоминания советских граждан²¹. Для указанных воспоминаний присущ человеческий подход к описываемым событиям, характерна сложность психологического отношения к бывшему врагу, когда ненависть постепенно сменяется сочувствием и стремлением понять людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию.

Уникальным источником, позволяющим отразить внутренний мир военнопленных и интернированных, является почтовая корреспонденция. Приказ НКВД СССР от 13 июля 1945 г. вводил специальные почтовые карточки для военнопленных²². По лицевой стороне бланка почтовой карточки под эмблемой Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР указывались данные адресата и отправителя, на обороте – текст сообщения. В мае 1948 г. военнопленные получили право отправлять помимо почтовых карточек письма²³. Почтовые карточки и письма в обязательном порядке проходили политконтроль – цензорский просмотр входящей и исходящей корреспонденции, проводившийся сотрудниками оперативных отделений лагерей УПВИ-ГУПВИ.

Почтовые карточки заполнялись военнопленными на родном языке, как правило, от руки, чернилами или тушью. Они легко поддаются датировке и установлению авторства. Содержание карточек во многом стандартно: пленные писали о том, что живы, здоровы и мечтают скорее вернуться на родину, передавали приветы друзьям, родным и близким. В свою очередь, родственники военнопленных информировали их о ситуации на родине и в семье, пытались морально поддержать и укрепить дух.

Вопрос о достоверности почтовой корреспонденции военнопленных, как исторического источника, неоднократно поднимался исследователями. Превалирует мнение о том, что данные документы содержат отлакированную и ограниченную рамками цензуры и самоцензуры информацию²⁴. Тем не менее, представляется маловероятным, что лагерным политконтролерам было под силу проверить десятки миллионов писем-карточек, а тем более исказить их содержание²⁵. Цензура, безусловно, влияла на содержание посланий, лишая переписку военнопленных конкретики, описания подробностей личной и лагерной жизни. Тем не менее,

по содержанию писем можно составить общее представление о состоянии здоровья, условиях содержания, обращении со стороны лагерной администрации, моральном настрое военнопленных.

Помимо дневников, мемуаров и эпистолярных источников исследователям советского плена необходимо привлекать альтернативные источники личного происхождения, например, литературные, музыкальные, исторические произведения, созданные в советском плену иностранными военнослужащими. К примеру, в третьем томе документальной серии «Военнопленные в СССР»²⁶ представлены материалы творчества немецких военнопленных, находившихся в лагерях под Сталинградом. При этом литературно-художественные произведения, сгруппированные по разделам «Проза», «Поэзия», «Драматургия», опубликованы в виде фотокопий, что повышает их ценность как исторического источника. Данные документы позволяют составить представление о характере культурно-массовой работы среди военнопленных, лагерном досуге, ощутить их личные переживания и мироощущение сквозь полотно художественных произведений.

Итак, рассмотренный комплекс исторических источников содержит обширную и разноплановую информацию об истории пребывания военнопленных и интернированных Второй мировой войны в СССР. Можно согласиться с выводом Г.М. Ивановой о том, что «документы личного и официального происхождения – это два прожектора, которые освещают объект исследования с двух противоположных сторон»²⁷. Особенностью источников официального характера является то, что они появились в результате деятельности государственных структур и отражают, прежде всего, отношение государства к проблеме военного плена. В свою очередь, источники личного происхождения созданы непосредственными участниками событий, с одной стороны, иностранцами, содержащимися в советском плену, с другой – советскими гражданами (военнослужащими и гражданскими лицами), взаимодействовавшими с военнопленными и интернированными. Они дают возможность изучить «человеческое измерение» плена, раскрывают перед исследователем неисчерпаемое многообразие лагерного опыта, детали повседневной жизни в условиях плена, которые отсутствуют в официальных источниках.

Примечания

¹ *Цунаева Е.М.* Делопроизводственная документация учреждений военно-го плена НКВД-МВД СССР и органов управления ими как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. С. 302–317.

² Военнопленные в СССР. Документы и материалы. М., 2000. С. 65–68.

³ *Катынь: пленники необъявленной войны.* Документы и материалы. М., 1999. С. 390–392.

⁴ Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 88–372; Д. 463. Л. 7–199.

⁵ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4. Волгоград, 2004. С. 23–37, 261–285, 387–437, 531–539, 649–696, 895–898.

⁶ *Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР.* Т. 24 (13–1): нормативные документы. М., 1996; *Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР.* Документы и материалы. 1941–1955 гг. Т. 24 (13–2). Кн. 1. М., 1999; *Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР.* Документы и материалы. 1941–1955 гг. Т. 24 (13–3). Кн. 2. М., 2002.

⁷ *Военнопленные в СССР. 1939–1956.* Документы и материалы. М., 2000; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР». Т. 4. Волгоград, 2004.

⁸ *Венгерские военнопленные в СССР.* Документы 1941–1953 годов. М., 2005; *Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР (1940–1950 гг.): документы, факты, комментарии.* М., 2001; *Катынь: пленники необъявленной войны.* Документы и материалы. М., 1999; *Катынь. Март 1940 – сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни.* Документы. М., 2001.

⁹ *Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954: документы и материалы.* Серия «Военнопленные в СССР». Т. 2. Волгоград, 2003; *Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД. 1941–1951: отчетно-информационные документы.* Серия «Военнопленные в СССР». Т. 5. Кн. 1. Волгоград, 2005; *Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД. 1941–1951: отчетно-информационные документы.* Серия «Военнопленные в СССР». Т. 5. Кн. 2. Волгоград, 2006.

¹⁰ *Кирьяков Б.С.* Военнопленные в Вятском крае 1942–1947 гг. (Спецгоспитали): документы и материалы. Киров, 2007; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): очерки и документы. Вологда, 2009; *Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С.* Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: документы и материалы. Кемерово, 2002; *Японские военнопленные в Приморье (1945–1949 гг.). Труд военнопленных в угольной промышленности. Сборник документов.* Вып. 1. Владивосток, 2005; *Японские военнопленные в Приморье (1945–1949 гг.). Труд военнопленных в отраслях народного хозяйства Приморского края. Сборник документов Государственного архива Приморского края.* Вып. 2. Владивосток, 2006.

¹¹ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М., 2009.

¹² Обзор опыта работы ГУПВИ МВД СССР по изданию газет военнопленных см.: Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. Волгоград, 2004. С. 697–830.

¹³ Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Кн. 2. С. 16–134.

¹⁴ Опубликовано в книге: *Марковчин В.В.* Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М., 2000. С. 110–228.

¹⁵ Катюнь: свидетельства, воспоминания, публицистика. М., 2001. С. 106–116.

¹⁶ *Адам В.* Катастрофа на Волге: мемуары адъютанта Ф. Паулюса. Смоленск, 2001; *Биркемайер В.* Оазис человечности № 7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного. М., 2005; *Вельц Г.* Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999; *Видер И.* Сталинградская трагедия. За кулисами катастрофы. М., 2006; *Герлах Х.* В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного. 1945–1946 гг. М., 2006; *Занн Ф.* Сталинградский пленник. СПб., 1998; *Краммер Д.* Истории одного плена. М., 2002; *Отте Х.Ю.* В Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале. Сентябрь–ноябрь 1943 года. Из воспоминаний летчика люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый Часовой. 1999. № 8–9. С. 226–230; *Отте Х.Ю.* Сбили! Из воспоминаний летчика люфтваффе, побывавшего в советском плену // Новый Часовой. № 5. С. 275–287; *Хенс В., Пересвет А.* По другую сторону войны. М., 2005.

¹⁷ *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 67.

¹⁸ *Антонов В.С.* К последнему рубежу. М., 1987; *Батов П.И.* В походах и боях. М., 2000; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1983; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т.: Т. 3. М., 1988; *Крайнюков К.В.* Оружие особого рода. М., 1978; *Провалов К.И.* В огне передовых линий. М., 1981.

¹⁹ *Иванов В.М.* Война глазами лейтенанта. 1941–1945 годы. СПб., 2001. С. 210–211.

²⁰ *Рудаков В.* Сюрпризы войны // Чудеса и приключения. 2000. № 8. С. 47–48.

²¹ *Подольный И.А.* Адвокатский вопрос // *Подольный И.А.* Школы моей жизни. Из записок счастливого человека. Вологда, 1996. С. 43–46.

²² Военнопленные в СССР... С. 220–223; Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 344–346.

²³ Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

²⁴ *Смыкалин А.С.* Перлюстрация корреспонденции в старой и новой России // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 45.

²⁵ См.: *Абдрашитов Э.В.* Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. С. 113.

²⁶ Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946–1949. Документы и материалы. Серия «Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг.» Т. 3. Волгоград, 2006.

²⁷ Цит. по: *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в советской государственной системе... С. 66.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ. 1923–2013 гг.

Saleeva L. V. From formation and development history of archives in Khabarovsk krai in 1923–2013

Аннотация / Annotation

В статье исследуется история становления и развития архивного дела в Хабаровском крае, особенности формирования уникального архивного фонда, имеющего непреходящую общественную, государственную, научную и культурную значимость как для России, так и для всего мира.

In this article formation and development history of archives in Khabarovsk krai is investigated. The article is devoted to formation features of the unique archival fund having the public, state, scientific and cultural importance both for Russia, and for the whole world.

Ключевые слова / Keywords

История, архив, Хабаровский край, документы, губернское бюро, эвакуация, архивный фонд. History, archive, Khabarovsk krai, documents, provincial bureau, evacuation, archive fund.

История архивного дела в Хабаровском крае связана с освоением и заселением дальневосточных окраин России во второй половине XIX в. Новый этап реформирования административного устройства, связанный с включением в состав Российской империи Приамурья сопровождался созданием многочисленных учреждений, что самым непосредственным образом отразилось на состоянии архивов. В тот период в них имелись только текущие архивы при местных канцеляриях.

Канцелярия Приамурского генерал-губернаторства находилась в городе Хабаровке (с 1893 г. Хабаровск). Деятельность высшего чиновника Приамурского края, наделенного обширными полномочиями, нашла отражение в документации, сохранившейся до наших дней. Указы императора, Государственного Совета, годовые отчеты генерал-губернатора, доклады и обзоры о состоянии сельского хозяйства, о строительстве Уссурийской железной до-

роги, о развитии русской торговли на Дальнем Востоке, об открытии учебных заведений и сегодня остаются главными источниками для воссоздания истории Дальнего Востока. Ведомственные архивы создавались в городской думе, в казенных палатах, казначействах, банках, статистических комитетах, переселенческих организациях и др. Документальное богатство Дальнего Востока формировалось не только через официальное делопроизводство, но и благодаря деятельности общественных организаций.

Особое место среди них принадлежит Приамурскому отделу Русского географического общества. В сохранившемся до наших дней архивном фонде имеются: положение о совете Приамурского отдела, протоколы заседаний и общих собраний отдела, годовые отчеты о деятельности отдела и Николаевской публичной библиотеки с 1898 г.

Своеобразными церковными архивами были соборы, монастыри, церкви, костелы, функционировавшие на территории края с момента образования тех или иных населенных пунктов, что явилось следствием расширения хозяйственного освоения восточных окраин и роста численности населения. Сегодня в Государственном архиве Хабаровского края хранятся не только метрические книги, начиная со второй половины XIX в., удостоверяющие факты рождения, смерти и вступления в брак жителей Приамурского края, но и брачные обыски, содержащие оригиналы и копии представленных документов для заключения брака.

К 1917 г. на территории Приамурского генерал-губернаторства образовалось около тысячи ведомственных архивов¹. Но самостоятельного органа, ответственного за архивное дело, не было и это обстоятельство усиливало опасность их бесхозного положения.

События революции, Гражданской войны и военной интервенции изменили не только политическую жизнь региона, но и все сферы человеческой деятельности. Советская власть, уделяя внимание организации текущего делопроизводства в условиях военного времени, не могла полностью контролировать состояние архивов, сформированных на территории края до 1917 г. Уничтожение частных предприятий, вывоз документов за границу, в приграничный Китай, гибель архивов при пожарах, все эти факторы

не могли не отразиться на формировании дальневосточных фондов. Обстановка на Дальнем Востоке была такова, что о Декрете СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. местным органам власти и управления стало известно только в конце 1922 г.

С окончанием Гражданской войны и включением Дальневосточной республики в состав РСФСР в истории архивного дела наступил необычайно сложный и важный период. 1 марта 1923 г. было организовано Приморское губернское архивное бюро, в которое вошла Приморская областная архивная комиссия². В ее состав вошли уполномоченные по архивному делу Хабаровского и Спасского уездов, на которых возлагалась ответственность за наведение порядка в архивном деле. С 1923 г., при непосредственном участии уполномоченного, в Хабаровском уезде осуществлялось общее руководство архивным делом, выявление и учет исторических документов, было собрано 16 тонн архивных материалов, 6 фондов, 3 407 ед. хранения³.

Организационный этап создания советской системы архивных учреждений в крае фактически завершился 13 марта 1925 г., когда

постановлением Дальревкома было учреждено Дальневосточное архивное бюро в г. Хабаровске, преобразованное в 1926 г. в край-архивбюро⁴.

Большую роль в становлении архивного дела в регионе сыграл один из первых архивистов Дальнего Востока Василий Петрович Голионко. После Февральской революции он принимал участие в организации большевистской группы г. Хабаровска и в октябре 1917 г. был избран членом Хабаровского горкома, с установлением власти Советов в декабре 1917 г. – членом большевистского исполкома.

Уже в те годы он начал собирать, изучать и систематизировать документы и воспоминания о Гражданской войне. Наиболее активную деятельность по отбору документов Голионко начал после получения мандата уполномоченного Дальистпарта в г. Владивостоке. Комиссия Дальистпарта образовалась в 1922 г. при Дальбюро ЦК РКП (б). Она занималась сбором и популяризацией документов по истории Гражданской войны. Благодаря этому удалось собрать большое количество ценных документов, печатных изданий, многие из которых находились у сотрудников дома, т.к. Дальистпарт не имел своего помещения. Часть из них была отправлена в другие архивы страны, в том числе в Москву – 200 архивных фондов⁵. В 1920-е гг. московские ученые уже использовали дальневосточные материалы в своих исторических исследованиях, но это обстоятельство навсегда лишило источниковую базу Дальневосточного региона ценных материалов по истории революции и Гражданской войны.

В 1928 г. В.П. Голионко был назначен заведующим Дальневосточным краевым архивным бюро. В 1930 г. перешел на работу в редакцию Дальневосточной энциклопедии⁶. За небольшой период времени под его руководством архивные учреждения добились значительных результатов в деле собирания, обработки и использования документов. В 1932 г. В.П. Голионко переехал в Москву, где продолжал заниматься обработкой архивных материалов.

Первые дальневосточные архивные организации проделали колоссальную работу по сбору, сохранению и приведению в порядок документов, отражающих историю русского Дальнего Востока. В тяжелых условиях разрухи усилиями историков и архи-

вистов, взявших на себя по службе или добровольно обязанность быть хранителями документальной памяти народа, были спасены для будущих поколений бесценные документы. Сотрудники архивов собрали и описали ценнейшие документы, начиная со времен Екатерины II: Канцелярии Охотского порта за 1757–1849 гг., Канцелярии Приамурского генерал-губернатора за 1884–1917 гг., Николаевской-на-Амуре городской полиции за 1851–1878 гг. и др. К 1932 г. в хранилищах краевого архивного бюро насчитывалось свыше двух миллионов дел и книг преимущественно дореволюционного периода.

В 1929 г., параллельно с Дальистпартом, было организовано Дальневосточное отделение единого партархива для сбора и хранения партийных и комсомольских документов, преобразованное в 1939 г. в партархив Хабаровского крайкома.

В 1932 г. краевое архивное бюро было реорганизовано в Архивное управление, которое подчинялось Далькрайисполкому и Центральному архивному управлению. Росла сеть архивных учреждений. В 1935 г. был организован Нижнеамурский областной архив, созданы архивные отделы и госархивы с непосредственным подчинением Дальневосточному краевому архивному управлению в Амурской, Камчатской, Нижнеамурской, Сахалинской областях, Еврейской автономной области (ЕАО), Чукотском и Корякском национальных округах. В 1939 г. появились первые районные архивы. В г. Хабаровске на тот период действовало три самостоятельных архива: исторический, военный и Октябрьской революции.

С 1938 г. архивные учреждения находились в системе НКВД-МВД СССР. Учитывая особое геополитическое положение края, вопросы сохранности документов были главным направлением в деятельности архивных органов. Как и по всей стране все нормативно-распорядительные документы и фонды, содержавшие оперативную информацию, засекречивались. В 1937 г. волна репрессий обрушилась на руководящий состав Центрального архивного управления (ЦАУ), центральных архивов, архивных учреждений краев и областей. Среди репрессированных оказались и специалисты Дальневосточного краевого архивного управления: С.Х. Булыгин, Р.С. Тишлер, А.Е. Плеханова, заведующий

Дальистпартом А.П. Шурыгин. Всем арестованным архивистам предъявлялись стандартные обвинения в злонамеренном «разваливании», «сокрытии или уничтожении ценных архивных документов» и причастности к деятельности троцкистской или другой оппозиции.

На основании постановления СНК СССР от 29 марта 1941 г. № 723 был создан Государственный архив Хабаровского края с подчинением архивному отделу УНКВД по Хабаровскому краю⁷. Великая Отечественная война предопределила основные направления работы архивов в новых условиях. Главной задачей стало обеспечение сохранности документального наследия нашей страны. В июле 1941 г. правительством было принято постановление, на основании которого архивные органы НКВД СССР были обязаны произвести эвакуацию всех важнейших документальных материалов.

С первых дней войны архивный отдел УНКВД по Хабаровскому краю начал подготовку к эвакуации наиболее ценных документов для отправки их в сибирский город Минусинск. В короткий срок была проделана большая работа. Проведение массовой эвакуации архивных фондов в тех экстремальных условиях сегодня кажется почти невероятным мероприятием.

В чрезвычайно трудных условиях войны, когда основное внимание уделялось мобилизационным мероприятиям и военным перевозкам, архивными органами НКВД было эвакуировано свыше 14 млн единиц хранения ценнейших документов. В том числе из состава Госархива Хабаровского края – 933 фонда, 72 214 единиц хранения, сосредоточивших в себе историю освоения, заселения и развития Приамурья. Среди эвакуированных – документы дореволюционных фондов: Хабаровской городской думы; Канцелярии Приамурского генерал-губернатора; Управления Маньчжурской таможни; Управления КВЖД и др. Документы периода Октябрьской революции и соцстроительства: Далькрайфо; Хабаровской учительской семинарии; документы правительства Дальневосточной республики и др., а также большое количество военных фондов: Хабаровского кадетского корпуса; Войскового управления Уссурийского казачьего войска; штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами ДВР и др.

В служебную командировку по сопровождению вагонов с документами были направлены сотрудники Государственного архива Хабаровского края во главе с начальником – Александром Петровичем Беликом⁸. На ответственную должность он был назначен 23 июня 1941 г., после окончания Московского историко-архивного института. С этого времени на плечи 22-летнего молодого специалиста легла вся ответственность за сохранность документов во время эвакуации, размещение и хранение их в г. Минусинске.

Товарные вагоны с документами, в сопровождении сотрудников архива, прибыли на станцию назначения в октябре 1941 г. Архивные материалы были размещены в складах, где хранились в ящиках и связках долгое время, а в одном из небольших магазинов города выделена рабочая комната для госархива и комната для жилья.

В 1943 г. по указанию НКВД СССР по всей стране началась реэвакуация документов на прежние места. Учитывая то, что Хабаровский, Приморский края и Читинская область были расположены в прифронтовых и пограничных районах, вернуть архивные фонды не представлялось возможным, поэтому в 1943 г. был образован Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока в г. Томске. Все вопросы, связанные с финансированием и транспортировкой документов г. Минусинска в г. Томск, пришлось решать В.И. Чернышевой, назначенной в августе 1943 г. руководителем архивной службы края⁹.

Из-за бесконечно возникавших трудностей, связанных с отсутствием вагонов, дефицитом бензина отправка документов задерживалась, в результате чего около трех месяцев вагоны с документами простояли на станции Абакан. Много усилий приложила Вера Ивановна, чтобы в ноябре 1943 г. архивные документы прибыли в г. Томск. Согласно акту приемки, поступившие материалы на 75% были без тары, огромное количество связок рассыпаны, а некоторые документы представляли полистную россыпь¹⁰.

Большую работу по описанию и размещению документов проделали сотрудники Томского областного архива, а также командированные для работ архивисты Приморского и Хабаровских краев, которые обработали почти 114 тыс. ед. хранения.

Исторические документы краев и областей Дальнего Востока долгие годы находились в г. Томске, в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ). С 1992 г. они хранятся в Российском государственном архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) в г. Владивостоке.

В годы войны перед архивистами стояла еще одна важная задача: собрать и сберечь документы учреждений, предприятий, возникших во время войны, создать документальный «фонд войны». Писатель А.Н. Толстой говорил: «Сейчас архивное дело – это дело нашей жизни буквально. Мы – участники и свидетели такой эпохи, которая никогда, конечно, не повторится... Нужно собирать письма, идущие с фронта, нужно собирать дневники, нужно собирать по возможности рассказы очевидцев, записывать, отдавать в архив. Тем ценнее весь этот человеческий материал, который будет превращен в документы и будет сдан в архив, систематизирован и предьявлен нашим историкам и литераторам». Архивисты, как никто понимали значение этих документов для истории.

В работе по обеспечению сохранности документов на предприятиях всегда, а в годы войны особенно, возникали трудности и часто из-за халатного, безответственного отношения руководителей к этому вопросу, сегодня сотни людей не могут подтвердить стаж работы в военные годы.

Примечания

¹ Бендик Н.Н. Становление государственной архивной службы на Дальнем Востоке России в 1920-е годы. Хабаровск, 2002. С. 34.

² Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1031. Л. 243.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

⁴ Бюллетень ДВРК. 1925. 13 марта. Ст. 287.

⁵ Шельдешев Э.М. Очерки исторической науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1995.

⁶ ГАХК. Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 1.

⁷ Там же. Постановления СНК СССР. 1941. Часть 2. Ст. № 595–747.

⁸ Там же. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 36. Л. 87.

⁹ Там же. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 346.

¹⁰ Там же. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 81.

Продолжение следует

М.М. АЛЬТМАН, З.П. ИНОЗЕМЦЕВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Altman M.M., Inozemceva Z.P. Actual problems of private documents collecting in modern stage

Аннотация / Annotation

В статье рассматриваются новые, требующие теоретического осмысления, подходы к комплектованию государственных архивов документами личного происхождения в изменившихся условиях общественной и государственной жизни. Особое внимание авторы уделяют освещению опыта региональных архивов в области инициативного документирования, применению методов «устной истории» в собирательской работе федеральных архивов. Затрагиваются вопросы сохранения документов личного происхождения на электронных носителях, формирования личных собраний с использованием Интернет-ресурсов.

The article is devoted to the new methods of acquisition the state archives with private documents in change conditions of social and state live. Authors pay special attention to experience of regional archives in initiative documenting, to application of methods to «verbal history» in collection work of federal archives. The questions of private documents saving on electronic devises, formations of personal collections with using of Internet resources are dealt.

Ключевые слова / Keywords

Личные фонды, Архивный фонд РФ, документы личного происхождения, РГАЭ, государственные архивы субъектов РФ, комплектование, историческое интервьюирование. Personal funds, Archival fund of Russian Federation, private documents, RGAE, state archives in Russian regions, acquisition, historical interview.

Стремительно меняющиеся общественно-политические отношения, условия функционирования государственных структур, модели поведения человека в новой России внесли существенные коррективы в деятельность архивных учреждений по формированию и использованию документов Архивного фонда Российской Федерации. Изменения в системе власти и управления, экономике и формах собственности коренным образом преобразовали не только государственную структуру, но и всю систему взаимодействия, коммуникаций и личностных отношений. Правовые основы и многие организационные приемы комплекто-

вания государственных архивов, удачно реализуемые в прежние времена благодаря централизованной системе управления, в новых условиях оказались не во всем приемлемыми.

В 1990-е гг. архивные учреждения вынуждены были предпринимать оперативные действия на всех участках работы, стремясь в чрезвычайных условиях поддержать статус Архивного фонда Российской Федерации как информационного ресурса страны, имеющего непреходящую культурно-историческую ценность для общества и государства. Однако огромный опыт прошедших двух десятилетий еще недостаточно проанализирован. В этой связи возникла необходимость привлечь внимание архивного сообщества к вопросам, связанным с комплектованием государственных архивов документами личного происхождения – важной составляющей социально и научно значимой информации для изучения личности человека и ее роли в историческом процессе.

История России XX века подтвердила, что «человек как объект истории и доставшиеся ему существующие и создаваемые им самим обстоятельства его жизнедеятельности как предмет истории – это и есть история»¹. Человек занял ключевое место в исторических, философских, богословских, психолого-педагогических, социологических, естественнонаучных исследованиях (медицина, биология, генетика), поскольку «деятельность каждого человека (и созидательная, и разрушительная) вписывается в контекст государственной, социально-культурной, духовно-нравственной, экономической жизни, влияет на ее изменение»². Сталинская теория «человек – винтик в колесе истории», на которой базировалась вся гуманитарная наука, уступила место пониманию самооценности каждой личности.

Собирание документов личного происхождения как источников познания объективной реальности занимает все большее место в комплектовании государственных архивов. Решаются задачи привлечения источников, отражающих бытовые условия жизни людей, формирование частного и коллективного сознания, представления людей разных поколений, разных социальных слоев общества. Поскольку значительная часть подобных сведений сосредоточена именно в документах личного происхождения, проблема привлечения их на государственное хранение впервые заняла

одно из приоритетных мест в деятельности архивов³. Потребность в переосмыслении теоретических, нормативных методических и организационных подходов в развитии этого достаточно «молодого» направления деятельности в настоящее время остро ощущается практическими работниками архивов.

В первые десятилетия архивного строительства документы личного происхождения поступали в архивы исключительно в процессе реализации декретов Совета Народных Комиссаров РСФСР периода 1919–1923 гг.: об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях⁴; об архивах активных деятелей контрреволюции, лиц, эмигрировавших за пределы республики⁵; об архивах семьи Романовых⁶. Положение о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР от 29.03.1941 г.⁷ закрепило право на хранение в составе Архивного фонда этих комплексов документов. Вопрос о приеме в госархивы личных фондов представителей советского народа в предвоенный период еще не стоял.

Целенаправленная работа по собиранию документов личного происхождения приобрела правовой статус после передачи архивной службы из системы МВД СССР в систему советских органов на основании Положения о ГАФ СССР 1958 г., которое регламентировало прием в архивы документальных материалов определенного круга лиц: «государственных, политических и общественных деятелей Советского государства, деятелей науки, техники, литературы и искусства, наиболее выдающихся новаторов и передовиков социалистического производства, поступившие и поступающие в распоряжение государства путем приобретения, по актам дарения или на другом законном основании, а также документальных материалов представителей науки, техники, литературы и искусства, государственных, политических и общественных деятелей дореволюционного периода, образовавшиеся в связи с их деятельностью на территории, входящей в состав СССР, и поступившие в распоряжение государства в результате национализации, по актам дарения или на другом законном основании»⁸. То есть, это положение распространялось исключительно на круг лиц, отмеченных официальными заслугами. В результате,

как показал проведенный саратовскими архивистами анализ состава и содержания личных собраний, поступивших на хранение в 1970–1980 гг., наряду с полноценными архивными фондами видных ученых и деятелей культуры, искусственно формировались фонды, состоящие из различных служебных удостоверений, почтовых грамот, приветственных адресов, газетных статей профсоюзных деятелей, депутатов районного совета, участников революции 1917 г.⁹

Положением о ГАФ СССР 1980 г. впервые ограничительный критерий «общественные заслуги лица» был снят, нормативно вводилось понятие «документы личного происхождения»¹⁰. В этом огромная заслуга общественности и архивистов, которые с начала 1960-х гг. остро и публично поднимали вопросы о необходимости пересмотра отношения к исторической ценности личных собраний, независимо от общественных заслуг их создателей – «рядовых людей»¹¹.

Закон об архивном деле и архивах 2004 г. предусматривает решение вопроса о включении в состав Архивного фонда РФ документов, находящихся в частной собственности, исключительно на основании экспертизы ценности документов и оформления договора между собственником или владельцем архивных документов и государственным или муниципальным архивом, музеем, библиотекой либо организацией Российской академии наук, независимо от их происхождения¹². Понятие «документы личного происхождения» прочно вошло в терминологию архивоведения и закреплено Правилами¹³.

Опираясь на законодательные акты, государственные архивы активизировали работу по привлечению в собственность государства личных фондов, руководствуясь ценностью документов, а не общественными заслугами владельца, что способствовало, в частности, возвращению из небытия имен и документального наследия многих репрессированных и расстрелянных в застенках сталинского ГУлага.

Осваивая принципиально новое правовое пространство, многие архивные учреждения разработали методические пособия по вопросам собирания документов личного происхождения в современных условиях¹⁴. В своей совокупности эти пособия

отражают узловые вопросы проблемы и предлагают варианты их разрешения применительно к новым условиям, с учетом тенденций в науке, методов смежных дисциплин. Серьезное значение в этих пособиях придается требованиям юридически правильного оформления договорных отношений между сдачиком документов – собственником (владельцем) и архивом. Особого внимания при заключении договоров требуют вопросы: оформления передачи частной собственности на личные собрания в государственную собственность, четкой и полной фиксации условий передачи и использования документов, в том числе с сохранением, по желанию сдачика, исключительного его права на публикацию документов; права запрещать или ограничивать их использование при экспонировании, выдачи исследователям и т.д.¹⁵ Требуют отражения в договоре вопросы использования документов с конфиденциальной информацией о личной жизни лица, доступ к которым законодательно ограничен 75-летним сроком со времени их создания, если сам владелец или его наследники не сократят этот срок¹⁶. При безвозмездной передаче документов в договоре оговаривается право сдачика на представление ему фото- или ксерокопий отдельных документов, изготавливаемых за счет архива. Обязательно отражаются вопросы соблюдения авторского права применительно к документам личного фонда на основе норм действующего законодательства, устанавливающего сроки действия авторского права: при жизни автора и в течение 70 лет после его смерти¹⁷.

Круг практически решаемых вопросов в части комплектования документами личного происхождения имеет тенденцию расширяться. В ряде методических пособий архивные учреждения дополняют действующие Правила, предусматривая поступление документов личного происхождения не только по договору дарения, завещанию, договору купли-продажи, решению суда, но и «по решению нотариальных учреждений о признании документов бесхозными или из других государственных хранилищ на законных основаниях». «Регламент приобретения в собственность государства документов, находящихся в собственности граждан», а также «Памятка проведения работы по подготовке и передаче в собственность государства, музейных предметов, входящих в состав личных архивов, коллекций», действующие в

архивных учреждениях города Москвы, закрепляют порядок заключения договоров на приобретение у частных лиц не только документов, представляющих историческую, научную, социальную, экономическую, политическую или культурную ценность, но также музейных предметов.

Вологодские архивисты, в частности, приводят подробный перечень основных групп и видов документов, принимаемых в составе личного фонда, включая печатные издания, собственные труды фондообразователя, книги с дарственными надписями, собранные им книги и журналы, ордена, медали и другие вещественные свидетельства, если они неотделимы от документов. Они принимаются как музейные предметы, являющиеся вложениями в дела или составляющие отдельные единицы хранения. Положительно решается вопрос о приеме в составе личного фонда фоно-, видео- и кинодокументов, если есть возможность обеспечить технические и физико-химические условия их сохранности.

Актуальными, требующими новых подходов, остаются вопросы определения источников комплектования документами личного происхождения, формах работы по их выявлению, видовому составу документов личного происхождения, включаемых в состав Архивного фонда Российской Федерации. Ряд архивных учреждений выдвигают и пытаются решать сложную задачу: обеспечить представительство личных фондов лиц разных социальных слоев и профессий, что позволит сохранить документально удостоверенную информацию о многообразии жизни края, области, восприятию и откликах ее жителей на те или иные исторические события. Выявление потенциальных фондодержателей вологодские архивисты ведут через СМИ, отделы кадров, общественные организации, творческие союзы, военкоматы, миграционные службы, учреждения социальной защиты населения, используют такие тематические программы как «Судьба России – в судьбах вологжан». Проводят с этой целью выставки, «круглые столы», анкетирование различных групп населения, в частности, участников вооруженных конфликтов, переселенцев. Ряд региональных архивов включают в списки потенциальных источников комплектования индивидуальных предпринимателей, лидеров и активных членов общественных органи-

заций, политических партий и движений, относящихся к истории новой России.

Однако, как показывает практика, владельцев полноценных по объему и содержанию личных архивов насчитывается немного. Люди по-прежнему опасаются создавать и хранить свои документы, которые не раз в прошлом становились источниками различного рода обвинений в руках следователей, опасаются повышенного внимания к прошлому известных лиц со стороны средств массовой информации¹⁸. Кроме того, сдерживающим фактором для расширения фронта работ по комплектованию архивов личными фондами является недостаток и даже полное отсутствие у государственных архивов финансовых средств для их приобретения. В современных условиях владельцы (особенно наследники) в решении вопроса о судьбе личных архивов чаще всего предпочитают рыночный подход.

Учитывая незначительное число фондодержателей, личные собрания которых поступают и потенциально могут поступить на государственное хранение, архивные учреждения многих регионов решают задачу восполнения недостающих в личных фондах материалов, применяя инициативный подход с использованием методов: интервьюирования лиц, участников и свидетелей исторически значимых событий и фактов, с приданием документам устной истории реквизитов подлинника (дата, место, справка об интервьюере, респонденте и др.); инициативного документирования посредством аудиозаписи, кинофотодокументирования и т.д.; повидовой выборки документов личного происхождения из фондов учреждений, организаций и предприятий, в том числе не являющихся источниками комплектования государственных архивов.

Работа в этом направлении дает ощутимые результаты. Так, архивисты Тверской области определили основные виды документов, подлежащие включению в состав коллекций документов представителей разных социальных групп с учетом их профессиональной принадлежности и территории проживания¹⁹, полагая, что ограниченные в видовом составе по сравнению с личными фондами такие коллекции позволят сконцентрировать массовые виды документов представителей различных профессий.

Такие коллекции все больше востребованы в рамках современных комплексных исследований о человеке, обществе, государстве. Информационные массивы автобиографий шахтеров, колхозников, врачей, учителей, лиц всех других профессий – бесценный материал для социологов, демографов, специалистов в области социальной психологии.

Удмуртские архивисты формируют, начиная с 1995 г., тематическую коллекцию по разделам: репрессии 1930–1940-х гг.; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (тыл и фронт); военные конфликты после распада СССР; денежные вклады населения; советская тюрьма и правосудие и т.д.

Наибольшую коллекционную группу составляют письма граждан, отображающие жизнь народа в годы войны, интервью с воспоминаниями о нахождении в плену, эвакуации, о работе в тылу. В этих документах отражены исторические события, прошедшие через сознание конкретного человека. На протяжении ряда лет мурманские архивисты формируют коллекцию воспоминаний жителей края «XX век глазами северян», созданию которой предшествовала огромная организаторская работа. Обращение к землякам активно внедрялось в государственные и негосударственные учреждения области: городскую и областную администрации, библиотеки, вузы, областной Совет ветеранов войны, другие общественные организации. В соответствии с программой проводилось изучение запросов социально-правового характера, поступивших в архив, в редакции газет, сектор по личным обращениям граждан областной администрации.

К авторам наиболее интересных писем архивисты обращались с просьбой написать воспоминания²⁰. В течение последних лет архивисты практикуют видеозапись исторических воспоминаний людей из цикла «о времени и о себе»²¹. Очевидно, что возможность применения информационных технологий актуализирует ценность массовых источников. Применение повидовой выборки массовых источников с биографической и генеалогической информацией особенно важно в условиях действия ст. 22 Федерального закона Российской Федерации от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», которая устанавливает сроки временного хранения документов Архив-

ного фонда РФ до их поступления на государственное хранение: для документов по личному составу, записей нотариальных действий, похозяйственных книг – 75 лет, для записей актов гражданского состояния – 100 лет²². Строгое следование этой статье неизбежно приведет к уничтожению в ближайшие годы всего массива первой группы названных документов, не принятых в архивы, за весь довоенный период.

Ряд архивных учреждений предпринимает попытки категорировать фондодержателей с учетом наличия в их фондах уникальных и особо ценных документов, выработать принципы и критерии фондирования коллекций документов личного происхождения, решить другие проблемные вопросы специфического характера применительно к архивоведческой практике собирания и использования документов личного происхождения в новых условиях.

В составе личных собраний вновь откладываются забытые в советское время: свидетельства о крещении, свидетельства о венчании. Появились: приватизационные свидетельства, акции, другие ценные бумаги, рекламные предвыборные листовки, рекламные ролики, всевозможные презентации – рассказы о себе, семье, размышления о путях развития страны и т.д., компроматные материалы на соперников. Все эти виды документов, отражающие реакцию рядовых граждан на общественные процессы и экономические реформы, важны для понимания сложной и противоречивой эпохи перемен, эпохи формирования гражданского общества в России. Важно не упустить возможность их сохранения в составе Архивного фонда РФ.

К сожалению, в настоящее время федеральные архивы в силу целого ряда причин практически не используют методику инициативного комплектования с применением современных средств записи устных свидетельств по определенной тематике, не участвуют в формировании новых исторических источников в рамках проектов «устной истории». И хотя еще на XI Международном конгрессе архивов (Париж, 1988 г.) было признано, что участие в программах устной истории, прием и организация хранения записей воспоминаний является неотъемлемой функцией архивных учреждений, в нашей стране данные программы не стали необхо-

димым элементом в методике комплектования документами личного происхождения.

Зарубежный опыт исторического интервьюирования ведет свое начало с 1930-х гг., когда при активной поддержке правительства США была проведена запись воспоминаний бедняков, жителей южных штатов. Большая часть собранных биографий хранится в Национальном архиве в Вашингтоне. Сбором исторических интервью в рамках проектов «устной истории» занимались сотни центров, созданных в США при университетах, библиотеках, профессиональных, этнических, исторических обществах, федеральных агентствах, музеях, корпорациях. Созданные коллекции отражают самые разные темы: история авиации, нобелевские лауреаты по науке, история штатов и городов, развитие квантовой физики, история медицины, биологии, экологии, гражданского строительства, лесного хозяйства и многие другие.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), положивший в 1960-е гг. начало собирательской деятельности архивистов России по привлечению личных фондов на государственное хранение, и в настоящее время творчески подходит к выявлению и собиранию документов личного происхождения по истории новейшего времени. Серьезный интерес представляют выводы специалистов РГАЭ об общей тенденции утраты многих традиционных видов личностной документации и переходе от письменной культуры к акустическому, визуальному восприятию человеком мира, в результате чего документы личного происхождения изменяются по составу документов, по видам носителей, по объему содержащейся информации. В условиях социально-экономической трансформации последних двух десятилетий возрождаются старые и появляются новые виды документов личного происхождения.

Специалисты архива отмечают появление крупных документальных, художественных, коллекционных собраний в личных архивах-музеях, создаваемых богатейшими людьми, «личные архивы-кабинеты» руководителей министерств и ведомств, частных фирм, крупных корпораций и компаний, которые оборудованы по последнему слову техники и представляют преимущественно безбумажные массивы информации; деловые архивы предприни-

мателей среднего бизнеса лишь становятся предметом изучения архивистов. Это, как правило, мобильные архивы, которые их владельцы носят с собой в ноутбуке, электронном органайзере, часто все необходимое сосредоточено в мобильном телефоне (компьютер, интернет, записная книжка и т.д.) В перспективе, именно таким типам личного архива суждено стать наиболее массовыми.

Перед архивистами встают вопросы о способах сохранения в составе Архивного фонда РФ информации личного происхождения на электронных носителях, формирования личных собраний с использованием интернет-ресурса. Казалось бы, утраченный во второй половине XX в. такой документ как дневник, стал одним из самых популярных в Интернете, особенно среди молодежи. Информационные характеристики и способы сохранения электронных дневников, как полагают специалисты РГАЭ, представляют большой интерес для изучения. Новые технотронные и виртуальные виды современной эпистолярики не вписываются в традиционный жанр, теряют индивидуальность и прежнюю эмоциональную нагрузку. Тем не менее, именно они являются массовым и типичным признаком времени. Без решения вопроса об отборе и сохранении новых видов документации на электронных и других носителях мы существенно обедним источниковую базу новейшего периода российской истории.

Архивисты всегда понимали огромную ценность информации массовых источников для изучения микропроцессов исторического развития. Учитывая необходимость сохранения массовой информации, а также объем документов личного и официального происхождения о жизнедеятельности человека, прием которой на бумажных носителях многократно превосходил (и превосходит ныне) возможности «архивной полки», необходимо уже в ближайшее время создать программу реализации этой задачи с помощью новейших технологий. Сотрудники РГАЭ считают необходимым использовать методику инициативного документирования для создания коллекций по общественно значимым темам экономической истории. Тематическое собирание документов целесообразно проводить совместно или в контакте с отраслевыми и корпоративными музеями, с новыми общественными организациями (ассоциациями, союзами, гильдиями и т.д.), вовлекая в

данные проекты студентов и учащихся. Использование методов устной истории (анкетирование, экспресс-интервью, запись свидетельств и воспоминаний, фото и видео фиксация) в рамках собирательских программ не только обогатит практику исторического познания будущих историков и архивистов, но и расширит возможности архивной педагогики, воспитательный потенциал которой трудно переоценить.

В заключение необходимо подчеркнуть, что развитие практической деятельности архивных учреждений с документами личного происхождения в условиях современных технологий, изменивших формы и сам процесс проявления документотворческой активности личности, нуждается в специальных междисциплинарных исследованиях и всестороннем теоретическом осмыслении (типология фондового состава, принципы и критерии экспертизы ценности, классификация документов личного происхождения, сбор и сохранение массовых источников из фондов учреждений и организаций, интернет-ресурса). Многозначность возникающих задач теоретического и прикладного характера в решении общих и частных задач проблемы требует объединения усилий специалистов разных направлений и осуществления этой работы в рамках целевой программы «Культура России (2012–2018 гг.)», государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг.», других целевых программ.

Представляется, что реализация государственной целевой программы развития информационно-инновационного направления в комплектовании архивов документами личного происхождения по своей значимости выступает как одна из приоритетных задач архивного строительства на современном этапе. Назрела необходимость вспомнить и о положительной роли Межведомственного совета – органа, координирующего работу с документами личного происхождения в прошлом и воссоздать нечто подобное с учетом реалий нового времени.

Примечания

¹ Козлов В.П. Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации (1917–1991 гг.). Справочное пособие. М., 2010 // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 231.

² Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации (1917–1991). Справочное пособие. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2010. С. 7.

³ Майорова А.С. Проблема определения источников комплектования областного архива документами личного происхождения // Вестник архивиста. 2005. № 2 (86). С. 256–269.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР) // СУ РСФСР. 1919 г. № 38, ст. 374.

⁵ Там же. 1923. № 72, ст. 703.

⁶ Там же. № 76, ст. 740.

⁷ Положение о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР // Постановление СНК СССР от 29.03.1941 г. № 723.

⁸ Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1958 г. № 914 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР» // Собрание постановлений Правительства СССР (СП СССР). 1958. № 14. Ст. 112; Вопросы архивоведения. 1959. № 1. С. 3–12.

⁹ Скорочкина Г.В. Документы личного происхождения государственного архива Саратовской области // Вестник архивиста. 2005. № 1 (85). С. 259–268.

¹⁰ Постановление Совета Министров СССР от 4 апреля 1980 г. № 274 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР» // СП СССР. 1980. № 10. Ст. 71; Советские архивы. 1980. № 4. С. 3–16 (ст. 9 д).

¹¹ Новикова А.А. О комплектовании государственных архивов фондами личного происхождения // Вопросы архивоведения. 1959. № 2. С. 52–55.

¹² Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2004. № 43. Ст. 4169.

¹³ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. М., 2007. С. 71.

¹⁴ Методические рекомендации по работе с фондами личного происхождения в госархиве Воронежской области. Воронеж, 1998; Организация работы с документами личного происхождения в муниципальных архивах: Методические рекомендации. Вологда, 2000; Принципы отбора и комплектования документов личного происхождения и коллекций. Южно-Сахалинск, 2000; Памятка о порядке приема на государственное хранение документов личного происхождения. Волгоград, 2000; Информационно-методический бюллетень. Вып. 15. Самара, 2001. С. 59–78; Методические рекомендации по выявлению и комплектованию архивных отделов администраций муниципальных образований (муниципальных архивов). Калининград, 2003; Методические рекомендации. Организация работы с документами личного происхождения. Мурманск, 2003; Методические рекомендации по экспертизе ценности, научно-технической обработке и описанию документов личного происхождения. Пенза, 2003; Рабочая инструкция по описанию документов личного происхождения. Калуга, 2004; Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения. Курск, 2004; Экспертиза ценности и научно-техническая обработка документов личного происхождения: Методические рекомендации. Самара, 2005; Фонды личного происхождения как единые комплексы источников на разных материальных

носителях: комплектование, учет, использование: Методические рекомендации. Кострома, 2005; Методические рекомендации по работе с документами личного происхождения. Курск, 2005; Работа с документами личного происхождения в муниципальных архивах. Методические рекомендации. Липецк, 2006.

¹⁵ Литвинова М.М. О формах и методах работы с фондами личного происхождения в Государственном архиве Курской области // Архивный вестник: Сборник статей и материалов Научно-метод. совета архивных учреждений Центр. фед. округа России. Вып. 11. М., 2007. С. 107–111.

¹⁶ ГК РФ. Часть 4. Раздел 7.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. М., 2007. С. 71.

¹⁹ Леонтьева О.Г. Формирование фондов личного происхождения в архивах Тверской области // Отечественные архивы. 2005. № 6.

²⁰ Методические рекомендации по экспертизе ценности, научно-технической обработке и описанию документов личного происхождения. Мурманск, 2003.

²¹ Красильникова Н.А. Об отборе на государственное хранение писем-воспоминаний, поступающих в Центральный архив Удмуртской Республики // Архивы в региональном информ.пространстве: мат-лы межрегион. научно-практ. интернет-конференции, посвящ. 85-летию архивной службы Прикамья. Пермь, 2006. С. 122–124; Васильченко Н.В. Организация работы с документами личного происхождения в государственных и муниципальных архивах Удмуртской Республики: опыт, итоги, перспективы // Архивы Удмуртии. Ижевск. Информ. методич. бюллетень № 8 (16). 2005. С. 48–53.

²² Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2004. № 43. Ст. 4169.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Р. РЫЖЕНКОВ

ПЕРВАЯ ТРАГЕДИЯ В «ДОМЕ РОМАНОВЫХ»: ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА. 1718 г.

Ryzhenkov M.R. First tragedy in the House of Romanov: tsarevich Alexei case (1718)

Аннотация / Annotation

В статье на основе документальных свидетельств и архивных документов рассматриваются различные версии конфликта между Петром I и его старшим сыном царевичем Алексеем, определен круг участников и заинтересованных в разжигании конфликта лиц, выявлены мотивы и причины их поступков.

In the article on the basis of documentary evidence and archival documents various versions of the conflict between Peter I and his eldest son tsarevich Alexei are considered, the circle of participants and interested in fuel of the conflict is defined, motives and the reasons of their acts are revealed.

Ключевые слова / Keywords

Источники, архив, РГАДА, император Петр I, царевич Алексей, А.Д. Меншиков, Екатерина I. Sources, archive, RGADA, Emperor Peter I, tsarevich Alexey, Menshikov A.D., Catherine I.

В Российской дореволюционной и в советской историографии было принято рассматривать конфликт между Петром I и его старшим сыном царевичем Алексеем как столкновение прогрессивных сил во главе с царем-реформатором и реакционной «старомосковской партией», знаменем которой стал наследник престола. Начало такой трактовки событий было положено профессором Санкт-Петербургского университета Н.Г. Устряловым, который в середине XIX в. первым из историков получил возмож-

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-14030г.

ность изучать и публиковать архивные документы по этому делу. Поскольку это в какой-то степени оправдывало действия Петра I, включая предание сына суду Сената, вынесшего ему смертный приговор, официальная историческая наука, за редким исключением (М.П. Погодин), не подвергала сомнению такую трактовку событий.

Между тем, внимательное изучение документов следствия по делу царевича Алексея Петровича показывает, что наиболее тяжкие обвинения его в заговоре с целью захвата власти с привлечением иностранной военной силы основаны всего на двух документах: показаниях его любовницы Ефросиньи Федоровой и его собственных показаниях, данных после применения пыток. Источниковедческий анализ обоих «доказательств» позволяет усомниться в их достоверности.

Не выдерживает критики также тезис о принадлежности Алексея к «старомосковской реакционной партии»: образование, круг чтения, знакомство с «западным» образом жизни выдают в нем скорее человека позднего европейского барокко, чем ревнителя «боярской старины». Очевидно, что царевич пал жертвой интриг в ближайшем окружении Петра I, связанных с борьбой за престолонаследие. Не находит убедительного подтверждения и версия иностранного заговора против России с царевичем Алексеем во главе.

Среди записей за 26 июня 1718 г.¹ в записной книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии значилось: «Того ж числа по полудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился»². Так лаконично, без каких-либо пояснений сообщалось о смерти старшего сына Петра I от первого брака с Евдокией Лопухиной, которая к этому времени уже почти двадцать лет была заточена в монастырь под именем «старницы Елены». То, что, вопреки обычаю, за смертью члена царской семьи, а тем более недавнего наследника престола, не последовало объявления траура, не могло не породить в обществе самых различных слухов и толкований.

По официальной версии, которая, впрочем, так и не была опубликована публично, смерть царевича не была насильственной, он умер от апоплексического удара, не вынеся сильного душевного потрясения. По другим, более вероятным версиям, ца-

ревич умер от последствий пыток или был тайно казнен. Как бы то ни стало, царевичу Алексею было от чего испытать душевное потрясение: 24 июня созданный царским указом суд вынес ему смертный приговор. Главным пунктом обвинения в приговоре значилось: «особливо умысл свой бунтовный против отца и государя своего, и намеренный из давних лет подыск и проиыскивание к престолу отеческому и при животе его, чрез разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь, и желание отца и государя своего скорой кончины ... но чиня все ему противности, намерен был против воли его величества, по надежде своей, не токмо чрез бунтовщиков, но и чрез чужестранную цесарскую помощь и войска, которые он уповал себе получить, и с разорением всего государства и отлучением от оногo того, чего б от него за то ни пожелали, и при животе государя, отца своего, достигнуть»³.

О том, насколько обоснованными были эти тяжчайшие обвинения, следует сказать отдельно. Отметим лишь то, что после вынесения такого приговора у Алексея могла оставаться еще последняя надежда. Судьи заканчивали сентенцию обращением к царю: «подвергая, впрочем, сей наш приговор и осуждение в самодержавную власть, волю и милосердное рассмотрение его царского величества, всемилостивейшего нашего монарха»⁴. Однако, было очевидно, что судьи никогда бы не решились посягнуть на жизнь царевича без ясно выраженной воли самодержца. Главное же обстоятельство состояло в том, что Петр I лично принимал участие в розыске (следствии) по делу сына, в том числе с применением пыток.

В России XVII–XVIII вв. пытка оставалась универсальным инструментом судебного и сысского процесса. Обычно розыск начинался с «ропроса у дыбы», т.е. допроса в камере пыток, но пока без применения истязаний. Далее следовали подвешивание на дыбу («виска»), «встряска» – висение с тяжестью в ногах, битье кнутом в подвешенном виде, жжение огнем и другие тяжкие пытки. При этом, перед началом пытки испытуемого в застенке раздевали для осмотра тела. Во-первых, публичное обнажение тела считалось постыдным, раздетый палачом человек терял свою честь. Во-вторых, это делалось для определения физических возможностей допрашиваемого, он не должен был умереть под пыт-

кой без всякой пользы для расследования. В обычных уголовных делах от пытки освобождались дворяне, «служители высоких рангов», люди старше семидесяти лет, недоросли и беременные женщины. Но в политических делах эта правовая норма не соблюдалась, на дыбе оказывались простолюдины и дворяне, рядовые и генералы, старики и юноши, женщины и больные⁵.

«Розыск» по делу царевича Алексея был начат еще 3 февраля 1718 г., сразу после того, как он был доставлен в Москву в сопровождении П.А. Толстого, и состоялось его первое свидание с отцом. Речь изначально шла об обстоятельствах его побега в октябре 1716 г. за границу, в Вену, и обращения за покровительством к императору Священной Римской империи Карлу VI. Царь потребовал у сына назвать всех лиц, кто в какой-либо степени содействовал побегу делом или советом. При этом Петр I не отказывался от своего обещания сыну безусловного прощения в случае его добровольного возвращения, но теперь, когда тот был снова в его власти, прощение оговаривалось условием дачи полных, без малейшей утайки показаний.

Указанные царевичем лица немедленно брались под стражу, отправлялись в Москву и подвергались «роспросу с пристрастием», т.е. допрашивались с применением пыток. Так начался так называемый «Московский розыск», главным фигурантом которого был А.В. Кикин, бывший царский денщик, адмиралтейский советник, близко сошедшийся в Петербурге с Алексеем Петровичем и содействовавший его побегу за границу.

Параллельно был начат «Суздальский розыск», главным объектом которого была мать Алексея, бывшая царица Евдокия (старица Елена) и ее монастырское окружение. Хотя обвинения сводились к нарушению монашеского обета, и имя царевича не упоминалось в деле, ни у кого не было сомнений в связи двух розысков. Воспоследовавшее жестокое наказание виновных – казни и ссылки – только подтверждало это. Еще в середине XIX в. русский историк М.П. Погодин писал: «Между тем во всем этом деле, заметим мимоходом, во всем розыске, нет ни слова о царевиче Алексее Петровиче и об отношениях к нему казненных преступников. Выбраны для осуждения их совсем другие вины – оставление монашеского платья, поминание на ектениях,

связь с Глебовым⁶. Все эти вины такого рода, что не могли влечь за собою подобного уголовного наказания. Все эти вины, вероятно, известны были прежде и оставались без внимания, тем более, что противная сторона не отличалась же слишком строгою непорочностью. Предать их теперь суду, счесть их достойными такого страшного наказания, было действием другого расчета и вместе совершенного произвола, новое разительное доказательство искусственности, недобросовестности процесса»⁷.

В Москве 15–17 марта 1718 г. прошли публичные казни приговоренных по «суздальскому» делу. Тогда же был казнен (колесован) и Александр Кикин, главный обвиняемый и, одновременно, главный свидетель по делу о побеге за границу царевича Алексея. Сам царевич и некоторые другие лица, проходившие по его делу, были вскоре доставлены в Петербург для продолжения розыска. Казнь Кикина показывает, что Тайную канцелярию больше не интересовали обстоятельства побега, иначе такого важного свидетеля оставили бы до времени в живых. Теперь расследователей больше стало интересовать время, проведенное Алексеем за границей, а тут главным свидетелем должна была стать Ефросиния Федорова, возлюбленная царевича, проделавшая вместе с ним все путешествие и разлученная только на обратном пути в Россию по причине беременности. Ее доставили в Петербург в середине апреля и поместили в Петропавловскую крепость, но не в каземат, а в Комендантский дом.

Еще в бытность Ефросинии вместе с царевичем в Неаполе Толстому удалось вступить с ней в сговор, по которому она сыграла важнейшую роль в склонении своего возлюбленного к возвращению в Россию. Теперь ей были предложены составленные самим царем вопросные пункты, на которые она дала подробные письменные ответы. Их содержание так решительно повлияло на судьбу царевича Алексея, что не могло не стать предметом пристального анализа историков. «Можно с большой долей вероятности предположить, что накануне составления вопросов Ефросинию в Петропавловской крепости навещил Толстой на предмет выяснения, какими сведениями она располагает. Это наблюдение вытекает из содержания вопросов.

Вот что интересовало царя: «О письмах: кто писали ль из русских и иноземцев и сколько раз в Тироле и в Неаполе? О ком добрые речи говаривал и на кого надежду имел? Из архиереев кого хвалил и что про кого говаривал? Как у матери был, что он говорил? Драл ли какие письма?». Возможно также, что Петр Андреевич подсказал Ефросинии как надлежит отвечать на вопросы, чтобы угодить царю. Согласно донесению Плейера⁸, царь велел доставить любовницу царевича в закрытой шляпке и тайно допросил ее, после чего велел отправить обратно в крепость. Возможно, разговор этот не был оформлен документом и носил предварительный характер»⁹.

Автор вышеприведенной гипотезы считает, что именно показания Ефросинии укрепили веру царя в то, что в лице сына он имеет дело с человеком, питавшим к нему и ко всем его начинаниям глубокую неприязнь. Этому несколько противоречит следующее авторское же утверждение: «Показания заканчиваются словами, что они написаны своеручно Ефросинией. Но это заявление вызывает сомнение: малограмотная любовница не могла так четко и грамотно изложить все, что она знала. Отсюда еще одна догадка: показания сочинял Толстой вместе с Ефросинией»¹⁰. Действительно, показания заканчиваются словами: «А сие все писала я Ефросиния Федорова дочь своею рукою»¹¹, и сравнение с другими ее же письмами это подтверждает, но внешний вид рукописи только усиливает сомнение. Н.Г. Устрялов сопроводил публикацию примечанием: «Показание на 3 стр. в лист, нетвердою рукою»¹², но, во-первых, показания занимают все 6 страниц, а во-вторых, написаны они твердым разборчивым почерком, ровными строками, почти без помарок и исправлений. Как будто писалось под диктовку или переписывалось с ранее написанного.

Если мы имеем дело с толстовским сочинением, что более чем вероятно, а тот, в свою очередь, стремился угодить царю, то получается, что Петр I «уверовал» в то, во что сам хотел верить: сын не просто нерадивый слушник, а непримиримый враг. Нельзя, конечно, игнорировать и собственный мотив Толстого: отягощая своим «сочинением» вину царевича, подводя его под смертный приговор, он стремился физически устранить обманутого им человека, чтобы не опасаться возмездия в дальнейшем. Суть «по-

казаний Ефросинии» сводилась к тому, что царевич неоднократно высказывал желание заполучить отцовский трон, надеясь на смерть отца, не исключая и насильственной, и младшего брата¹³; что он неоднократно жаловался на отца императору Карлу VI в надежде на его помощь против отца и вел тайные переговоры с австрийцами; что писал в Россию «подметные» письма к архиереям церкви и сенаторам; что с радостью воспринимал известия о мятежах в России и возмущениях в русских войсках за границей; что собирався после своего воцарения прекратить войну, даже ценой уступок уже завоеванного, отказаться от флота, вернуть столицу в Москву и прогнать всех отцовских советников.

Показания главного свидетеля обвинения удовлетворили Царя, Ефросинию не допрашивали «с пристрастием» и обходились с ней довольно милостиво, она даже не была заключена в тюрьму, а оставалась в Комендантском доме, пользуясь относительной свободой. Однако требовалось, чтобы и Алексей признался и подтвердил эти показания. 12 мая ему была устроена очная ставка с Ефросинией, на которой она уличала его, повторяя свои письменные показания, но он «запирался». Можно представить, что творилось на душе у царевича, когда он столкнулся с предательством самого близкого и любимого человека! Ведь всего месяц назад, в день Пасхи, 13 апреля, он умолял царицу Екатерину Алексеевну упросить отца позволить ему жениться на Ефросинии, а еще раньше, в Неаполе инсценированная Толстым угроза разлучить любовников и обещание от имени царя разрешить их брак в России повлияли на решение Алексея вернуться на родину. Обвинить ее теперь во лжи, значило обречь на пытку, так, по крайней мере, мог предположить Алексей, которого самого пока еще не пытали и даже содержали под караулом, но не в тюрьме. С другой стороны, полностью подтвердить показания любовницы было равносильно подписанию самому себе смертного приговора. На последовавших допросах царевич стал давать уклончивые показания, частично подтверждая, частично отрицая обвинения. Но это не могло устроить царя Петра, который, по-видимому, уже принял основное решение по делу сына.

13 июня 1718 г. Петр I обратился с посланиями к духовным иерархам и светским чинам – сенаторам, министрам,

генералитету – о создании суда над царевичем Алексеем Петровичем. Царь призывал будущих судей судить нелицеприятно, не обращая внимания на то, что речь шла о царском сыне (от прав наследника престола тот отрекся на торжественной церковной церемонии в Москве еще 3 февраля). Разумеется, это была фигура речи, судьи целиком зависели от монаршей воли, но царь стремился придать суду видимость объективности, ему было небезразлично, как воспримут это дело в России и за границей. Тем более требовалось полное публичное признание и покаяние от царевича, который с 14 июня был заключен в Трубецкой раскат Петропавловской крепости, где рядом с его камерой был устроен застенок для пыток. Однако, это еще не устршило его в достаточной степени, ибо будучи введен в сенатскую палату на судебное заседание, он вступил с судьями в пререкания. Потребовались другие средства, чтобы сломить волю Алексея к сопротивлению.

19 июня 1718 г. царевич был впервые подвергнут пытке кнутом, причем, в присутствии отца. О том, что представляла собой такая пытка, можно судить по свидетельствам современников иностранцев. Как писал датчанин Юст Юль: «Палач подбегает к осужденному двумя-тремя скачками и бьет его по спине (кнутом), каждым ударом рассекая ему тело до костей. Некоторые русские палачи так ловко владеют кнутом, что могут с трех ударов убить человека до смерти». Такую же технику нанесения ударов описывает и англичанин Перри: «При каждом ударе он (палач) отступает шаг назад и потом делает прыжок вперед, от чего удар производится с такою силою, что каждый раз брызжет кровь и оставляет за собой рану толщиной в палец. Эти мастера, как называют их русские, так отчетливо исполняют свое дело, что редко ударяют два раза по одному месту, но с чрезвычайной быстротой располагают удары друг подле дружки во всю длину человеческой спины, начиная с плеч до самой поясницы»¹⁴. Эти свидетельства надо принимать во внимание, чтобы понять состояние царевича Алексея, получившего в тот первый «пыточный» день максимальную норму – 25 ударов. Большого количества ударов кнутом кряду обычно никогда не назначалось, т.к. даже здоровый, физически крепкий человек мог не перенести такого истязания.

Царевич же богатырским здоровьем не отличался, и надо полагать, что пытка не могла не отразиться самым решительным образом на его физическом и психическом состоянии, что принимал во внимание Петр I, написав через три дня, 22 июня в записке Толстому: «Сегодня, после обеда, съезди и спроси и запиши не для розыска, но для ведения: 1. Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чем не хотел делать того, что мне надобно, и ни в чем не хотел угодное делать, а ведал, что сие в людях не водится, также грех и стыд? 2. Отчего так бесстрашен был и не опасался за непослушание наказания? 3. Для чего иною дорогою, а не послушанием, хотел наследства (как я говорил ему сам), и о прочем, что к сему надлежит, спроси»¹⁵. Впервые публиковавший эти документы в середине XIX в. Устрялов указал в примечании, что письменные ответы написаны рукой царевича Алексея, что может вызвать удивление с учетом состояния последнего. Это понимал и царь, когда поручал Толстому – «спроси и запиши», т.е. он сомневался в способности сына собственноручно написать ответы, а между тем в них нельзя обнаружить каких-либо отклонений, они последовательны и логичны. Как и в случае с показаниями Ефросинии, текст ответов царевича¹⁶ выглядит куда более упорядоченным, чем другие показания, написанные его собственной рукой, причем тогда, когда он еще не подвергался пыткам. Представляется справедливым другое утверждение: «что ответы были составлены не царевичем, а Петром Андреевичем Толстым, причем в угодном царю духе»¹⁷. Правда, автор этой догадки, ссылаясь на обилие в ответах достоверных деталей, делает нелогичный вывод: «Все это похоже на то, что в предчувствии скорой смерти царевич исповедовался перед отцом»¹⁸. Такой парадокс объясняется тем, что сам автор, следуя ставшей официальной «устряловской» версии, именно из этой якобы «исповеди» черпает краски для портрета царевича, характеристики его личности на протяжении всей недолгой жизни.

На самом деле, если только царевич принимал какое-то участие в составлении этих ответов, мы имеем дело с вынужденным самооговором: Толстой в очередной раз либо запугал, либо обманул свою жертву. Так возникает образ ленивого, невежественного, испытывающего отвращение к учению, склонного к

ханжеству человека. Как мог царевич в исповеди отцу писать: «не токмо дела воинские и прочие от отца моего дела, но и самая его особа зело мне омерзела»?! Но самое главное, ради чего затевался этот допрос якобы «не для розыска», содержалось в ответе на третий вопрос: «И ежели б до того дошло и цесарь бы начал то производить в дело, как мне обещал, и вооруженной рукою доставить меня короны Российской, то я б тогда, не жалея ничего, доступал наследства, а именно, ежели бы цесарь за то пожелал войск Российских в помощь себе против какого-нибудь своего неприятеля, или бы пожелал великой суммы денег, то б я все по его воле учинил, также министрам его и генералам дал бы великие подарки. А войска его, которые бы мне он дал в помощь, чем бы доступать короны Российской, взял бы я на свое иждивение, и одним словом сказать, ничего бы не жалел, только бы исполнить в том свою волю»¹⁹. Именно это «признание» было положено в основу смертного приговора. Леность, неспособность к учению и воинским делам, даже нелюбовь к отцу и государю могли быть признаны достаточными причинами для лишения права на престолонаследие, но лишать за это жизни было бы чрезмерной жестокостью. Другое дело, сговор с иностранной державой с целью вооруженного захвата короны Российской, – это уже вполне «тянет» на смертный приговор, который и был вынесен 24 июня 1718 г.

Вынесение приговора не прекратило допросов, в тот же день царя. Алексей получил еще 15 ударов кнутом, а ведь даже законным преступникам давалась неделя между первой и второй пыткой для залечивания ран. Последний допрос с царским участием продолжался больше двух часов утром 26 июня в день смерти царевича. Чего добивались от Алексея – неизвестно, но ясно, что «он был раздавлен чудовищной машиной сыска и мог ради прекращения мучений признать за собой любые преступления, сказать все, что бы не потребовал главный следователь – царь Петр»²⁰. Скорее всего, царевич умер, не вынеся последствий пыток, но с полной уверенностью этого утверждать нельзя, ибо по другой версии его тайно казнили в Петропавловской крепости. В середине XIX в. появились списки письма А.И. Румянцева некому Д.И. Титову, в котором рассказывалось о том, как автор пись-

ма вместе с П.А. Толстым, И.И. Бутурлиным и А.И. Ушаковым по прямому поручению царя умертвили царевича Алексея в крепости, задушив подушками.

Н.Г. Устрялов опубликовал это письмо вместе с другими документами по делу царевича Алексея, но он же достаточно убедительно доказал его поддельность. Тем не менее, версии тайной казни нельзя исключать, потому что «смерть Алексея произошла в самый, если так можно сказать, нужный для Петра I момент. Царь должен был либо утвердить вынесенный судом смертный приговор, либо его отменить. На раздумье ему отводилось всего несколько дней: 27 июня предстоял великий праздник – годовщина победы под Полтавой, а 29 июня – именины царя в день святых Петра и Павла. К этим датам логичнее всего было приурочить акт помилования. Но, по-видимому, у Петра была другая цель – покончить с сыном, который, по его мнению, представлял опасность для детей от второго брака с Екатериной и для будущего России. Но как это сделать? Одобрить приговор означало и привести его в исполнение, то есть вывести царевича на эшафот и публично пролить царскую кровь! Но даже Петр I, не раз пренебрегавший общественным мнением, на это не решился. Он не мог не считаться с последствиями публичного позора для династии, когда один из членов царской семьи попадал в руки палача. ... Словом, тайная казнь царевича оставалась единственным выходом из крайне затруднительного положения, в котором оказался царь, сгоряча устроивший «законный суд» над сыном и добившийся вынесения ему смертного приговора»²¹.

Но даже смерть царевича, от чего бы она ни последовала, не делом. На вопросы иностранных резидентов, будет ли объявлен траур, следовал ответ, что траура не будет, т.к. царевич умер как преступник. Действительно, 27 и 29 июня двор праздновал, как ни в чем не бывало, но 30 июня состоялись похороны царевича с почестями, подобающими члену царствующего дома: за гробом шел царь, за ним Меншиков, министры, сенаторы и «прочие персоны», словом, те самые люди, которые неделей раньше подписывали смертный приговор. Неразрешенным также остался вопрос, почему царь, а в этом не может быть сомнений, обреч на смерть

сына? Присущая Петру I жестокость не представляется здесь достаточным объяснением. Все его царствование от первых до последних дней сопровождали пытки и казни, но в народной памяти оно не отождествляется с вакханалией бессмысленного террора, подобной опричнине Ивана Грозного. Петр казнил тех, кого считал врагами своими и Государства и располагал доказательствами того. Вряд ли он искренне верил в то, что царевич Алексей мог встать во главе мятежа или организовать нашествие австрийских войск на Россию, как это следовало из показаний Ефросинии и самого царевича, предъявленных суду. Он не мог не знать, что эти «показания» фактически продиктованы им самим через Толстого. Значит, причина жестокой решимости царя кроется в другом.

Отношения отца и сына никогда не отличались особой теплотой, рожденный от нелюбимой жены сын не пользовался отцовской любовью. Все же, до поры до времени Петр видел в нем законного наследника, и по достижении им 17-летнего возраста стал привлекать к делам управления. Правда, уже в 1707 г. царевич вызвал отцовский гнев тайным посещением матери, заточенной в монастыре, но серьезных последствий это тогда не имело²². Царевич продолжал выполнять связанные с ходом Северной войны поручения отца в Смоленске, затем в Москве и, хотя особого рвения не проявлял, делал свое дело ответственно и добросовестно, во всяком случае, нареканий от отца не было.

С конца 1709 г. царевич неоднократно выезжал за границу, в Польшу и Германию, и жизнь в Европе ему нравилась, что опровергает позднейшие утверждения, что он предпочитал европейским порядкам «старомосковские обычаи». Американский историк П. Бушкович обратил внимание на изъяты в ходе следствия, среди прочих бумаг Алексея Петровича, его библиотечные списки и письма, содержавшие запросы на книги, просьбы и благодарности за латинские книги. «В библиотеке Хельсинкского университета хранятся печатные книги Алексея. Это католические катехизисы, лютеранская благочестивая литература и латинские руководства к благочестивой жизни. Как показывают пометки в книгах, Алексей знал немецкий, латинский, польский, может быть, не в совершенстве, но в достаточном объеме, чтобы читать книги, которые он покупал и брал читать в Киеве, Варшаве, Дрездене,

Карлсбаде и Лейпциге. Это благочестие Европы позднего барокко, но не традиционного московского православия»²³. Насколько же это не совпадает с тем, что наговаривал на себя царевич в «показаниях» 22 июня 1718 г.

В той же статье П. Бушкович утверждает, что Петр и Алексей, оба были «европейцами», но первому была чужда культура позднего барокко, он восхищался достижениями протестантской Северной Европы с ее моряками, инженерами и солдатами. Это утверждение справедливо лишь отчасти, и больше относится к молодому Петру Алексеевичу времен Великого посольства. Уже в «петербургский» период, а особенно после Полтавы, когда Россия становится активным игроком на международной арене, Петр I проникается европейской культурой в более широком, а не в узко «техническом» смысле. Но, как бы то ни было, вопреки традиционным хрестоматийным представлениям конфликт отца и сына лежал не в религиозно-культурной плоскости.

Не приходится сомневаться, что до 1712 г. Петр I видел в царевиче Алексее своего единственного законного наследника. Это подтверждается его матримониальными планами в отношении сына. В октябре 1711 г. был заключен брак Алексея Петровича с принцессой Шарлоттой Брауншвейг-Волфенбюттельской, родной сестрой супруги императора Священной Римской империи Карла VI. Таким образом, устанавливались родственные связи династии Романовых с могущественными Габсбургами, что должно было послужить укреплению международных позиций России. В таких условиях лишение Алексея наследства противоречило, по меньшей мере, внешнеполитическим целям Петра I.

Начиная с 1712 г. отношение отца к сыну начинает меняться не в лучшую сторону, чему в немалой степени способствовало его собственное официальное бракосочетание с Екатериной Алексеевной. Возведение бывшей наложницы в ранг царицы ставило вопрос о судьбе ее детей от Петра, из которых ко времени брака родителей оставались в живых дочери Анна и Елизавета, но была надежда на рождение сына. То, какова будет их участь в случае вступления на престол Алексея Петровича, не могло не волновать новую царицу, а уж о правах ее детей на российский трон нечего было и думать при живом царском сыне от первого брака. Доку-

ментальных свидетельств каких-либо интриг Екатерины против пасынка (кстати, и своего крестного) до нас не дошло, но ее роль в деле царевича Алексея может быть вычислена по латинскому изречению «Cui prodest?»²⁴.

Другим лицом, оказавшим несомненное влияние на ухудшение отношения царя к старшему сыну, был светлейший князь А.Д. Меншиков. Когда царевич был еще подростком, Петр поручил ему руководство воспитанием своего сына, но исполнение князем педагогических обязанностей было скорее номинальным, чем реальным. Более того, современники и историки отмечали, что «воспитатель» и «воспитанник» и в дальнейшем находились не в лучших отношениях. Вот какой эпизод, относящийся к 1712 г., приводит в своей книге старейший российский историк петровской эпохи Н.И. Павленко: «Однажды во время устроенного Меншиковым обеда, на котором присутствовали офицеры дислоцированной в Померании армии, в том числе и царевич Алексей Петрович, зашел разговор о дворе Шарлотты. Меншиков отозвался о нем самым нелестным образом: по его мнению, двор был укомплектован грубыми, невежественными и неприятными людьми. Князь выразил удивление, как может царевич терпеть таких людей. Царевич встал на защиту супруги: раз она держит своих слуг, значит, довольна ими, а это дает основание быть довольным ими и ему. Завязалась перепалка. Меншиков возразил: “Ты слеп к своей жене, она тщеславна”. Царевич воскликнул в ответ: “Знаешь ли ты, кто моя жена, и помнишь ли ты разницу между ней и тобой?!”. Меншиков: “Я это хорошо знаю, но помнишь ли ты, кто я?”. Царевич: “Конечно, ты был ничем, и по милости моего отца ты стал тем, что ты есть”. Меншиков: “Я твой попечитель, и тебе не следует со мною так говорить”. Царевич: “Ты был моим попечителем, теперь уже ты не мой попечитель, я сам умею позаботиться о себе, но скажи мне, что у тебя против моей жены?”. Меншиков: “Что у меня против нее: она высокомерная немка, и все оттого, что она в родстве с императором, но от этого родства ей, впрочем, будет мало проку, а во-вторых, она тебя не любит, и она права в этом, ибо ты обращаешься с ней очень дурно; кроме того, ты своим видом не можешь возбудить любви”. Царевич: “Кто сказал, что она меня не любит? Я очень хорошо знаю, что это

неправда, я ею очень доволен и убежден, что и она мною довольна. Да сохранит Господь ей жизнь, я буду с нею очень счастлив”. Меншиков: “Я своими глазами убедился в противном, она тебя не любит. Плакала она, когда ты уезжал, от досады, видя, что ты ее не любишь, а нисколько не от любви к тебе”. Царевич: “Не стоил ты того, чтобы на нее смотреть; ее нрав очень кроток, и хотя она не моей веры, должен, однако, сознаться, что она очень благочестива; что она меня любит, в этом я уверен, ибо ради меня она все покинула, и в том тоже я уверен, что она честна; впрочем, неудивительно, что ты так говоришь, ибо ты судишь об имперских княжнах по тем, которые у нас, и особенно по твоей родне, которая никуда не годится, так же, как и твоя Варвара (*свояченица Меншикова – Н.П.*). У тебя змеиный язык, и поведение твое беспардонно. Я надеюсь, что ты скоро попадешь в Сибирь за твои клеветы; моя жена честна, и кто впредь мне станет говорить что-нибудь против нее, того я буду считать отъявленным врагом”. Царевич велел наполнить бокалы, выпили за здоровье кронпринцессы, и все офицеры бросились к ногам царевича»²⁵.

К сожалению, автор не приводит ссылки на источник столь подробных сведений об этом столкновении Меншикова и царевича Алексея, но если такой диалог имел место, да еще в присутствии офицеров, можно представить, какого смертельного врага приобрел царевич в лице светлейшего князя, которому прямо была высказана угроза ссылки в Сибирь. А ведь А.Д. Меншиков был реально вторым лицом в государстве, правой рукой царя Петра, ближайшим доверенным советником. Властный, расчетливый и безжалостный, Меншиков признавал над собой только власть самого царя, которому был обязан всем своим благосостоянием. При таком наследнике престола, как царевич Алексей Петрович, светлейший князь рисковал все потерять в один момент, вряд ли он наблюдал это, «сложив руки» и ничего не предпринимая. Заметим, кстати, что именно Меншиков производил первые аресты и допросы по делу царевича, активно участвовал в розыске на всем его протяжении, а под приговором суда его подпись стояла первой.

Гром грянул над головой царевича в 1715 г. 12 октября Шарлотта родила ему второго ребенка, на этот раз сына, но

ослабленное ее здоровье не выдержало, и 22 октября она скончалась. И вдруг, в день ее погребения, царь публично вручает Алексею письмо, начинающееся словами «Объявление сыну моему». В письме царевич обвинялся в полнейшей неспособности к государственным делам, и содержалась угроза лишения его наследства. На странности этого акта обратил внимание еще М.П. Погодин: «Что за странное намерение отдать письмо в руки царевичу в публичке, перед множеством свидетелей, в день погребения жены? Письмо носит явные признаки сочинения, с риторикою: его, верно, писал грамотей на досуге, не Петр, выражавшийся и не в таких случаях отрывисто. Да и на что письмо? Разве нельзя было передать все еще сильнее на словах? Во всем этом действии нельзя не видеть черного плана, сметанного в тревоге белыми нитками. Как же объяснить это загадочное событие? Верно, у Петра давно уже возникла мысль отрешиться от наследства Алексея, рожденного от противной матери, не разделявшего его образ мыслей, не одобрявшего его нововведений, приверженного к ненавистной старине, склонного к его противникам. Верно он возымел желание предоставить престол детям от любезной своей Екатерины. Екатерина, равно как и Меншиков, коих судьба подвергалась бы ежеминутной опасности в случае смерти царя, старались, разумеется, всеми силами питать эту мысль, пользуясь неосторожными выходками царевича. Они переносили Петру все его слова, толковали всякое движение в кривую сторону, раздражали Петра более и более. И вот лукавая совесть человеческая, вместе с сильным умом, начала подбирать достаточные причины, убеждать в необходимости действия, оправдывать всякие меры, она пугала прошедшим, искажала настоящее, украшала будущее – и Петр решился! Он решился, и уж, разумеется, ничто не могло мешать ему при его железной воле, перед которою пало столько препятствий. Погибель несчастного царевича была определена. В средствах нечего было ожидать строгой разборчивости: Петр в таких случаях ничего не видел, кроме своей цели, лишь бы скорее и вернее кончено было дело»²⁶.

Рассуждение историка построено на догадках, ибо дошедшие до нас документальные свидетельства не дают всей полноты картины, но логическое заключение представляется убе-

дительным: «Объявление моему сыну» – это обвинительный акт, на который предполагалось сослаться впоследствии. Вероятно, что у Петра изначально не было намерения лишить сына жизни, рассматривались варианты с официальным отречением от престолонаследия, даже с пострижением в монахи, на что испуганный Алексей тут же давал согласие. Однако, всем было ясно, что ни клятвы, ни отречение, ни даже монашеский сан царевича не лишат его харизмы законного наследника престола как в глазах аристократии, так и простого народа. И неважно, говорил ли Кикин про «клубок, что к голове гвоздем не прибит» или нет, эта мысль могла прийти на ум любому. Побег царевича за границу очевидно показал Петру, что даже слабовольный и нерешительный Алексей, загнанный в угол, способен оказать сопротивление, хотя бы и пассивное. С этого момента участь его была решена, Петр не мог оставить его в живых. В этом был истинный мотив всей последовавшей трагедии.

В уже цитированной статье американского историка П. Бушковича, имеющей подзаголовок «Новый взгляд на дело царевича Алексея», делается попытка представить пребывание царевича в Вене, как нечто более политически важное, чем просто поиск убежища. Анализируя документы австрийских архивов, автор сетует на то, что они не содержат «свидетельств о дискуссиях австрийцев или решениях по поводу того, что сказать Алексею или что с ним делать, хотя он, несомненно, стал объектом первостепенного политического значения сразу по приезде... Должны быть отчеты о тех дискуссиях в Тайном совете по поводу ответа на запросы Петра и упреки Карлу за предоставление убежища Алексею, но ни один из них не содержит даже косвенного намека на то, что Вена планировала сделать с царевичем. Отсутствие каких-либо отчетов тем более неприятно, что Алексей позднее говорил Петру, что после его приезда в Вену Тайный совет обещал ему вооруженную поддержку для водворения на трон. Или решающие дискуссии 1716–1717 годов не были записаны, или отчеты о них были удалены из записи после разрыва отношений»²⁷.

Мы уже видели, что о якобы обещанной ему австрийцами вооруженной помощи для овладения отцовским престолом царевич «говорил» после пыток по подсказке П.А. Толсто-

го. Совсем необязательно, а скорее наоборот, таких обещаний не могло быть в австрийских документах. То, что на Алексея в Вене смотрели как на важную фигуру в политической игре, вовсе не означает, что царевич просил о вооруженной помощи против отца, а император ее обещал. Так же маловероятной выглядит другая версия П. Бушковича о том, как «в августе 1717 г. французский офицер по имени Дюре(с) вступил в контакт с шведским эмиссаром в Голландии бароном Георгом Генрихом Гертцем и фактически премьер-министром Карла XII. Офицер привез письмо на русском языке от царевича с его подписью и просьбой к Швеции о защите»²⁸. Во-первых, кто и когда публиковал или хотя бы видел в каком-либо архиве это письмо? Во-вторых, с какой стати царевич стал бы писать шведскому резиденту по-русски, владея немецким, польским, латинским? То, что в Швеции знали о бегстве царевича в Вену, о его конфликте с отцом и надеялись использовать это в своих интересах, еще не является доказательством обращения Алексея за помощью к шведам.

В заключение надо отметить, что судьба главных участников расправы с царевичем Алексеем Петровичем была плачевна: они не получили из этого ожидаемой выгоды. Петр I, так озабоченный выбором достойного преемника, которому мог бы без опасения вручить созданную им Империю, сраженный болезнью, не смог даже слабым жестом указать наследника. К тому же, незадолго до смерти он должен был испытать горечь от неверности Екатерины, которую только что короновал императрицей. П.А. Толстой был погублен Меншиковым и умер в заточении в промерзлой келье Соловецкого монастыря. Сам А.Д. Меншиков на вершине своего могущества при умиравшей Екатерине I совершил роковую ошибку, сделав ставку на малолетнего сына царевича Алексея – Петра Алексеевича – Петра II, с которым мечтал породниться. Низвергнутый кознями А.И. Остермана с Долгорукими бывший светлейший князь умер в глухом Березове, лишенный не только всех богатств, но даже и того, чем располагал до начала своей головокружительной карьеры – свободы. Хищные «птенцы гнезда Петрова», вырвавшись на волю, насмерть заклевали друг друга, и в этом чувствуется рука Немезиды.

Примечания

- ¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.
- ² Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Том шестой. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 613.
- ³ Непотребный сын: Дело царевича Алексея Петровича. СПб.: Лениздат, 1996. С. 384–385.
- ⁴ Там же. С. 386.
- ⁵ Анисимов Е.В. Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века. СПб.: «Нотинт», 2004. С. 196–197.
- ⁶ Глебов – любовник Евдокии.
- ⁷ Царевич Алексей Петрович по свидетельствам вновь открытым. Рассуждение М.П. Погодина // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 3. С. VI.
- ⁸ Плейер – австрийский резидент в Петербурге.
- ⁹ Павленко Н.И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 203–204.
- ¹⁰ Там же. С. 204.
- ¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 32. Л. 74 об.
- ¹² Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 498.
- ¹³ Имеется в виду царевич Петр Петрович, родившийся в 1715 г.
- ¹⁴ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 204.
- ¹⁵ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 527.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 32. Л. 108–111 об.
- ¹⁷ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 220–221.
- ¹⁸ Там же. С. 221.
- ¹⁹ Там же. С. 222.
- ²⁰ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 234.
- ²¹ Там же. С. 261–263.
- ²² Павленко Н.И. Указ. соч. С. 20.
- ²³ Бушкович П. Мне отмщение... Новый взгляд на дело царевича Алексея // Родина. 1999. № 9. С. 46.
- ²⁴ Cui prodest – юридический термин: кому выгодно?
- ²⁵ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 51–52.
- ²⁶ Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого // Непотребный сын: Дело царевича Алексея Петровича. СПб., 1996. С. 431.
- ²⁷ Бушкович П. Указ. соч. С. 44.
- ²⁸ Там же. С. 45.

А.В. МАРКЕЛОВ

«КОНЧИЛАСЬ ВЯТКА, КОНЧИЛИСЬ ЗОЛОТЫЕ ДЕНЬКИ»

ССЫЛКА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ В ВЯТКУ В АПРЕЛЕ 1918 г.: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ

Markelov A. V. "Vyatka is ended, the golden day is ended". The Vyatka exile of the members of the Romanov House in april, 1918: reconstruction

Аннотация / Annotation

В статье исследуются обстоятельства пребывания представителей Дома Романовых: великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Игоря и Константина Константиновичей, князя Владимира Палей в ссылке в г. Вятке в апреле 1918 г. Впервые делается попытка реконструировать календарь вятской ссылки Романовых и показать ее в контексте политических, бытовых и религиозных событий, происходивших как в Вятке, так и в России.

The article is devoted to the Vyatka exile of the members of Romanov Royal House in April, 1918: the Grand Duke Sergey Mikhailovich, Dukes John, Igor and Konstantin Konstantinovich, Duke Vladimir Paley. The author makes the first attempt to reconstruct the calendar of the exile and to present it in the context of everyday life, political and religious events which took place in Vyatka and in Russia in general.

Ключевые слова / Keywords

Вятка, великий князь Сергей Михайлович, князя Иоанн, Игорь и Константин Константиновичи, князь Владимир Палей, Дом Романовых, М.С. Урицкий, ссылка в Вятку, дом купчихи Савинцевой. Vyatka, the Grand Duke Sergey Mikhailovich, Dukes John, Igor and Konstantin Konstantinovich, Duke Vladimir Paley, the House of Romanov, M. S. Uritsky, Vyatka, exile, merchant Savintseva's house.

В конце марта, если точнее, 29 марта¹ 1918 г. Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны принял решение выслать из города ряд представителей Романовской династии «впредь до особого распоряжения»². Так, например, известно, что удостоверения на выезд из Петрограда в Вятку 18/30 марта получили В. Палей³, князь Игорь⁴ и Иоанн Константиновичи Ро-

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-14030г.

мановы⁵. В одном из удостоверений отмечалось, что они высылались «не как лица, замешанного в политических преступлениях, а лишь в целях предупреждения и пресечения»⁶.

31 марта (или 1 апреля) на прием к председателю Петроградской ЧК М.С. Урицкому пришла мать В. Палей, княгиня Ольга Палей, которая пыталась добиться отмены ссылки сына. Урицкий отказал: «Сегодня у нас суббота. Уедет он со всеми во вторник в шесть вечера. Поедут в Вятку, и там их пальцем не тронут. Им выписан специальный вагон. Можете проводить и помахать ручкой»⁷.

В Вятке 23 марта 1918 г. начала работу следственная комиссия, возглавляемая А.Г. Белобородовым. Неделей раньше пытался навести в городе порядок проезжавший через Вятку Ф.И. Голощекин⁸. Следствие занялось расследованием «лапинской авантюры» – по фамилии начальника гарнизона Вятки М.Г. Лапина, захватившего со своими единомышленниками в декабре 1917 – марте 1918 г. власть в Вятке⁹. Комиссия произвела ряд арестов, в том числе М.Г. Лапина, обнаружила факты бесчинства и злоупотреблений в высших губернских эшелонах¹⁰. Известно, что А.Г. Белобородов находился в Вятке до 2 апреля 1918 г.¹¹ И Белобородов, и Голощекин сыграли в дальнейшем самое прямое участие в гибели представителей царской семьи.

Поезд с Романовыми и Палей ушел из Петрограда 22 марта (4 апреля) 1918 г.¹² Переезд представителей Дома Романовых контролировался Москвой и Петроградом через екатеринбургские власти. 3 апреля из Екатеринбурга в Пермь ушла телеграмма с требованием о «скорейшей отправке сегодня баронов под охраной в Вятку»¹³. Под «баронами» разумелись великий князь Сергей Михайлович и три брата – князя Иоанн, Игорь, Константин Константиновичи, а также князь Владимир Палей. Можно предположить, что через сутки ссыльные уже были в Вятке, т.к. 5 апреля Вятская губернская управа выдала Федору Михайловичу Ремезу, управляющему делами великого князя Сергея Михайловича квитанцию за № 593 о взыскании оклада 10 рублей с собак¹⁴.

Сергей Михайлович, племянник Александра II, служил генерал-инспектором артиллерии. Именно его думские оппозиционеры считали виновным в недостаточном количестве бое-

припасов на германском фронте. Князя Иоанн, Игорь и Константин – сыновья великого князя Константина Константиновича, поэта и драматурга, писавшего под псевдонимом «К.Р.». Все трое с началом Первой мировой войны ушли на фронт, где, кстати, погиб их брат Олег, также обладавший литературным талантом. Отец благословил сыновей иконой. Солдаты говорили о князьях: «Братья Константиновичи хорошо служат». Вся семья К.Р. была глубоко верующей, у самого Константина Константиновича было затаенное желание стать обер-прокурором Святейшего Синода. Но князь Иоанн (или как его ласково называли родные – «Иоанчик») среди всех выделялся своей религиозностью, много помогал бедным. Николай II часто посылал его на духовные торжества как своего личного представителя.

Князь Владимир Палей – сын великого князя Павла Александровича от мorganатического брака (т.е. жена Павла была не царского рода и разведенная). Владимир был очень одаренным поэтом – стареющий К.Р. говорил со слезами: «Тебе передаю свою лиру». Свои стихи Палей сразу писал на чистовик, порой часами сидя за пишущей машинкой. Его сестра, Мария Павловна, обеспокоенная такой лихорадочной работой, посоветовала ему более тщательно отшлифовывать строфы. Владимир ответил, что стихи приходят к нему в законченном виде, и правка только портит их, добавив, что ему нужно торопиться: после двадцати одного года он уже писать не сможет¹⁵.

Вятская вынужденная жизнь Романовых и Палей протекала в доме купчихи Савинцевой. Палей, Константин и Игорь Константиновичи жили в одной комнате, Иоанн Константинович с женой в другой (Сергей Михайлович, по сведениям О. Палей, жил где-то в другом месте). В доме купчихи Савинцевой В. Палей нашел редкое издание М.Ю. Лермонтова и собирался сочинить драму о жизни, дуэли и смерти поэта¹⁶.

Вначале высокие ссыльные были далеки от уныния. Князь Константин Константинович даже признавался: «Мы рады изгнанию. Узнали людей и жизнь, которую, к сожалению, не знали»¹⁷. Игорь Константинович говорил уже в Екатеринбурге: «Я чувствую, что нам здесь жить не позволят. В Вятке к нам тоже хорошо относилось население»¹⁸.

Пожалуй, это главная причина стремительной высылки Романовых из Вятки. Вот как описывал в своих воспоминаниях старый большевик Д.Н. Фетинин: «Бывшие великие князья Романовы должны были содержаться под арестом. Их поселили в доме купчихи Савинцевой... против Александровского собора... В обширном купеческом доме Романовы жили вольготно. Им разрешали прогулки по городу. Скоро контрреволюционеры узнали о пребывании в Вятке Романовых и стали стекаться сюда со всех сторон, желая использовать в своих гнусных целях»¹⁹.

8–25 апреля 1918 г. проходил второй губернский съезд Советов. Среди его делегатов было 119 большевиков, 78 левых эсеров, 8 максималистов, 3 эсеров центра, 1 правый эсер, по 2 меньшевика и анархиста, 1 энес и 67 беспартийных. Главными вопросами стали отчет о работе губисполкома и доклад А.Г. Белобородова о «лапинской авантюре»²⁰.

Накануне 18 апреля 1918 г. православные жители Вятки обратились к властям с просьбой освободить арестованных пастырей и собратьев по вере. И именно в этот день на губернском съезде совета депутатов член фракции большевиков И.В. Попов²¹ потребовал выслать Романовых, т.к., по его словам, «всем известно, что Вятка – это прогнивший мещанский город, где очень слабо развито революционное движение. Необходимо усилить охрану рабочих штыков». На предложение максималистов «сослать в Кронштадт», которое сопровождалось, согласно стенограмме, смехом и аплодисментами, большевистский оратор заметил, что у столичных максималистов и большевиков «не менее революционного пыла, ... но они отправили Романовых ... в Вятку, потому что имеются особые политические соображения». Под выкрик анархиста «отправить в телячьих вагонах» резолюцию приняли большинством голосов, при одгом против и двоих воздержавшихся²².

Скорее всего, вятские власти стремились выслать Романовых в кратчайшие сроки. Но это не удалось. Параллельно развивались следующие события. В частности, 7/20 апреля в Преображенском женском монастыре началась реквизиция мебели. Член комиссии по охране церквей и их имущества Ю.А. Лавровская начала

протестовать против такого своеволия и была тут же арестована. После вечернего допроса ее освободили²³. С 10/23 по 18/31 апреля 1918 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности» содержался под арестом протоиерей Преображенского собора г. Слободского А. Лопатин²⁴, которого впоследствии еще несколько раз арестовывали, а в августе без лишних проволочек решили: «расстрелять и хорошенько закопать»²⁵.

16/29 апреля большевики арестовали большую часть уже упоминаемой комиссии по охране церквей и их имущества, мотивируя это тем, что их не допустили к епархиальным хозяйственным помещениям²⁶. Вечером 17/30 апреля было арестовано 15 священников и мирян – членов пастырско-мирянского собрания во главе с председателем Николаем Селивановичем Головиным²⁷. Вооруженные красноармейцы ворвались в покои епископа Никандра, требуя протокола собрания. 18 апреля/1 мая, в Великую Среду, из-за ареста священников в некоторых церквях не было служб. Верующие собрались со всего города к Совету, требуя освобождения арестованных. Этого же добивался епископ Никандр, предлагая, чтобы под стражу взяли его. 19 апреля/2 мая, в Великий Четверг, арестованных освободили, но 21 апреля (4 мая), в Великую Субботу, членов комиссии арестовали вновь, т.к. они не заявили, что откажутся от своей деятельности²⁸.

В письме живущего в Швейцарии князя Николая Николаевича Романова упоминается, что князь Иоанн Константинович служил диаконом в вятских храмах²⁹. Возникшее было недоумение разрешили найденные сведения, что 3 марта 1918 г. в петербургском Иоанновском монастыре на Карповке князь Иоанн был рукоположен во диаконы. В дальнейшем он намеревался развестись с женой, принять монашество. Ожидали, что его возведут в сан епископа³⁰.

Если допустить, что князю Иоанну Константиновичу действительно разрешили служить в какой-либо вятской церкви (а это вполне было возможно во время служб Великого поста, отношение богомольных вятчан к высокопоставленным изгнанникам становилось еще сердечнее).

27 апреля 1918 г. вятские власти сообщали в Екатеринбург: Романовы высылаются в этот город³¹. 30 апреля удостоверение о

выезде из Вятки в Екатеринбург комиссариатом г. Вятки было выдано Ф. М. Ремезу³², В. Палей³³, князьям Игорю³⁴ и Иоанну Романовым³⁵. 30-го В. Палей телеграфировал своей матери о переводе в Екатеринбург³⁶. Позднее В. Палей говорил: «Кончилась Вятка, кончились золотые деньки»³⁷. Уже из Екатеринбурга Палей присылал стихи, написанные в Вятке³⁸.

Великий князь Сергей Михайлович, пытаясь изменить положение, послал Ленину и Свердлову телеграмму: «Болен ревматизмом климат заставляет просить перевести меня в Вологду или Вятку»³⁹. Последовал отказ. Ситуацией уже владели «особые политические соображения». Путь Романовых в Екатеринбург, а затем в Алапаевск завершился трагически. Здесь их вместе с великой княгиней Елизаветой Феодоровной и инокиней Варварой большевики живыми сбросили в шахту.

По утверждению эмигранта-исследователя П. Пагануцци, во время краткой вятской ссылки юный поэт В. Палей написал это полное трагичных предчувствий стихотворение:

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья..
Все время за окном проходит часовой,
не просто человек, другого стерегущий,
Нет, – кровный враг, латыш угрюмый и тупой,
Холодной злобой к узнику дышущий..
За что? За что? Мысль рвется из души
Вся эта пытка нравственных страданий,
Тяжелых ежечасных ожиданий
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,
Мысль узника в мольбе уносится высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно и так низко...
А недруги так жутко близко⁴⁰

Среди вещей, найденных у убитого князя Иоанна Константиновича, была также найдена, как говорится в описании, «икона в медной оправе святителей Прокопия и Трифона»⁴¹. С большой долей уверенности можно предположить, что это был образ преп.

Трифона Вятского и блаженного Прокопия Вятского – святых Вятской земли, которая дала приют представителям династии Романовых.

К данной теме автор впервые обращался в 1997 г.⁴² Еще раньше вышло несколько газетных статей историков и архивистов⁴³. В данной публикации впервые сделана попытка реконструировать календарь тех трагических событий. Главная проблема оказалась в том, что с февраля 1918 г. был введен новый гражданский календарь⁴⁴, вместе с тем часть общества, прежде всего верующие, продолжали пользоваться прежним календарем. Это обстоятельство не было учтено нами в публикации 1998 г. Следование четкому хронологическому принципу, сопоставление событий и дат с православным календарем позволило исправить эти погрешности.

Примечания

- ¹ Расследование царевубийства. Секретные документы / Сост. В. Прищеп, А. Александров. М., 1993. С. 265, 268, 271.
- ² Наш край (Вятка). 1918. 31 (18) марта. № 5.
- ³ Расследование царевубийства... С. 265.
- ⁴ Там же. С. 268.
- ⁵ Там же. С. 271.
- ⁶ Там же. С. 272.
- ⁷ Палей О. Воспоминания о России: С приложением писем, дневника и стихов ее сына Владимира. М., 2009. С. 99.
- ⁸ Тимкин Ю.Н. 1917 год: от революции по телеграфу к революции на штыках // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1997. Т. 4. С. 350.
- ⁹ Тимкин Ю.Н. Смутное время на Вятке. Общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917 – осенью 1918 г. Киров: Изд-во ВГПУ, 1998. С. 54–58.
- ¹⁰ Там же; Прибытие в Вятку председателя Уральско<кого> обл<астного> исп<олнительного> комитета // Наш край. 1918. 30 (17) марта. № 4.; К пребыванию в Вятке полномочного комиссара Уральского Обл<астного> Сов<ета> Р<абочих>, С<олдатских> и Кр<естьянских> Деп<утатов> // Наш край. 1918. 3 апр. № 7.
- ¹¹ Прибытие в Вятку председателя Уральско<кого> обл<астного> исп<олнительного> комитета...
- ¹² Палей О. Указ. соч. С. 99–100.
- ¹³ Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома. М., 1992. С. 280.
- ¹⁴ Расследование царевубийства... С. 263.
- ¹⁵ Миллер Л. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994. С. 200–202; Кузьмина Л. Августейший поэт. СПб., 1996. С. 185, 118; Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Воспоминания. М., 2005. С. 247–259; 266–267.

- ¹⁶ Палей О. Указ. соч. С. 103.
- ¹⁷ Буранов В., Хрусталева В. Указ. соч. С. 281–282.
- ¹⁸ Там же. С. 282.
- ¹⁹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 4112. Оп. 1. Д. 369. Л. 58–58 об.
- ²⁰ Тимкин Ю.Н. Смутное время на Вятке. С. 60–61.
- ²¹ Председатель Вятского губернского бюро РСДРП (6) (октябрь 1917 – март 1918), председатель Вятского губисполкома (май – июнь 1918) // Энциклопедия земли Вятской. Т. 6 (Знатные люди. Биографический словарь). Киров, 1996. С. 349.
- ²² Вятский край. 1918. 24 апр. № 23.
- ²³ Из жизни Вятского женского монастыря // Официальные известия по Вятской епархии. 1918. 1 мая. № 12–13. С. 135.
- ²⁴ Аресты и освобождение из тюрьмы // Там же. С. 136.
- ²⁵ Ожегин П. «...расстрелять и закопать» // Вятский епархиальный вестник. 1996. № 9. С. 4.
- ²⁶ Официальные известия по Вятской епархии. 1918. 1 мая. № 12–13. С. 136.
- ²⁷ Член Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг. (См.: Маркелов А.В. Представители Вятской епархии на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / Под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка, 2007. С. 629).
- ²⁸ Аресты и освобождение из тюрьмы... С. 136–137.
- ²⁹ Семибратов В. Дом, приютивший Романовых // Вятский край. 1996. 2 февр.
- ³⁰ Прибавление к «Церковным ведомостям». 1918. № 7–8. С. 329.
- ³¹ Хрусталева В. Тайное убийство великих князей в Алапаевске // Россияне. 1993. № 11–12. С. 87.
- ³² Расследование царевубийства... С. 274.
- ³³ Там же. С. 266.
- ³⁴ Там же. С. 267.
- ³⁵ Там же. С. 271.
- ³⁶ Палей О. Указ. соч. С. 104.
- ³⁷ Там же. С. 104.
- ³⁸ Там же. С. 106–107.
- ³⁹ Буранов В., Хрусталева В. Указ. соч. С. 283.
- ⁴⁰ Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. М., 1992. С. 126.
- ⁴¹ Расследование царевубийства... С. 272.
- ⁴² Маркелов А. Ссылка Романовых в Вятку весной 1918 г. // Власть и общество: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Киров, 1998. С. 198–202.
- ⁴³ Маркелов А. «В Вятке к нам относились хорошо», – говорили князя Романовы незадолго до своей трагической гибели // Вятский край. 1996. 27 янв.; Семибратов В. Дом, приютивший Романовых // Вятский край. 1996. 2 февр.; Чудиновских Е. Держалось в секрете // Вятский край. 1996. 13 февр.
- ⁴⁴ Даты важнейших событий // История гражданской войны в СССР. Т. 3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 – март 1919 г.). М., 1958. С. 663.

В.В. ТЕРЕЩЕНКО

СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ ОКРУГОВ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. 1918–1923 гг.

***Tereshchenko V. V. Creation of the first boarder districts
of the Soviet republic in 1918–1923***

Аннотация / Annotation

В статье исследуется история создания в советской России первых трех округов пограничной охраны в 1918 г., и только затем, после окончания Гражданской войны, округа вновь были сформированы по периметру всей границы страны.
The article devoted to the history of first three border guard districts creation in 1918, and a new formation of the districts along the whole frontier of the country after the Civil War ending.

Ключевые слова / Keywords

Архив, источник, округ пограничной охраны, погранзаства, дивизия, корпус, штаб, Гражданская война в России. Archive, source, border guard district, frontier post, division, corps, staff, Civil War in Russia.

Совет Народных Комиссаров (СНК) с первых дней своего существования столкнулся с объективной необходимостью сохранения территориальной целостности Советской России и охраны ее рубежей в военном, политическом и экономическом отношениях. После подписания в начале марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора в полосе, разделявшей расположение частей германской и российской армий, была установлена демаркационная линия, которая начиналась у Финского залива и проходила через Нарву, Гдов, западные уезды Брянской и южные уезды Орловской, Курской и Воронежской губерний. Накануне, в январе 1918 г., Народный комиссариат по военным делам предложил управлению Отдельного пограничного корпуса (ОПК) сообщить о составе и расположении частей корпуса и приблизительный проект организации охраны всех границ. Представленным проектом предлагалось создать девять пограничных округов, а для охраны границы выделить 35 тысяч человек и 10 488 лоша-

дей¹. Но этот проект так и не был принят, поскольку вскоре был ликвидирован и сам ОПК.

Для решения пограничных проблем 30 марта 1918 г. в ведомстве Народного комиссариата по делам финансов было создано Главное управление пограничной охраны (ГУПО), на которое правительство возложило общее руководство созданием пограничной охраны Российской Республики. Возглавил ГУПО бывший начальник Управления ОПК Г.Г. Мокасей-Шибинский, а с сентября 1918 г. начальником ГУПО стал бывший начальник отделения пограничного надзора управления ОПК С.Г. Шамшев. По инициативе и под руководством ГУПО уже 1 апреля 1918 г. начались работы по формированию Петроградского округа пограничной охраны. Это было вызвано тем, что прекратила существование Финляндская социалистическая рабочая республика, германские войска оккупировали Хельсинки, захватили Выборг, нависла непосредственная угроза Петрограду.

В приказе № 1 от 22 апреля 1918 г. по Петроградскому пограничному округу сообщалось о вступлении с 1 апреля в должность начальника округа и ряда служащих управления округа². Приказом по округу от 7 мая 1918 г. объявлялось о назначении начальников районов³, а 14 мая 1918 г. начальник Петроградского округа пограничной охраны объявил штаты районов округа.

Народный комиссар по делам финансов 15 мая 1918 г. утвердил предложенную ГУПО организацию пограничной охраны и закрепил структуру пограничной охраны на участке Петроградского округа, определив пункты дислокации управлений округа, Финляндского и Петроградского районов – Петроград, Беломорского района – Архангельск, Олонецкого района – Петрозаводск, Чудского района – Гдов. В приказе указывалось, что «в настоящее время означенная охрана сформирована в первой стадии..., учреждены пять районов..., с тремя подрайонами в каждом, с соответственными потребностями охраны числом дистанций и застав. Назначены начальники округа и районов. Означенные районы составляют Петроградский округ пограничной охраны»⁴.

Начальник Петроградского округа докладывал в ГУПО: «Беломорский район начал свое существование с 16 мая, сформирова-

но два подрайона (1-й и 2-й), от которых выставлено 12 застав. Олонецкий район начал формирование 23 мая, сформировано 3 подрайона, от которых выставлено 10 застав. Финляндский район формируется с 1 февраля, сформировано 3 подрайона, от которых выставлено 52 заставы. Петроградский район начал формирование 7 мая, сформировано 2 подрайона, от которых выставлено 16 застав. Чудский район приступил к формированию 8 мая, сформировано 3 подрайона, от которых выставлено 6 застав»⁵. Таким образом, к выходу декрета об учреждении при Наркомате финансов пограничной охраны была проделана подготовительная работа по организации охраны границы Советской республики и создан первый пограничный округ.

Декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении пограничной охраны, подписанный 28 мая 1918 г., законодательно закрепил создание пограничной охраны. В общих чертах в декрете был указан порядок охраны границы, устанавливалась пограничная полоса и двенадцатимильная морская таможенная полоса. Непосредственное руководство пограничной охраной оставалось за ГУПО, но при нем для решения вопросов военного характера был образован Совет пограничной охраны в составе двух комиссаров и одного военного руководителя. Таким образом, советская пограничная охрана с самого начала строилась как военная организация.

Положения декрета были разработаны на базе «Правил об Отдельном корпусе пограничной стражи» 1910 г. и «Инструкции службы чинов ОКПС» 1912 г. Создание пограничных округов свидетельствует о том, что пограничная охрана РСФСР стала преемницей дореволюционной пограничной стражи, грамотно использовала накопленный в ней положительный опыт. Но в декрете Совнаркома содержались и положения, отражавшие советские реалии: четко сформулирована новая социальная направленность пограничной охраны – отмечалось, что она создается для защиты пограничных интересов социалистического государства, закреплялась руководящая роль партии большевиков. В состав Совета пограничной охраны в округах, районах и подрайонах вводились должности комиссаров, без подписи которых распоряжения и приказы соответствующих руководителей не подлежали испол-

нению. Декрет Совнаркома стал первым государственным актом, провозгласившим необходимость защиты пограничных интересов Советской республики и создания для этого специальной вооруженной силы.

В июне 1918 г. началось формирование 2-го округа пограничной охраны. Начальник 2-го округа был назначен 29 мая 1918 г.⁶ Управление округа начало формироваться в Москве, от туда 4 августа 1918 г. переехало в г. Витебск⁷, а 23 декабря 1918 г. прибыло в г. Минск и разместилось на Захарьевской улице в доме № 3. Минский округ предназначался для охраны демаркационной линии, установленной на основании Брестского мирного договора, и в его состав вошли Порховский, Себежский, Витебский, Оршанский и Черняковский районы.

Формирование управления 3-го округа пограничной охраны началось в июле 1918 г. в Москве. С 19 сентября 1918 г. управление округа начало функционировать в г. Орле, а позднее передислоцировалось в Киев⁸. Организационно округ состоял из пяти районов: Брянского, Львовского, Курского, Новооскольского и Острогожского.

В основу работы по созданию округов была положена разработанная ГУПО инструкция для начальника округа пограничной охраны по организации и формированию управления районов округа. В округах пограничной охраны для управления частями и подразделениями создавались штабы, которые формировались из сотрудников пограничной охраны и представителей окружных штабов Красной армии.

Постепенно стала вырисовываться достаточно четкая структура пограничной охраны, которая выглядела следующим образом: Военный совет, ГУПО, три округа пограничной охраны, каждый из которых состоял из 5-ти районов, от 3-х до 5-ти подрайонов в районе, по 3 дистанции в каждом подрайоне, а последние выставляли заставы.

Пограничная охрана РСФСР при ее учреждении была подчинена Народному комиссариату по делам финансов, но Декретом СНК ГУПО с 1 июля 1918 г. была передана в ведение Наркомата торговли и промышленности, что в данный период наиболее точно соответствовало задачам борьбы с контрабандой,

защиты экономических интересов государства, основная тяжесть решения которых возлагалась на пограничные округа.

В докладе ГУПО от 2 июля 1918 г. в вышестоящие инстанции сообщалось: «к настоящему времени 1-й округ (по границам Финляндии и до Гдова) уже сформирован и несет службу на границе». В августе 1918 г. районы 2-го округа пограничной охраны заняли демаркационную линию⁹.

В связи с резким обострением внешней и внутренней военно-политической обстановки перед советским руководством встала задача объединения усилий всех вооруженных структур в единый центр. 19 августа 1918 г. СНК РСФСР издал декрет «Об объединении всех Вооруженных Сил республики в ведении Народного комиссариата по военным делам». По специальной службе округа пограничной охраны продолжали подчиняться своему Главному управлению. Но при объявлении всеобщей мобилизации, а тем более превращении пограничной местности в театр военных действий, части пограничной охраны в округах полностью переподчинялись Наркомату по военным делам и охрана государственной границы переходила в его ведение¹⁰. Таким образом, с 19 августа 1918 г. пограничная охрана была законодательно оформлена как составная часть Вооруженных Сил Советской Республики. Однако пограничные округа с их сложившимися структурными элементами и некоторыми изменениями (в частности, введением единой нумерации округов, районов, подрайонов, дистанций и застав) продолжали функционировать.

31 августа 1918 г. ГУПО издает приказ о переименовании Петроградского округа пограничной охраны: «Ввиду того, что ныне уже сформированы управления 2-го и 3-го округов пограничной охраны, Военный совет пограничной охраны постановил Управлению Петроградского округа пограничной охраны впредь именоваться управлением 1-го округа пограничной охраны». В Петроградском округе пограничной охраны приказ ГУПО о переименовании округа был продублирован приказом от 17 сентября 1918 г.¹¹ Так была установлена единая нумерация округов пограничной охраны. 2 сентября 1918 г. из ГУПО в Реввоенсовет поступил доклад: «В настоящее время организовано управление 3-го округа и пяти районов пограничной охраны».

На 18 декабря 1918 г. в состав пограничной охраны входило три округа. В г. Петрограде размещалось управление 1-го округа, в состав которого входили районы с первого по пятый. В г. Витебске дислоцировалось управление 2-го округа в составе районов с шестого по десятый. Управление 3-го округа находилось в г. Орел, его районы нумеровались с одиннадцатого по пятнадцатый¹².

В конце 1918 г. в связи с капитуляцией Германии перед Антантой и аннулированием Брест-Литовского договора начался массовый отход германской армии из оккупированных территорий России. Граница, образовавшаяся весной и летом 1918 г. на западе, перестала существовать. Пограничные части всех трех округов во второй половине ноября 1918 г. были переданы в оперативное подчинение Красной армии, затем вошли в состав действующей армии и с января 1919 г. были переименованы соответственно в 1, 2 и 3-ю пограничные дивизии¹³.

В соответствии с распоряжением Реввоенсовета Республики приказом ГУПО с 1 февраля 1919 г. пограничная охрана переименовывается в пограничные войска. Совет погранохраны стал называться Военным советом, а ГУПО – Главным управлением пограничных войск (ГУПВ).

Приказом по 2-й пограничной дивизии от 10 февраля 1919 г. районы были переименованы в пограничные стрелковые полки, подрайоны – в батальоны, дистанции – в роты¹⁴. Аналогичные приказы были изданы и в двух других пограничных дивизиях. В каждой из трех пограничных дивизий имелось по пять стрелковых полков и пять кавалерийских дивизионов.

В условиях резкого обострения положения на многочисленных фронтах Гражданской войны 18 июля 1919 г. Совет Рабоче-Крестьянской обороны принял решение на время военных действий передать пограничные войска в полное ведение Наркомата по военным делам. Этим же постановлением предлагалось расформировать ГУПВ. Во исполнение указанного постановления 11 сентября 1919 г. издан последний приказ ГУПВ, в котором сообщалось, что 1-я, 2-я и 3-я пограничные дивизии «на все время войны и во всех отношениях подчиняются соответствующим командармам» и, согласно постановлению коллегии Наркомторгпрома от 4 сентября, вместо расформированного ГУПВ учреж-

дается Отдел пограничного надзора¹⁵. Таким образом, можно констатировать, что уже в первые дни существования Советской власти было положено начало процессу формирования окружной пограничной системы, логическому завершению которого помешала Гражданская война и который получил свое продолжение после ее окончания.

Весной и летом 1920 г. после разгрома основных сил белогвардейцев и интервентов началось восстановление линии государственной границы на Севере и Северо-Западе. На базе особых отделов армий и особых отделов приграничных губернских чрезвычайных комиссий начали организовываться особые отделы по охране границы. Но уже к началу 1921 г. стало очевидным, что войск, находившихся в распоряжении ВЧК, не хватает для закрытия границы. Поэтому постановлением СТО от 19 января 1921 г. все части и отряды, находившиеся в ведении ВЧК, в том числе и охранявшие границу, сводились в особые войска – войска ВЧК, на которые наряду с другими задачами была возложена и охрана государственной границы. Для руководства войсками были созданы управления войск ВЧК Северной, Финляндско-Мурманской, Эстоно-Латвийской, Западной, Польско-Румынской, Черноморской, Кавказской, Туркестанской и Сибирской границы¹⁶.

Постановлением от 14 июля 1920 г. СТО учредил Центральное управление пограничного надзора при Наркомвнешторге. Но уже 24 ноября того же года СТО изменил постановление и охрану государственной границы окончательно передал органам ВЧК. «Охрана всех границ РСФСР возлагается на особый отдел ВЧК по охране границ», – говорилось в постановлении. Это означало, что отныне пограничная охрана становилась одним из важнейших звеньев системы государственной безопасности Советской республики.

Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ), на которое, наряду с другими задачами, возлагалась политическая охрана границ РСФСР, для чего нужны были войска со специальной подготовкой. 27 сентября 1922 г. СТО принял решение о создании Отдельного пограничного корпуса (ОПК) войск ГПУ¹⁷, в составе которого и начинают вновь формироваться пограничные

округа. 8 октября 1922 г. было утверждено «Положение об организации ОПК», в котором указывалось, что «пограничные отряды объединяются в высшие объединения, именуемые округами войск ГПУ». Далее разъяснялось: «В состав пограничного округа войск ГПУ входят пограничные отряды, состоящие на охране участка

Одна из первых пограничных застав. 1921 г.

Личный состав пограничной заставы

Такими были первые погранзаставы и посты

Снаряжение советского пограничника

границы пограничного полномочного представительства ГПУ, совпадающего с государственной границей Республики. Количество отрядов в каждом пограничном округе соответствует числу пограничных областей и губерний, входивших в состав полномочного представительства».

Начальник пограничного округа управлял отрядами через состоящий при нем штаб пограничного округа. 13 октября 1922 г. ГПУ издает приказ «О сформировании Отдельного пограничного корпуса войск ГПУ». Во втором параграфе приказа указывалось, что «начальниками пограничных округов войск ГПУ назначаются начальники КРО соответствующих пограничных полномочных представительств ГПУ, последним приступить к сформированию окружных штабов». Начальнику пограничного округа были предоставлены права командира дивизии¹⁸. Согласно этого приказа создавалось семь пограничных округов: Петроградский, Западный (Минск), Украинский (Винница), Северо-Кавказский (Ростов-на-Дону), Закавказский (Тбилиси), Туркестанский (Ташкент), Сибирский (Ново-Николаевск, ныне Новосибирск).

22 октября 1922 г. утверждено «Положение об Отдельном пограничном корпусе войск ГПУ», в котором подчеркивалось: «В целях наилучшего обеспечения охраны границ в отношении политическом, военном и экономическом учреждается несменяемая и неотвлекаемая никакими иными назначениями из районов пограничной полосы пограничная охрана»¹⁹. Приказом ГПУ от 27 октября 1922 г. предлагалось «управления пограничных дивизий расформировать, обратив личный состав на укомплектование штабов пограничных округов».

В постановлении СТО от 27 сентября 1922 г. предусматривалось передачу войск для ОПК закончить к 1 ноября, но только с ноября 1922 г. начали свою работу окружные межведомственные комиссии, созданные для принятия войск от РККА. На 16 ноября 1922 г. по докладу начальника штаба войск ГПУ штабы были сформированы только в Западном и Сибирском округах, в Северо-Кавказском округе прием войск был закончен, а в Туркестанском заканчивался. В Украинском округе «комиссия закончит работу не ранее 20 ноября, а в Закавказском – штаб округа еще не формируется».

27 октября 1922 г. был сформирован Туркестанский округ пограничной охраны, а в начале 1923 г. формируется Дальневосточный округ. 4 января 1923 г. ПП ГПУ по Дальневосточному краю издает первый приказ по пограничной охране края²⁰.

К февралю 1923 г. окончательно определяются пункты дислокации пограничных округов, частей и подразделений. Приказом ГПУ от 28 февраля 1923 г. были объявлены пограничные округа (к ранее намечавшимся округам добавился Дальневосточный, сформированный в январе 1923 г.) и их состав. С образованием ОПК был устранен основной недостаток в организации пограничной охраны – межведомственное разделение войсковой и оперативной работы. Пограничная охрана и оперативные органы на границе были сосредоточены в одном ведомстве – ГПУ, которое, совершенствуя охрану границы, нашло новые, наиболее целесообразные формы организации войск.

Первые месяцы практического руководства войсками корпуса показали, что созданная система управления громоздка и неэффективна. Командир ОПК управлял пограничными частями через штаб корпуса, начальник которого в вопросах строевого характера, боевой подготовки и воспитания личного состава подчинялся начальнику штаба войск ГПУ. Подобная система была и в округах. С целью объединения под единым руководством усилий органов и войск, участвовавших в охране государственной границы, 31 января 1923 г. приказом ГПУ пограничная охрана во всех отношениях была подчинена непосредственно заместителю председателя ГПУ, который осуществлял управление ею через штаб войск ГПУ²¹, имевший в своем составе отдел пограничной охраны.

Однако и после объединения оперативной и войсковой охраны границы в центре в рамках одного ведомства организация охраны границы в округах по-прежнему расчленилась на оперативную и войсковую функции, что отрицательно сказывалось на служебной деятельности войск. В целях объединения управления охраной государственной границы приказом ГПУ 28 июля 1923 г. создается отдел пограничной охраны, состоящий из оперативного и агентурно-разведывательного отделений²². Отдел подчинялся непосредственно заместителю председателя ГПУ. По вопросам

борьбы со шпионажем и политической контрабандой он продолжал выполнять распоряжения начальника КРО ГПУ.

В пограничных округах были созданы части пограничной охраны (ЧПО) ПП ГПУ округов. В их ведении находилась оперативная деятельность войск округа. Начальник ЧПО являлся по должности помощником полномочного представителя ГПУ по пограничной охране и ему в оперативном отношении подчинялись все пограничные части округа. Приказы, касающиеся пограничной охраны округа, подписывались начальником ЧПО и начальником штаба войск ГПУ.

28 июля 1923 г. созданы ЧПО ПП ГПУ Петроградского, Западного (Смоленск), Украинского (Харьков), Северо-Кавказского (Ростов-на-Дону), Закавказского (Тбилиси), Туркестанского (Ташкент), Сибирского (Ново-Николаевск, ныне Новосибирск), Дальневосточного (Чита) округов. Таким образом, с конца июля 1923 г. руководство пограничной охраной на территории пограничного округа осуществляли оперативные органы ГПУ и войсковое командование, которые лишь в центре замыкались на одного начальника – заместителя председателя ГПУ. Округ по-прежнему не был самостоятельным объединением.

После образования СССР ГПУ НКВД РСФСР в сентябре 1923 г. было реорганизовано в Объединенное государственное политическое управление, подчинявшееся непосредственно СНК СССР и ведавшее наряду с другими вопросами организацией охраны границ СССР²³. Разделение пограничной охраны на оперативную и войсковую при существующих параллельно двух управленческих аппаратах, несмотря на их единое подчинение, себя не оправдало. В приказе ГПУ от 3 октября 1923 года подчеркивалось, что «командир войск ГПУ должен быть одновременно и командиром и работником органов ГПУ».

Окружные штабы, политотделы и отделы снабжения расформировывались, в округах создавались инспекции войск ПП ГПУ. При ГПУ Крыма инспекция не формировалась, ответственность возлагалась на Украинский округ. Приказ распространялся на Петроградский, Западный, Украинский, Северо-Кавказский, Закавказский, Туркестанский, Сибирский и Дальневосточный округа²⁴.

Рассмотренные мероприятия в данный период явились, пожалуй, самыми сложными во всей истории существования пограничных войск СССР. Линия границы была подвижной, не всегда установленной законодательно, а порой просто отсутствовала. Строительство пограничной охраны, формирование округов осуществлялось в тяжелейших экономических и социально-политических условиях жизни страны и было прервано Гражданской войной.

Период после окончания Гражданской войны характеризовался активным поиском оптимальных вариантов организации охраны государственной границы, наиболее действенных форм руководства и управления пограничной охраной. Несмотря на все сложности и трудности в решении этих проблем к концу 1923 г. окончательно определилось место погранохраны в новой политической системе, усовершенствовалась организационная структура войск, были созданы пограничные округа и пограничные отряды.

Примечания

- 1 Краткая история довоенной пограничной охраны. М., 1993. С. 29.
- 2 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 18278. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- 3 Там же. Л. 2.
- 4 Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. 1919–1921 гг. М., 1958. С. 309.
- 5 Там же. С. 328–332.
- 6 РГВА. Ф. 18285. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- 7 Там же. Л. 16.
- 8 Летопись пограничных войск КГБ СССР. М., 1981. С. 23.
- 9 РГВА. Ф. 18285. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
- 10 Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. 1917–1921 гг. С. 338.
- 11 РГВА. Ф. 18278. Оп. 1. Д. 18. Л. 71.
- 12 Там же. Л. 156.
- 13 Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.
- 14 Там же. Ф. 18285. Оп. 1. Д. 43. Л. 32.
- 15 Пограничные войска СССР. 1918–1928. С. 153–155.
- 16 Центральный пограничный архив ФСБ России (ЦПА ФСБ РФ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 22. Л. 37–39.
- 17 Там же. Оп. 7658. Д. 20. Л. 97–98.
- 18 РГВА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 2. Л. 147–148.
- 19 ЦПА ФСБ РФ. Ф. 585. Оп. 7658. Д. 20. Л. 103–107.
- 20 На страже восточных границ Родины. Кызыл, 1978. С. 34.
- 21 ЦПА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 2. Д. 320. Л. 174–175.
- 22 Там же. Оп. 5. Д. 338. Л. 33–34.
- 23 Там же. Оп. 2. Д. 320. Л. 196.
- 24 Там же. Оп. 5. Д. 338. Л. 53–55.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК ВКП (б). 1934–1936 гг.

Yudin K.A. Organizational, legal and ideological foundations of the Party Control Commission of the Central Committee at the CPSU (b) in 1934–1936

Аннотация / Annotation

Статья посвящена проблеме реорганизации контрольно-надзорного аппарата СССР в середине 1930-х гг., начальному периоду деятельности специального учреждения – Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП (б). Автор предпринял попытку изучить место КПК в политической системе, определить ее функциональное предназначение.

The article is devoted to the reorganization of the supervisory control apparatus of the USSR in the middle of 1930's, the initial period of a special agency – the Commission of Party Control (CPC) at the CPSU (b). The author has made an attempt to explore the status of the CPC in the political system of the USSR, to define its functional purpose.

Ключевые слова / Keywords

Источники, архивы, политический контроль, государственный аппарат, реорганизация, идеологическая унификация. Sources, archives, political control, state machinery, reorganization, ideological unification.

Изучение истории государственных учреждений СССР, механизмов политической власти в период сталинской диктатуры, их сущности, закономерностей и особенностей развития имеет не только российское, но и общемировое значение, что объясняется огромным влиянием, которое оказала эта система власти на весь ход истории XX в. Несмотря на то, что данная проблематика всегда вызывала интерес у исследователей и ее нельзя считать новой, тем не менее, она далеко не исчерпана.

Это обусловлено, прежде всего, процессами структурно-функциональной модернизации государственного аппарата современной России и поисками идеологических ориентиров,

что делает опыт «партийного строительства» и постановки контрольно-ревизионной работы в СССР наиболее востребованным¹.

Актуализирует изучение истории контрольно-надзорного аппарата 1920–1930-х гг. и его отдельных ведомств состояние российской общественно-политической мысли, среди многих представителей которой господствуют убеждения о возвращении России на путь создания авторитарного государства. Все это требует серьезного осмысления, особенно установления правомерности проведения исторических «параллелей» и т.п.

Контрольно-надзорный аппарат являет собой часть политической системы общества, внутренне присущ любому государству, составляет его политико-юридическую характеристику и служит инструментом установления нормативно-правового порядка на определенной территории².

В соответствии с историко-правовым статусом надзорного аппарата проводится классификация на основании ведомственной функциональной специфики, различая политическую цензуру в области искусства как специальную форму политического контроля³, и карательно-репрессивную деятельность широкого профиля. Данная статья посвящена организационным основам деятельности контрольно-карательных ведомств, вступивших в середине 1930-х гг. в полосу институциональной реорганизации, а именно – преемнику наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК–РКИ) в установлении партийно-государственного контроля.

Хронологические рамки исследования охватывают начальный период деятельности КПК при ЦК ВКП (б), с момента ее возникновения до внутренней административной перестройки в виде номинальной передачи руководящих функций 1936 г. от пленума КПК к бюро КПК, что можно считать условной границей, предвещающей новый этап деятельности в период массовых политических репрессий.

Всоответствии с решениями XVII съезда ВКП (б), ЦИК и СНК СССР 11 февраля 1934 г. приняли постановление, согласно которому предусматривалось преобразование Комиссии исполнения при Совнаркоме СССР, созданной в 1930 г., в Комиссию советского контроля (КСК) при СНК СССР, что авто-

матически означало упразднение центральных и местных органов РКИ⁴.

25 февраля 1934 г. Политбюро принимает магистральное по значимости положение об образовании Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП (б), согласно которому на нее возлагались следующие функции: КПК контролирует выполнение решений партии и ЦК ВКП (б); привлекает к ответственности виновных в нарушении партийной дисциплины; привлекает к ответственности виновных в нарушении партийной этики⁵. Высшим органом КПК становится пленум, а после 1936 г. – бюро КПК. Техническо-исполнительный и оперативный сегменты аппарата представлены Секретариатом, Партийной коллегией (ПК КПК) и специальными группами по отраслям советского хозяйства и культурного строительства⁶.

Региональный аппарат комплектовался институтом уполномоченных КПК и КСК, на которых была возложена функция регулярного информирования о ходе осуществления решений съездов партии и постановлений ЦК⁷. Это ознаменовало собой радикальный поворот во внутренней политике СССР. Курс на максимальную централизацию партийно-государственного аппарата, ликвидацию самостоятельности на местах с введением полувоенного, чрезвычайного режима ответственности следует оценивать как этап в утверждении режима личной власти И.В. Сталина. Об этом свидетельствует его заявление, которое он сделал, выступая с отчетным докладом о состоянии дел в партии на XVII съезде ВКП (б) 26 января 1934 г.: «Правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной. Проводятся ли решения руководящих организаций или кладутся под сукно бюрократами и канцеляристами? Проводятся ли они правильно или извращаются? Работает ли аппарат честно и по-большевистски или вертится на холостом ходу, – обо всем этом можно узнать вовремя лишь в результате хорошо поставленной проверки исполнения»⁸.

Реорганизация контрольно-надзорного аппарата, проходившая в рамках идеологической концепции «развернутого наступления социализма по всему фронту», имела объективную и субъективную стороны. Объективным следует считать сам

процесс институциональной модернизации, который выступал наследником революционного правотворчества. В деятельности ЦКК–РКИ во второй половине 1920-х гг. уже преобладала контрольно-карательная функция над ревизионно-инспекторской с применением научной организации труда (НОТ), что происходило еще без явного прямого давления И.В. Сталина. Как признавался один из руководителей ЦКК–НК РКИ В.В. Куйбышев, «академический» путь чересчур длинный и он выбирает в качестве приоритетного для КК–НК РКИ контрольно-карательное направление⁹. Солидарность с данной позицией можно обнаружить и у других видных политических деятелей: Н.И. Бухарина¹⁰, фактически первым предложившего список категорий «чуждых» элементов; Е.М. Ярославского, подгонявшего ленинские цитаты для аргументации необходимости скорейшей чистки рядов «руками» ЦКК–РКИ¹¹. Это поддерживали и некоторые другие партийные функционеры¹².

Субъективное начало особенно заметно восторжествовало в середине 1930-х гг., по мере уничтожения остатков «демократического централизма» и свертывания коллегиальности в Политбюро, в котором единственным непогрешимой правотой стал обладать И.В. Сталин. По мере утверждения сталинской диктатуры, сопровождавшейся не только изменением его взаимоотношений с соратниками по партии, но и тщательным, ревностным наблюдением со стороны последнего за событиями внутривнутриполитической жизни и общественно-государственными институтами, происходит ужесточение политической линии, что выразилось в повышенной требовательности к контрольным ведомствам.

Все эти процессы искусно облачались в одежды «естественно-исторической» марксистско-ленинской диалектики, приспособляемой к нуждам текущего момента. Поэтому в официальной партийной пропаганде модернизация государственного аппарата представлялась как крайне необходимая мера в обстановке «капиталистического окружения» и обострившейся активности «врагов народа». Основной задачей стало представить процесс реорганизации надзорного аппарата как претворение в жизнь ленинских установок, что отвечало замыслам политического руководства о создании облика вождя – наследника, чуткого

реформатора, патерналистски заботящегося о нуждах трудящихся, ограждающего их от пагубного влияния «контрреволюции». Социально-политическая демагогия и мифотворчество, призывы к «борьбе за улучшение государственного аппарата и всемерное использование его в интересах социалистического строительства и укрепления диктатуры пролетариата»¹³ уже за 2–3 года до обозначенной реформы, соседствовали с более чем реальным совершенствованием методов политического контроля, которые должны были быть использованы, прежде всего, в ходе насильственной идеологической унификации общества.

Накануне XVII съезда ВКП (б) Л.М. Каганович говорил: «Перестройка работы органов КК–РКИ применительно к новым задачам должна проходить со знаком большей активности работы, более внимательного, глубокого подхода к изучению тех или других вопросов во всех областях работы РКИ. В частности, необходимо добиться осуществления следующих методов в РКИ-стской работе: а) не разбрасываться, а постоянно сосредотачиваться на главном б) умело сочетать в работе так называемые «мелочи» и крупные проблемы в) повысить ответственность в органах РКИ г) каждое дело доводить до конца»¹⁴. Эти практические рекомендации были взяты на вооружение в КПК, в которой, несмотря на публичное разделение партийного и государственного контроля, они, разумеется, продолжали оставаться тесно переплетенными между собой с той лишь довольно существенной разницей, что с этого времени партийный контроль превратился в лице отдельного ведомства в послушного выразителя политических приоритетов Политбюро и олицетворявшего его И.В. Сталина.

Комиссия партийного контроля по масштабам системной координации и влиянию должна была многократно превосходить ЦКК–РКИ, прежде всего, за счет опоры на идеологическую работу в форме назидательно-воспитательного воздействия, кропотливой работы над образом преданного родине партийца. В качестве предметной области для контроля как раз и была зафиксирована идейно-политическая сфера, партийная этика, анализ проступков трудящихся и их идентификация на предмет соответствия принципам партийности. Ввиду того, что последние все более зависели от поворотов «генеральной линии», это

открывало широкие перспективы для КПК в деле превращения в мощный инструмент реализации сталинской программы «культурной революции сверху». На КПК возлагались большие надежды, которые ее второй председатель, сменивший Л.М. Кагановича на этом посту, Н.И. Ежов (1935–1939 гг.)¹⁵ выразил следующим образом: «Я считаю, что КПК могла бы очень многое дать в смысле воспитания людей в духе понимания государственных законов и государственности, которого у нас, к сожалению, часто не достаёт...»¹⁶.

Огромное значение новому ведомству придавал и сам Сталин: «...у нас имеется теперь настоятельная необходимость такой организации, которая могла бы сосредоточить главное свое внимание на работе по проверке исполнения решений партии и ее Центрального Комитета. Такой организацией может быть только Комиссия Партийного Контроля при ЦК ВКП (б), работающая по заданиям партии и ее ЦК и имеющая на местах независимых от местных организаций представителей. Понятно, что такая ответственная организация должна иметь большой авторитет. А чтобы она имела достаточный авторитет и чтобы она могла привлекать к ответственности любого провинившегося ответственного работника, в том числе и членов ЦК, – необходимо, чтобы членов этой Комиссии мог выбирать и смещать лишь высший орган партии – съезд партии»¹⁷.

Однако, на практике КПК продолжала много заниматься чисто экономической проблематикой, пусть и отведенной ей на организационно-распорядительном уровне официально, но с расчетом соблюдения верных пропорций и не в ущерб идеологическому вектору, что как раз не всегда выполнялось. Это происходило, главным образом, по причине территориальной диспропорции и дефицита квалифицированных кадров. В одних областях создавались только штаты уполномоченного КПК, а в других – только уполномоченного КСК. Оба ведомства как правопреемники объединенного наркомата ЦКК–РКИ взаимно брали на себя функции отсутствующей «половины», автоматически сводя на нет замысел об усилении степени воздействия и эффективности партийного контроля путем вычленения его от собственно «советской работы».

На втором пленуме КПК, прошедшем 26–28 июня 1934 г., были заслушаны отчеты уполномоченных различных административно-территориальных единиц СССР, среди которых были отмечены отчеты уполномоченных по Азово-Черноморскому краю С.К. Шадунца и по Одесской области П.Д. Акулинушкина. Последние сумели развернуть «энергичную работу по проверке решений партии: уполномоченные правильно сосредоточили внимание на вопросах сельского хозяйства (Азово-Черноморский край), на «борьбе с расхищением социалистической собственности, разоблачении жуликов и спекулянтов (Одесская область)»¹⁸.

В 1935 г. группа связи КПК проводила обширную проверку телеграфных узлов в Москве, Свердловске, Днепропетровске, в результате чего были выявлены серьезные нарушения: «невыполнение контрольных сроков по обработке и доставке телеграмм, крайне низкое и безобразное отношение к аппаратуре, кустарщина и обезличка в работе»¹⁹. Все эти мероприятия были одобрены властями.

Вместе с тем, такая обширная сфера компетенции привела к настоящей неразберихе с вытеснением основных функций на периферию, поэтому бюро КПК было вынуждено разъяснить на III пленуме КПК в марте 1936 г.: «Недостатком работы уполномоченных КПК пленум считает то, что они почти не занимаются проверкой исполнения решений ЦК по вопросам партийного строительства. Некоторые уполномоченные неправильно понимают свои обязанности, считая, что контроль за выполнением решений ЦК по вопросам партийного строительства должен осуществляться только соответствующим отделом ЦК»²⁰.

Другой трудностью этого периода было отсутствие квалифицированных кадров, способных вести как техническую, так и оперативную работу партийных следователей. С ними столкнулось центральное руководство КПК – Н.И. Ежов, его заместитель М.Ф. Шкирятов – в ходе формирования региональных аппаратов в течение 1935 г. Об этом с неудовольствием писал кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) и секретарь КП (б) Украины П.П. Постышев Н.И. Ежову: «Наблюдая работу технического аппарата КПК, я вынужден констатировать чрезвычайно низкий уровень наших технических работников, большую разболтанность и

недисциплинированность их. Делопроизводители, корреспонденты и секретари групп, абсолютно не в состоянии составить самую простую бумажку, не знают элементарных правил делопроизводства...»²¹, что свидетельствовало о том, что деятельность аппарата комиссии еще только предстояло наладить должным образом.

В то же время, КПК уже на этом этапе активно включилось в процесс ведомственной конкуренции, поощряемой «сверху» и составлявшей существо сталинского политического арбитража, и стала ареной межличностных столкновений. В качестве примера можно привести конфликт между руководителем организационно-штатной группы КПК В.Я. Гроссманом и председателем ВЦСПС Н.М. Шверником. В своем отчете Гроссман рассказал о масштабных финансовых махинациях и растратах в конторе социального страхования ВЦСПС, заявив, что только в ходе выборочной проверки «таких сумм было выявлено на 26 млн. руб.»²².

В свою очередь Н.М. Шверник, защищая свою ведомство, жаловался в бюро КПК, опровергая изложенные аргументы, ссылаясь на поспешность выводов Гроссмана: «К таким выводам т. Гроссман, безусловно, не пришел бы, если бы после окончания ревизии потребовал от меня, как руководителя всего этого дела социального страхования, объяснения обо всех этих суммах»²³.

Таким образом, мы видим, что в начальный период своего существования КПК как специальное ведомство, призванное осуществлять идеологический контроль над общественным сознанием путем формирования преданной и благонадежной номенклатуры, находилась в стадии разработки оперативно-технической методологии, продолжая по инерции, а также по причине недостаточной комплектации штатов, выполнять функции бывшего объединенного наркомата ЦКК–РКИ. Нарушение пропорций в распределении предметной области задач в сторону социально-экономического мониторинга снижало эффективность деятельности центрального аппарата КПК в сфере проверки выполнения решений ЦК и как инструмента утверждения сталинской диктатуры соответственно. Вместе с тем, уже в данный период КПК успешно включилась в механизм межведомственного взаимодействия, что сопровождалось активностью на местах в процессе разоблачения «врагов народа» и привлечения Партколлегии КПК к непосред-

ственному исполнению возложенной на нее миссии – внутрипартийной «полицейской».

Примечания

¹ *Ворожейникова Т.Е.* Государство и общество в России: исчерпание государственной матрицы развития // *Полис*. 2002. № 4. С. 60; *Болдырев Ю.Ю.* Проблемы правового и методологического обеспечения деятельности Счетной палаты РФ и контрольно-счетных палат субъектов РФ // *Отношения между высшими федеральными и местными / региональными контрольно-ревизионными органами*. Материалы международного семинара. М., 1998. С. 59.

² *Теория государства и права* / Под редакцией В.К. Бабаева. М., 2003. С. 53.

³ *Федотов М.А.* Гласность и цензура: возможность сосуществования // *Советское государство и право*. 1989. № 7. С. 80–89; *Горяева Т.П.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2009. С. 1–23.

⁴ *Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917–1975)*. М., 1975. С. 411–412.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 940. Л. 45.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 48.

⁸ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 371.

⁹ *Куйбышев В.В.* Избранное. В 2 т. М., 1988; *Он же.* Задачи ЦКК и РКИ. М., 1924; *Он же.* Задачи ЦКК и РКИ по рационализации госаппарата в плане работ РКИ на 1925–1926 гг. М., 1925; *Он же.* Значение рационализации в области хозяйства и управления // *Хозяйство и управление*. 1925. № 11.

¹⁰ *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода // *Проблемы теории и практики социализма*. М., 1989. С. 163.

¹¹ *Ярославский Е.М.* Как Ленин относился к чисткам партии. М., 1929; *Он же.* Чистка партии. М., 1929; *Губельман М.И.* К чистке партии. М.-Л., 1929; *Ярославский Е.М.* За большевистскую проверку и чистку рядов партии. М., 1933.

¹² Как проводить чистку партии: Сб. директивных статей. М.-Л., 1929; *Шкирятов М.Ф.* К чистке партии. М., 1933; *Петерс Я.Х.* О ходе чистки парторганизаций республик Средней Азии. М.-Ташкент, 1934.

¹³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 23. Л. 1.

¹⁴ *Каганович Л.* Органы КК–РКИ должны работать по-новому // *За темпы, качество, проверку*. 1933. № 8. С. 11.

¹⁵ *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 160; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2009. С. 41.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

¹⁷ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 373.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 4. Д. 3. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 57. Л. 120.

²⁰ Там же. Д. 20. Л. 5.

²¹ Там же. Ф. 671. Оп. 1. Д. 18. Л.

²² Там же. Ф. 589. Оп. 4. Д. 69. Л. 158.

²³ Там же. Л. 170.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Н.А. БУРАВЧЕНКО

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Buravchenko N.A. Chronicle

Аннотация / Annotation

Сообщение о деятельности Федерального архивного агентства, Российского общества историков-архивистов и федеральных архивов: сотрудничество, беседы, встречи, выставки, конференции, презентации, совещания, итоги конкурсов.
The notification about Federal archive agency, Russian society of historian-archivists and federal archives activity: cooperation, conversations, meetings, exhibitions, conferences, presentations, councils, final results of competitions.

Ключевые слова / Keywords

Архив, источники, Федеральное архивное агентство (Росархив), Российское общество историков-архивистов (РОИА), Ханойский университет внутренних дел (Вьетнам), интернет-проект «Преодоление Смуты (конец XVI – начало XVII в.) и укрепление российской государственности», Архив Югославии, РГАЛИ, Институт российской истории РАН, МГИМО, Национальный архивный фонд Республики Беларусь, Всероссийский конкурс на лучший муниципальный архив России, РГАКФД, Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству, Токийский институт русского языка, документальная выставка «Интеллигенция. Между Францией и Россией, неизданные архивы XX века», Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», II Всероссийский съезд учителей истории и обществознания, лауреаты Всероссийского конкурса РОИА «Юный архивист», Россотрудничество, Центральная экспертно-проверочная комиссия при Федеральном архивном агентстве (ЦЭПК), Archive, sources, Federal archive agency (Rosarchive), Russian society of historian-archivists (ROIA), Interior Affairs University of Hanoi (Vietnam), Internet-project “The Time of Troubles overcoming (the ending of 16th – the beginning of 17th centuries) and consolidation of Russian statehood”, Yugoslavia archive, RGALI, Institute of Russian history of Russian Academy of Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), National archive fund of Republic of Belarus, all-Russian competition for the best municipal archive of Russia, RGAKFD, Russian-China commission on humanitarian cooperation, Russian language Institute of Tokyo, documental exhibition “Intellectuals between Russia and France, unpublished archives of 20th century”, “Russian-Polish Centre of dialogue and harmony” fund, second all-Russia congress of history and social studies teachers, laureates of all-Russian competition of Russian society of historian-archivists “Young archivist”, Rossotrudnichestvo, Central expert-inspection commission of Federal archive agency (CEPK).

17 октября 2012 г. в Научно-культурном центре музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» (Псковская область) состоялось совмест-

ное заседание коллегий Федерального архивного агентства и Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь под председательством руководителя Росархива А.Н. Артизова и директора Департамента В.И. Адамушко.

23 октября 2012 г. заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов встретился с делегацией Ханойского университета внутренних дел (Вьетнам) во главе с ректором Чьеу Ван Кыонгом. В ходе беседы обсуждались вопросы российско-вьетнамского сотрудничества. В частности, были затронуты вопросы повышения квалификации вьетнамских архивистов на базе ВНИИДАД, а также подписания рамочного соглашения о сотрудничестве между ВНИИДАД и Ханойским университетом внутренних дел. Во встрече принял участие директор ВНИИДАД М.В. Ларин.

24 октября 2012 г. в конференц-зале федеральных архивов (г. Москва, ул. Большая Пироговская, 17) под председательством руководителя Росархива А.Н. Артизова состоялась презентация уникального интернет-проекта «Преодоление Смуты (конец XVI – начало XVII в.) и укрепление российской государственности» (<http://rusarchives.ru/smuta/>).

24 октября 2012 г. в Выставочном зале федеральных архивов (г. Москва, ул. Большая Пироговская, 17) состоялось торжественное открытие историко-документальной выставки «Преодоление Смуты в России в начале XVII века», подготовленной РГАДА совместно с Центральным архивом Нижегородской области (ЦАНО), Государственным архивом Костромской области (ГАКО), Костромским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником (КГИАХМЗ), Церковным историко-археологическим музеем Костромской епархии (ЦИАМ), Государственным архивом Ярославской области (ГАЯО), Государственным историко-культурным музеем-заповедником «Московский Кремль» (ГИКМЗ «Московский Кремль»), Государственным историческим музеем (ГИМ), Государственным музеем А.С. Пушкина, музеем Государственного академического Большого театра России.

На открытии торжественного мероприятия выступили директор РГАДА М.Р. Рыженков, заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша Войцех Зайончковский, профессор Рязанского государственного педагогического университета им. С. Есенина, доктор исторических наук В.Н. Козляков, польский историк доктор Иероним Граля.

25–26 октября 2012 г. в МГИМО проходила российско-польская научная конференция «Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии». Организаторами конференции выступили Федеральное архивное агентство, Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», Центр польско-российского диалога и согласия, Институт российской истории РАН, МГИМО.

29 октября 2012 г. Федеральное архивное агентство во исполнение Решения совместного заседания коллегий Федерального архивного агентства и Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 октября 2012 г. разместило на официальном сайте Федерального архивного агентства баннер Государственного фондового каталога Национального архивного фонда Республики Беларусь. Тестовая версия Фондового каталога государственных архивов Республики Беларусь доступна по адресу: <http://fk.archives.gov.by/>.

30–31 октября 2012 г. в г. Москве состоялось заседание Научно-методического совета архивных учреждений (НМС) Центрального федерального округа. В работе НМС приняли участие представители Федерального архивного агентства (Росархива), Департамента организации назначений и выплаты пенсий Пенсионного фонда Российской Федерации (ПФР), ВНИИДАД, РОИА, архивных учреждений всех регионов округа и Вологодской области, – всего около 80 человек.

С докладом «Информационное взаимодействие Федерального архивного агентства с Пенсионным фондом Российской Федерации в ходе пенсионной реформы» выступил заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов, который проанализировал совместную работу Росархива и ПФР по выдаче гражданам архивных справок, связанных с их социальной защитой, предусматривающей пенсионное обеспечение, получение льгот и компенсаций в соответствии с законодательством Российской Федерации.

1 ноября 2012 г. Федеральное архивное агентство объявило о проведении в 2013 г. Всероссийского конкурса на лучший муниципальный архив (приказа Росархива от 01.11.2012 г. № 68). Положение о Всероссийском конкурсе на лучший муниципальный архив опубликовано на сайте Росархива (rosarxiv.ru)

6 ноября 2012 г. Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин посетил архивный городок, расположенный на Б. Пироговской ул., 17, и ознакомился с историко-документальной выставкой «Преодоление Смуты в России в начале XVII века». Состоялась беседа с руководителем Федерального архивного агентства А.Н. Артизовым, директорами Государственного архива Российской Федерации С.В. Мироненко и Российского государственного архива древних актов М.Р. Рыженковым.

С 8 по 11 ноября 2012 г. делегация российских архивистов во главе с руководителем Федерального архивного агентства А.Н. Артизовым посетила Польшу с целью проведения консультаций по актуальным вопросам российско-польского архивного сотрудничества. В ходе переговоров с руководством Генеральной дирекции государственных архивов Польши обсуждались вопросы реализации совместных издательских и выставоч-

ных проектов, обмена опытом работы архивных учреждений, организации совместных семинаров и конференций, обмена копиями архивных документов.

9 ноября 2012 г. заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов принял участие в первом заседании Организационного комитета по подготовке и проведению празднования 70-летия разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве под председательством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.О. Рогозина.

14–15 ноября 2012 г. в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург, Заневский пр., 36) состоялась праздничные мероприятия, посвященные 300-летию архива. 14 ноября прошел семинар главных хранителей фондов федеральных и региональных архивов Северо-Западного федерального округа, на котором были обсуждены актуальные вопросы обеспечения сохранности документов Архивного фонда Российской Федерации, в том числе применения информационных технологий при организации этой работы. Вели семинар начальник отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Росархива Т.Е. Шабанова и директор РГИА А.Р. Соколов.

15 ноября состоялось торжественное собрание, в котором приняли участие руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов, председатель Архивного комитета Санкт-Петербурга С.В. Штукова, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша в Российской Федерации Войцех Зайончковский, секретарь Постоянной комиссии по культуре, информации, туризму и спорту Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств К.А. Пшенко, директор Национального архива Финляндии Юсси Нуортева, директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь В.И. Адамушко, заместитель Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Выборгский Назарий, сотрудники и ветераны РГИА.

19–22 ноября 2012 г. в Москве по приглашению Федерального архивного агентства находилась делегация Архива Югославии (Республика Сербия) во главе с директором архива М. Милошевичем. Цель визита – обсуждение вопросов сотрудничества, в частности подготовки совместной документальной публикации «Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1945–1980 гг.». 20 ноября делегацию принял заместитель руководителя Росархива В.П. Тарасов. Состоялось также заседание рабочей группы по подготовке упомянутого сборника документов. Во время пребывания в Москве делегация посетила Российский государственный архив новейшей истории.

19 ноября 2012 г. заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов принял участие в работе круглого стола «О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб

интересам России» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, где выступил с сообщением.

21 ноября 2012 г. в Медиатеке Французского института в Москве состоялась презентация уникального альбома «Коллекция фотографий русских военнопленных, собранная и классифицированная в качестве приложения к докладу французского консула г-на де Люси-Фоссарье о пребывании и содержании военнопленных в Японии во время кампании 1904–1905 гг.» (репринтное издание с комментариями) из собрания Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД). Проект осуществлен РГАКФД и Токийским институтом русского языка.

26 ноября 2012 г. в Выставочном зале федеральных архивов в г. Санкт-Петербурге (Заневский проспект, 36) состоялось торжественное открытие историко-документальной выставки «125 лет со дня рождения академика Н.И. Вавилова. 1887–1943 гг.». Организаторами выставки выступили Федеральное архивное агентство, Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный исторический архив (РГИА), поддержавшие соответствующее предложение Комиссии РАН по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова.

В мероприятии приняли участие и выступили директор РГАЭ Е.А. Тюрина, заместитель начальника управления Федерального архивного агентства Т.Г. Занина, директор РГИА А.Р. Соколов, председатель Архивного комитета Санкт-Петербурга С.В. Штукова, ученый секретарь Комиссии по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова Российской академии наук Т.Б. Авруцкая, академик Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), председатель Завидовского общества генетиков и селекционеров Санкт-Петербурга М.М. Левитин, директор Института истории естествознания и техники РАН Ю.М. Батурин.

Перед открытием экспозиции в пресс-центре ИТАР-ТАСС состоялась пресс-конференция, в которой приняли участие председатель совета директоров федеральных архивов, директор РГАЭ Е.А. Тюрина, председатель Архивного комитета Санкт-Петербурга С.В. Штукова, ректор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета В.А. Ефимов, академик Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), председатель Завидовского общества генетиков и селекционеров Санкт-Петербурга М.М. Левитин. На выставке было представлено более 250 личных и служебных документов и экспонатов из фондов архивов и научных учреждений, семейного архива Ю.Н. Вавилова. Посетители выставки смогли ознакомиться с генеалогическим древом семьи Вавиловых, посмотреть документальные фильмы о Н.И. Вавилове и фотографии из фондов РГА КФД и ЦГА КФФД г. Санкт-Петербурга.

26–29 ноября 2012 г. делегация российских архивистов в составе руководителя Росархива А.Н. Артизова, директора Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Рос-

сийской Федерации А.Е. Кузнецова, директоров ГАРФ С.В. Мироненко и РГАЛИ Т.М. Горяевой находились в г. Париже (Франция).

Российские архивисты приняли участие в открытии 27 ноября совместной с французскими коллегами документальной выставки «Интеллигенция. Между Францией и Россией. Неизданные архивы XX века», завершавшей мероприятия Года русского языка и литературы во Франции. Выставку осмотрели и дали ей высокую оценку Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев и Премьер-министр Франции Ж.-М. Эйро. К открытию выставки был издан каталог на французском языке с вступительными словами министра иностранных дел России С.В. Лаврова и министра иностранных дел Франции Л. Фабиуса, а также руководителя Росархива А.Н. Артизова и директора дипломатических архивов Франции Ф. Дю Лорана.

Российская делегация встретилась с руководителем Межведомственной архивной службы Э. Лемуэном, директором Национального архива Франции А. Маньян, директором дипломатических архивов МИД Франции Ф. Дю Лораном и директором военных архивов Минобороны Франции Э. Люка.

3 декабря 2012 г. руководитель Росархива А.Н. Артизов, начальник управления Росархива А.В. Юрасов и директор ГАРФ С.В. Мироненко приняли участие в заседании Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, которое проходило в г. Москве. В рамках заседания состоялось обсуждение совместных научно-исследовательских проектов российских и польских ученых – историков и архивистов, в т.ч. по истории Второй мировой войны.

5 декабря 2012 г. руководитель Росархива А.Н. Артизов принял участие в заседании Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, которое проходило в г. Москве под председательством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец и вице-преьера Госсовета КНР Лю Юн Дун. С китайской стороны в заседании участвовал начальник Государственного архивного управления КНР Ян Дунъюань.

5 декабря 2012 г. под председательством заместителя руководителя Росархива О.В. Наумова состоялось заседание ЦЭПК при Федеральном архивном агентстве. На заседании был согласован проект «Перечня документов, образующихся в деятельности Федерального архивного агентства и подведомственных ему организаций, с указанием сроков хранения», доработанный в соответствии с решением ЦЭПК при Росархиве от 06.11.2012 г.

10 декабря 2012 г. состоялась встреча руководителя Росархива А.Н. Артизова с Чрезвычайным и Полномочным Послом Венгрии в Российской Федерации Иштваном Ийдярто, в которой приняли участие директор Историко-документального департамента МИД России А.И. Кузнецов, представители Федерального архивного агентства, федеральных

и ведомственных архивов. С венгерской стороны во встрече участвовали директор Венгерского культурного и научно-информационного центра в Москве Андраш Барани, представители посольства. В ходе беседы обсуждались вопросы российско-венгерского архивного сотрудничества и перспективы его развития, а также состоялся обмен мнениями по общим проблемам исторических исследований на современном этапе.

11 декабря 2012 г. заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов принял участие в торжественном заседании, посвященном празднованию 90-летия Архивной службы Санкт-Петербурга. В череде праздничных мероприятий в честь 90-летия архивной службы: открытие в Выставочной галерее государственных архивов Санкт-Петербурга 24 сентября 2012 г. выставки «Документальное наследие Санкт-Петербурга – История продолжается. Новые поступления в архивы Санкт-Петербурга»; научно-практическая конференция «Архивы в истории. История в архивах» (25–26 сентября 2012 г.). Архивным комитетом и архивистами Санкт-Петербурга подготовлено юбилейное издание по истории архивной службы города.

11 декабря 2012 г. руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов принял участие в состоявшемся под председательством руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.Б. Иванова заключительном в уходящем году заседании Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года.

12 декабря 2012 г. руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов принял участие в работе II Всероссийского съезда учителей истории и обществознания и выступил на пленарном заседании с сообщением «Общественная миссия российских архивов».

Председатель Правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов (РОИА), член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар вручил участникам съезда – представителям Республики Карелия, Московской области, Удмуртской Республики, Белгородской области, Москвы, Саратовской области дипломы лауреатов победителям Всероссийского конкурса РОИА «Юный архивист» и сертификаты руководителей и консультантов конкурсных работ 2012 г.

19 декабря 2012 г. под председательством руководителя Росархива А.Н. Артизова состоялось заседание Коллегии Федерального архивного агентства. Коллегией был заслушан доклад директора ВНИИДАД М.В. Ларина «Об основных направлениях и перспективах развития ВНИИДАД», рассмотрены и утверждены проекты планов работы Росархива на 2013 г. и Коллегии Росархива на I полугодие 2013 г.

20 декабря 2012 г. руководители Росархива А.Н. Артизов и Россотрудничества К.И. Косачев подписали Соглашение о сотрудничестве между Федеральным архивным агентством (Росархив) и Федеральным

агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). После подписания Соглашения оба руководителя отметили, что взаимодействующие в рамках своих полномочий федеральные ведомства обычно не подписывают подобные соглашения. Однако в данном случае имеется обоюдная заинтересованность в подготовке и реализации совместных проектов, в которых будет задействован богатый информационный потенциал Архивного фонда Российской Федерации.

25 декабря 2012 г. под председательством заместителя руководителя Росархива О.В. Наумова состоялось заседание Центральной экспертно-проверочной комиссии при Федеральном архивном агентстве (ЦЭПК). Комиссия рассмотрела и согласовала проект структуры «Перечня документов, образующихся в деятельности Высшего Арбитражного суда Российской Федерации и арбитражных судов, с указанием сроков хранения». Решением ЦЭПК в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации включено 29 документов, представленных федеральными архивами РГАДА, РГВИА, РГАВМФ, РГИА, РГАЛИ; 4 документа, представленных государственными архивами Костромской и Тверской областей. 3 документа от Национального архива Республики Карелия, Государственного исторического архива Чувашской Республики и Госархива Курской области рекомендовано включить в региональные реестры уникальных документов.

ГЕНЕАЛОГИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Л.Е. МОРОЗОВА

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ПРЕДКОВ РОМАНОВЫХ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДИНАСТИИ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ. XIV–XVII вв.

**Morozova L.E. The kindred of Romanov's ancestors
with Moscow princes dynasty. 14th – 17th centuries**

Аннотация / Annotation

В статье с использованием письменных источников рассматриваются различные версии восшествия на российский престол Михаила Романова – основателя царской династии Романовых.

The article is devoted to the various versions of Mikhail I Fyodorovich (the House of Romanov founder) accession to the Russian throne. This article bases on written sources.

Ключевые слова / Keywords

Династия Романовых, царь Михаил Федорович, письменные источники, генеалогия.
The House of Romanov, Tsar Mikhail I Fyodorovich, written sources, genealogy.

Среди историков до сих пор не утихают ожесточенные споры о том, почему в 1613 г. на престол был избран именно юный Михаил Федорович Романов. Так, Н.М. Карамзин полагал, что Михаил казался участникам Смуты «прекрасным невинным юношей, почти ангцем, жертвой, который трепетал и плакал». Но поскольку бедствия просветили «мятежную аристократию», она провозгласила именно Михаила самодержцем¹.

В.О. Ключевский высказал мнение о том, что Михаил был ставленником казачества, которое захотело возвести на престол сына

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-14030г.

тушинского патриарха Филарета². К тому же, по мнению историка, его кандидатура устроила все враждующие партии: и боярства, и земства, и казачества³.

Позднее вывод Ключевского был подхвачен и развит советским исследователем А.Л. Станиславским⁴, а также некоторыми его последователями. Склонялся к нему и Р.Г. Скрынников⁵.

С.Ф. Платонов подверг критике данную точку зрения, поскольку он считал, что после убийства П. Ляпунова казачество стало враждебным элементом для патриотических слоев русского общества и не имело в стране авторитета. Поэтому после победы ополченцев оно не могло посадить на престол своего ставленника⁶. Аналогичный вывод сделал и П.Г. Любомиров, изучавший деятельность Второго ополчения⁷.

Споря друг с другом, историки почему-то игнорируют высказывания самих участников Земского собора 1613 г. о том, почему они избрали Михаила Романова. Их мнение было официально зафиксировано во многих документах 1613 г.: Наказе от собора членам Костромского посольства, в грамотах, посланных в различные города в феврале 1613 г., в грамотах от собора самому избраннику Михаилу Федоровичу и его матери – великой государыне старице Марфе Ивановне⁸.

Большинство этих документов дошло до нас в виде подлинников и хранятся в РГАДА в составе «Дела об избрании Михаила Федоровича на царство»⁹. Во всех них повторяется несколько одинаковых фраз, объясняющих, почему на престол был избран именно Михаил Федорович Романов: «И во всех людех всяких чинов от мала и до велика человеколюбивый Бог по смотрению своему вложи в сердца единомышление: обрати на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Росииского царствия государем царем и великим князем всеа Руси праведнаго корени блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси племянника, тебя, государя Михаила Федоровича, чтобы было вечно и поостоятельно, также, как при нем»¹⁰.

Получается, что участники собора остановили свой выбор на Михаиле Романове только потому, что он был ближайшим родственником, племянником последнего представителя ди-

настии московских князей – царя Федора Ивановича. Законность правления этой династии, продолжавшегося нескольких веков, признавалось во всех странах. Значит, и воцарение Михаила Романа, как их родственника, по мнению избирателей, должно было быть признано законным.

Данное обстоятельство было особенно важным в условиях, когда на московский престол претендовали и польский королевич Владислав, уже нареченный на царство, и шведский принц Карл-Филипп.

Расчет участников Земского собора оказался абсолютно верным. Европейские правители, действительно, очень скоро признали права Михаила Федоровича на московский престол и стали оказывать ему помощь, в первую очередь дипломатическую, в борьбе и со шведами, и с поляками.

Вопрос о родстве М.Ф. Романова с представителями прежней династии московских князей, казалось бы, хорошо изучен. Его дед, Никита Романович, приходился родным братом царице Анастасии Романовне – первой супруге Ивана Грозного и матери царя Федора Ивановича. Но существуют некоторые малоизвестные детали, на которые необходимо обратить внимание.

Традиционно считается, что Анастасия Романовна была выбрана в невесты Ивану IV в ходе смотрин, организованных после того, как 17 декабря тот официально объявил боярам, что собирается жениться¹¹.

Однако исследование черновиков свадебного разряда, по которому осуществлялась свадьба Ивана IV и Анастасии, показывает, что первоначальный вариант этого документа был составлен уже в декабре, т.е. тогда, когда смотрины еще не были завершены¹². Ведь свадьба состоялась только в феврале.

Это означает, что смотрины являлись пустой формальностью, поскольку вопрос о кандидатуре невесты был решен заранее. Тогда возникает вопрос: почему избранницей великого князя стала Анастасия Романовна Захарьина?

Точный ответ, конечно, сейчас не известен, но можно предположить, что бояре посоветовали молодому Ивану IV при выборе невесты следовать обычаям, существовавшим издревле в знатных семьях – многократно родниться с дальними родственниками.

Анастасия Романовна как раз и являлась такой родственницей великого князя. Прабабкой жениха была Мария Ярославна (жена Василия II Темного), матерью которой являлась представительница рода Кобылиных-Кошкиных – Мария Голтыева. К этому же роду принадлежала и Анастасия Романовна.

Более точно это родство можно представить следующим образом. Родоначальником Романовых был старший сын Федора Кошки – Иван. Родоначальником Голтыевых – его брат Федор. Он и приходился отцом Марии, вышедшей замуж за удельного князя Ярослава Владимировича. Родившаяся в этом браке дочь, также названная Марией, по отцу приходилась родственницей своему мужу – великому князю Василию II. Она была его четверюродной сестрой, что уже не являлось препятствием для брака. К тому же при женитьбе на ней соблюдалась традиция вновь родниться с дальними родственниками.

Родство Анастасии Романовны с Иваном IV было более дальним. Она приходилась будущему мужу пятиюродной тетей по женской линии. Но об этом все помнили – в некоторых летописях великую княгиню Марию Ярославну даже именовали иногда Голтыевой, хотя даже ее мать уже не носила эту фамилию. Получается, что при заключении брака великого князя с представительницей рода Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых также была соблюдена древняя семейная традиция.

В исследовательской литературе утвердилось мнение Н.М. Карамзина о том, что первоначально на роль невесты Василия II претендовала дочь боярина Ивана Всеволожа. Именно он помог юному сыну Василия I получить в Орде ярлык на великое княжение в обход дяди – Юрия Звенигородского¹³.

Однако изучение родословной этого боярина показывает, что на момент выбора Василием II невесты, у И.Д. Всеволожа замужем была уже внучка. Она стала женой князя Василия Юрьевича – старшего сына князя Юрия Звенигородского¹⁴.

В этой ситуации ни о каком браке великого князя с дочерью московского боярина, если бы они у него еще были, не могло быть и речи. Ведь представителю верховной власти не полагалось жениться на родственницах жен удельных князей, которые к тому же должны были быть младше их по возрасту.

Следует отметить, что Иван Дмитриевич Всеволож по жене входил в родственный круг великих князей. Его жена по матери Марии Дмитриевне приходилась племянницей великой княгине Евдокии Дмитриевне – жене Дмитрия Донского, и соответственно считалась двоюродной сестрой Василия I. Отсюда получалось, что дочери Ивана Всеволожа приходились Василию II троюродными сестрами. Это родство было достаточно близким и могло стать препятствием для брака с ними.

Известно, что у Ивана Всеволожа было две дочери. Одна вышла замуж за удельного князя Андрея Владимировича Радонежского, вторая – за сына тверского князя Ивана Михайловича, Юрия¹⁵. Оба князя были в числе младших в семье. Это свидетельствовало о том, что дочери боярина Всеволожа не входили в число наиболее знатных невест, и великим князьям жениться на них не полагалось.

Таким образом, совершенно очевидно, что ни одна из дочерей Ивана Дмитриевича Всеволожа никогда не рассматривалась в качестве невесты Василия II. Тогда возникает вопрос, что рассердило всеильного боярина и заставило его уехать из Москвы и примкнуть к Юрию Звенигородскому – противнику великого князя?

Ответ можно найти при изучении духовных грамот князя Владимира Андреевича Храброго, его вдовы княгини Елены Ольгердовны и договора великого князя Василия II с князем Василием Ярославичем – братом невесты Марии Ярославны.

По завещанию Владимира Андреевича все его значительные земельные владения были разделены между пятью сыновьями с оговоркой, что в случае их ранней смерти, вдовы и дети наследуют эти владения¹⁶.

В итоге получалось, что внучка Ивана Всеволожа должна была унаследовать Радонеж, Бели, Черноголов, Кержач и несколько сел около Москвы и Дмитрова. Однако в завещании Елены Ольгердовны, составленном в 1433 г., т.е. в год свадьбы Василия II с Марией Ярославной, имени внучки боярина вообще нет. В нем были упомянуты только вдовы князей Семена и Василия Владимировичей и внучка Мария – дочь князя Ивана Владимировича. Они получали только по несколько сел¹⁷.

Основные владения всех пяти сыновей Владимира Андреевича

оказались у брата Марии Ярославны – Василия Ярославича. Это становится известно из его договора с Василием II, заключенным в том же 1433 г.¹⁸

Василий не получил только отцов Малоярославец, который, видимо, стал приданным невесты великого князя. Какие-то волости достались, очевидно, и младшей в семье княжне Елене, которая вскоре стала женой верейского князя Михаила Андреевича.

Духовная Елены Ольгердовны свидетельствует о том, что она пошла на сговор с великим князем, а вернее с его властной матерью Софьей Витовтовной, поскольку Василию II было только 17 лет. Вдова нарушила завещание супруга, очевидно, из-за больших долгов по уплате ордынской дани. Ее долг составил 800 руб., что по тем временам было очень большой суммой¹⁹.

Приватный сговор вдовы князя Владимира Андреевича с матерью великого князя, судя по всему, и возмутил боярина Ивана Всеволожа. Ведь из-за него его внучка оказалась вообще лишенной отцова наследства. Поэтому-то накануне свадьбы Василия II он отправился сначала к старшему в роду Константину Дмитриевичу в Углич. Но там боярин, видимо, не встретил поддержки. Тогда Всеволож поехал к своему свояку, князю Юрию Звенигородскому, чтобы с его помощью восстановить справедливость. Итогом, как известно, стала многолетняя междоусобица, разгоревшаяся внутри правящего дома.

Брат Марии Ярославны, князь Василий Ярославич, постоянно оказывал Василию II, вскоре прозванному Темным из-за ослепления, всевозможную помощь на протяжении всей его борьбы с родственниками. Но после завершения междоусобицы он почему-то был обвинен в измене и брошен в тюрьму в Угличе. Все его земельные владения, в итоге, были отписаны в казну²⁰. Так перестало существовать некогда достаточно большое Боровско-Серпуховское княжество, созданное усилиями соратника Дмитрия Донского – Владимира Храброго.

Великая княгиня Мария Ярославна не вступилась за брата. Поэтому возникает предположение, что полностью родными они не были. Из Троицкой летописи становится известно, что первый раз князь Ярослав Владимирович женился в 1407 г. на ярослав-

ской княжне, дочери либо князя Василия Васильевича, либо князя Федора Васильевича²¹. Затем в 1414 г. Ярослав почему-то уехал в Литву. В Москву он вернулся только в 1421 г.²²

Можно предположить, что в Литву князь уехал с женой и сыном, но там его супруга умерла. Возвратившись на родину, он женился вновь. На этот раз его супругой стала боярышня Мария Федоровна Голтяева, имевшая хорошее приданое в виде обширных земельных владений. Их она получила после смерти отца и бездетных братьев. В этом браке и родилась Мария, будущая невеста Василия II.

Мать Марии Ярославны, видимо, рано умерла. Поэтому опекушкой княжны стала бабушка, боярыня Мария Федоровна Голтяева, полная тезка дочери. Именно ее имя часто упоминается в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей²³. Некоторые исследователи путают ее с матерью Марии Ярославны, не учитывая, что ту уже не называли боярыней Голтяевой, поскольку после замужества она стала княгиней Ярославовой.

Боярыня Мария Федоровна Голтяева была, видимо, очень богата. Поэтому во время захвата Москвы в 1446 г. князья Дмитрий Шемяка и Иван Можайский разграбили и ее казну, а потом вынуждены были возвращать украденное добро²⁴.

Сохраняя за собой родовые земли, М.Ф. Голтяева смогла потом завещать их своему правнуку – княжичу Борису. В духовной грамоте Василия II они перечислены: дворы на посаде около каменного храма святого Георгия; у Коломны села Проскурниковское и Введенское с деревнями, деревня на Городне; в Подмосковье за Пахрой села Разсудовское, Зверевское, Борановское и иные села с деревнями и пустошами; у Владимира села Симизинское, Лазарьское, Котязино и Евнутьевское; Нижняя Слобода г. Костромы с деревнями и села Базьевское и Мануиловское с деревнями; около Вологды села Турандаевское, Понизовское, Кобылинское, и Горка и деревни на р. Шоме; около Москвы села Шарাপовское и Лошаково с деревнями, луг на р. Москве под Крутицею; в Берендеево село Ростовское с деревнями, в Кинеле села Суровцево, Тимофеевское и Микульское, а также дворы внутри Кремля²⁵.

Всего М.Ф. Голтяева завещала правнуку более 22 сел с деревнями в Подмосковье, у Коломны, Владимира, Костромы, Волог-

ды, Переславля и Дмитрова, слободу г. Костромы на Волге, луг около Москвы и несколько московских дворов. По тем временам это было очень неплохое наследство. В 1477 г. князь Борис Васильевич завещал все эти земли и населенные пункты своему сыну Федору²⁶.

Однако через некоторое время великий князь Иван Васильевич стал утверждать, что земельные владения Марии Голтяевой являлись великокняжеской отчиной, и отец лишь по своей воле позволил боярыне завещать их брату Борису. В 1497 г. он даже заставил сыновей Бориса, Федора и Ивана, обменять их на земли у Твери²⁷. Вероятно, прабабкино наследство очень нравилось Ивану III, и он чувствовал себя ущемленным из-за того, что не ему она его завещала.

Можно предположить, что на момент брака Марии Ярославны с Василием II невесте было не больше 12 лет. Естественно, что брат Василий должен был быть намного старше ее, поскольку он получил почти все Боровско-Серпуховское княжество в 1433 г. Если верно наше предположение о том, что он родился в первом браке князя Ярослава, то в год свадьбы сестры ему могло быть уже 25 лет. Он, скорее всего, был женат и даже имел сына Ивана, который в 1456 г. бежал в Литву с его второй супругой²⁸.

Получается, что между Марией и ее братом не было теплых и близких родственных чувств не только из-за не полного родства, но и из-за разницы в возрасте, которая могла составлять от 13 до 14 лет. Поэтому, как уже отмечалось, великая княгиня никак не прореагировала на арест Василия Ярославича в 1456 г. и его высылку в Углич. Возможно, ее даже устраивало то, что все имущество брата было конфисковано. В итоге Боровско-Серпуховское княжество влилось в состав великого княжения, и потом по завещанию Василия II было разделено уже между ее сыновьями.

Таким образом, исследование духовных и договорных грамот великих и удельных князей и летописных текстов XV в. позволило уточнить обстоятельства женитьбы великого князя Василия II Темного на княжне Марии Ярославне – первой представительнице рода Романовых, породнившейся с правящим домом московских князей. Это родство, судя по всему, стало главной причиной

того, что будущий царь Иван IV, задумав жениться, остановил свой выбор именно на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой. В свою очередь это привело к тому, что на Земском соборе 1613 г. избиратели единодушно проголосовали за Михаила Федоровича Романова, внучатого племянника Анастасии, видя в нем продолжателя прежней династии московских князей. Никаких других причин для избрания первого Романова на царский престол не было.

Примечания

- ¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Соч. М., 1998. Т. 12. С. 499.
- ² Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1937. Т. 3. С. 64–69.
- ³ Он же. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 379–380.
- ⁴ Станиславский А.Л. Гражданская война в России в XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 85.
- ⁵ Скрынников Р.Г. История российская IX–XVII вв. М., 1997. С. 418.
- ⁶ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899. С. 392–425.
- ⁷ Любомиров П.Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 164–166.
- ⁸ Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 289–465.
- ⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 135. Отд. III. Руб. I. Д. 2. Л. 1–7, 28–46 и далее.
- ¹⁰ Морозова Л.Е. Указ. соч. С. 291, 296, 306, 310, 315, 319.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 148.
- ¹² Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 122–127.
- ¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. V–VIII. М., 1993. С. 104.
- ¹⁴ Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. С. 340.
- ¹⁵ Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., 2001. С. 395.
- ¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей (далее ДДГ). М.-Л., 1950. С. 45–50.
- ¹⁷ Там же. С. 71–73.
- ¹⁸ Там же. С. 70.
- ¹⁹ Там же. С. 73.
- ²⁰ Московский летописный свод конца XV в. С. 374.
- ²¹ Пресняков М.Д. Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 466.
- ²² Московский свод конца XV в. С. 328, 333.
- ²³ ДДГ. С. 141, 148, 195, 226, 228, 231, 250 и далее.
- ²⁴ Там же. С. 141, 148.
- ²⁵ Там же. С. 195.
- ²⁶ Там же. С. 250.
- ²⁷ Там же. С. 270, 272, 341.
- ²⁸ Московский свод конца XV в. С. 374.

Д.И. ПЕТИН, Ю.Н. ЕФРЕМОВА

ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙНЫХ АРХИВОВ В РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ И ГЕНЕАЛОГИИ УЧАСТНИКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

НА ПРИМЕРЕ АРХИВА СЕМЬИ АБРАМОВЫХ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.

Petin D.I., Efremova Yu.N. The source potential of family archives for reconstruction of biography and genealogy of the Civil War participant. On an example of Abramov's family archive

Аннотация / Annotation

В статье на основе документов архива семьи Абрамовых и находящихся на государственном хранении, которые авторами рассматриваются как часть источниковой базы для генеалогических исследований, предпринята попытка реконструкции биографии В.С. Абрамова – участника Гражданской войны.

This article, based on archive of Abramov's family, try to reconstruct a biography of V.S. Abramov, a participant of the Civil War. Documents of Abramov's family, Documents located in the state custody and considered as part of the original sources for genealogical research.

Ключевые слова / Keywords

Источники, генеалогия, семейный архив, Гражданская война, белое движение, эмиграция, Харбин. Sources, genealogy, family archive, Civil War, the White movement, emigration, Harbin.

В архивных учреждениях Российской Федерации находится большое число фондов и коллекций личного происхождения, которые являют собой весомый потенциал для исторических и генеалогических исследований. В то же время в семейных архивах, не переданных на государственное хранение, находится еще достаточно большой объем исторических источников биографического характера, которые могут представлять интерес для ши-

рогого круга исследователей – историков, генеалогов, краеведов, архивистов.

Восстановлением генеалогического древа своей семьи сегодня озабочены многие посетители читальных залов архивных учреждений. С целью реконструкции исторических знаний о своих предках в архивы все чаще обращаются также по запросам. Поэтому практическая генеалогия в виде работы с потомками участников Гражданской войны является одним из направлений деятельности Центра изучения истории Гражданской войны, созданного на базе Исторического архива Омской области. В центре наряду с генеалогическими поисками проводятся индивидуальные консультации посетителей в целях их информирования о составе документов Архивного фонда Российской Федерации для самостоятельного изучения родословного древа.

Одним из заявителей, обратившихся в центр с целью получения помощи в поиске генеалогических сведений, стал Игорь Владимирович Абрамов¹ – сын Владимира Семеновича Абрамова, участника Гражданской войны, впоследствии эмигрировавшего в Харбин. И.В. Абрамов передал в центр уцелевшую часть архива их семьи. Документы семейного архива (общим количеством 15 единиц) представлены подлинными удостоверениями, свидетельствами, справками, аттестатами и фотографиями, охватывающими более чем полувековой период – с 1901 по 1955 г. Основная часть документов (11 единиц) являются подлинниками, остальные – нотариально заверенные копии на правах подлинника. Из полученных документов семейного архива имеется пять фотографий. На некоторых из них есть памятные надписи и конгревы, исполненные в фотоателье, что позволяет восполнить некоторые недостающие исторические детали.

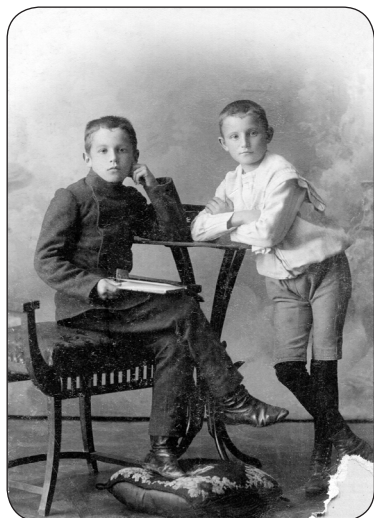
Существенным дополнением к переданному в центр семейному архиву является интервью с И.В. Абрамовым, записанное авторами статьи². Интервью (видеосъемка) – «живая» история, поведенная потомком участника Гражданской войны, стала неотъемлемой частью источниковой базы данной публикации. И.В. Абрамов рассказал в интервью об истории своей семьи, о своем детстве и юности, проведенных в Харбине, но ключевой фигурой видеомемуаров стал его отец.

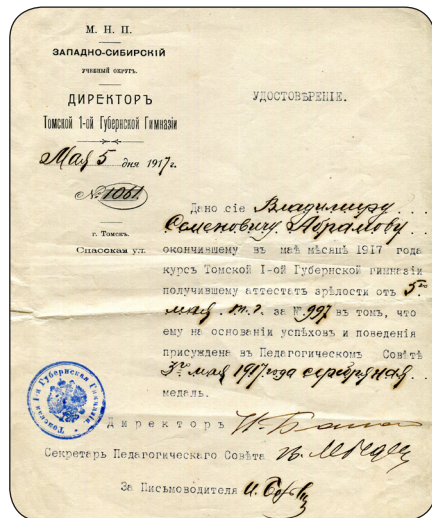
В результате анализа документов архива семьи Абрамовых, а также обработки и исполнения запроса, благодаря полученным документам, предоставленным Государственным архивом Хабаровского края, стала возможной детальная реконструкция биографии одного из сотен тысяч участников Гражданской войны в России. 1917 год и последовавшие события раскололи российское общество на два противоборствующих стана, население в свете военных событий было вынуждено изменять привычный уклад своей жизни. История Владимира Абрамова в этом отношении представляет большой интерес: в жизненном сценарии нашли отражение переезд из центра России в Сибирь, мирная жизнь гимназиста, учеба в вузе, нарушенная Гражданской войной, служба в «белой» армии, затем в рядах РККА, эмиграция, арест, заключение. Таков был тернистый путь его возвращения к мирной жизни.

Владимир Семенович Абрамов родился 5 (18) июня 1899 г. в Москве, в семье личного почетного гражданина Семена Петровича Абрамова и его супруги Веры Ивановны Абрамовой. Младенца крестили приходской протоирей Василий Руднев с дьяконом Петром Советовым и псаломщиком Сергеем Румянцевым в Московской Троицкой церкви на Шаболовке. Крестными родителями Владимира стали личный почетный гражданин Николай Иванович Москвитин и крестьянская девица Наталия Петровна Абрамова³. С определенной вероятностью можно предположить, что предки Абрамовых жили в центральной части России, были выходцами из крестьянского сословия. Семен Петрович Абрамов, очевидно, разбогател, занимаясь торговлей, что позволило ему получить звание личного почетного гражданина Москвы.

Кроме Владимира в семье Абрамовых в 1900 г. родился еще один сын – Борис. Спустя несколько месяцев после рождения второго ребенка, семья Абрамовых переехала из Москвы в Сибирь, в город Томск. Точная причина переезда семьи Абрамовых нам неизвестна. По предположению И.В. Абрамова семья сменила место жительства по обстоятельствам служебной деятельности Семена Петровича Абрамова. Нам не удалось установить точную дату прибытия их семьи в Томск, однако, можно вполне определенно сказать, что это произошло не позднее первой половины 1901 г.⁴

Братья Абрамовы:
слева – Владимир, справа – Борис
Томск, около 1910 г.
Личный архив И.В. Абрамова

Удостоверение о награждении
серебряной медалью, выданное
В.С. Абрамову 5 мая 1917 г.
Личный архив И.В. Абрамова

После окончания подготовительной школы Тисоправовой Владимир Абрамов в августе 1909 г. поступил в Томскую первую губернскую гимназию. Прошел восьмиклассный курс обучения. Как следует из аттестата зрелости, гимназист Абрамов отличался примерным поведением и прилежанием к учебе: из 12 дисциплин, преподававшихся в гимназии, лишь за русский язык и математику он имел оценку «4», за остальные предметы познания его были оценены как отличные. Это дало основание к награждению гимназиста Владимира Абрамова серебряной медалью. Обучение в гимназии окончилось 2 мая 1917 г., спустя три дня, согласно решению педагогического совета гимназии, состоялось вручение аттестата зрелости и серебряной медали⁵.

В это же время Владимир Абрамов прошел курс допризывной подготовки и сдал испытание в Особой комиссии Военно-спортивного комитета в объеме программы, одобренной Штабом Верховного главнокомандующего и утвержденной военным министром⁶. Незадолго до этого, 19 февраля 1917 г., гимна-

зист Абрамов был приписан Томским уездным по воинской повинности присутствием к первому призывному участку Томского уезда⁷. Именно с этого начались первые шаги Владимира Семеновича Абрамова по военной стезе.

Но в то время он жил еще привычной мирной жизнью. Решив после окончания гимназии быть инженером, Владимир Абрамов с сентября 1917 г. был зачислен студентом на механическое отделение Томского технологического института⁸. В период обучения Владимир Семенович окончил вечерние бухгалтерские коммерческие курсы при Томском коммерческом училище, получив профессию счетовода⁹. Наряду с учебной студент Абрамов имел общественную нагрузку, будучи в составе старостата Томского технологического института¹⁰.

Советская власть в Томске установилась в начале декабря 1917 г. Но на рубеже 1917–1918 гг. Томск, где жил и учился Владимир Абрамов, стал одним из ключевых центров зарождения антибольшевистского движения в Сибири. Как и в других городах, в Томске существовали подпольные антисоветские организации и монархические офицерские собрания. В одну из таких нелегальных организаций входил и студент Абрамов. Чехословацкий мятеж и свержение советской власти круто изменили его жизнь. Владимир Абрамов вступил в отряд особого назначения, состоявший из учащихся Томска, и стал сотрудником комиссии по расследованию дел арестованных большевиков¹¹.

В свете военных событий лета 1918 г. Владимир, отучившись два курса, принял решение оставить учебу и добровольно вступил в ряды

Юнкер Владимир Абрамов в период обучения в учебной команде при Первом Томском кадровом артиллерийском дивизионе. Томск, осень 1918 г.
Личный архив И.В. Абрамова

«белой» армии. Для прохождения военного обучения он был направлен в учебную команду при Первом Томском кадровом артиллерийском дивизионе. В октябре 1918 г. в составе учебной команды участвовал в карательной экспедиции, подавившей Чумайское восстание в Мариинском уезде Томской губернии¹².

Спустя месяц, окончив обучение в военной команде в ноябре 1918 г., юнкер Абрамов получил направление на Пермский фронт в действующую армию¹³. До мая 1919 г. Владимир находился на фронте, служил во Втором Среднесибирском тяжелом дивизионе, затем в Первой Сибирской штурмовой бригаде генерала А.Н. Пепеляева в должности взводного офицера. После того, как юнкер Абрамов был ранен (получил общую легкую контузию), его перевели в тыловой Омск, где он продолжил службу в освещительном, а затем – информационном отделах Сибирского казачьего войска в должности информатора. Здесь он участвовал в мобилизационной кампании, проводившейся среди западно-сибирских казаков. Затем стал сотрудником секретного отдела по освещению деятельности большевиков среди местного казачьего населения. В период службы в информационном отделе Владимир Абрамов получил свой первый офицерский чин прапорщика. Награжден какими-либо знаками отличия за период службы в белой армии не был. В Омске Владимир Абрамов квартировал в доме на улице Лагерной (ныне – улица Маршала Жукова). После оставления «белыми» армиями Омска прапорщик Абрамов находился в отступлении, но в декабре 1919 г. был взят в красноармейский плен¹⁴.

Красная Армия в тот момент ощущала серьезный кадровый «голод», в общевойсковые части требовалось большое количество лиц, имевших боевой опыт, для назначения на должности младшего и среднего командного состава. Поэтому Владимиру Абрамову, как и многим другим бывшим офицерам, было предложено служить в частях РККА. Он дал свое согласие и был отправлен рядовым бойцом в артиллерийский дивизион 30-й дивизии 5-й Армии. В мае 1920 г. Абрамова откомандировали в Томск для прохождения учебы на Первых сибирских артиллерийских курсах командного состава. Однако, спустя несколько месяцев, в 1921 г. курсант Абрамов был «разоблачен» чекистами как бывший бело-

гвардейский офицер и контрреволюционер, участвовавший в карательных экспедициях против советской власти. После ареста он был приговорен к одному году заключения, однако, в тюрьме провел 14 месяцев¹⁵. Был амнистирован в январе 1922 г. по случаю грядущего пятилетия Октябрьской революции¹⁶.

Выйдя на свободу, Владимир Абрамов решил заняться коммерческой деятельностью в Томске, что совпало с периодом новой экономической политики в нашей стране. В 1922 г. женился на 22-летней Александре Георгиевне Абрамовой (в девичестве – Гавриловой). От этого брака впоследствии родились двое детей – дочь Ариадна (1924) и сын Олег (1925). Однако торговое дело не пошло, и неудавшийся нэпман, оставшись без средств к существованию, принял решение покинуть советскую Россию¹⁷. Владимир Абрамов с женой в мае 1924 г. нелегально пересекли советскую границу и уехали в китайский город Харбин, ставший к тому времени одним из центров притяжения русской эмиграции¹⁸.

В качестве основных причин выезда из СССР Владимир Абрамов называл: «ненависть к советской России и постоянная угроза жизни, как привлекавшегося за контрреволюцию и опасения открытия той работы против большевиков, которую удалось скрыть при первом аресте в ЧК. И, наконец, возможность сделать что-либо для родины...»¹⁹. Говоря о себе и своих политических воззрениях, эмигрант Абрамов категорично подчеркивал свою приверженность к монархизму и православной вере, подтверждая полное отсутствие советского паспорта и подданства, а также связей с советской стороной и каких-либо знакомств с деятелями советской власти²⁰.

По прибытию в Харбин Владимир Абрамов нашел работу по бухгалтерской специальности: в 1924–1928 гг. служил в статистическом отделе Харбинского городского самоуправления, на Сунгарийских мельницах, страховом обществе «Вест-Кост» на должностях конторщика, агента по страховому сбору и рекламе. В 1929 г. служил на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) конторщиком счетоводства службы эксплуатации, однако, во время советско-китайского конфликта на КВЖД Владимир Абрамов был вынужден оставить службу и в 1930–1931 гг. жил случайными заработками²¹.

Очевидно, что неустойчивость материального положения стала причиной внутрисемейных конфликтов. В августе 1933 г. семейный союз Владимира и Александры Абрамовых распался (однако официальный развод оформлен так и не был). Бывшая супруга вместе с детьми возвратилась в Советский Союз, обосновавшись в Красноярске, затем переехала в Новосибирск. Владимир Абрамов потерял с ними связь, и дальнейшая судьба Александры Георгиевны Абрамовой (Гавриловой) и детей осталась для него неизвестной²². Нам удалось выяснить, что А.Г. Абрамова не смогла избежать репрессий. Ее арестовали 23 апреля 1936 г. по обвинению в участии в контрреволюционной монархической повстанческой организации церковников. 5 декабря 1936 г. состоялся суд, но А.Г. Абрамова была освобождена²³. Олег Владимирович Абрамов во время Великой Отечественной войны был призван в действующую армию и погиб в 1944 г.

Незадолго до расставания с женой Владимир Абрамов вступил в тесные контакты с зарубежными антисоветскими организациями. Так, в 1932–1934 гг. он состоял на службе в русских фашистских организациях, в частности во Всероссийской фашистской партии (ВФП). Эмигрант Абрамов был членом харбинского Русского клуба. Сотрудничая с русскими фашистами, он продолжил самообразование: в дополнение к английскому языку Владимир Абрамов на курсах ВФП начал изучать язык Страны восходящего солнца²⁴.

В Харбине Владимир Абрамов обзавелся широким кругом знакомых из числа русских эмигрантов. Среди этих людей были весьма крупные фигуры Гражданской войны и антибольшевистского движения – это В.Ф. Иванов (политический деятель, писатель, идеолог-пропагандист при колчаковском правительстве), П.П. Иванов-Ринов (казачий атаман, генерал-лейтенант, крупный военачальник), И.А. Михайлов (министр финансов колчаковского правительства), М.П. Головачёв (профессор, областник, товарищ министра иностранных дел в колчаковском правительстве), К.В. Родзаевский (юрист, лидер белогвардейской эмиграции, создатель ВФП) и другие²⁵. Удивительно, но столь разных по происхождению, статусу и политическим воззрениям людей объедини-

ла жизнь эмигрантского Харбина и антисоветская деятельность.

28 декабря 1934 г. указом правительства Маньчжоу-Го был создан специальный орган, наделенный административными функциями в отношении российских эмигрантов – «Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ). Его официальная цель была обычной для всех эмигрантских организаций – оказание правовой, моральной, материальной и культурной помощи российским эмигрантам, проживающим в пределах Маньчжурской империи. Основными задачами БРЭМ провозглашались: сношения с властями империи; объединение общественных, профсоюзных, благотворительных и прочих эмигрантских организаций; регистрация, учет и статистические обследования жизни эмигрантов; квалификация русских беженцев по специальностям и профессиям²⁶. На деле подобная организация позволяла японской разведке контролировать крупный очаг российской эмиграции в Китае, интегрируя среди выходцев из России антисоветское ядро. Курировал БРЭМ офицер японской разведки Сюн Акикуса. В 1940 г. в связи с расширением территориального влияния Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи было переименовано в Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.

1935 год стал для Владимира Абрамова поворотным. 18 марта 1935 г., он, являвшийся на тот момент человеком одиноким и безработным, заполнил анкету и подал заявление для вступления в ряды БРЭМ²⁷. В этом же году Владимир Семенович поступил на секретную службу в Особый отдел Департамента полиции Харбина в качестве неофициального сотрудника²⁸. Возможно, что этому неким образом поспособствовало его вступление в БРЭМ.

Владимир Абрамов
в период эмиграции
Харбин, 1930-е гг.
Личный архив И.В. Абрамова

В том же 1935 г. Владимир Абрамов обрел новую семью, женившись повторно. Его избранницей стала 22-летняя дочь русских эмигрантов Людмила Максимилиановна Терешкевич. От этого брака у Владимира Семеновича родился сын Игорь (1935). Людмила Максимилиановна Абрамова также вступила в БРЭМ. С семьей Владимира Семеновича проживал и его отец Семен Петрович Абрамов, работавший бухгалтером. Вместе с Владимиром в Китай эмигрировал и его брат Борис. В годы Гражданской войны Борис Абрамов также был в рядах «белой» армии, служил чиновником военного времени (об этом позволяет утверждать фотоснимок, сделанный в Томске приблизительно в 1919 г.). Эмигрировав, Борис обосновался в Шанхае – городе, который был вторым после Харбина центром российской эмиграции в Китае. Борис Абрамов служил на Китайской морской таможне. Братья общались до 1932 г., однако на время связь была утрачена, впоследствии Владимир Абрамов получил известие о смерти брата²⁹.

Двумя годами ранее создания БРЭМ, 25 июля 1932 г., в городе Синьцзяне правительством Маньчжоу-Го была образована неонацистская организация «Кио-Ва-Кай» («Общество единения народов Маньчжурской империи»). Официально общественная, но по своей сути государственная организация «Кио-Ва-Кай» позволяла японцам усиливать свое военное и политическое господство в Маньчжурии. «Кио-Ва-Кай» по факту являлось составной частью государственного аппарата правительства Маньчжоу-Го, его главным идеологическим и политическим орудием. По своей структуре, стилю внутреннего распорядка и работы общество «Кио-Ва-Кай» было милитаристской организацией. На местах общество организовывало штабы. В 1935 г. при Биньцзянском штабе «Кио-Ва-Кай» был сформирован Особый отдел, к работе в котором были привлечены русские сотрудники. Почти одновременно в Трехречье и в Хайларе, которые наряду с Харбином являлись крупными центрами расселения российской эмиграции, в штабы «Кио-Ва-Кай» были приняты российские эмигранты. «Кио-Ва-Кай» и БРЭМ вели между собой тесное сотрудничество.

Сотрудником Особого отдела «Кио-Ва-Кай» стал и Владимир Абрамов³⁰. Кроме того, в 1941 г. он был принят на должность агента для поручений при начальнике Главного бюро

по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи³¹. С большой долей вероятности можно предположить, что предыдущий опыт военной службы Владимира Абрамова в информационном и осведомительном отделах Сибирского казачьего войска, а также негласная работа в местной полиции сыграли в этом ключевую роль. Ведь навыки информационно-пропагандистской и оперативной работы в сочетании со знаниями английского и японского языков теперь напрямую сочетались с его функциональными обязанностями. Будучи сотрудником прояпонских организаций, Владимир Абрамов в 1936–1945 гг. много ездил по контролируемой японцами территории Китая, был в служебных командировках в Японии³². За заслуги в служебной деятельности в эти годы был награжден маньчжурскими орденами и медалями.

По воспоминаниям И.В. Абрамова в их доме в этот период часто бывали такие деятели русской харбинской эмиграции как генералы А.П. Бакшеев и В.А. Кислицын, а также высокопоставленный сотрудник японских спецслужб Р. Като. Японский разведчик, по воспоминаниям И.В. Абрамова, будучи в гостях, подарил маленькому Игорю большой игрушечный танк, что стало для ребенка огромной радостью.

Новый поворот в судьбе Владимира Абрамова произошел в 1945 г., когда в Харбин вошли советские войска, приход которых положил начало последнему периоду существования в Китае русской белоэмиграции. Несколько специально организованных оперативных групп советских контрразведчиков занимались в Северной Манчжурии активным целенаправленным поиском лиц, сотрудничавших с японцами и занимавшихся антибольшевистской деятельностью. В результате, многие деятели БРЭМ за короткий срок оказались арестованы и вывезены в Советский Союз, где были осуждены как антисоветские деятели. Многие из них получили сроки тюремного заключения, а наиболее крупные фигуранты были приговорены к высшей мере наказания.

Среди множества арестованных лиц был и Владимир Абрамов, в августе 1945 г. подвергшийся аресту чекистами второй раз в своей жизни. По воспоминаниям сына Владимира Абрамова арест отца произошел стихийно и неожиданно для семьи. Приговором суда ему, «как белогвардейцу и японскому пособнику», за сотруд-

ничество с японским оккупационным режимом было predeterminedено наказание в виде десятилетнего срока тюремного заключения. Для отбытия наказания Владимира Абрамова этапировали в лагерь для заключенных, расположенный в городе Минусинске Красноярского края (Минусинское лагерное отделение Специального главного управления НКВД). Супруге и сыну Игорю, которые продолжали до 1955 г. проживать в Харбине, о судьбе их мужа и отца в течение девяти лет не было ничего известно.

Как отмечает в интервью И.В. Абрамов, его отец, находясь в заключении, уже и не надеялся на то, что родные дождутся его возвращения, но волею судьбы семья все же соединилась. В дело вмешался случай. За год до окончания срока заключения в дом семьи Абрамовых пришел незнакомый человек в форме железнодорожника, во дворе дома незнакомец встретил Игоря и спросил, не вышла ли его мать замуж повторно. В руках мужчины держал сложенный в несколько раз небольшой лист бумаги. Это была записка от Владимира Абрамова, адресованная семье. В записке отец Игоря сообщал жене и сыну, что он жив и здоров, через год выйдет на свободу. Как выяснилось позднее, заключенный Абрамов на станции Решеты смог тайно передать эту записку тому самому железнодорожнику (по сути, случайному человеку), следовавшему по служебной надобности на поезде в Харбин.

Эта записка изменила все планы семьи Абрамовых. В этот период с полосы отчуждения КВЖД китайские власти предоставляли русскому населению свободный выезд за пределы страны в любом направлении. Это вызвало разногласия в семье. Людмила Максимилиановна хотела перебраться в Австралию, где жила ее тетка, вышедшая замуж за англичанина. Игорь, будучи уже к тому времени актером Харбинского драматического театра, как и многие представители харбинской молодежи, хотел с группой уехать в Советский Союз. Записка, привезенная незнакомцем, поставила точку во всех спорах: Абрамовы возвращались в Россию. Людмила Максимилиановна и Игорь Владимирович подали заявление на выезд в СССР в район освоения целинных и залежных земель.

Витоге, приехав из Китая, Игорь Владимирович и Людмила Максимилиановна Абрамовы обосновались в Минусинске. В августе 1955 г. Владимир Абрамов, полностью отбыв опреде-

ленный судом срок заключения, вышел на свободу. За два года до этого он был расконвоирован и работал бухгалтером в лагере. Затем продолжил проживать на территории лагерного отделения, став сотрудником закрытого предприятия почтовый ящик У-235 Министерства юстиции СССР (станция Решеты Красноярской железной дороги). При этом он состоял на гражданском учете при Лебяжском сельском совете Нижне-Ингашского района Красноярского края³³. По освобождению из мест заключения Владимир Абрамов получил советский паспорт³⁴. Воссоединиться с родными окончательно он смог в 1956 г., но отец и сын с этого момента практически не виделись, поскольку театральная деятельность Игоря Абрамова не позволяла часто и подолгу бывать с родителями. В связи с этим И.В. Абрамов в своем интервью отмечает, что, очевидно, многое о своей жизни отец так и не успел ему рассказать.

После возвращения к семье в Минусинск Владимир Абрамов работал в конторе «Заготзерно». Вернувшись из мест заключения, Владимир Семенович прожил вместе с семьей 12 лет. За это время он мало делился с близкими людьми воспоминаниями о том, что ему довелось пережить за свою нелегкую жизнь. Однако,

СССР
МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ
ПОЧТОВОГО ЯЩИКА У-235
"24" октября 1955 г.
№ 49
ст. Решеты
Красноярская ж. д.

СПРАВКА

Дана настоящая справка Абрамов
Владимир Семенович
в том, что он (она) действительно состоял на работе в предприя-
тии почтовый ящик У-235 МЮ в качестве сотрудника
Справка выдана для предъявления в населенный пункт

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ П-Я У-24 (ГРИГОРИШИН)
ИНВЕНТОР ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ П-Я У-24
Игорь Семенович Абрамов

Справка № 49, выданная В.С. Абрамову частью кадров управления почтового ящика У-235 24 октября 1955 г.
Личный архив И.В. Абрамова

как отмечает в интервью Игорь Абрамов, их с отцом воззрения на российскую историю во многом совпадают. Волею судьбы он побывал в тех же самых местах, где когда-то находился его отец. Скончался Владимир Семенович Абрамов в 1968 г. Но полностью детализировать обстоятельства жизненного пути своего родителя Игорю Владимировичу Абрамову позволило обращение в Центр изучения истории Гражданской войны.

Семейный архив, переданный И.В. Абрамовым, вместе с документами, полученными авторами статьи в ходе исполнения запроса, позволили воссоздать биографию участника Гражданской войны, судьба которого привлекает особое внимание своей нетипичностью. Благодаря семейному архиву был освещен дореволюционный период жизни В.С. Абрамова. Документы Государственного архива Хабаровского края поведали о периоде Гражданской войны и эмиграции. Замыкающим и обобщающим звеном в исследовании стало интервью с сыном В.С. Абрамова. Таким образом, концентрируя в фондах Исторического архива Омской области документы периода Гражданской войны, центр проводит работу по сохранению исторического наследия нашего государства. И участвуют в этом сложном процессе граждане, в семейных архивах которых находятся ценные исторические источники по истории Гражданской войны.

Примечания

¹ Абрамов Игорь Владимирович (родился 18 июня 1935 г. в Харбине) – актер Омского театра юных зрителей, член Союза театральных деятелей России с 1956 г. Работал в театрах Харбина, Минусинска, Ташкента, Костромы, с 1958 г. в Омске. Сыграл около 200 ролей в спектаклях детского и классического репертуара. Заслуженный работник культуры РФ (1994), заслуженный деятель культуры Омской области (2005), лауреат Омского областного фестиваля-конкурса «Лучшая театральная работа» в номинации «Легенда омской сцены» (2005). См.: Энциклопедия Омской области. Т. 1. Омск, 2010. С. 41.

² Интервью с И.В. Абрамовым. Центр изучения истории Гражданской войны. Омск. 21 мая 2012 г. Личный архив Ю.Н. Ефремовой.

³ Выпись № 22 из метрической книги о родившихся за 1899 г., выданная Московской Троицкой церковью на Шаболовке 20 января 1901 г. Личный архив И.В. Абрамова.

⁴ Об этом позволяет утверждать надпись «1 июля 1901. Вовочке 2 года, Бореньке 7 месяцев», сделанная на обороте детского фотоснимка с изображением братьев Абрамовых.

⁵ Аттестат зрелости В.С. Абрамова; Удостоверение о награждении серебряной медалью, выданное В.С. Абрамову 5 мая 1917 г. Личный архив И.В. Абрамова.

⁶ Удостоверение Томского Военно-спортивного комитета о прохождении курса допризывной подготовки, выданное В.С. Абрамову 5 мая 1917 г. Личный архив И.В. Абрамова.

⁷ Свидетельство о приписке к призывному участку, выданное В.С. Абрамову. Личный архив И.В. Абрамова.

⁸ Квитанция об оплате за обучение в 1917–1918 гг.; Свидетельство, выданное студенту В.С. Абрамову. Личный архив И.В. Абрамова.

⁹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 71. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Там же. Л. 1 об., 18–18 об.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Так в тексте документа. Там же. Л. 1 об., 18 об.

¹⁵ Там же. Л. 1. 18 об.

¹⁶ Банк данных «Жертвы политического террора в СССР». [М.], 2007–2012. URL: <http://lists.memo.ru/index1.htm>.

¹⁷ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 71. Л. 18 об., 91 об.

¹⁸ Там же. Л. 1. 18 об., 19, 19 об.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 1 об., 18, 19.

²¹ Там же. Л. 1 об., 91 об.

²² Там же. Л. 18, 19.

²³ Банк данных «Жертвы политического террора в СССР» [М.], 2007–2012. URL: <http://lists.memo.ru/index1.htm>.

²⁴ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 71. Л. 1–1 об.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 110–111.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 71. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 91.

²⁹ Там же. Л. 18 об., 74.

³⁰ Там же. Л. 91 об.

³¹ Там же. Л. 91 об.

³² Об этом позволяет судить группа снимков из семейного альбома Абрамовых.

³³ Справка, выданная В.С. Абрамову Лебяжским сельским советом. Личный архив И.В. Абрамова.

³⁴ Справка № 49, выданная В.С. Абрамову частью кадров управления почтового ящика У-235 24 октября 1955 г. Личный архив И.В. Абрамова.

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

М. Ф. ШУМЕЙКО

**БЕЛОРУССКИЕ АДРЕСА
РОССИЙСКОГО
ИСТОРИКА-АРХИВИСТА
А. Ф. ИЗЮМОВА.
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.**

***Shumeiko M. F. The Belarusian addresses
of the Russian historian and archivist A. F. Izyumov.
First half of the 20th century***

Аннотация / Annotation

В статье, предваряющей публикацию письма одного из руководителей существовавшего в 1923–1945 гг. в Праге Русского исторического архива А. Ф. Изюмова (1885–1950) к историку-слависту, академику В. И. Пичете (1878–1947) рассматриваются научно-педагогические контакты автора и адресата, а также их совместная деятельность по сохранению российских и белорусских архивов в 1920-е гг., собиранию и использованию зарубежной архивной Россики в 1930–1940 гг.

In the article anticipating the publication of a letter from A. F. Izyumov – one of the leaders of the Russian Historical Archive (1885–1950), existed in 1923–1945 in Prague – to the historian of Slavic, academician V. I. Picheta (1878–1947), the discussion on the scientific and educational contacts the letter's author and the addressee, as well as their joint conservation activities of Russian and Belarusian archives in 1920, collection and use of foreign archival Rossica in 1930–1940 years are viewed.

Ключевые слова / Keywords

Изюмов А. Ф., Пичета В. И., Рязанов Д. Б., Главархив России, архив Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве, Русский исторический архив в Праге. A. F. Izyumov, V. I. Picheta, D. B. Ryazanov, Glavarchive of Russia, Archive of Supreme Commander in Mogilev, Russian Historical Archive in Prague.

Публикация подготовлена в рамках совместного проекта РГНФ–БРФФИ «Документальное наследие академика В. И. Пичеты в белорусских и российских архивах». Договор с БРФФИ № Г12Р-017 от 15.04.2012; № гос. регистрации 20122476.

Имя А. Ф. Изюмова (1885–1950) в советской историографии почти не встречается по вполне понятным причинам: он был одним из многих представителей российской гуманитарной интеллигенции, попавших в 1922 г. на печально известный «филологический пароход», вывезший его за пределы России¹. Между тем, его вклад в разработку и последующую реализацию реформы архивного дела в России, формирование зарубежной архивной Россики очевидны. И лишь в последние два десятилетия, особенно в связи с виртуальной реконструкцией существовавшего в 1923–1945 гг. в Праге Русского заграничного исторического архива², одним из руководителей которого был А. Ф. Изюмов, появилось значительное количество публикаций о нем³, существенно дополнивших создававшуюся за пределами Советской России (СССР) историографию, в большинстве своем недоступную советским историкам⁴.

Глубоко символично, на наш взгляд, что имена А. Ф. Изюмова и В. И. Пичеты соседствуют в монографии Т. И. Хорхординой при характеристике автором «жизни и научной деятельности менее известных сегодня инспекторов»⁵. Их, воспитанников Московского университета, учеников М. К. Любавского, связывали не только совместная деятельность в созданном после 1 июня 1918 г. Главархиве России, но и участие в спасении от разграбления и гибели многих уникальных архивов и библиотечных собраний. Последнее проявлялось как в форме обследования региональных российских архивов с целью принятия мер по предотвращению их уничтожения, так и путем подготовки экспертных заключений по тем архивным собраниям, которые выступали в качестве объектов спора при подготовке и последующей реализации мирных договоров России с Литвой (1920) и Польшей (1921).

В этой связи нельзя не обратить внимание читателей российского историко-архивоведческого периодического издания на недостаточно известные стороны научной биографии А. Ф. Изюмова как «допражского», так и «пражского» периодов, в которых значительную роль играли его контакты с В. И. Пичетой – не только главным инспектором Главархива, но и ректором первого государственного университета Беларуси⁶.

Вероятно, первое знакомство инспектора Главархива России А.Ф. Изюмова с Беларусью состоялось в начале марта 1919 г. во время его поездки в Могилев, входивший до весны 1924 г. в состав РСФСР. Поездка, в свою очередь, была вызвана телеграммой заведующего Могилевского губернского отдела народного образования И.П. Брихничева во ВЦИК о том, что в губернском центре, в котором, как известно, в годы Первой мировой войны располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, найдены документы бывшего российского императора и его семьи.

По приезде 3 марта 1919 г. в Могилев А.Ф. Изюмов действительно узнает о телеграммах Николая II и ответных к нему, найденных на чердаке здания, в котором располагалась женская Мариинская гимназия. В этом здании после февраля 1917 г. размещалась камера прокурора Могилевского окружного суда, которому Верховной следственной комиссией, учрежденной Временным правительством, был поручен просмотр царской переписки. 19 октября 1917 г. находившаяся при Ставке Верховного главнокомандующего телеграфная контора препроводила по требованию прокурора имевшиеся у нее телеграммы в виде бланков с наклеенной аппаратной лентой, начиная с августа 1915 г. по март 1917 г. в количестве 19 пачек (1798 шт.).

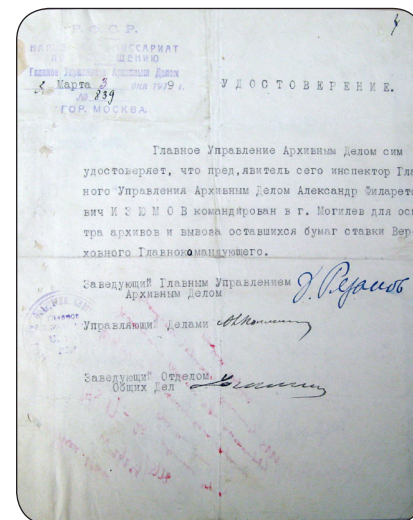
При занятии г. Могилева кайзеровскими войсками в марте 1918 г. камера прокурора подверглась разгрому и телеграммы в груде других бумаг были выброшены на чердак. Здесь они пролежали до февраля 1919 г., когда были найдены представителями губернского отдела народного образования.

Задачей приехавшего в Могилев А.Ф. Изюмова было перевести всю личную переписку последнего российского императора в Москву, где формировался так называемый Новоромановский архив. Однако, отдел народного образования категорически отказал ему в выдаче документов, требуя непосредственного предписания ВЦИК. Причиной такой несговорчивости могилевчан, по мнению Изюмова, было то, что побывавший здесь в двадцатых числах февраля инспектор Петроградского отделения Главархива профессор В.Т. Георгиевский испортил отношения с могилевскими властями: не имея соответствующего мандата, он, по словам одного из руководителей отдела народного образова-

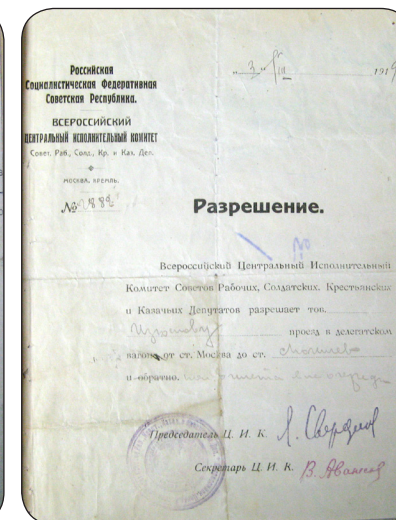

ния И.А. Сербова, не только требовал телеграммы для перевозки в Петроград, но еще и желал заручиться удостоверением от отдела, что это именно он нашел их⁷.

Другой причиной отказа Изюмову в выдаче телеграмм, по его мнению, было то, что отдел народного образования, вероятно, не без влияния известных разоблачительных «маркинских» публикаций, основанных на секретных документах из архива бывшего МИД России, предпринятых в Петрограде в конце 1917 – начале 1918 г., также решил заняться использованием телеграмм в местной печати. На это Изюмова навели следующие строки из отчета, напечатанного в могилевской газете «Соха и молот»: «Нами открыт подотдел музеев и хранения старины, который занимается собиранием всех ценных и редких вещей г. Могилева. Найдено на днях 1796⁸ писем и телеграмм – переписка Николая II с Алисой от 1 августа 1915 г. и 1917 г., имеющих колоссальнейшее историческое значение, которые переводятся с английского языка и скоро станут известны всему миру...»⁹

Удостоверение А.Ф. Изюмову, подписанное зав. ГУАД Д.Б. Рязановым
ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 191. Л. 4

Разрешение А.Ф. Изюмову на проезд до г. Могилева, подписанное председателем ВЦИК Я.М. Свердловым
ГАРФ. Ф. 5329. Оп. 9. Д. 191. Л. 5

А.Ф. Изюмов срочно телеграфирует заведующему Главархивом Д.Б. Рязанову, прося его добиться соответствующего предписания ВЦИК. 11 марта он получает от председателя ВЦИК Я.М. Свердлова телеграмму: «г. Могилев, губернский отдел Наробра. Копия Эрмитаж Изюмову. ВЦИК предлагает Вам передать телеграммы бывшего царя инспектору Архивного управления Изюмову. 3778 Председатель Свердлов». На следующий день председатель Могилевского губисполкома А.М. Ханов дает указание отделу народного образования «выдать означенные телеграммы инспектору Изюмову».

В результате 13 марта А.Ф. Изюмов получает телеграммы на руки и доставляет их в Москву, сдав 17 марта документы под расписку заведующему отделением б. Архива Министерства иностранных дел¹⁰, архива проф. А.Н. Савину»¹¹.

Помимо выполнения поручения Главархива в части телеграмм Николая II А.Ф. Изюмов использует свое пребывание в Могилеве и для обследования состояния местных архивов. В целом он признает его удовлетворительным, хотя при этом отмечает наметившиеся опасные тенденции к уничтожению архивов Орши и Могилева путем их своза на Шкловскую писчебумажную фабрику. Он сообщает о принятых им мерах по предотвращению уничтожения архивов в Главархив и рекомендует последнему уделять большее внимание подобного рода вопросам.

Между тем в образовавшейся весной 1919 г. Белорусско-Литовской советской республике разворачивается работа по открытию в Минске университета. Правда, последовавшие вслед за этим события (оккупация в августе 1919 г. Минска польскими войсками) отсрочит открытие университета на два года. Тем не менее в описи личных дел фонда Белгосуниверситета сохранилась папка на 10 листах под названием «Дело о кандидатуре в профессора Изюмова Александра Филаретовича»¹². Открывает ее своего рода инициативный документ – заверенная машинописная копия «Отзыва профессора В.И. Пичеты о кандидате на кафедру русской истории в Минский университет Александре Филаретовиче Изюмове», датированная 19 апреля 1919 г. В ней, в частности, говорится: «Александр Филаретович Изюмов представляется мне достойным кандидатом на ту же кафедру. Центр его научных

занятий XVI и XVII вв. А.Ф. Изюмова интересуют вопросы экономики и землевладения прежде всего. Все его работы написаны исключительно на архивном материале, в поисках которого приходилось предпринимать поездки в Архангельск. Большой заслугой со стороны А.Ф. Изюмова было положить начало изучению архангельской торговли, пользуясь материалами центральных и провинциальных архивов. Работа, им предпринимаемая, внесет немало поправок в труды И. Любименко и английских исследователей русско-английской торговли XVI века. Отдельные статьи и заметки, разбросанные по столичным и провинциальным изданиям, большею частью экономического характера, весьма ценные для мало исследованного экономического быта XVI–XVII веков. Принимая во внимание все выше сказанное, я считаю возможным рекомендовать А.Ф. Изюмова на кафедру русской истории в Минский университет»¹³.

Вслед за отзывом следуют собственноручно написанные Изюмовым автобиография (Curriculum vitae) и список его восьми печатных работ (статей и рецензий, опубликованных в «Чтениях в Московском обществе истории и древностей российских», «Журнале Министерства народного просвещения» и др.), датированные 15 апреля 1919 г. Приведем далее полностью первый документ, учитывая его оригинальный характер:

«Родился 25 июля 1885 г. в с. Озерках Костромской губернии. Как сын священника, получил обычное для детей сельского духовенства образование в Галичском духовном училище и Костромской семинарии. Стремясь на историческое отделение Московского университета, отказался от казенной стипендии в Петроградской духовной академии и годы студенчества провел в постоянных поисках уроков и других занятий. Довольно рано начал самостоятельную работу в архивах. Правда, первое время приходилось больше подготавливать для печати сырой материал.

Задумавши написать работу по истории северной торговли XVI в., на свой риск объехал архивы Архангельской и Вологодской губ. Благодаря некоторым обстоятельствам работу не удалось выполнить и напечатать курса. Вместо предполагаемого кандидатского сочинения на тему о северной торговле пришлось спешно писать другую работу по истории землевладения жильцов в XVII в. Государственные экзамены сдал весной 1914 г. и получил диплом первой степени. Еще до экзаменов два года был преподавателем истории в частных гимназиях. Война и призыв в ряды армии прервали

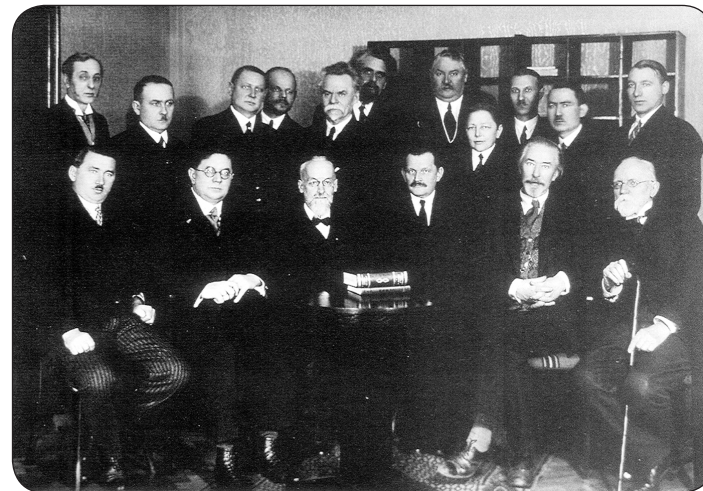
работу с июля 1914 по апрель 1918 г. По возвращении с фронта поступил на службу в Главное управление архивным делом в качестве инспектора, в каком-то состоянии до настоящего времени. Постепенно начинаю приводить в порядок прерванную войной научную работу.

Александр Изюмов»¹⁴

Однако, как уже отмечалось, университету в Минске не суждено было появиться в 1919 г., как не суждено было и А.Ф. Изюмову поработать в нем. Хотя, как явствует из его личного дела, рассмотрев в июне 1921 г. заявление при наличии сохранившегося двухлетней давности отзыва уже назначенного ректором БГУ В.И. Пичеты, временное правление университета вынесло решение «представить в Главный ученый совет кандидатуру А.Ф. Изюмова на замещение кафедры русской истории при БГУ». В направленной 2 июня 1921 г. правлением БГУ докладной записке в Главпрофобр РСФСР о формировании планов факультета общественных наук и кафедр университета сообщалось, что правление ведет переписку с профессорами Смоленского, и других университетов на предмет их приглашения в БГУ. В их числе фигурировал и профессор Костромского университета А.Ф. Изюмов, планируемый на кафедру «по истории России»¹⁵.

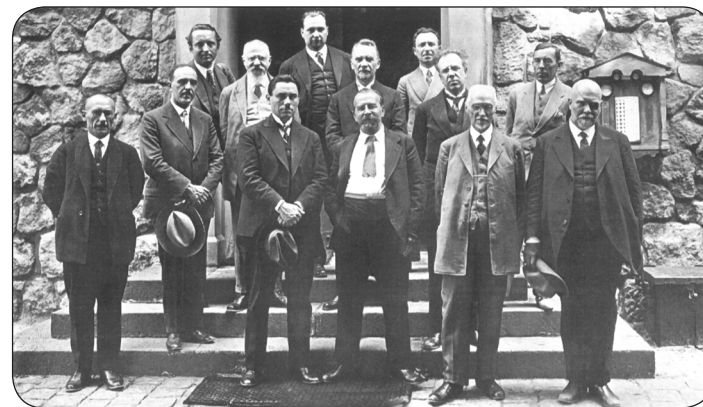
Работая в Главархиве под началом В.И. Пичеты, А.Ф. Изюмову неоднократно приходилось замещать его во время продолжительных командировок, как это было, например, осенью 1920 г., когда главный инспектор Главархива 10 сентября уехал в составе группы экспертов в Ригу для подготовки мирного договора Советской России и Украины с Польшей¹⁶. С другой стороны, после подписания договора, А.Ф. Изюмов едва ли не до высылки из России будет участвовать в носивших секретный характер заседаниях экспертной комиссии по реализации условий договора в части, касавшейся распределения архивных, библиотечных, музейных ценностей. Об этом с известной долей сарказма он будет вспоминать в книге, посвященной памяти коллеги по экспертной комиссии, сотрудника Петроградской публичной библиотеки А.И. Браудо, изданной в Париже в 1934 г.¹⁷

Как уже отмечалось, наиболее значимым (и наиболее исследованным!) периодом в биографии А.Ф. Изюмова стала его деятельность в качестве одного из руководителей Русского заграничного

Члены Ученого совета РЗИА в Праге. 1930 г.

Слева направо сидят: в первом ряду: Ян Славик, неустановленное лицо, А.А. Кизеветтер, Н.И. Астров, В.А. Мясотин, Е.Ф. Шмурло. Во втором ряду: Л.Ф. Магеровский, С.Н. Николаев, Г.Ф. Фальчиков, А.В. Флоровский, И.М. Брушвит, С.П. Постников, В.Г. Архангельский, Ф.С. Сушков, З. Завизал, А.Ф. Изюмов, В.М. Краснов
ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 307

«Неделя русских историков» в Берлине. Июль 1928 г.

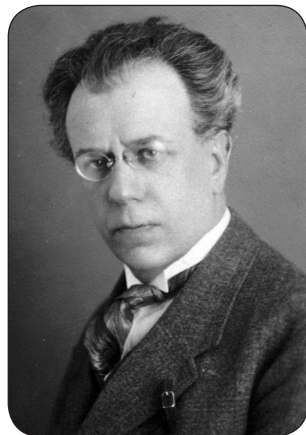
Слева направо в первом ряду: М.И. Яворский, Х. Йонас (Jonas), Е.Б. Пашуканис, Д.Н. Егоров, С.Ф. Платонов, М.К. Любавский. Во втором ряду: М. Винклер (Winkler), М.Н. Покровский, С.М. Дубровский, В.В. Адоратский, И.И. Минц, В.И. Пичета, В.А. Юринец

исторического архива в Праге. Опубликованные В.Т. Пашуто, Т.Ф. Павловой, Т.И. Хорхординой, Л.И. Петрушевой, Л.В. Серковской, А.А. Чернобаевым и другими современными российскими исследователями работы на эту тему избавляют нас от необходимости высказываться по этому поводу. Укажем лишь с учетом тематики данной публикации на один документ, выпавший из поля зрения выше названных исследователей.

Речь идет о письме А.Ф. Изюмова к В.И. Пичете 9 февраля 1947 г. (за пять месяцев до смерти последнего).

Оно сохранилось в личном архивном фонде адресата и служит своего рода дополнением к известной записке автора о РЗИА, датированной 23 июля 1945 г.¹⁸ Кроме того, на наш взгляд, оно дает ответ на ряд вопросов, поставленных указанными исследователями и оставшихся без ответов, в частности, о причинах невозвращения Изюмова в Россию. Письмо интересно не только в плане изучения жизни и деятельности Изюмова, но и его адресата – выдающегося историка-слависта В.И. Пичеты. Из него, например, следует, что последний во время своего пребывания на Неделе русских историков в Берлине (июль–август 1928 г.), возвращаясь с нее, был принят в Праге не только министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем¹⁹, но и встречался с А.Ф. Изюмовым. Разбиравшая после смерти В.И. Пичеты его личный архив вдова ученого – А.П. Пичета считала данное письмо утерянным. Об этом она указывала в краткой биографической справке на А.Ф. Изюмова, приложенной к его фотографии: «Изюмов Александр Филаретович. В Советском Союзе работал в Главархиве (инспектором) совместно с В.И. Пичетой. Затем переехал в Прагу, где заведывал «Русским архивом» (архивы Деникина и проч., доставшиеся чехам). Затем при фашистах сидел несколько лет в их концлагерях. Вернулся после войны в Прагу, потерял 17 кг. веса. Письмо А.Ф. Изюмова к В.И. Пичете затеряно»²⁰.

В.И. Пичета. 1925 г., Прага
АРАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 130. Л. 1

Комиссия по приемке РЗИА. Прага, 1945 г.
Слева направо: С.К. Богоявленский, И.И. Никитинский, И.И. Минц, С.Б. Сутоцкий

Текст письма опубликован нами в малотиражном, а потому недостаточно доступном для российских историков-архивистов, документальном сборнике²¹. С учетом данного обстоятельства, а также личностей автора и адресата письма и содержания последнего мы и предлагаем вниманию читателей «Вестника архивиста» его текст, сопровождаемый необходимыми, на наш взгляд, комментариями, поясняющими, пользуясь терминологией известного белорусского (и российского также!) историка, архивиста и археографа М.В. Довнар-Запольского «темные и невразумительные места».

№ 1

Письмо бывшего сотрудника Главархива РСФСР, заведующего отделом документов Русского заграничного исторического архива в Праге А.Ф. Изюмова академику В.И. Пичете

г. Прага

9 февраля 1947 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Пользуясь хорошим случаем, решаюсь написать Вам настоящее письмо. Прежде всего поздравляю Вас с почетным званием

ем академика СССР.²² Избрание Вас в члены АН увенчивает ту научную работу, которую Вы вели в течение всей своей жизни, часто в очень трудных условиях. Я очень рад за Вас. Сколько воды утекло с тех пор, как мы виделись с Вами в последний раз в [19]28 году²³. Для меня самым страшным и тяжёлым был 1940 г – в августе неожиданно умерла Александра Степановна²⁴. Склероз у ней был сильный, но всё же смерть пришла так «нагле»²⁵, как здесь говорят, что этот удар едва меня не сбил с ног. Вы знали её хорошо и знали, какой это был прекрасный человек. Через 8 месяцев, в первый же день немецко-советской войны, меня арестовали немцы, и позднее интернировали и увезли в лагерь советских интернированных граждан. Жалею об одном, что я был так удручен личным горем и не очень следил за событиями, если бы я не проглядел войну, то мог бы скрыться из Праги и перебраться где-нибудь на антинемецкую сторону. Для одинокого это не было уж так трудно. 4 года лагеря я перенёс очень хорошо: во-1-х, немецкий лагерь заштриховал моё личное горе, а во-2-х, излечил меня от ожирения (за первые три месяца я потерял 25 кило) и в-3х, вернул вкус к жизни. После смерти А.С. я пригласил к себе в квартиру старых знакомых, кот[орым] было очень трудно, – это спасло остатки моего не сложного имущества, а к тому же они смогли кое-какие продукты переслать в лагерь, что спасло меня от окончательного истощения. Старик недавно умер, а старуха осталась мне то по наследству. У ней очень скверный характер, но что же мне делать с этой 70 летней одинокой женщиной? Пока мирюсь, но иногда бывает просто тяжело от одиночества. По возвращении из лагеря меня ждал новый удар – чехи подарили архив²⁶, кот[орому] я отдал столько сил, в Москву и мне же пришлось осуществлять всю передачу. Это было очень трудно сделать, но я всё преодолел. Одно время мне казалось, что хозяева меня просто выгонят за то, что я считал, что должны передать не только документы, но также книжные и газетные фонды. Но как-то все обошлось и я теперь работаю в библиотеке. А.Л. С- в²⁷ много у меня работал, и я очень рад, что мог ему помочь.

Передача архива для меня, конечно, не была ударом, ибо она давала мне моральное удовлетворение: моё вынужденное пре-

бывание здесь не было бесплодно для родины и моя высылка обратилась в своего рода служебную научную командировку, кот[орую] в меру сил я исполнил. Без похвалы себе скажу, что вся собирательная функция архива была проведена мной; так, я был не только завед[ующим] отделом документов, но также заместителем директора архива. Жалею об одном: малочисленность сотрудников не позволила привести архив в полный порядок, а немцы ещё его поперепутали. Вот Вам кратко и доклад о себе. Что же дальше? Не знаю. Пока буду тянуть лямку библиотекаря Русской историч. библиотеки в Праге: ведь мне уже два–три года осталось до пенсии. Конечно, если бы мне предложили работу в Москве, то я бы стал проситься домой. Об этом были разговоры с Никитинским²⁸ и Минцем, но видимо из этого ничего не выходит. Вот если бы Академия или Слав[янский] И[нститу]т или ещё кто предложил какую-либо работу здесь, то я охотно это выполнил бы. Признаюсь, материально очень тяжело живётся. Нас и раньше обсчитывали, а теперь стало жить ещё тяжелее. Приходится подрабатывать уроками русского языка. Трачу на это последние силы и время. Но хотелось бы иметь более продуктивную работу. В 62 года уже трудновато бывает бегать по урокам, но что же делать. Пытался я было затеять здесь культурно-осведомительский журнал по славянским странам, обращался даже по этому делу перед съездом в Белграде к Зденеку Романовичу [Неедлы]²⁹, но пока из этого ничего не выходит. Я живо ощущаю потребность в таком журнале, именно здесь и именно на русском языке (типа, скажем, новой русской книги, кот[орую] когда-то, помните, в Берлине издавал проф. Яценко³⁰). Мне думается, что такой ежемесячник скоро сам себя окупать будет. Конечно, издание этого журнала ни в какой степени не может нарушать линию Славян[ского] комитета. Я слышал, что что-то комитет сам затевает, но ведь это все же будет официальный орган. Я же думал о более популярном, для широкой публики. Читателей на русском языке в славян[ских] странах достаточно. Технически, по-моему, Прага является единственно возможным местом, но пока все это мечты, мечты. Жалею, что вероятно уж не так многие последние годы не смогу посвятить написанию мемуаров и обработке некоторых вопросов, материал для которых собран. Недавно написал для одного чешского сбор-

ника библиографическую статью – «Советская историческая литература во время и после войны».

Как же вы себя чувствуете, дорогой мой Владимир Иванович? Были тут слухи, что Вы собираетесь сюда. Вот было бы хорошо повидать Вас и поговорить. В Праге теперь родина чувствуется больше, чем раньше и поэтому нет той тоски по родине, кот[орая] нас иногда тут сильно грызла. Вот бедная А.С. так и умерла с надеждой увидеть дочь. Я знаю, что Ленуша жива, а вот мой брат-доктор убит, как заведующий санитарным поездом на передовой линии. Это один из шести, а что стало с остальными, кот[орые] вероятно, были в строю, не знаю. Хорошо, что мне удалось переплыть немецкий лагерь. Немцы пытались упрятать меня поглубже, но не смогли ничего найти. Но лагеря тоже достаточно: из 19 человек, увезенных отсюда, нас вернулось 6 – трех застрелили, пять умерло и пять не могли идти, когда нас погнали на юг. Передайте от меня привет старому Р.Ю. Випперу³¹ – мы с ним часто переписывались, пока он был в Риге, а также С.Б. Веселовскому³². Я очень рад, что и он нашел достойную оценку своей научной деятельности³³. Слежу я внимательно за всей советской научной литературой (делал это всегда), а теперь на художественную уже не хватает. После лагеря пришлось надеть очки: зрение заметно испортилось. Кто же теперь с Вами в семье? Если меня помнят, то также передайте мой сердечный привет. Всем Вам желаю всякого благополучия. Жму Вашу руку. Если что нужно будет в Прагу Вам лично, то с великой охотой исполню. Будьте здоровы.

Преданный Вам А.Ф. Изюмов³⁴

Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 97. Л. 1, 1 об. Машинописный автограф

Примечания

¹ Селезнева И.Н. Интеллектуалам в Советской России места нет // Вестник РАН. 2001. № 6. С. 738–741; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ОГПУ 1921–1923. М.: Русский путь, 2005.

² Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель / Отв. ред. Т.Ф. Павлова. М.: РОССПЭН, 1999. – 671 с.

³ Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–30; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; Павлова Т.Ф. А.Ф. Изюмов и Русский заграничный историче-

ский архив // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 28–37; Русский заграничный исторический архив в Москве: вспоминают очевидцы // Там же. С. 37–43; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997; Записка А.Ф. Изюмова «О Русском историческом архиве в Праге» от 23 июля 1945 г. (с дополнением к ней) // История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2010. С. 143–158; Русский заграничный исторический архив в Праге – документация. Каталог собраний документов, хранящихся в Пражской Славянской библиотеке и в ГАРФ / Сост. Лукаш Бабка, Анастасия Копришова, Лидия Петрушева. Прага, 2011. 564 с.

⁴ Изюмов А.Ф. Культурные ценности России и Польши // Новая Русская Книга. 1922. № 9; *Он же*. В поисках бумаг последнего царя // На чужой стороне. 1923. № 3; Брежго Б.Р. Русский заграничный архив. Двинск, 1929; Изюмов А.Ф. На сторожевом посту // Сб. памяти А.И. Браудо, подгот. к 10-летию со дня смерти. Париж, 1934.

⁵ Имеются в виду сотрудники Главного управления архивным делом РСФСР. Подробнее см.: Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. С. 345–351.

⁶ Эта тема затронута в статье: Шумейко М.Ф. История архивного дела Беларуси в документах российских архивов // Архивы и делопроизводство. 2010. № 3. С. 130–136.

⁷ Содержание доклада В.Т. Георгиевского о поездке в Могилев, составленного 6 марта 1919 г. для Главархива, не подтверждает основывавшегося на словах И.А. Сербова утверждения А.Ф. Изюмова о некорректном поведении представителя Петроградского отделения ГУАД. Напротив, в нем отмечается, что документы Ставки обнаружены могилевчанами, хотя инициатива по выявлению и сборанию могущих находиться в городе архивов принадлежала докладчику. ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 191. Л. 14–17.

⁸ Так в тексте.

⁹ А.Ф. Изюмов приводит фрагмент из доклада и.о. зав. ГубОНО И.А. Сербова на заседании губисполкома 7 марта 1919 г.

¹⁰ Архив размещался на Воздвиженке и именно сюда в феврале 1919 г. был переведен из Кремля Новоромановский архив, фактически личный архив последнего российского императора. Подробнее об этом см.: Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Мироненко С.В. История коллекции документов последнего российского императора // Отечественные архивы. 2008. № 6.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 191. Л. 6–7.

¹² Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2320.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ См.: Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 гг. Мінск, 2009. С. 67–68.

¹⁶ «Спасены архивные дела...» Из протоколов руководящего органа управления архивным делом в 1918–1928 гг. Публ. подг. О.Н. Копыловой и Т.И. Хорхориной // Отечественные архивы. 2010. № 5. С. 97; Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімір Іванавіч Пічэта. Мінск, 2011. С. 60–61.

¹⁷ Изюмов А. На сторожевом посту // Браудо Александр Исаевич. Очерки и воспоминания. Париж, 1934. С. 135–136.

¹⁸ Записка А.Ф. Изюмова «О Русском историческом архиве в Праге» // История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2010. С. 143–158.

¹⁹ Об этой встрече 24 августа 1928 г. сообщалось в республиканской газете «Звезда» 3 сентября 1928 г.

²⁰ Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 4. Д. 120. Л. 2.

²¹ Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімір Іванавіч Пічэта. Мінск, 2011. С. 356–359.

²² Далее зачеркнуто – «Оно».

²³ В Праге В.И. Пичета был в конце августа 1928 г. Об этом см. заметку: (Праф. Пічэта ў Бенеша // Звезда. 1928. 3 сент.), в которой говорится, что 24 августа во время проезда через Прагу проф. Пичета был принят министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем.

²⁴ Имеется в виду жена А.Ф. Изюмова.

²⁵ Неожиданно (чеш.).

²⁶ Имеется в виду созданный в 1920-е гг. в Праге эмигрантами из России Русский заграничный исторический архив (РЗИА), в котором А.Ф. Изюмов возглавлял отдел документов. Подробнее об этом см.: Павлова Т.Ф. А.Ф. Изюмов и Русский заграничный исторический архив // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 28–37.

²⁷ Вероятно, автор имеет в виду доктора исторических наук А.Л. Сидорова (1900–1966), бывшего в 1953–1959 гг. директором Института истории АН СССР.

²⁸ Никитинский И.И. (1905–1974) – генерал-майор, начальник ГАУ НКВД СССР, в 1945 г. возглавлял комиссию по приемке переданного Правительством ЧСР в дар АН СССР РЗИА. В ее состав наряду с членом-корреспондентом АН СССР С.К. Богоявленским, сотрудником ИМЭЛ при ЦК КПСС С.Б. Сутоцким входил и академик И.И. Минц (1896–1991), о котором упоминает Изюмов.

²⁹ Зденек Неедлы (1878–1962) – чехословацкий историк, музыковед, литературный критик, государственный деятель. Член-корреспондент АН СССР (1947).

³⁰ Яценко Александр Семёнович (1877–1934) – русский юрист, правовед, философ, библиограф. Кстати, в этом издании проф. А.С. Яценко «Новая Русская Книга» (1922. № 9) была помещена статья высланного осенью 1922 г. из России А.Ф. Изюмова «Культурные ценности России и Польши», целью которой являлось информировать европейское общественное мнение о чрезмерно завышенных требованиях, которые в соответствии с XI ст. Рижского мирного договора предъявляли поляки на культурные ценности России, равно как и Украины и Беларуси.

³¹ Виппер Р.Ю. (1859–1954) – историк, академик АН СССР (1943).

³² Веселовский С.Б. (1876–1952) – историк, академик АН ССР (1946).

³³ Автор имеет в виду избрание С.Б. Веселовского действительным членом АН СССР.

³⁴ Далее следует приписка автора от руки с указанием на чешском языке домашнего и служебного адресов.

ХЛОПОТЫ НАРКОМВОЕНМОРА Л.Д. ТРОЦКОГО ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ БЫВШИХ ГЕНЕРАЛОВ М.М. ЗАГЮ И С.М. ЯЗЫКОВА. 1919 г.

**Ganin A.V. L.D. Trotsky efforts for ex-generals
M.M. Zagyu and S.M. Yazykov release (1919)**

Аннотация / Annotation

В статье на основе документов РГВА, ГАРФ и архива Гуверовского института, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, проанализировано дело двух бывших генералов М.М. Загю и С.М. Языкова, арестованных в 1919 г. по распоряжению народного комиссара почт и телеграфов В.Н. Подбельского. Рассмотрен ход следствия и его итоги. Сделаны выводы относительно беспрецедентного случая освобождения подследственных и их назначения на ответственные посты в РККА, в результате чего один из фигурантов дела бежал к белым.

In article on the basis of RGVA, GARF documents and archive of Hoover Institution, in the majority for the first time entered into a scientific turn, cases of two ex-generals M. Zagyu and S. Yazykov, arrested in 1919 according to the order of the national commissioner of mails and telegraphs V. Podbelsky is analysed. The course of investigation and its results is considered. Conclusions of rather unprecedented case of release of persons under investigation and their appointment to responsible posts in RKKA therefore one of persons involved in the investigation ran to the Whites are drawn.

Ключевые слова / Keywords

Исторический источник, архив, Гражданская война в России, Красная армия, военные специалисты, репрессии, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, В.Н. Подбельский, М.М. Загю, С.М. Языков, военные сообщения. Historical source, archive, Civil war in Russia, Red Army, military experts, repression, V. Lenin, L. Trotsky, V. Podbelsky, M. Zagyu and S. Yazykov, military communications.

В 1920 г. Загю продолжал служить помощником начальника Всероссийского главного штаба, работал в комиссии по переработке уставов. Сохранилось его обращение к «заведую-

Окончание. Начало см. Вестник архивиста. 2012. № 4.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 – «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

В.Н. Подбельский.
1918 г. Кадр кинохроники.
Публикуется впервые

М.М. Загю и Н.И. Ратэль возле Царь-пушки
в Кремле. 1918 г. Кадр кинохроники.
Публикуется впервые

щему всеми концентрационными лагерями» от 20 июня 1920 г. с просьбой освободить племянницу Н.И. Авенариус с ее подругой М.В. Ралль из Новоспасского лагеря, разрешив им жить у Загю дома и лишь являться в лагерь днем. Из письма следовало, что мужа племянницы и ее подруги были расстреляны по делу о белогвардейском заговоре в Петрограде в октябре 1919 г.¹ Таким образом, в обстановке Гражданской войны вполне лояльные большевикам военспецы порой были тесно связаны родством с реальными или предполагаемыми заговорщиками.

С 22 августа 1920 г. Загю преподавал в Академии Генерального штаба РККА как штатный руководитель практических занятий и главный руководитель групповых лекций. Интересно, что в 1922 г. он удостоился резко отрицательной характеристики: «Нахлебник академический. Слаб»². Однако в 1924 г. характеристика 49-летнего штатного руководителя академии и руководителя групповых практических и семинарских занятий по военной администрации на младшем и старшем курсах академии Загю была уже положительной: «Во время занятий обнаружил солидные знания по устройству тыла армии и умение передавать свои знания слушателям. Содержательно ведет занятия, несмотря на посредственную занимательность самого предмета. Аккуратен. Требуется точности и четкости в выполнении работ. Снисходителен и мягок. Отношение

к работе добросовестное; к слушателям – ровное. Единственный минус – глуховат»³. Непрерывная работа с момента Октябрьской революции, ровно как его поведение, заставляет думать, что он политически совершенно лоялен»⁴. Помимо преподавания Загю продолжал заниматься военно-научной работой, состоял в авторском коллективе по составлению и изданию очерка «Красная армия и красный флот в Революционной войне Советской России 1918–20 гг.» при академии⁵.

После Гражданской войны Загю преподавал в Военной академии РККА (позднее – Военной академии им. М.В. Фрунзе). В самый разгар дела «Весна» 1 мая 1931 г. он, наряду со многими «бывшими»⁶, был по состоянию здоровья уволен со службы. В автобиографии 1939 г. он указал, что произошло это по распоряжению врага народа Р.П. Эйдемана⁷, кроме того, Загю там же отметил, что «при Советской власти осужден не был»⁸.

Уже осенью 1931 г. Загю вернулся на военную службу и был определен в резерв РККА. С января по июль 1932 г. работал штатным преподавателем Московского инженерно-экономического института им. С. Орджоникидзе, а по сформировании в 1932 г. Военно-химической академии РККА перешел в нее (с 29 июля 1932 г.). В 1938 г. получил звание комбрига.

Загю – преподаватель запомнился слушателям академии. Видный партийный деятель Н.С. Патоличев впоследствии вспоминал: «Загю считался большим знатоком войскового и армейского тыла. Мы изучали “тыл” по лекциям и солидному учебнику Загю. Некоторые слушатели приходили к Загю сдавать зачеты, держа в руках его объемистую книгу. Но Загю был строг и требователен, и его учебник в руках слушателя не спасал последнего от самого строгого спроса. Преподавал Загю с большим увлечением. Знал и любил свое дело. Увлекал своим умением интересно и просто рассказывать о сложном, приводил массу живых примеров»⁹. В академии вместе с Загю преподавали и другие генштабисты старой школы – Л.Л. Клюев и А.Н. де Лазари.

Загю сравнительно благополучно пережил и 1930-е и 1940-е гг., хотя из наград имел лишь юбилейную медаль «XX лет РККА» и значок «Отличник РККА». В 1940 г. он получил ученую степень доктора военных наук, а в 1945-м – ученое звание профессора,

с 4 июня 1940 г. имел звание генерал-лейтенанта. Перу генерала принадлежали 18 научных и научно-педагогических трудов общим объемом свыше 200 печатных листов, причем книга «Химический тыл», увидевшая свет в 1939 г., заложила основы новой военной дисциплины. Эта работа Ученым советом академии была выдвинута на Сталинскую премию.

В годы Великой Отечественной войны Загю занимал пост начальника кафедры тыла Военной академии химической защиты Красной армии им. К.Е. Ворошилова. В ноябре 1943 г. Ученый совет академии представил его в члены Академии наук СССР. Но академиком Загю так и не стал.

В 1944 г. в связи с 50-летием военной службы и 25-летием научно-педагогической деятельности Загю наградили орденом Ленина (представлен еще в 1942 г.). При награждении учитывалась и дореволюционная служба генерала. Прецедент был создан награждением за 50 лет службы другого генерала Русской императорской и Красной армий А.А. Самойло. Свой советский служебный стаж Загю вел с 23 февраля 1918 г. – дня рождения Красной армии. В представлении к ордену Ленина отмечалось, что к 1942 г. он 25 лет прослужил в Русской императорской армии и столько же – в Красной¹⁰. Помимо ордена Ленина в том же году Загю был удостоен орденов Красной звезды и Красного знамени. Вторично орденом Ленина он был награжден в 1945 г.

В послевоенный период Загю занимал пост помощника начальника штаба тыла Вооруженных сил СССР и в 1947 г. был уволен в отставку с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах. Умер Михаил Михайлович в Москве 7 июня 1951 г. в преклонном возрасте от кровоизлияния в мозг. Проходивший с ним по делу Языков разделил судьбу белых армий Юга России и оказался в эмиграции, дата его смерти до сих пор неизвестна. Сын Загю Александр (1906–2000) стал известным конструктором советских ледоколов, инженер-генералом Севморпути III ранга¹¹.

Дело Языкова и Загю свидетельствует о понимании Л.Д. Троцким значимости создания для военспецов нормальных условий службы в Красной армии, демонстрирует заботу вождя РККА об этих бывших офицерах. Кроме того, это дело является удиви-

тельным примером расследования преступления, несмотря на которое, подследственные оставались на свободе и даже занимали ответственные посты в Красной армии. Подобный факт демонстрирует, с одной стороны, невероятное стремление большевиков использовать для пользы дела все возможные ресурсы, а с другой – катастрофическую нехватку кадров высшей квалификации в советских вооруженных силах. Результатом такого подхода стало бегство одного из подследственных к противнику. При этом второй фигурант дела, М.М. Загю, в дальнейшем проявил себя в качестве вполне добросовестного и лояльного большевикам специалиста.

№ 1

Протокол¹²

1919 года июня 18 дня в г. Москве следственная комиссия Революционного Трибунала при В.Ц.И.К. допрашивала нижеподписанного в качестве обвиняемого, и он показал:

Бывший начальник Центрального управления военных сообщений Михаил Михайлович Загю, 43 лет, под судом не был (г. Серпухов, Полевой штаб).

По военным сообщениям я служу с 1903 года, пройдя последовательно соответствующие должности в штабе округа, на линии железных дорог и в быв[шем] Главном управлении Генерального штаба, а в течение войны 1914–1918 г.г. – в Ставке Верховного главнокомандующего занимал разные должности от начальника отдела почтово-телеграфного и этапно-транспортного Главного управления военного сообщения. Откомандовав около года полком, я вновь вернулся к службе по военным сообщениям, заняв последовательно должности помощника начальника военных сообщений фронта, помощника начальника военных сообщений на театре военных действий, помощника начальника военных сообщений при Высшем Военном Совете, начальника военных сообщений при В.В.С.¹³ (приказ нач[альника] воен[ных] сообщ[ений]

при В.В.С. № 38 от 21 июня 1918 г.) и начальника Центрального управления военных сообщений с 30 июля 1918 г. (пр[иказ] № 47) по 2 декабря 1918 г.

Таким образом, вся предыдущая моя служба дала мне соответствующую подготовку для руководства военными сообщениями не только в условиях мирного, но и военного времени. И в особенности в отрасли ведения почтово-телеграфным делом, с каковым мне больше всего пришлось соприкасаться.

Для оценки моей деятельности со времени Октябрьской революции необходимо принять во внимание ту обстановку, в которой пришлось работать [как] мне лично, так и управлению военных сообщений. Вслед за Октябрьским переворотом начался роспуск армии, который происходил настолько стихийно, что ограничить расформирование всех подведомственных военным сообщениям¹⁴ учреждений какими-либо нормами, а равно сохранить весьма разнообразное и многочисленное имущество, в том числе и почтово-телеграфное, не представлялось никакой возможности. Равным образом был нарушен и учет всех этих учреждений и служащих (коих было свыше 300.000), значительная часть которых вместе с учреждениями оставалась в руках противника, не имея возможности по разным причинам (недостаток перевозочных средств, злая воля) своевременно эвакуироваться. В числе этого имущества были оставлены и многочисленные полевые почтово-телеграфные склады, из коих удалось уловить значительно позже около 60 вагонов, блуждавших вместе с прочими грузами военного ведомства по сети железных дорог (впоследствии они были сосредоточены в Муроме).

К 20 февраля [1918 г.] армия считалась расформированной, и все нити управления ею из центра были прерваны. Кадр высших чинов был вызван в Петроград в Совет народных комиссаров, где в начале марта образовался Высший военный совет, при коем организован штаб. Было приступлено к формированию Красной армии на добровольческих началах. Формировались отдельные отряды различной численности, которые не поддавались ни учету, ни руководству из центра, и такое состояние армии продолжалось до сентября месяца (до созыва, кажется, 5-го съезда Советов), когда от добровольческой армии правительство перешло к форми-

рованию постоянной армии. Тем временем управление военных сообщений, оставшееся в Могилеве (начальник военных сообщений выехал в Петроград в Совет народных комиссаров в числе указанных выше служащих), 22 февраля выехало из Могилева и до 22 июля, когда оно приехало в Москву, оно последовательно находилось в Орле, Липецке и Муроме, т.е. за 5 месяцев переменило 5 пунктов. Самые условия переезда, при крайне ограниченных средствах передвижения, при чрезвычайной напряженности и недоброжелательном отношении местных властей, были до чрезвычайности затруднены. Постоянные сборы к отъезду и развертывания управления при переезде, отнимавшие каждый раз не менее 10 дней, не давали наладить сколько-нибудь плодотворную работу.

Если к этому прибавить еще стремление на местах захватить имеющиеся при управлении технические средства связи – автомобили, мотоциклы, телефоны, телеграфные аппараты, провода и прочее, – сопровождавшееся всегда угрозой произвести насилие и, принимая во внимание, что абсолютно никакой охраны при управлении не было и отстаивать независимость управления приходилось только уговорами комиссара и моими, то станет ясным то нервное напряжение служащих и та кошмарная обстановка, в которых приходилось работать в течение этих 5 месяцев.

Прибыв в Москву 22 июля [1918 г.], где предстояло слияние 2-х управлений военных сообщений (управление в[оенных] с[ообщений] при Высшем военном совете и У.В.С.¹⁵ при Всероссийском главном штабе), управление должно было поместиться в том же помещении (Синодальное училище на Б[ольшой] Никитской), где помещалось и упр[авление] военных сообщений В.Г.Ш.¹⁶ Помещение оказалось чрезвычайно тесным и неудобным, но думать о другом помещении не представлялось возможным ввиду полного отсутствия в то время свободных помещений в Москве. Несмотря на то, что сюда заранее были командированы квартиреры, по крайней мере, две трети служащих, что составляло до 280 служащих, не считая семей, оказались без квартир и принуждены были оставаться в вагонах тех 3-х поездов, в которых мы приехали. Окончательное размещение служащих по квартирам было не ранее половины сентября. Условия жизни, в которых ока-

зались служащие в Москве, были чрезвычайно затруднительны: отсутствие квартир, отдаленность вокзала, где они проживали в вагонах, отсутствие продовольствия, затруднительность сообщения, все это заставляло отвлекаться служащих от прямого своего дела и большую часть времени посвящать заботам о своей личной жизни. Слияние 2-х управлений происходило крайне туго, т.к. утверждение штата задерживалось в законодательных учреждениях, а с этим был связан отпуск надлежащих кредитов, почему служащие естественно тяготели к своим старым управлениям, да и кроме того, самый процесс слияния с полным перераспределением работ между служащими и полной перетасовкой всех дел, естественно требовал некоторого и даже значительного времени. Естественно, что за этот период времени трудно было ожидать от управления какой-либо плодотворной организационной деятельности, и оно едва справлялось с текущей перепиской, которая в связи с ростом Красной армии и развитием военных действий непомерно возрастала.

Таким образом, я считаю, что управление могло начать организационную работу лишь во 2-ой половине сентября. А работы предстояло много. Все органы военных сообщений были совершенно разрушены, знающих и технически подготовленных на разные должности людей ни в центре, ни на местах почти не было. Не было даже сведений, где находились те отдельные лица, которых было бы желательно привлечь к работе. Говорить об учете всех бывших служащих, конечно, не приходилось. Программа предстоящей деятельности управления была изложена в моем докладе от 10 июля 1918 г. за № 19113, одобренном Высшим военным советом (приложение 3). В то время, т.е. в половине сентября, военные действия велись отрядами Красной армии, не сведенными в какие-либо крупные военные соединения. При этом эти отряды занимали целыми эшелонами поезда, с которыми не охотно расставались, а потому и военные действия носили характер не полевой войны, а войны на рельсах, а потому вопрос о немедленной организации тыла и военных дорог естественно отпадал, и главнейшее внимание управления военных сообщений естественно было направлено на организацию железнодорожной службы военных сообщений и разработка вопросов об организации тыла

велась лишь постольку, поскольку можно было ожидать предстоящего упорядочения организации армии вообще и ведение его военных действий в частности.

В то время главное внимание Высшего военного совета было обращено на Западную границу. На юге республики, равно как и [на] севере, существовали лишь отдельные отряды, обстановка на востоке была не ясна и, во всяком случае, операции на востоке велись не штабом Высшего военного совета, а Оперодом¹⁷. Восточный фронт был признан Высшим военным советом лишь в начале августа, а разделение территории на 4 фронта последовало лишь 11 сентября, к каковому времени и надо отнести приступ к созданию регулярной Красной армии.

Таким образом, можно только было приступить к организации тылов во 2-ой половине сентября, и то только бумажно, т.к. естественно, что одного только приказа о формировании регулярной армии совершенно не достаточно для осуществления сего, и едва ли я ошибусь, если скажу, что более или менее серьезная и планомерная организация, как самой армии, так и порядка ведения военных действий, могла осуществиться лишь к началу 1919 года, т.е. когда я уже в течение месяца был не у дел.

В виду этого считаю совершенно голословным обвинение, что ко дню сдачи мною должности 2-го декабря, тыл не был надлежащим образом оборудован, т.к., не считая даже затруднений и недостатка технически подготовленного личного состава, таковой не мог быть оборудован раньше сформирования самих фронтов (штаты штаба армии и штаба фронта были объявлены 26 декабря пр[ошлого] г[ода] № 477 Револ[юционн]ого воен[ного] сов[ета] р[еспублики]).

Тем не менее, ко дню сдачи мною должности, исключительно по почтово-телеграфной части (не считая всех прочих работ) управлением было сделано следующее. Разработаны все штаты и положения всех учреждений по военным сообщениям (Центрального управления военных сообщений, управлений военных сообщений фронтов и других органов), выработано положение о направлении почт и телеграмм в Красную армию и выработано положение о полевых почте, телеграфе и телефоне, разработаны штаты для полевых почтовой конторы, телеграфной конто-

ры, телефонной станции, рабочей колонны, выработаны условия оплаты труда потель¹⁸ работникам, разработана схема для подвески необходимых для военного ведомства проводов, выработано положение и штаты дислокаторских пунктов, предназначенных для направления корреспонденции, установлен порядок взаимоотношений между военным ведомством и потель ведомством на театре военных действий, т.е. было выработано все необходимое для правильной работы тыла в почтово-телеграфном отношении. Кроме того, управлением были выработаны и другие положения, необходимые для устройства тыла вообще, как о том было изложено в моем рапорте от 3-го декабря начальнику Полевого штаба (приложение 4-ое¹⁹). Все перечисленное мною будет подтверждено дальнейшим изложением документально. Но при этом считаю долгом оговориться, что некоторые из этих положений вышли уже после сдачи мною должности и даже с некоторым опозданием по причинам мне неизвестным. Но следы того, что они были изготовлены за время состояния моего во главе управления, можно будет усмотреть из дел и опроса соответствующих лиц. Во всяком случае, такое запоздание выхода некоторых положений является естественным в силу необходимости согласовать все эти положения заинтересованными учреждениями, каковое согласование всегда отнимает много времени, а при настоящих условиях работы, ввиду недостаточной технической подготовки лиц, принимающих в ней участие, является особенно затруднительным.

Кроме того, работа по выработке главнейших положений (которые по имеющимся сведениям в настоящее время и утверждены), была мною возложена на отдельных лиц, т.к. комиссионный порядок работы с участием, главным образом, лиц почтель²⁰ ведомства с самого начала работы обнаружил такую медленность, что выработка положений, несомненно, затянулась бы на весьма продолжительное время (кажется, работа не закончена и до сего времени).

Дабы всю работу управления ввести в известную систему, мною в начале августа отдано было приказание о представлении мне по всем отделам и отделениям плана предстоящих работ, подлежащих исполнению согласно данных мною указаний, а равно

краткий отчет по вопросам, исполненным в отделениях двух управлений ко дню их слияния. Таковой доклад по II отделу был мне представлен С.М. Языковым 30 августа (приложение 5-ое).

В отношении вообще установления порядка работы в управлении и распределении работ между служащими, порядка ведения переписки и направления ее мною был издан ряд приказов по управлению. Кроме того, принимая во внимание, что органы военных сообщений разбросаны по всей республике ввиду несвоевременного и неаккуратного получения газет на местах, в которых печатались все вообще распоряжения правительства с июня мес. [19]18 г. было приступлено к изданию приказов начальника военных сообщений при Выс[шем] воен[ном] совете, в которых сосредотачивались все интересующие органы военных сообщений правительственные распоряжения и циркулярные предписания, каковые и рассылались на места сначала по почте, а потом, когда выяснилось, что таковой способ не гарантирует точности и аккуратности доставки, с особым нарочным. Весь порядок издания и рассылки этих приказов может сообщить быв[ший] нач[альник] 1-го отдела Ц.У.В.С.²¹ Сергей Николаевич Савченко или нач[альник] 1-го отделения Н. Казаков.

В дальнейшем постараюсь перечислить по имеющимся под рукою материалам все те распоряжения по почтово-телеграфной части, которые были сделаны управлением военных сообщений за время состояния моего во главе его. Более же детальную справку по сему обязуюсь разработать по документам Центрального управления военных сообщений.

21 июня [19]18 г. в приказе Н.В.С.²² при В.В.С. № 38 (приложение 1) было объявлено временное расписание должностей управлений воен[ных] сообщений Московского и Воронежского порайонных комитетов, утвержденное Наркомвоен 10 июля и тогда же переданное по телеграфу на места. В составе сего управления были почтово-телеграфная часть со складом материалов и телеграфно-телефонное отделение с рабочей колонной.

В приказе от 29 июля [19]18 г. был объявлен штат телеграфной конторы (приложение VI).

Остальные приказы и распоряжения будут указаны мною при следующем допросе.

Показания мне прочитаны. Вписано «центрального», «весьма разнообразные и многоценные», «полевые», «предстоящей», «и планомерная», «2 декабря», «и рассылкой», «и затруднительность сообщения».

Зачеркнуто: «Восточный фронт», «для правильной работы», «плохого».

Подпись М. Загю.

ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1 а. Д. 114. Л. 33-35 об. Машинописная копия.

Примечания

- 1 РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 168.
- 2 Там же. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 13.
- 3 По наблюдению бывшего генерала А.А. Самойло, глухота по странному совпадению сопровождала деятельность многих известных специалистов Военной академии в области военной администрации. Не стали исключением Загю и впоследствии сам Самойло (См. *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958. С. 262–263). Впрочем, по документам Загю слух у него стал снижаться еще в молодости, с 1902 г., с 1925 г. военспец пользовался слуховым аппаратом, а впоследствии перестал слышать почти полностью (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 73).
- 4 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 12.
- 5 Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 89. Л. 28об.
- 6 См., напр.: *Черушев Н.С.* «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918–1953. М., 2004. С. 165.
- 7 РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 520. Л. 8.
- 8 Там же. Л. 9.
- 9 *Патолитчев Н.С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 58–59.
- 10 Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 686043. Д. 13. Л. 319–322; Д. 49. Л. 38–44. Наградные документы Загю размещены в Общедоступном электронном банке документов «Подвиг народа»: <http://podvignaroda.mil.ru/>
- 11 Подробнее о А.М. Загю см.: *Козлова Е.А.* Мир скульптора Николая Селиванова. М., 2004. С. 141–142.
- 12 Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.
- 13 В.В.С. – здесь и далее, Высший военный совет.
- 14 В документе ошибочно – «военному сообщений».
- 15 У.В.С. – Управление военных сообщений.
- 16 В.Г.Ш. – Всероссийский главный штаб.
- 17 Оперод – Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам.
- 18 Почтель – здесь и далее – почтово-телеграфный, почтово-телеграфное.
- 19 Приложения к показаниям не публикуются.
- 20 Почтель – почтово-телеграфное.
- 21 Ц.У.В.С. – Центральное управление военных сообщений.
- 22 Н.В.С. – видимо, начальник военных сообщений.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

М.С. СУДОВИКОВ

КУПЕЧЕСКИЙ РОД ПРОЗОРОВЫХ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ. XIX – НАЧАЛО XX В.

Sudovikov M.S. Merchant clan Prozorovs in memoirs of contemporaries

Аннотация / Annotation

В статье рассматриваются воспоминания современников, повествующие о купеческой династии Прозоровых, оставившей заметный след в истории северо-востока Европейской России. Представители этого рода вели торговлю с европейскими государствами, активно занимались благотворительностью, заседали в Петербургском биржевом комитете, в органах местного самоуправления.

In article the memoirs of contemporaries narrating about merchant clan Prozorovs, left an appreciable trace in a history of northeast of the European Russia are considered. Representatives of this clan did business the European states, actively were engaged in charity, sat in the Petersburg exchange committee, in institutions of local government.

Ключевые слова / Keywords

Источники, Прозоровы, купечество, Вятка, торговля, династия, общественная деятельность, благотворительность. Sources. Prozorovs, merchant class, Vyatka, trade, dynasty, public activity, charity.

Среди российских купеческих династий особое место занимала семья Прозоровых, представители которой стали выразителями передовых для своего времени экономических и общественных инициатив, способствовавших развитию таких явлений, как рыночная экономика, местное самоуправление, благотворительность, меценатство. Истоки этого рода связаны с Вятской губернией – обширной территорией, располагавшейся на пограничье Центральной России, Русского Севера, Урала и Поволжья и вобравшей в себя весь колорит русской провинции до-революционной эпохи.

Яков Алексеевич Прозоров,
коммерции советник,
купец 1-й гильдии г. Вятки

Одним из ярких представителей династии Прозоровых был Яков Алексеевич (1816–1881) – купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, коммерции советник. Успешно приумножая свой капитал, он торговал хлебом, льном, куделью, конским волосом, щетиной, которые через Архангельский и Петербургский порты большими партиями шли за границу, в основном в Англию, Бельгию, Германию, Голландию. Благодаря качеству вывозимые из России товары под клеймом Якова Прозорова, в особенности льняные, быстро получили известность в Европе и продавались там «по самой высокой цене»¹.

Торгово-предпринимательскую деятельность Я.А. Прозоров успешно сочетал со служебной и общественной деятельностью. В 1859–1862 гг. он был городским головой в Вятке, и особенно преуспел в занятиях благотворительностью. На свои средства Яков Алексеевич устроил богадельню, открыл дом призрения для детей бедных граждан, известность получила и его благотворительная инициатива, связанная с приездом в 1878 г. в Вятку министра народного просвещения Д.А. Толстого. В память о визите высокого гостя Я.А. Прозоров пожертвовал для Вятского городского училища каменный с флигелями дом. Способствовал он развитию и провинциального театрального искусства, открыв в середине XIX в. в губернском центре театр.

В конце 1870-х гг. Яков Алексеевич с семьей переезжает на жительство в Петербург. Перед отъездом он остался верен себе – пожертвовал Вятскому благотворительному обществу и городу почти целый квартал домов, ряд других построек, а некоторым бедным дал пожизненный пенсион. В Петербурге Прозоров прожил недолго. После переезда он вскоре скончался и был похоронен в Александро-Невской лавре, которая стала усыпальницей и его семьи – супруги, сына Алексея и других родственников.

Я.А. Прозоров стал человеком-легендой, деятельностью которого восхищались современники, что и отразилось в первых воспоминаниях о нем, написанных в конце XIX – начале XX в. «Выдающимся благотворителем г. Вятки», «доблестным гражданином»² – называл его Всеволод Александрович Ратьков-Рожнов (1832–1898), бывший в 1879–1895 гг. вятским вице-губернатором.

Знакомство Ратькова-Рожнова с Прозоровым произошло в Петербурге перед самым отъездом нового вице-губернатора к месту службы. «При первом же нашем свидании, – вспоминал он, – Яков Алексеевич обязательно предложил мне остановиться в Вятке в лучшем его доме, где он сам жил последние свои годы...» и, таким образом, заручившись поддержкой со стороны знатного купца, Всеволод Александрович стал «первым квартирантом» роскошного дома семьи Прозоровых, перешедшего позже, по завещанию Якова Алексеевича, в собственность епархиального женского училища³.

Помимо детального описания этого купеческого особняка, который «здешнее интеллигентное общество прозвало... по выдающейся его архитектуре “красным замком”», автор обратил внимание на родословие Прозоровых, отметив, что истоки их династии связаны с крестьянством и «когда именно и кто из предков Якова Алексеевича переселился в Вятку – неизвестно» и что отец купца занимался «торговлей и жил в достатке, хотя и небогато»⁴. Задавался Ратьков-Рожнов вопросом и о причинах успеха своего героя на деловом поприще: «Кроме счастья, или большой удачи в своих собственных делах... Прозоров принадлежал к тем русским самород-

«Красный замок» Я.А. Прозорова в г. Вятке

кам, которые своим здравым умом и практичностью умели и нажить деньги, и главное сохранить их, зная детально хорошо дело, которому себя отдавали»⁵. Яков Алексеевич сравнивался автором с Федулом Громовым – крупнейшим петербургским купцом-старообрядцем, происходившим из крестьян, благотворителем и меценатом.

Особая тема повествования В.А. Ратькова-Рожнова – благотворительность, часто не знавшая у Прозорова границ. Автор подробно останавливается на характеристике, как он сам указывает, «выдающихся пожертвованных» купца, среди них – помощь бедным, причем она осуществлялась не на показ: «Яков Алексеевич, – по словам Ратькова-Рожнова, – немало наделял бедных людей деньгами непосредственно из своих рук, суммами, ему одному известными...»⁶ Важным было то, что Прозоров занимался благотворительностью постоянно, создав эффективную систему отчислений средств на нее: он выделял десятую часть прибыли от своих профессиональных занятий.

Много внимания автор уделяет повествованию о церковной благотворительности Якова Алексеевича, что в целом было характерно для российского купечества, подчеркивая их глубокую религиозность. Перестроив Владимирскую церковь г. Вятки, Прозоров позаботился соорудить в ней два новых престола – в честь небесных покровителей самого купца и его супруги. Не забыл он и об устройстве помещений для хранения ризницы, библиотеки и церковного архива⁷.

Тема благотворительности была продолжена в воспоминаниях вятского купца Константина Игнатьевича Клепикова (1821–1907), для которого Прозоров прежде всего «щедрый жертвователь», человек, чье имя в память о его благодеяниях должна носить улица губернского центра⁸. Автор вспоминает о Якове Алексеевиче и как о городском голове, называя его в числе нескольких руководителей городского самоуправления – купцов XIX столетия выдающимся «по своей деятельности и распорядительности»⁹. В мемуарах упоминается и о сыне Я.А. Прозорова – Алексее Яковлевиче, окончившем «курс в Московском коммерческом училище» и впоследствии ставшем председателем Петербургского биржевого комитета¹⁰.

Повествования В.А. Ратькова-Рожнова и К.И. Клепикова весьма схожи в оценках деятельности Якова Алексеевича, дают общее представление о нем как личности. Несмотря, быть может, на фрагментарность в изложении (особенно в воспоминаниях Клепикова), их значимость несомненна как отражение общественного мнения о представителе крупного бизнеса в российской провинции дореволюционной эпохи, причем мнения, порой далекого от классического, звучавшего, например, в произведениях А.Н. Островского, Максима Горького, других писателей и тоже широко бытовавшего в стране.

Немало ценных деталей о Якове Алексеевиче и его семье находим в воспоминаниях Александра Александровича Прозорова (1854–1927), племянника купца, известного в регионе общественного деятеля. После окончания Казанского университета А.А. Прозоров поступил на службу в Вятский окружной суд, был присяжным поверенным при Казанской судебной палате, избирался гласным Вятской городской думы и уездного земского собрания, в начале XX в. состоял членом Вятского губернского по земским и городским делам присутствия, занимался благотворительностью, являлся инициатором и активным участником многих культурных мероприятий – театральных постановок, концертов, балов. Он собрал уникальные юридическую и театральную библиотеки. На закате жизни, в 1920-е гг., А.А. Прозоров написал интересные мемуары, содержащиеся в трех тетрадях с названиями – «Род Прозоровых», «Город Вятка и его обыватели», «Мемуары о вятском театре» и ныне хранящиеся в Государственном архиве Кировской области¹¹.

Ранние страницы истории своей династии автор рассматривает по записной книжке купца г. Хлынова Семена Антоновича Прозорова, происходившего из крестьян. «В 1769 г. Семен Антонов женился на девице 19-ти лет Фекле Андреевне», – говорится в мемуарах, – и «в течение брачной жизни у них родилось 17 детей»¹², из которых в совершеннолетний возраст вступили только трое, в их числе сын Алексей, стоявший у истоков нескольких купеческих ветвей рода Прозоровых: одну из них представлял Яков Алексеевич, а другую – Александр Алексеевич, отец мемуариста.

Автор описывает дом своей семьи, воспроизводит портреты отца и матери, дяди и его семейства, характеризует занятия своих родственников. «Каждый год в начале марта месяца отец уезжал в Ношуль, а оттуда на баржах плыл в Архангельск, возвращаясь домой в конце сентября. Мы же с матушкой все это время проводили, живя в Слободском», – вспоминал он¹³.

Отец Александра Александровича – купец, получивший звание потомственного почетного гражданина, был «характера... живого, экспансивного, вспыхивающий, но быстро отходящий», «отличался значительной силой»¹⁴. Мать – Августа Ильинична, родившаяся в многодетной купеческой семье Шмелевых, – воплощала в себе добрейшей души, кроткую, немного застенчивую, уравновешенную женщину. Семья жила в большом, двухэтажном каменном доме. «Отличительный наружный признак его, – отмечал мемуарист, – каменные львы на каменных воротах... Дом крайне благоустроенный, каких домов немного в Вятской губернии»¹⁵. В доме имелись: зал, гостиная, диванная, спальня, кабинет, две детские, столовая, бассейн. В его нижнем этаже располагалась контора «в четырех комнатах», «а в надворной стороне подвалы». Дом отличался роскошным интерьером – паркетные пол, «двери в вершок толщины, оклеены темным орехом», «в зале и гостиной с потолка спускались бронзовые люстры», массивная, резная мебель, чугунная лестница и т.д.¹⁶

Семьи Прозоровых и их ближайших родственников Шмелевых, живших на одной улице, спешили «к молебну, всеобщей, обедне», «делая из этого отчасти места общественного собрания»¹⁷. По воскресеньям и большим праздникам все родственники «после обедни» собирались у бабушки – Екатерины Дмитриевны Шмелевой – «чтобы ее поздравить». Своих детей Августа Ильинична воспитывала так, как было принято в ее родительском доме. Детям она говорила, чтобы «у них никаких ссор не было, а если возникали ссоры, то родители прутком наказывали как обидчика, так и жалобщика, говоря: “Вы родные, и ссор между вами быть не должно”»¹⁸.

Из развлечений семьи Александр Александрович назвал устройство «елки»; «вечера... в именины отца, в октябре месяце», на которых «приглашенных бывало много, лакеи во фраках, по-

суды заготовлялось масса, чай разносили на громадных подносах, однажды даже играл оркестр музыки и танцевали»; игру в карты – «матушка моя любила поиграть в преферанс и в ненастную погоду сама ехала или приглашала к себе партнеров»; ловлю рыбы – «раз в неделю, а иногда и чаще ездили на свою мельницу за полторы версты от города, где был хорошенький домик, пруд и тенистый бор», «в пруде мы ловили удочками рыбу...»; иногда организовывались пикники с родственниками с выездом за город¹⁹. «В обычные дни жизнь шла тихо», – вспоминал Прозоров²⁰.

В этой купеческой семье прослеживалось явно неравнодушное отношение к образованию. Старшая сестра мемуариста, Екатерина, училась в Вятке в женской гимназии, а Александр Александрович – сначала «дома, у матери», затем – у бывшего смотрителя уездного училища, который готовил его к поступлению во второй класс гимназии²¹. В 11 лет А.А. Прозоров стал гимназистом, жил в Вятке, потом – в Казани, где сдал экзамены экстерном за гимназию и учился на юридическом факультете университета. Его младший брат Алексей также поступил в гимназию, младшая сестра Раиса училась в пансионе Дубровиной в Казани.

Отдельная тема мемуаров – рассказ о дяде: «Когда мне пришлось познакомиться с Яковом Алексеевичем, ему было уже лет 60. Росту он был немного выше среднего, волосы имел темно-русые, твердые, носил их всегда гладко остриженными с косым рядом... Оставаясь один или играя в карты, он почти никогда не выпускал изо рта трубку табаку с длинным мундштуком. Черты лица его были правильные, но маловыразительные, а взгляд строго сосредоточенный»²².

Помимо сведений о широкой торгово-предпринимательской и благотворительной деятельности Я.А. Прозорова, в воспоминаниях содержатся интересные зарисовки его повседневной жизни. Дом Прозоровых считали за честь посещать «все лица выдающиеся в городе или приезжие и принадлежащие к высшему служебному миру», в нем устраивались парадные завтраки, обеды и ужины²³. Этими банкетами руководила семья купца. Сам же Яков Алексеевич выходил только к началу застолья, находясь до этого в своем кабинете.

Будучи гимназистом, Саша, впоследствии автор мемуаров, как-то зашел в кабинет дяди, где застал Якова Алексеевича сидящим в широком кресле перед письменным столом с трубкою в руках. «Вот, ты видел, – сказал Прозоров, – от меня сейчас вышли рабочие и мой служащий – торговый приказчик. Вот этих людей я ценю, они труженики, и результат их работы – реальная польза. А те, в тех комнатах, что гудят и веселятся – это одна вывеска. Вот посмотри: у меня лакей Михайло – франт, в течение дня раз пять переменяет одежду, видный собой, прекрасный выездной с каретой и докладом, а цена ему грош. Так научись, глядя на них, следовать примеру первых, а не гнаться за вторым»²⁴. Эти слова явились хорошим поучением для молодого родственника, и о них он не забывал всю жизнь.

Запомнился мемуаристу и другой урок: «Отец как-то меня, в возрасте лет 12-ти, когда я был на зимнем вакале, – пишет он, – послал в Вятку к дяде за деньгами. Я должен был получить несколько тысяч. Получив от Алексея Яковлевича²⁵ пачки денег, я их сложил в саквояж и продолжал разговор. Минут 10 спустя он просит меня деньги ему возратить, я вынул и отдал. Считает деньги – недостача, явление для меня непонятное. Доведя меня до слез, говорит, что, получая деньги, надо считать, что он с целью дать мне же урок нарочно вынул несколько кредиток, которые тотчас и вложил. Это был мой первый урок коммерческой грамоты. Позднее мой отец то же проделывал, посылая со мной деньги в контору из верхнего этажа в нижний, но я был уже осмотрительнее и не попадался впросак»²⁶.

Супруга Якова Алексеевича – Пелагея Семеновна, уроженка г. Лальска Вологодской губернии (из рода Угрюмовых), красивая в молодости женщина, в почтенном возрасте – седая, с редкими волосами до плеч – была выдержанной, всегда корректной, обходительной и располагающей к себе. «...Она внушала к себе общее уважение», – вспоминал Прозоров²⁷. Являясь любителем театрального искусства, Пелагея Семеновна помогала местным артистам. В театре у нее была своя ложа.

Рассказывая о детях Я.А. и П.С. Прозоровых, Александр Александрович особо выделял Алексея, который был женат на потомственной дворянке А.Н. Мосоловой, «красивой брюнетке», кото-

рая, «выйдя замуж за коммерсанта, брак свой считала несколько низким для себя. Дом свой старалась поставить на возможную высоту, привлекая к себе все высшее, выдающееся, что имело влияние на всю ее дальнейшую жизнь... Супруг же ее старался возможно возвыситься»²⁸.

У Антонины Николаевны была еще одна черта – она «обладала, кажется, всем, что требуется для светской жизни: играла хорошо на рояле, при слабом, но приятном голосе пела и отличалась особенной, ей свойственной манерой оказывать внимание окружающим и располагать к себе»²⁹.

В конце 1870-х гг. «вся семья дяди переехала на житье в Петербург к великому удовольствию Антонины Николаевны»³⁰. В столице контора их фирмы располагалась сначала на Михайловской площади, а спустя некоторое время в собственном доме на Английской набережной. «...Уехав из Вятки, имея звание коммерции советника, затем, последовательно получая ордена Анны и Владимира, он в конце жизни был возведен в потомственное дворянское сословие...», – писал о своем дяде мемуарист³¹.

Жизнь этой семьи изменилась после смерти Якова Алексеевича. По завещанию общий капитал был разделен, и торговый оборот фирмы Прозоровых сократился. «Спустя несколько лет после смерти дяди, – вспоминал Александр Александрович, – мне с женой пришлось быть в Петербурге... Алексей Яковлевич тогда был уже председателем Биржевого комитета и имел чин действительного статского советника. Обширный кабинет его, весь отделанный узорчатыми темно-ореховыми фанерками, производил внушительное впечатление. Антонина Николаевна приобрела более важный, церемонный и официальный вид и добивалась представительства во дворец, чего, кажется, и добилась при посредстве министра Волконского, очарованного ею»³².

Богатые по краскам и фрагментам повседневной жизни эти воспоминания рисуют в целом яркие портреты представителей одного из крупных купеческих родов России второй половины XIX – начала XX в. Как человек наблюдательный и равнодушный к происходившему, Александр Прозоров сохранил для потомков обилие деталей и эпизодов будней и праздников региональной деловой элиты, уникальность которых в силу полного или частич-

ного отсутствия подобных сведений в официальных документах очевидна. Весьма ценным является и тот факт, что жизнь и деятельность представителей семьи Прозоровых нашла отражение в воспоминаниях авторов, являвшихся выходцами из разных слоев общества. Все это, несмотря на субъективность мемуаров, позволяет воссоздать, на наш взгляд, достоверный облик известной купеческой династии.

Примечания

- 1 Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 3.
- 2 См.: Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 3. 1 февраля. Отд. неоф.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Клепиков К.И. Сборник статей вятского старожила. Вятка: Тип. и хромо-литография Маишеева, 1899. С. 15–17.
- 9 Клепиков К.И. Заметки и впечатления старожила. Вятка: Тип. и хромо-литография Маишеева, 1900. С. 6.
- 10 Там же. С. 7.
- 11 ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 171, 337, 420; В 2010 г. опубликованы две тетрадки с мемуарами А.А. Прозорова – «Род Прозоровых», «Город Вятка и его обыватели» (см.: Прозоров А.А. Город Вятка и его обыватели: мемуары / Под ред. М.С. Судовикова и Е.И. Пакиной. Киров: Изд-во «Экспресс», 2010. 152 с.).
- 12 ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 5–5 об.
- 13 Там же. Л. 24.
- 14 Там же. Л. 23 об.
- 15 Там же. Л. 22 об.–23.
- 16 Там же. Л. 22 об.–23 об.
- 17 Там же. Л. 27.
- 18 Там же. Л. 24–24 об.
- 19 Там же. Л. 26, 28 об.–30.
- 20 Там же. Л. 27 об.
- 21 Там же. Л. 27 об.–28 об.
- 22 Там же. Л. 10.
- 23 Там же.
- 24 Там же. Л. 10–10 об.
- 25 Алексей Яковлевич – сын Я.А. Прозорова.
- 26 ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 12 об.–13.
- 27 Там же. Л. 10 об.
- 28 Там же. Л. 12–12 об.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Л. 18.
- 31 Там же.
- 32 Там же. Л. 18–18 об.

ФЛОРОВСКИЕ – ПОПРУЖЕНКО: ИСТОРИЯ СЕМЬИ. 1840–1880-е гг.

ПО «ВОСПОМИНАНИЯМ» К.В. ФЛОРОВСКОЙ

**Lapteva T.N. Florovskys – Popruzhenko.
Family history. 1840–1880's.
On K.V. Florovskaya's «memoirs».**

Аннотация / Annotation

В статье исследуется социальное происхождение семьи русских ученых-эмигрантов А.В. и Г.В. Флоровских и М.Г. Попруженко на основе личного архивного фонда А.В. Флоровского в Архиве РАН. Хронологические рамки исследования – 1840–1880 гг.

This article is devoted to the research of a social origin of the Russian scientific-emigrants family A.V. and G.V. Florovskys and M.G. Popruzhenko on the basis of personal archival fund A.V. Florovsky in Archive of the Russian Academy of Sciences studying. Chronological framework of research is limited the 40–80th years of the 19 century.

Ключевые слова / Keywords

Источники личного происхождения, личный архивный фонд, А.В. Флоровский, Г.В. Флоровский, М.Г. Попруженко, ученый-эмигрант, воспоминания. Private sources, personal archival fund, A.V. Florovsky, G.V. Florovsky, M.G. Popruzhenko, scientist-emigrant, memoirs.

В XX в., в послереволюционные годы, Россию покинули многие семьи ученых, писателей, художников, священнослужителей. Одной из них была семья Флоровских. Русской исторической науке наиболее известны из них А.В. Флоровский (историк-славист, историограф), его брат – священник Г.В. Флоровский (философ, богослов, историк Церкви) и их дядя – М.Г. Попруженко (академик Болгарской академии наук, филолог-славист). Большая часть документов Антония Флоровского, благодаря стараниям его советских коллег, в частности В.Т. Пашуто, была перевезена в Москву и хранится в Архиве Российской академии наук (Ф. 1609).

Всех членов семьи Флоровских отличала глубокая любовь к России и к местам, связанным с их рождением, детством и годами юности. С неизменной теплотой они вспоминали о Елисаветграде, Одессе, Петербурге, Москве. Возвращение в Россию было их общей мечтой, исполнение которой с годами казалось все менее осуществимым, и не удалось никому, кроме К.В. Флоровской¹. Служение родной стране в этой семье выражалось в научной деятельности и священническом служении. В автобиографии Антоний Флоровский писал, что его семья дала русской науке «уже четыре поколения активных работников, главным образом в области наук гуманистических»².

Источниковой базой настоящего исследования являются «Воспоминания» Клавдии Флоровской – женщины незаурядного ума и образованности, шедшей в ногу с научной мыслью времени, но, в силу исторических обстоятельств, реализовавшейся не в собственной научной карьере, а в успехе других ученых-эмигрантов. Воспоминания были написаны ею уже после репатриации, во второй половине 1950-х гг. Они являются началом задуманного автором большого труда, который должен был включить историю всей ее жизни, в том числе годы жизни за границей³. Кончина Клавдии Васильевны, последовавшая в 1965 г., не позволила этим планам осуществиться – «Воспоминания» заканчиваются описанием ранних детских лет автора, но и эти сведения дают ценный материал для изучения истории семьи выдающихся русских ученых.

Род Флоровских происходил из села Флоровское, местности, называемой «Тесово» Новгородской губернии. Этот район был известен уже в XII–XIII вв., как часть великого водного пути «Из варяг в греки». Клавдия Флоровская записала в своих «Воспоминаниях»: «через него проходил своего рода великий водный путь по реке Оредежу в реку Лугу, [...] тут же шел и сухопутный путь, о чем свидетельствует название одного из сел его – Ям Тесово»⁴. Дед Клавдии Васильевны и ее братьев по отцовской линии – Антоний Флоровский – был причетником в церкви святых Флора и Лавра (от названия этой церкви получили свои имена и село, и род Флоровских) и скончался в 1849 г., когда его младшему сыну В.А. Флоровскому было всего три года. После его смерти вдова

Устинья Онисимовна переселилась в село Бутково Лужинского уезда Петербургской губернии (в 8 верстах от сел Тесово и Флоровское), где нашла себе место просвирни.

В Бутково на Василия Флоровского обратил внимание священник о. Василий Фиников. Он стал учить мальчика и привлек его к церковному пению и чтению, в чем последний и преуспел – у него «оказался великолепный дискант и чуть ли не абсолютный слух»⁵. По совету и при содействии о. Василия Финикова Устинья Онисимовна отвезла сына в духовное училище в Новгород, где он выдержал экзамен и был принят в число учащихся. В Новгороде В.А. Флоровский жил на частной квартире без какого-либо особого надзора со стороны училища. Его дочь Клавдия писала по этому поводу в своих воспоминаниях: «Папа иногда рассказывал кое-что про свои годы ученья, правда, про годы академические; но всегда воспоминания его были проникнуты теплым чувством, никогда он ни словом не упрекал и не осуждал своих воспитателей и учителей, и мне всегда при чтении «Очерков бурсы» Помяловского приходит в голову вопрос: да не сгущает ли он краски? где он видел то, что описывает? и если видел, то имеет ли он право обобщать?»⁶.

По окончании училища Василий поступил в Новгородскую семинарию, а затем – в Московскую духовную академию. В академии «ему представлялся случай переменить карьеру: к этому времени у него из звонкого дисканта выработался прекрасный бас–октава, который, при его абсолютном слухе давал ему все шансы на успех в качестве певца»⁷. Указанным «случаем» отец Василий не воспользовался и о своем решении никогда не жалел. Он учился в Московской духовной академии в период ее наибольшего расцвета. Во главе академии стоял тогда протоиерей А.В. Горский, о котором В.А. Флоровский всегда вспоминал с глубоким чувством как о большом ученом и большом человеке. Протоиерей Александр Горский относился к студентам с неизменным вниманием, и смог заметить и оценить в молодом В.А. Флоровском «прямоту и искренность, и твердость, бывшие его неотъемлемыми чертами во всю его жизнь»⁸. Одновременно с ним (1873–1877 гг.) в академии слушал лекции В.С. Соловьев. Сильное впечатление на молодого В.А. Флоровского произвели лекции начинающего ученого

В.О. Ключевского. Впоследствии он много рассказывал своим детям о его лекциях, о других профессорах, о богатой библиотеке академии, о хороших отношениях с товарищами, о мирном и благолепном укладе жизни академии, о ее руководителе протоиерее А. Горском.

После окончания Московской духовной академии В.А. Флоровский из предложенных ему на выбор мест прохождения службы предпочел Одессу, главным образом, по соображениям здоровья. Он был назначен преподавателем одновременно в Одесское духовное и Женское епархиальное училища и вскоре женился на К.Г. Попруженко, дочери известного в Одессе священника.

Род иерея Георгия Попруженко происходил из старинного села Орлова балка на границе Киевской и Херсонской губерний. К.В. Флоровская писала в «Воспоминаниях»: «роду он был запорожского; один из моих дядей производил розыски предков его и дошел до середины XVIII в.»⁹. Иерей Георгий окончил Минскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию, прекрасно знал греческий, новогреческий, древнееврейский языки, латынь. В круг его интересов попадали и «передовые идеи», в частности, он с интересом читал «Колокол» Герцена. К.В. Флоровская вспоминала, что ее дед по материнской линии «был типичный хохол – остроумный, добродушный, веселый, очень прямой и открытый, в высшей степени бескорыстный и непрактичный; прослужив чуть не 50 лет в одной из самых богатых церквей Одессы (Сретенской, на Новом базаре), не оставил своей вдове ничего, кроме пенсии в 18 рублей в месяц. В общежитии любил говорить по-украински и всем говорил “ты”; исключение почему-то составлял наш отец, которому он говорил “вы, Василий Антонович”. Он со всеми был в хороших отношениях; бывшие его ученики и сослуживцы всегда вспоминали его с самым теплым чувством»¹⁰.

Г. Попруженко появился в Одессе в довольно молодом возрасте. Здесь он женился на М.Ф. Самборской, дочери протоиерея. Род Самборских, по предположению автора «Воспоминаний», находился в родстве с протоиереем А.А. Самборским – законоучителем императора Александра I. Самборские отличались искренней

духовностью и высокой самоотверженностью. В 1837 г., когда его дочери было всего три года, овдовевший о. Федор Самборский добровольно стал духовником в карантине для больных чумой. Как только Мария Федоровна вышла замуж за Георгия Попруженко, ее отец постригся в монахи и вскоре принял схиму.

Кроме духовной службы о. Георгий Попруженко вел курс древнееврейского языка в Одесской духовной семинарии. Он владел своим предметом прекрасно, равно как и преподавал его, но при этом на его занятиях полностью отсутствовала дисциплина¹¹. О. Георгий дистанцировался как от преподавательской среды семинарии, так и от членов священной консистории, в состав которой входил. Семья жила несколько обособленно от духовенства Одессы, общие интересы гораздо больше связывали ее с кругом профессуры. Близким другом семьи стал профессор богословия Новороссийского университета А.Н. Кудрявцев.

По возможности о. Георгий старался привить молодежи любовь к классической греческой литературе: часто во время разговора он брал в руки «Илиаду» или «Одиссею» и начинал читать вслух, восхищаясь их красотой и показывая слушателям, что такое настоящая литература. Он пользовался большим уважением в среде евреев, которые ценили в нем знатока древнееврейского языка и вообще еврейской культуры, а так же его толерантность и тактичность в национальном вопросе.

Отец Георгий нередко «посещал синагогу (не во время богослужения, вероятно), где его встречали с большим почетом и где он проводил немало времени в беседах с тамошними учителями по интересовавшим их всех вопросам»¹². Одесса была во второй половине XIX века, по выражению автора воспоминаний, в известной степени еврейским городом, евреев в Одессе было не меньше, а может быть и больше, чем русских и людей других национальностей. Во всяком случае, еврейские магазины, конторы и банки преобладали. Было много еврейской бедноты. Мария Федоровна Попруженко многократно ходатайствовала в Коммерческом училище о еврейских мальчиках, которых по ее просьбе принимали туда сверх процентной нормы. Эти молодые люди в семье назывались ее «внуками».

Авторитет о. Георгия в Одессе был очень высок. Его внучка писала: «Он пользовался всеобщим уважением. “о. Егор” был любим и почитаем, и вспоминали его все знавшие его с большой теплотой»¹³. О. Георгий скончался в 1888 г. Клавдия Флоровская вспоминала о нем отдельные эпизоды: его внешность, унаследованную им от своей матери – имеретинки, его кабинет в Одессе, визиты в Елисаветград. Позднее Клавдия Флоровская, уже живя в Подмоскowie, получила от родственников из Одессы его портрет работы «несчастливого, спившегося, но талантливого» художника Крестоносцева.

Сын о. Георгия – М.Г. Попруженко (будущий филолог-славист, академик Болгарской АН) родился в июле 1866 г. Тремя годами ранее родилась его сестра – К.Г. Попруженко – мать автора воспоминаний. В возрасте семи лет она была отдана в пансион Маттео, где ее родитель преподавал Закон Божий. Пансион считался лучшим учебным заведением для девочек в Одессе в это время, многие его преподаватели являлись в то же время университетскими профессорами. В качестве иностранных языков в пансионе преподавали немецкий и французский. Училась Клавдия Георгиевна охотно. В 1879 г. в Петербурге открылись Бестужевские высшие женские курсы, которые ее очень привлекали, но план продолжения образования в столице был невыполним. Стремясь продолжить образование, она поступила на только что открытые в Одессе высшие курсы профессора А.С. Трачевского. Эти курсы просуществовали недолго, всего несколько месяцев. Кроме обычных школьных занятий К.Г. Попруженко училась играть на фортепиано, много читала, предпочитала серьезные книги и «совсем не осталась в стороне от тогдашних передовых веяний»¹⁴. Она интересовалась и политическим движением и, по ее собственным словам, «только случайно не была втянута в его водоворот»¹⁵.

К.Г. Попруженко вышла замуж за В.А. Флоровского в апреле 1879 г. в возрасте 16 лет. «Воспоминания» передают некоторые эпизоды их жизни: поездку в Новгородскую губернию на родину В.А. Флоровского, рождение детей и другие. После рождения автора воспоминаний – К.В. Флоровской (21 февраля 1883 г.) состоялось назначение ее отца смотрителем духовного училища

в Елисаветграде. В связи с должностью В.А. Флоровский принял священство. В 1884 г. родился Антоний Васильевич Флоровский – третий ребенок в семье. Младший сын Георгий родился в 1893 г.

Такова история поколений, предшествовавших рождению известных русских ученых: проф. А.В. Флоровского, прот. Георгия Флоровского, акад. М.Г. Попруженко, прославивших русское научное знание в Европе и мире и оставивших потомкам многочисленное научное наследие.

Примечания

- ¹ Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965) – сестра прот. Георгия и Антония Васильевича Флоровских.
- ² Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 34.
- ³ Письма К.В. Флоровской к брату А.В. Флоровскому. АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 460.
- ⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 245. Л. 2.
- ⁵ Там же. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 4.
- ⁷ Там же. Л. 5.
- ⁸ Там же. Л. 5.
- ⁹ Там же. Л. 6.
- ¹⁰ Там же. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Л. 10.
- ¹² Там же. Л. 13.
- ¹³ Там же. Л. 12.
- ¹⁴ Там же. Л. 21.
- ¹⁵ Там же. Л. 25.

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХИВНАЯ РОССИКА

В.Л. ГЕНТШКЕ, И.В. САБЕННИКОВА, А.С. ЛОВЦОВ

АРХИВНАЯ РОССИКА В АВСТРАЛИИ

Gentshke V.L., Sabennikova I.V., Lovtsov A.S.
The archival Rossica in Australia

Аннотация / Annotation

В статье исследуется документальное наследие русской диаспоры в Австралии, находящееся в архивах, музеях, библиотеках Австралийского союза. The article deals with the Russian diaspora in Australia, it's documental heritage from archives, museums, libraries of the Commonwealth of Australia.

Ключевые слова / Keywords

Зарубежная архивная Россия, россияне в Австралии, архивы, библиотеки, музеи, мемориалы Австралии. Foreign archival Rossica, Russians in Australia, archives, libraries, museums, memorials of Australia.

Российская диаспора в Австралии¹ географически одна из самых отдаленных и далеко не самая многочисленная, ее формирование, как и формирование других российских диаспор, преимущественно зависело от изменений политической и экономической ситуации в России и мире.

В отечественной историографии советского периода, в силу ряда понятных причин, изучению истории русских австралийцев практически не уделялось внимания. В эти годы данная проблематика рассматривалась в основном зарубежными авторами, в первую очередь самими русскими, проживающими за рубежом. В постсоветский период интерес к данной теме оживился. Наряду с работами австралийских исследователей появились публикации российских специалистов. Это не только отдельные статьи, но и монографии, сборники документов, причем даже созданные совместными усилиями русских и австралийских авторов². Что же касается работ, посвященных архивной Россике Австралии, то их меньше³.

Этнический состав населения Австралии за последние два века претерпел кардинальные изменения. Ко времени прихода в Австралию англичан на ее территории проживали только коренные племена австралийцев. Решающую роль в росте численности населения Австралии играла иммиграция. Массовая колонизация континента началась с 1788 г.⁴ и долгое время он оставался лишь местом каторги и ссылки. Свободных поселенцев первоначально было весьма немного. За период с 1788 по 1861 г. иммигранты дали 75% всего прироста населения Австралии⁵.

Современная Австралия по своему национальному составу достаточно однородна. Большинство населения европейского происхождения, преимущественно выходцы из Англии, Шотландии, Ирландии и других европейских стран⁶. Пришельцев неевропейского происхождения, иммигрировавших в Австралию по преимуществу из азиатских стран, значительно меньше, хотя их число в последние десятилетия увеличилось. Австралийские аборигены, к которым некогда относилось все население континента, сейчас образуют вместе с метисами незначительное меньшинство.

Миграции, являясь сложнейшим общественным процессом, затрагивают многие стороны социально-экономической, культурной жизни народов. Значительное влияние они оказывают на динамику роста населения, трансформацию этнического состава не только отдельных стран, но и всего мирового пространства. Миграционные движения – результат давления на население, они направлены на уравнивание экономической плотности, разумного соотношения между числом жителей и природными ресурсами⁷.

Кардинальные изменения, происходившие на экономическом, политическом пространстве России (СССР), вызванные кризисами, революциями, войнами, оказали влияние на развитие внешних миграционных процессов, в том числе на миграцию ее населения в далекую Австралию.

Первым русским подданным, поселившимся в Австралии постоянно, считается бывший офицер русской армии Джон Потоцкий, который прибыл сюда в 1804 г. среди других каторжников, составлявших в конце XVIII – начале XIX вв. большую часть населения британских колоний на этом континенте. По сути русских и даже подданных Российской империи в начале

XIX в. здесь были единицы, до середины XIX в. насчитывалось около полутора десятков уроженцев империи, среди них 7–8 русских.

Более широкая эмиграция русских в Австралию началась в конце XIX в., одновременно с началом массового движения из Российской империи в другие страны, прежде всего в США. С 1871 по 1901 г. из 1 245 000 человек, выехавших из Российской империи 117 506, въехало в США⁸, остальные в страны Южной Америки, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Такая тенденция была характерна для всей европейской эмиграции конца XIX в., когда более 80% эмигрантов переселялось в США.

В 1891 г., по данным переписи населения, число выходцев из Российской империи в Австралии составило 2 881 человек (2 350 мужчин и 531 женщина). Преимущественно это была так называемая инородческая эмиграция из юго-западных и прибалтийских областей России. Она состояла, главным образом, из евреев, что было обусловлено национальной политикой царского правительства и еврейскими погромами в стране после событий 1 марта 1881 г. Ко времени образования Австралийского Союза (1901 г.) в нем проживало 3 358 выходцев из России (2 648 мужчин и 710 женщин), в основном в Новом Южном Уэльсе (1 262 чел.).

С первого десятилетия XX в. национальный состав российской иммиграции в Австралии стал изменяться. Толчком для эмиграции русских с Дальнего Востока стало поражение России в войне с Японией. А усилению эмиграции из России, в том числе и в Австралию, способствовали революция 1905–1907 гг. и столыпинская реформа. Большинство из вновь прибывших лиц были коренные русские, преимущественно сибиряки.

По переписи 1911 г. число уроженцев Российской империи в Австралии достигло 4 456 человек, и, начиная со второго десятилетия XX в., количество приезжавших из России постоянно увеличивалось. Основным центром российской иммиграции стал северо-восточный австралийский штат Квинсленд и его столица Брисбен. Установить точную численность русских иммигрантов на пятом континенте накануне и в годы Первой мировой войны, по ряду причин, достаточно сложно. Как отмечает Г. Каневская, мнения исследователей о численности как российских в целом,

так и русских иммигрантов, в Австралии накануне и в годы Первой мировой войны расходятся. А.Ю. Рудницкий склоняется к цифре 5 тыс. человек накануне войны 1914 г., ссылаясь на мнения большинства авторов.

По подсчетам А.И. Савченко, к началу войны в Австралии насчитывалось 9 384, а в 1917 г. – 10 938 выходцев из России. А. Абаза, российский генеральный консул, указывал, что в мае 1914 г. во вверенном ему округе насчитывалось 12 тыс. выходцев из Российской империи, из которых 1 тыс. человек приходилась на Новую Зеландию, а остальные распределялись следующим образом: Квинсленд – 5 тыс., Новый Южный Уэльс – 2 тыс., Виктория – 1,5 тыс., Южная Австралия – 1 100 чел., Западная Австралия – 1 200 чел., Тасмания – 100 чел., Северная Территория – 50 чел., Новая Гвинея и острова Тихого океана – 50 чел. Таким образом, россияне составляли от 0,2 до 0,4% всего населения Австралии, насчитывавшего около 2,5 млн человек.

В период Первой мировой войны и послеоктябрьские годы часть россиян по различным причинам покинула Австралию. Перепись 1921 г. показала, что русская община в Австралии насчитывала 4 138 человек. В начале 1920-х гг. началась новая волна русской иммиграции, включавшая главным образом постреволюционных беженцев. С 1920 по 1940 г. въехало в Австралию 4 711 русских, но за этот же период 2 563 покинули страну, следовательно, здесь осело 2 148 русских. Социальный и профессиональный состав русских иммигрантов, прибывавших в Австралию в 1920–1930-е гг., по сравнению с иммиграцией первой волны, заметно изменился. Это были не только военные, но в большинстве гражданские люди различных рангов и профессий. Причем преобладали более состоятельные, чем раньше, слои, было много интеллигенции. Трудовая эмиграция продолжалась лишь с западных территорий, которые вошли в состав СССР в 1938–1939 гг. Главным центром русской иммиграции в Австралии по-прежнему оставался Квинсленд, где проживало около половины русских австралийцев.

В годы Второй мировой войны и после нее, в результате расширения социалистической политической системы на ряд стран мира, эмигранты, жившие ранее в них, вынуждены были

вторично эмигрировать главным образом в США и, в меньшей степени, Австралию. К ним присоединилась и часть эмиграции, состоявшая из перемещенных в ходе Второй мировой войны лиц, т.н. «ди-пи»⁹. Среди прибывших в Австралию перемещенных лиц 50 307 человек были выходцы с территории СССР в границах 1941 г., из них 5 700 русских, 12 881 украинец, 1 062 белоруса. Позже сюда стали эмигрировать и участники последующих эмиграционных волн из России. За 1952–1986 гг. в Австралию въехали около 21 тыс. русских и белорусов. Как и прежде, русская эмиграция состояла из двух потоков – из Китая и из Европы¹⁰.

В постперестроечный период оживилась эмиграция из России и бывших союзных республик. По данным переписей населения в 1991 г. в Австралии проживало 44 200 уроженцев России и СССР, в 1996 г. – 50 289, в 2001 – 60 213 человек¹¹.

Таким образом, российская эмиграция на пятый континент имела волнообразный характер и проходила в несколько этапов, которые по времени совпадают с аналогичной эмиграцией в другие страны, но отличаются по составу, главным образом за счет повторной эмиграции российских постреволюционных беженцев с территории Китая. Наиболее четко выделяются следующие этапы эмиграции: конец XIX в. – Первая мировая война – дореволюционная трудовая и политическая иммиграция; начало 1920-х гг. – Вторая мировая война – послереволюционная белая эмиграция; конец 1940 – начало 1950 гг. – послевоенная эмиграция (ди-пи); середина 1950-х – вторая половина 1980-х гг. – повторная эмиграция из Китая и Европы; конец 1980-х гг. и до настоящего времени – «перестроечная» и «постперестроечная» волна с территории бывшего Советского Союза.

Отметим, что в разные периоды своего существования Русское Зарубежье в Австралии не оставалось статичным, менялась его численность¹², социальный состав, что было связано, в том числе и с притоком новых сил эмиграции.

Роль и значение российского зарубежья, в том числе и австралийского, не исчерпывается количественными показателями. Велик его вклад в мировое искусство, литературу, науку. Кроме того, диаспора, вобрав в себя интеллектуальные и духовные силы стран нового проживания, накопила уникальный опыт по сохранению и

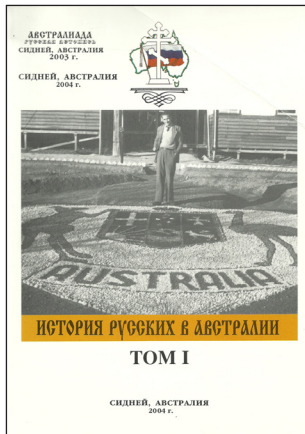

развитию национальной культуры и ее традиций в условиях иноэтнического окружения.

Важнейшей составной частью наследия Российского зарубежья является его документальное наследие, отложившееся в хранилищах многих стран мира. Зарубежная архивная Россия¹³ – обширна и многопланова. Она включает в себя источники различного содержания и происхождения. Их формирование – процесс длительный, часто противоречивый, обусловленный самыми различными факторами, определяемыми важнейшими событиями истории как Российского государства (СССР), так и мира в целом. Среди них развитие международных дипломатических, политических, торговых и других контактов России (СССР) с различными странами, географические открытия, научная деятельность, изучение народов мира, их языков, культуры. В то же время, значительная часть зарубежной архивной России состоит из документов, принадлежащих лицам, покинувшим Россию в результате военных и политических катаклизмов XX в.

Все это привело к накоплению многочисленных документов российского происхождения (созданные на территории России и вывезенные за рубеж или созданные бывшими российскими гражданами в эмиграции) в зарубежных архивохранилищах, в виде отдельных фондов, коллекций документов или даже самостоятельных архивов. Составной частью зарубежной архивной России является архивное наследие русского эмигрантского зарубежья, тем более, что особенности формирования основных центров русской эмиграции оказали непосредственное влияние на состав и функционирование архивов российского зарубежья, а также определили последующую динамику их использования и изучения. В хранилищах ряда стран, в том числе Австралии, отложились и документы российской эмиграции.

Многочисленность источников зарубежной архивной России, находящихся в архивах, библиотеках, музейных и частных коллекциях различных стран мира позволяет говорить о географии зарубежной архивной России, о своеобразных «архивных материках» российского зарубежья и их размерах, об активности использования российскими исследователями зарубежных архивных материалов. К сожалению, сегодня документальные ис-

Обложка книги:
История Русских в Австралии.
Т. I. Сидней, 2004

точники, отложившиеся в архивах, библиотеках, музеях, частных коллекциях Австралии используются отечественными исследователями, в силу ряда понятных причин (прежде всего географической удаленности), значительно меньше, чем источники, находящиеся в других странах мира. Это подтверждает и анализ публикаций российской научной периодики за 2005–2011 гг. Из австралийских архивов более всего используются документы из Национального архива Австралии¹⁴.

Нашими соотечественниками, находящимися в эмиграции, много было сделано для сохранения исторического наследия. В разных

частях мира, на различных континентах ими создавались общественные и частные архивы, музеи, собравшие в своих фондах уникальные свидетельства жизни «Зарубежной России».

Что же касается существующих русско-австралийских архивов, как отмечают создатели книги «История русских в Австралии», то часть их попала в Музей русской культуры в США, где описью некоторых из них занималась д-р О.М. Бакич. Русские же архивы при Мельбурнском и Австралийском национальных университетах не систематизированы и не произведена их опись. К.М. Хотимский, приехавший в Австралию из Китая до Второй мировой войны, занялся изучением истории русских на пятом континенте в начале 1950-х гг. Он неоднократно обращался к русской иммиграции с призывом создать Центральный архив с доступом в него историков, исследователей, студентов. Однако такого архива русским в Австралии создать не удалось¹⁵. Таким образом, основные письменные источники, кино- фото- фоно документы ныне находятся не в отдельном «русском архиве» или музее страны, а рассредоточены в ряде хранилищ континента, что порождает дополнительные трудности для исследователей данной проблематики и требует от них хорошего знания архивов Австралии.

Архивы Австралийского Союза – это развитая сеть учреждений различной подчиненности и форм собственности. Органом управления архивным делом на федеральном уровне является Национальный архив Австралии (National Archives of Australia), с главным представительством в Канберре. Правительство каждого штата и территории имеет свою архивную службу, которая управляет архивным делом на региональном уровне. Национальный архив Австралии – крупнейший архив страны, хранит документы федеральных правительственных органов и организует использование своих фондов. Он поддерживает читальные залы в каждом штате и территории, имеет свой веб-сайт. Есть в Австралии и Национальный кинофоноархив (National Film and Sound Archive), где сохраняется национальная коллекция кино-, фото- и фоно- документов, обеспечивается ее использование. Основной его офис в столице, а отделения – в столицах всех штатов. Кроме двух национальных архивов с представительствами во всех регионах, каждый штат и территория (кроме столичной) обладают самостоятельными органами управления архивным делом. Система органов местного управления Австралийского Союза децентрализована. Документы местных органов власти и муниципалитетов могут храниться при муниципальном или городском совете, совете графства или даже при совете промышленного района, который объединяет несколько графств. Архив графства – самостоятельная организация, подчиненная стоящему во главе местной администрации совету графства. В нем обычно концентрируются материалы местных органов власти, но могут передаваться и фонды частных организаций или лиц по желанию их владельцев. При отсутствии муниципального архива заботу о документах могут взять на себя историческое общество, музей или библиотека. Свои архивы имеет и большинство университетов Австралии, причем значительная часть их материалов относится к современному периоду. Крупные библиотеки и музеи имеют рукописные отделы¹⁶.

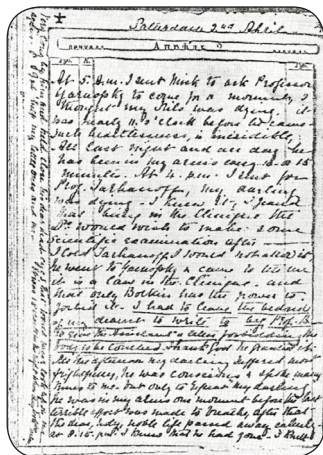
Материалы России отложились в различных архивохранилищах Австралии. Среди них архив генерального консула Российской империи в Австралии А.Н. Абазы, этнографа и общественного деятеля Н.Н. Миклухо-Маклая и другие. Представле-

ние о том, какие документы отложились в архивах континента, дает путеводитель по архивам и рукописным отделам Австралии «Our heritage: a directory to archives and manuscript repositories in Australia», подготовленный Австралийским обществом архивистов и увидевший свет в 1983 г. Он послужил основой для современного электронного путеводителя по архивам Австралии. Большой интерес для исследователей представляют документы Россики, хранящиеся ныне в библиотеках Австралии.

Наиболее известен исследователям комплекс документов, касающихся знаменитого российского этнографа и путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая. Это, прежде всего документы, хранящиеся в Митчелловской и Фишероуской библиотеках (Сидней)¹⁷. Часть документов наследия путешественника, находящаяся в этих библиотеках, была откопирована и передана в порядке научного и культурного обмена в СССР.

Так, в 1962 г. в Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР (ныне Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург) поступили микрофильмы с копиями материалов Н.Н. Миклухо-Маклая, хранящиеся в Митчелловской библиотеке. Был передан микрофильм личных бумаг путешественника (около 700 кадров). Среди полученных материалов – черновики его докладных записок и проектов, письма и другие рукописи¹⁸.

Дневник М. Миклухо-Маклай
Рукописи, поступившие в 1970 г. в
собрание отдела рукописей (Ф. 218) //
Записки отдела рукописей
Государственной библиотеки СССР
им. В.И. Ленина. Вып. 34.
М., 1973. С. 145

Значительный интерес представляют три тома дневника М. Робертсон, хранящиеся в библиотеке Сиднейского университета. Фотокопия первого тома дневника, в котором более подробно описаны последние четыре года жизни путешественника, поступила в нашу страну в двух экземплярах: один хранится в Институте этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, дру-

гой – в Российской государственной библиотеке¹⁹. Дневник Маргарет Миклухо-Маклай (урожд. Робертсон), жены путешественника – это 208 листов в черном дерматиновом переплете с золотым тиснением на корешке «Diary of Miklouho-Maclay. 1888». На контртитule – наклейка с машинописным текстом о даре ксерокопии Государственной библиотеке СССР 23 янв.1962 г. на бланке Фишероуской библиотеки (РГБ. Ф. 218. № 1340.3.)²⁰.

Часть наследия хранится в семейном архиве потомков ученого, проживающих в этой стране²¹. Внуки Н.Н. Миклухо-Маклая – Пол Робертсон и Кеннет Маклай были в числе основателей Миклухо-Маклаевского общества Австралии, которое просуществовало с 1979 по 1989 гг., возрождая и поддерживая память об этом удивительном человеке. Память о нем хранит и русская община континента. Его имя присваивалось отрядам русских скаутов и лагерям, где они тренировались²².

В настоящее время документальные материалы Н.Н. Миклухо-Маклая находятся в Австралии, России, Великобритании, Германии, Италии и др. странах.

Примечания

¹ Австралия – самая малонаселенная часть света (кроме Антарктиды, где нет постоянного населения). По переписи 2011 г. население страны составляет 21 млн 507 тыс. 717 человек. Территориально ее население размещено крайне неравномерно. Почти все население сконцентрировано на юго-восточных, восточных и отчасти южных окраинах материка. Вся внутренняя Австралия и весь север почти не заселены. Характерная особенность в размещении населения Австралии – исключительно высокая концентрация населения в крупных городах. Подавляющее большинство населения страны исповедует христианство. Государственный язык английский. В составе Австралийского союза 6 штатов: Западная Австралия, Южная Австралия, Тасмания, Виктория, Новый Южный Уэльс, Квинсленд и две территории: Северная Территория и Австралийская Столичная Территория. Столица Австралии – Канберра.

² Хотимский К.М. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957; Георгиевич М.М. Свет и тени. Сидней, 1968; Головки И.П. Мой путь в Австралию: мемориальные записки одного из эмигрантов Австралии. Брисбен, 1986; Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австрал. истории. М., 1991; Российские моряки и путешественники в Австралии: [Сборник] [Сост. Е.В. Говор, А.Я. Массов]. М., 1993; Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным Крестом: (Из истории рус.-австрал. связей первой трети XIX в.). СПб., 1995; Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб., 1998; Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: [В 2 ч.]. Ч. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. Владивосток, 2000; Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX века). М., 2002; История русских в Австралии. Т. I. Сидней, 2004; Т. II. Сидней, 2008; Т. III. Сидней, 2010; «Я – бездомный, но зато на воле...»: русские перемещенные

лица в Австралии (1947–1954 гг.) / Г.И. Каневская. Владивосток, 2005; Когда мир был широк: российские моряки и путешественники в Австралии: документы, письма, воспоминания / Ред. и сост. Е. Говор и А. Массов. Канберра, 2007; Российские моряки и путешественники в Австралии / Сост. Е.В. Говор, А.Я. Массов. М., 2007; Русские в Австралии: [исторический справочник] / [Сост. и авт. разделов: Аполлонова И.Л. и др.]. Сидней, 2008; *Пул Томас*. Русские и фашизм в Квинсленде (1935–1945) / Перевод с англ. Т.В. Николаевой, науч. редактирование А.Я. Массова и В.Ю. Жукова // Клио. 2009. №4 (47). С. 127–134; *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010; *Кравцов А.Н.* Русская Австралия. М., 2011; *Ларкина Л.Л.* Уральские казаки в Квинсленде. Брисбен, 2011; *Govor Elena*. Russian Anzacs in Australian history. Sydney, NSW: UNSW press, 2005; *Alexander Massov, John McNair, Thomas Poole*. Encounters under the Southern Cross: Two Centuries of Russian-Australian Relations (1807–2007). Adelaide: Crawford House publ, 2007 и др.

³ Хроника. По стране // Вопросы архивоведения. Научно-информационный бюллетень. 1962. № 4. С. 126; *Матвеева Т.П.* Рукописное наследие Н.Н. Миклухо-Маклая // Советские архивы. 1971. № 6. С. 97–99; Русские географы и путешественники. / Сост. Т.П. Матвеева, Т.С. Филонович и Л.И. Ярукова. Л., 1971; Рукописи, поступившие в 1970 г. в собрание отдела рукописей (Ф. 218) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 34. М., 1973. С. 144–145; *Старостин Е.В.* История России в зарубежных архивах. М., 1994; *Массов А.Я.* Коллекция документальных материалов по истории русской иммиграции в Австралии в библиотеке Квинслендского университета // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 11–12. СПб., 2009. С. 66–69; *Савостина Е.А.* Архивы Австралии // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 71–76 и др.

⁴ 26 января 1788 г. британские корабли прибыли в район современного Сиднея для создания каторги. Эту дату ныне отмечают как «День Австралии», но некоторые коренные народы и их сторонники рассматривают как «День выживания» или «День вторжения». 7 февраля новая колония была официально провозглашена в качестве колонии Нового Южного Уэльса.

⁵ <http://www.terravision.ru/country/view/378> (Дата обращения 16.10.2012)

⁶ Самая крупная из этногенетических групп – англоавстралийцы в узком смысле слова, т.е. потомки выходцев из Англии. По очень приблизительным подсчетам, английское происхождение имеют три пятых всех австралийцев. Вторая по численности этногенетическая группа – ирландоавстралийцы. Еще одна крупная этногенетическая группа – шотландоавстралийцы. Представители англоавстралийской нации уэльского происхождения сравнительно малочисленны и расселены они относительно дисперсно и не образуют ярко выраженной этногенетической группы. Но все же, несмотря на наличие этногенетических, этноконфессиональных и региональных групп, англоавстралийская нация, бесспорно, обладает определенной целостностью, и сознание национального единства явно превалирует над сознанием принадлежности к той или иной группе. К основному ядру населения Австралии примыкают другие группы европейского происхождения, и образуется сложная динамическая система. В Австралии есть также небольшие группы англоканадцев и американцев из США. (<http://i-avstraliya.ru/etnicheskoe-razvitiye-avstralii/etnicheskij-sostav-avstralii.html> (Дата обращения 16.10.2012).

⁷ *Thomas Brinley*. International Migration and Economic Development. Paris, 1961.

⁸ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 40А. СПб., 1904. С. 736.

⁹ Ди-пи – калька с англоязычного термина Displaced Persons – перемещенные лица.

¹⁰ См. подробно: *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010. С. 15, 16, 19, 20, 36, 37, 43, 45, 172, 173, 359.

¹¹ *Кравцов А.Н.* Русская Австралия. М., 2011. С. 296.

¹² Численность наших соотечественников в Австралии оценивается сегодня весьма различно. На встрече В.В. Путина с соотечественниками в Австралии в 2007 г. прозвучало, что здесь живет около 200 тысяч человек (http://archive.kremlin.ru/appears/2007/09/09/1417_type63376_143545.shtml (Дата обращения 10.10.2012)). Встречается даже оценка – около 300 тысяч. <http://www.russianews.ru/second/19806/> (Дата обращения 10.10.2012 г.).

¹³ Зарубежная архивная Россия понимается нами достаточно широко как совокупность всех архивных материалов, находящихся в архивах, библиотеках, музейных и частных коллекциях зарубежных стран и имеющих отношение к России.

¹⁴ См. *Гентшке В.Л., Сабенникова И.В.* Зарубежная архивная Россия: география и интенсивность использования архивных документов в российской периодике // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 18–25.

¹⁵ История русских в Австралии. Т. I. Сидней, 2004. С. 285.

¹⁶ См. подробнее: *Савостина Е.А.* Архивы Австралии // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 71–76.

¹⁷ Библиотека Митчелла – часть Государственной библиотеки штата Новый Южный Уэльс, которая занимает помещения двух зданий, соединенных между собой. Более старое здание (1906 г.) носит название библиотеки Митчелла. Библиотека Митчелла в Сиднее – основной источник по истории Австралии; кроме того, там находится бесценная коллекция рукописей. Библиотека Фишера (Fisher Library) – главная библиотека Сиднейского университета, обладающего самым обширным собранием книг в Южном полушарии, насчитывающем более двух миллионов томов.

¹⁸ Хроника. По стране // Вопросы архивоведения. Научно-информационный бюллетень. 1962. № 4. С. 126.

¹⁹ См. *Матвеева Т.П.* Рукописное наследие Н.Н. Миклухо-Маклая // Советские архивы. 1971. № 6. С. 97–99. В данной статье автор также сообщает, что подробную характеристику личного фонда Н.Н. Миклухо-Маклая можно найти в кн.: Русские географы и путешественники / Сост. Т.П. Матвеева, Т.С. Филонович и Л.И. Ярукова. Л., 1971.

²⁰ Рукописи, поступившие в 1970 г. в собрание отдела рукописей (Ф. 218) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 34. М., 1973. С. 144.

²¹ Робертсон Маклай хранит семейный архив, где есть неопубликованные фотографии самого ученого, его жены, сыновей, а также фотографии Льва Толстого и Тургенева с надписями. Кроме того, есть интереснейшие записки Маклая. При посещении Сиднея советским научно-исследовательским судном «Дмитрий Менделеев» Роб Маклай передал советским этнографам несколько фотографий и копии документов <http://australia.miheeff.com/sidney.php?podrobnohttp://australia.miheeff.com/sidney.php?podrobno> (Дата обращения 02.10.2012).

²² *Петриковская А.С.* Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX века). М., 2002. С. 30–31.

Продолжение следует

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

О.Н. ТУР

**ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ ПО ОХРАНЕ
И СОХРАНЕНИЮ АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТОВ В УКРАИНЕ
В СОПОСТАВЛЕНИИ
С СОВРЕМЕННЫМИ
ТЕНДЕНЦИЯМИ РАЗВИТИЯ
АРХИВНОГО ДЕЛА*****Tur O. N. First steps of Soviet government
on protection and preservation of archive documents
in Ukraine in compare with modern tendencies
of archive development***

Аннотация / Annotation

В статье освещена работа органов власти в первые годы советской власти в сфере архивного дела в Украине, а также рассмотрены проблемы получения и хранения архивных документов в современный период восстановления и закрепления независимости Украины. Уделяется внимание одной из приоритетных задач государственных архивов – формированию Национального архивного фонда, пополнение его документами, в которых отразились проблемы, касающиеся состояния развития украинской государственности и пути ее реформирования, а также обеспечения сохранности архивных документов.

The article introduces the work in sphere of archiving in the first years of Soviet government in Ukraine. Also, it was analyzed the problems of archive documents receiving and keeping at the period of recovery and consolidation of Ukrainian independence. One of the priorities of government archiving in this period is National Archive Fund forming, its replenishment by documents which were described the problems of Ukrainian National identity development and its ways of reforming, also, provide the archive documents safety.

Ключевые слова / Keywords

Архивы, источники, информационная деятельность, Национальный архивный фонд Украины, архивный фонд, архивный документ. Archives, sources, information activity, National Archive Fund of Ukraine, archive fund, archive document.

Первым мероприятием советской власти в Украине, направленным на организацию охраны и сохранения архивных документов, стало появление в феврале 1919 г. в Харькове в структуре Всеукраинского комитета охраны памятников искусства и старины (ВУКОПИС) Наркомата просвещения УССР архивно-библиотечной секции¹, задачей которой среди других стала проработка вопросов теории и практики архивного дела, осуществления контроля за отбором документов на постоянное хранение. Архивно-библиотечной секцией была проведена значительная работа по концентрации (под концентрацией понимался прием документов в государственные архивы) архивных документов, упорядочению дел, принятых на хранение, контролю за состоянием архивного дела в учреждениях².

На своих заседаниях секция рассматривала методические вопросы, связанные с «разборкой типичных архивов», затрагивались вопросы подготовки «инструкции общего характера для разборки типовых архивов» и составление перечней дел, подлежащих уничтожению³. Архивный отдел ВУКОПИС в этот период больше сосредотачивался на основных теоретических и методических вопросах архивной работы, а именно – разработке различных правил, инструкций, указаний и. т.п.

Наибольшее внимания заслуживает разработанная в 1921 г. «Общая инструкция для разборки архивных материалов» – первый документ по вопросам методики проведения экспертизы ценности документов в учреждениях. Инструкция состояла из общей части и четырех разделов: о выделении материалов для делопроизводственного значения; о выделении материалов научного значения; о выделении материалов по истории революции; об изъятии ненужного архивного материала.

В Инструкции был приведен примерный перечень дел, подлежащих постоянному хранению. Было определено семь категорий архивных документов, которые имели научное значение и касались: деятельности законодательных учреждений и органов центральной власти (сведения о создании, функционировании, ликвидации – законы, законопроекты, указы, инструкции, распоряжения, разъяснения); внешней политики государства (сведения о международных отношениях, международных договорах); воен-

ного, военно-морского дела и авиации; местного самоуправления (сведения об организации, развитии и ликвидации областных, губернских, уездных, волостных, сельских правительственных учреждений, сведения об истории городского и земского самоуправления); правового устройства и народного правосознания (сведения о возникновении, устройстве и ликвидации судебных учреждений, судебные дела, документы о недвижимости и движимом имуществе, документы, характеризующие имущественные отношения, правовое сознание общества); народного хозяйства, классового деления общества, быта и обычаев страны (ведомости, отчеты о состоянии и развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, экономического состояния страны, отдельных классов, различных отраслей хозяйства, о состоянии и развитии соцобеспечения; благотворительность, здравоохранение, история профсоюзов, кооперации, религиозных, социальных, политических движений, настроений населения, об отдельных исторических событиях, о жизни и деятельности известных лиц и т.д.); народного образования, духовной культуры, науки, искусства, прессы, о деятельности учебных, культурно-образовательных учреждений, отдельных работников образования.

Инструкция определяла признаки или критерии ценности документов: содержание, время создания, состояние и степень сохранности архивного фонда, а также требовала определять научную и практическую ценность не по описаниям, а путем тщательного пересмотра дел с целью ознакомления с содержанием документов. В случае уничтожения «делопроизводственных форм» (под термином «делопроизводственная форма» в Инструкции понимались виды документов: акты, счета, квитанции, свидетельства и т.п.) предлагалось оставлять на хранение 1–2 образца типовых видов документов⁴.

Нормативное обеспечение архивной части делопроизводства в УССР этого времени осуществлял Укрцентрархив. Среди основных задач деятельности этого учреждения выделим следующие: установление порядка ведения архива, что обеспечивало бы сохранность и целостность документов, а также процесс передачи их в архивохранилища. Свою деятельность Укрцентрархив строил согласно Постановлению ВУЦИК (Всеукраинский

Центральный исполнительный комитета) и СНК от 16 декабря 1925 г. «О Едином государственном архивном фонде». Основываясь на этом Постановлении, 17 февраля 1926 г. Укрцентрархив издает «Положение об архивной части делопроизводства в правительственных и общественных учреждениях УССР». Положение регламентирует употребление таких терминов: архивные части делопроизводства, делопроизводственные материалы учреждения, архивные материалы Единого государственного архивного фонда, временное пользование, целостность дел и правильность их хранения⁵.

В начале 1927 г. Укрцентрархив подготовил Инструкцию об организации работы экспертных комиссий, которая регламентировала порядок проведения утилизации архивных документов, устанавливала состав документов, не подлежащих дальнейшему хранению⁶. Анализ Инструкции, а также списков документов, прилагаемых к протоколам заседаний Центральной проверочной комиссии при Укрцентрархиве, показал, что недостаточное внимание уделялось методическим вопросам экспертизы. Так, имели место термины для обозначения названий дел: акты и протоколы, различные бумаги, входящие бумаги, исходящие бумаги, копии⁷. Такие названия не давали точного представления о содержании документов, поэтому дела уничтожались.

С целью активизации работы по определению ценности документов необходимо было четко определиться с номинациями и сроками хранения документов. Учитывая это, документы стали делить на две группы: имеющие научно-историческое значение и сохраняющиеся пожизненно в государственных архивах, использующиеся в течение короткого времени и для которых необходимо установить конкретные сроки хранения. Ко второй группе были отнесены «типовые (однообразные) по форме группы архивных материалов»⁸.

Проведенная работа помогла архивистам изучить документацию, способствовала накоплению опыта, выявила недостатки в этом направлении. Приобретенный опыт позволил учреждениям подготовить по рекомендованной схеме качественные списки дел, в которых учитывалась документация подведомственных учреждений (перечни Укргосстраха, Укрбумагобъедине-

ния)⁹. Однако в связи с тем, что однородная типовая документация имела в списках разные сроки хранения, возникла необходимость их унификации. Первой попыткой создать список нового типа стала разработка НК РКИ СССР «Перечня денежно-материальной отчетности второстепенного значения», утвержденного в декабре 1929 г., который унифицировал сроки хранения первичной бухгалтерской документации, установив сроки хранения финансово-материальной отчетности (1, 3, 5 лет)¹⁰.

Внедрению перечней документов со сроками хранения способствовало появление нового положения «О Едином государственном архивном фонде УССР», утвержденного постановлением ВУЦИК 5 апреля 1930 г.¹¹ Согласно ему все учреждения были обязаны создавать «перечни архивных материалов» с указанием сроков хранения и представлять их на утверждение в архивные органы. О всех изменениях в делопроизводстве и внедрении дополнительных видов документов учреждения должны обязательно сообщать архивным органам.

В связи с образованием 10 апреля 1929 г. Центрального архивного управления (ЦАУ) Союза ССР, 12 сентября 1930 г. СНК УССР издал постановление об изменении ст. 7 «Положения о Едином государственном архивном фонде УССР», в котором указывалось, что «...архивными фондами и материалами общесоюзного значения ведает Центральное архивное управление УССР под общим наблюдением Центрального архивного управления Союза ССР»¹². Концентрация, составление и использование этих документов местными архивными органами республики начало осуществляться в соответствии с общими правилами, изданными ЦАУ СССР. Это обусловило внедрение в Украине перечней документов со сроками хранения, подготовленных союзными наркоматами и утвержденных ЦАУ СССР. В дальнейшем о разработках теоретических и методических вопросов архивного дела, в том числе касающихся экспертизы ценности документов, заботились исключительно союзные архивные органы.

Анализ последних исследований по рассматриваемой теме свидетельствует об интересе ученых к теоретическим и прикладным аспектам обозначенной проблемы. Получение и хранение архивных документов в период становления украинской го-

сударственности отчасти освещены в работах таких украинских ученых, как В. Лозицкий, В. Ляхоцкий, К. Селиверстова, Р. Пирог, Т. Прокшева, Я. Калакура, И. Матяш, Г. Боряк, Л. Дубровина и др. Работы названных исследователей дают возможность выяснить современное состояние и перспективы развития темы исследования, поскольку на сегодня остается актуальным и требует дальнейшего обобщения анализ получения и хранения архивных документов с точки зрения информационной деятельности государственных архивов.

Формирование Национального архивного фонда (НАФ) Украины и обеспечения сохранности архивных документов стали одними из приоритетных задач государственных архивов в период закрепления независимости Украины. На архивные учреждения в настоящее время возложена обязанность пополнять НАФ документами, в которых отражались проблемы, касающиеся состояния развития украинской государственности и пути ее реформирования.

Главную роль в формировании и обеспечении сохранности документов Национального архивного фонда играют центральные государственные архивы, которые создаются по решению Кабинета Министров Украины и непосредственно подчиняются Госкомархиву.

Ядро Национального архивного фонда Украины составляет сеть государственных архивов, построение которой соответствует структуре государственного устройства общества и составляет классическую иерархическую систему¹³.

Центральным органом исполнительной власти в сфере архивного дела и делопроизводства является Государственный комитет архивов (Госкомархив) Украины, образованный Указом Президента Украины «Об изменениях в структуре центральных органов исполнительной власти» (№ 1573 от 15 декабря 1999 г.). Он пришел на смену Главному архивному управлению Украины, которое действовала в марте–декабре 1999 г., Главному архивному управлению при Кабинете Министров Украины, существовавшем в 1992–1999 гг., и Главархиву советской эпохи.

Формирование Национального архивного фонда и обеспечение надлежащих условий его сохранности являются первооче-

редными современными задачами комитета. В этот период были очерчены главные контуры Национального архивного фонда, подготовлено его законодательное закрепление¹⁴. Для достижения целей были собраны и переданы Национальному архивному фонду Украины на государственное сохранение отечественная часть Государственного архивного фонда, архивы и документы текущего делопроизводства Компартии и ЛКСМ Украины, некоторые категории архивных документов КГБ УССР.

Важным шагом по обеспечению функционирования НАФ, в частности сбора и хранения архивных документов, стало принятие главного архивного закона – «О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях» в декабре 1993 г. Это событие способствовало также налаживанию передачи в Украину ряда документных комплексов, личных фондов и микрофотокопий документов, которые находились на хранении в других странах мира.

В 1990-х гг. значительно расширилось поступление в состав НАФ Украины документации объединений граждан, предприятий, учреждений, организаций, основанных на коллективной и частной формах собственности; дел и отдельных документов личного происхождения от украинских граждан, жителей дальнего и ближнего зарубежья, научно-технической документации и кинофотоаудиодокументов, а впоследствии – видео-документов.

В архивных подразделениях организаций, предприятий, учреждений негосударственной формы собственности постоянно сохранялось значительное количество документации, которая имела историко-культурную или научную ценность и должна была быть внесена в НАФ. Постоянный контроль за условиями ее хранения и использования архивной информации осуществляли государственные архивные учреждения.

Более 150 тыс. дел высших органов власти и управления, которые неоднократно подвергались реорганизации в конце XX в., были упорядочены и переданы на хранение ЦГАВО Украины. В период с 1991 по 1995 г. государственными архивами Украины были приняты 10,2 млн дел архивного фонда КПСС, более 4 млн дел документов по управленческой деятельности, 108 тыс. ед.

кинофотофонодокументов, около 33,5 тыс. ед. научно-технической документации, 1,8 млн дел от органов безопасности.

Большая работа проведена в соответствии с изданными в начале 2000 г. указами Президента Украины о реформировании коллективных сельхозпредприятий, которых в стране насчитывалось 11,5 тыс. Государственные архивные учреждения принимали меры по обеспечению сохранности документов КСП.

В течение первых лет независимости Украины произошли значительные политические и социально-экономические изменения, что повлияло на пополнение НАФ значительным количеством документов управленческих органов всех уровней, учреждений социально-культурной сферы, научных и учебных заведений, торговли, добровольных объединений граждан, занимавшихся различными направлениями деятельности.

С целью методического обеспечения формирования НАФ Госкомархив с помощью других центральных органов исполнительной власти, государственных архивных учреждений подготовил перечень типовых документов, ведомственные перечни документов Национального и коммерческих банков, Государственной таможенной службы, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, народных судов, ряд примерных и типовых номенклатур дел, дополнения в Перечень типовых документов¹⁵.

В первые 15 лет независимости нашего государства деградация материально-технической базы оставалась одной из важнейших негативных тенденций архивной сферы. Некоторому укреплению материально-технической базы способствовало распоряжение Президента Украины «О неотложных мерах по развитию архивного дела» от 2 сентября 2000 г. Соответствующие распоряжения были приняты в большинстве областей с целью закрепления определенных путей улучшения деятельности архивных учреждений.

Одной из главных характеристик третьего тысячелетия является стремительный рост темпов глобализации, начавшийся еще в XX в., и переход к постиндустриальному информационному обществу, в котором приоритетным процессом становится обмен информацией, знаниями, идеями, эмоциями между людьми,

что обусловлено целым рядом факторов, принимаемых в обществе. В этот период значительное внимание уделяется социальным коммуникациям, в основе которых лежит информационный фактор. Это создает основу для нового понимания архива как субъекта информационно-коммуникационных процессов. Архивы постоянно осуществляют информационную деятельность с целью обеспечения общества ретроспективной информацией. Информационно-коммуникационная сфера деятельности архивов требует особого внимания, поскольку пользователи имеют право требовать от архивных учреждений предоставления достоверных информационных услуг. Неотъемлемой составляющей информационной деятельности государственных архивов является получение и хранение архивных документов. Эти процессы претерпели определенные изменения с обретением Украиной независимости, что требует их детального исследования.

Примечания

¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 14 (Главное архивное управление при Совете Министров УССР). Оп. 1. Д. 23 (Устав ВУКОПИСа и инструкция о его обязанностях, протоколы заседаний архивного отдела ВУКОПИСа. 10 января 1921 – 1 августа 1921 г.). Л. 17.

² Там же. Д. 10. (Отчеты работников архивного сектора Харьковского губкопса о проверке состояния архивных губернских учреждений. 22 декабря 1919 – 17 мая 1920 г.). Л. 88.

³ Там же. Д. 9а (Протоколы заседаний архивной секции Харьковского губкопису. 3 января – ноябрь 1920 г.). Л. 88, 99.

⁴ Там же. Д. 41 (Отчеты сотрудников контрольно-экспертного подотдела о работе за январь–август 1921–1921 г.). Л. 11, 15, 23.

⁵ Положения об архивной части делопроизводства в правительственных и общественных учреждениях УССР // Сборник законов УССР. 1926. № 7. С. 15–18.

⁶ С объявлением инструкции экспертным комиссиям: циркуляр Укрцентрархива центральному архиву, краевым (междокружным) архивам № 989 от 8 апреля 1927 г. // Бюл. ЦАУ. 1927. № 5 (25). С. 1.

⁷ ЦГАВОВУ. Ф. 14 (Главное архивное управление при Совете Министров УССР). Оп. 1. Д. 200 (Списки утилизируемых дел Высшего суда УССР. 1925 г.). Л. 1–20.

⁸ Об установлении наркоматами сроков хранения типовых архивных материалов и уменьшении требований по их упорядочению // Бюл. ЦАУ. 1928. № 7 (39). С. 5–6.

⁹ ЦГАВОВУ. Ф. 14 (Главное архивное управление при Совете Министров УССР). Оп. 1. Д. 1421 (Перечни дел Укргосстраха и Укрбумагообъединения со сроками хранения, присланные в ГПК. 7 апреля – 27 мая 1931). Л. 1–44.

¹⁰ Там же. Ф. 4508 (Всеукраинской институт рационализации управления Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции УССР). Оп. 1. Д. 38 (Материалы о ведении делопроизводства. 1930 г.). Л. 1–169.

¹¹ О Едином государственном архивном фонде УССР: Постановление ВУЦИК и СНК УССР от 5 апреля 1930 // Сборник законов УССР. 1930. Отдел первый. № 10.

¹² Об изменении ст. 7 Постановления о Едином государственном архивном фонде УССР: Постановление ВУЦИК и СНК УССР от 12 сентября 1930 // Сборник законов УССР. 1930. Отдел первый. № 20. С. 204.

¹³ Ляхоцький В. Організація архівної справи в Україні: тенденції, шляхи модернізації / В. Ляхоцький, К. Селіверстова // Студії з архівної справи та документознавства. 1999. Т. 4. С. 44.

¹⁴ Пиріг Р.Я. Сучасне архівне будівництво і вітчизняне архівознавство / Р. Я. Пиріг // Українське архівознавство : історія, сучасний стан та перспективи: наукові доповіді Всеукраїнської конференції, 19–20 листопада 1996 р.: у 2 частинах / В. Ляхоцький, І. Матяш (упоряд.); Київ. ун-т ім. Т. Шевченка, Спілка архівістів України. Ч. 1. К., 1997. С. 23.

¹⁵ Нариси історії архівної справи в Україні: навч. посіб. для студ. іст. ф-тів вищ. навч. закл. / С. В. Абросимова, В. В. Бездрабко, В. В. Болдирев та ін.; за заг. ред. І. Матяш та К. Климової. К.: Видавничий дім «КМ Академія», 2002. С. 569.

А.Н. СУКАЧ

ВЫДЕЛЕНИЕ ИЗ МАССИВА ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКИ ДОКУМЕНТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ВКЛЮЧЕНИЮ В СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТАМИ ОРГАНИЗАЦИИ

Sukach A.N. Identification of e-mail records to capture into the records management system of organization

Аннотация / Annotation

В статье рассматривается проблема совершенствования формирования документальных фондов организаций Республики Беларусь в условиях использования технологии электронной почты. Определяется перечень содержательных и формальных критериев выделения из массива электронной переписки документов, подлежащих включению в систему управления документами организации. Анализируются подходы к определению подобных критериев, закрепленные в нормативных и методических документах международных организаций и различных стран.

The article is devoted to the improvement of documentary fonds formation in Belarussian organizations in the context of e-mail technologies. Author analyzes Belarussian and international legislation and other sources on the subject, defines the criteria of e-mail records identification.

Ключевые слова / Keywords

Документ, документальный фонд, сообщение электронной почты, управление электронными документами, электронная почта, электронный документ. Documentary fond, electronic record, electronic records management, record, records management, e-mail, e-mail message.

Экспоненциальный рост объемов электронной переписки характерен для многих стран, активно внедряющих и использующих современные информационно-коммуникационные технологии. Республика Беларусь не является исключением: в некоторых организациях ежегодный рост объемов электронной переписки достигает 200%¹.

Учитывая значительные объемы пересылаемой посредством электронной почты документированной информации, особую актуальность приобретают вопросы оптимизации формирования

документальных фондов организаций такой информацией. Одним из важнейших вопросов, требующих решения, является определение критериев, на основе которых из массива электронной переписки будут выделяться сообщения, подлежащие включению в систему управления документами организации² путем регистрации (при необходимости), формирования в дела и, потенциально, являющиеся в дальнейшем объектами архивного хранения.

Традиционно начальным этапом включения большинства документов в систему управления документами организации является их регистрация, то есть запись учетных данных о документах в регистрационной форме, фиксирующая факт их создания, получения или отправки. Регистрация является одним из основных этапов придания документам юридической силы, т.к. фиксирует, подтверждает факт их создания или получения, обеспечивает доказательство существования документов.

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь регистрация документов не всегда является обязательным условием, формализующим включение документов в систему управления документами организации. Например, без дополнительной внутренней регистрации включаются в дела уставы организаций. Также, например, порядок формирования личных дел подразумевает включение в такие дела юридически значимых документов либо их копий, которые в организации не регистрируются, но при этом имеют важное значение для отражения условий приема гражданина на работу, характеристики его личных и профессиональных качеств и т.д. (личный листок по учету кадров (анкета), автобиография, копии документов об образовании, характеристики и другие)³.

Законодательство Республики Беларусь по делопроизводству содержит два взаимодополняющих подхода к определению того, какие документы подлежат регистрации, а какие – нет. Первый из них заключается в установлении общих критериев, гласящих, что регистрации подлежат документы, требующие учета и исполнения⁴. Таким образом, регистрация становится начальным этапом работы с документами, которые должны учитываться и контролироваться.

В определенной степени указанные критерии дополняет второй из закрепленных в законодательстве Республики Беларусь

по делопроизводству подходов к выделению документов, подлежащих регистрации. Он базируется на методе исключения и заключается в том, что из процесса регистрации, дальнейшего учета, контроля исполнения и хранения исключаются определенные категории документов, закрепляемые в локальных нормативных правовых актах организации. К таким категориям относятся присланные для сведения документы оперативно-информационного характера (письма, сводки и другие), заявки, наряды, разнарядки, поздравительные письма и ряд других⁵.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь не содержит исчерпывающий перечень критериев отнесения документов к категории тех, которые подлежат включению в систему управления документами организации, в т.ч. посредством регистрации и формирования в дела. В полной мере это проявляется и при работе с электронной почтой.

Необходимо отметить, что делопроизводственные традиции стран СНГ отражают подходы к определению документов, подлежащих регистрации и включению в дела, схожие с теми, которые закреплены в нормативной и методической базе Республики Беларусь⁶.

В контексте рассматриваемой проблемы представляет интерес международный и зарубежный опыт. Как на международном уровне, так и в развитых зарубежных странах при решении вопроса о выделении среди документированной информации, образующейся в деятельности организаций, той ее части, которая подлежит включению в систему управления документами организации, ставится вопрос о делении такой информации на две группы: документы (records) и «недокументы» (nonrecords)⁷. Зачастую вторая из указанных групп определяется как «документы временного характера» (transitory records, ephemeral records). Подобное деление осуществляется на основе анализа функций, выполняемых документированной информацией, с учетом контекста ее создания и использования. В случае, если сообщения электронной почты соответствуют установленным признакам, их также относят к категории документов, подлежащих включению в систему управления документами организации.

Одним из ключевых международных актов, который определяет признаки документов для целей управления документами в оперативной деятельности организаций, является международный стандарт ISO 15489-1:2001⁸. Указанный стандарт выделяет следующие ключевые признаки документа (record), подлежащего включению в систему управления документами организации: создание в процессе выполнения деловой деятельности организации (при выполнении организацией (ее должностным лицом) своих функций и обязанностей, принятии решений); доказательный или справочный (в т.ч. для целей отчетности) характер информации о процессах и результатах деловой деятельности.

Указанное понятие документа используется также в иных международных стандартах, принятых в развитие ISO 15489-1:2001.

Схожего подхода придерживается Организация Объединенных Наций, где под документами, выступающими в качестве объекта делопроизводства, также понимаются те, которые могут служить в качестве доказательства или источника сведений о деловой деятельности организации⁹. В этом контексте отмечается, что сообщения электронной почты необходимо рассматривать в качестве документов (records), подлежащих включению в систему управления документами организации, если они используются для доказательства (отражения) и контроля деловой деятельности организации, осуществления процессов деловой деятельности и их документирования, принятия решений, отчетности об осуществленной деловой деятельности.

Помимо определения признаков сообщений электронной почты, представляющих собой документы (records), подлежащие включению в систему управления документами организации, ООН использует метод исключения, при котором определяются признаки и категории «временных документов электронной почты» (transitory email records), то есть документов, необходимых лишь на протяжении короткого периода времени, в т.ч. для выполнения рутинных операций или же для подготовки официального документа¹⁰.

В зарубежных странах, как правило, определение и признаки документов (records), подлежащих включению в систему управления документами организации, в т.ч. на основе которых

электронную переписку относят к категории таких документов, закрепляются на законодательном уровне. Так, в Великобритании понятие и признаки таких документов закреплены в Своде практических указаний по управлению документами Лорда-канцлера Великобритании¹¹.

В отношении электронной почты указанные признаки разъясняются и детализируются в методических документах Национального архива Великобритании. Так, Национальный архив дополнительно разъясняет, что документированная информация, пересылаемая по электронной почте, относится к категории документов (records), если она содержит сведения о событиях, относящихся к деловой деятельности организации, о принятых решениях, совершенных действиях, процессах выполнения организацией своих уставных функций, процессах оказания услуг сторонним лицам¹². Британские архивисты отмечают, что в качестве документов (records), подлежащих включению в систему управления документами организации, могут рассматриваться не только итоговые подписанные и/или утвержденные документы, но и промежуточные проекты, переписка по их обсуждению, если содержащаяся в них информация необходима для понимания логики принятых решений, совершенных действий и т.п.

В США отнесение сообщения электронной почты к категории документа (record), подлежащего включению в систему управления документами организации, будет осуществляться, если подобное сообщение: создано организацией в процессе выполнения своих функций, принятия должностными лицами организации решений при выполнении этих функций; может быть использовано в качестве доказательства деятельности организации (ее должностных лиц); имеет важную информационную ценность для деятельности организации¹³.

Документированную информацию, не подпадающую под определение документа (record), американское законодательство относит к категории «недокументных материалов» (nonrecord materials)¹⁴. К таким материалам относят «рутинную» служебную переписку по вопросам ежедневной деятельности, неофициальные сообщения, в т.ч. личного характера, приглашения на рабочие заседания и т.п.¹⁵

В Австралии документами (records) признаются документальные доказательства деятельности организации, созданные или полученные ей (ее должностными лицами) в процессе осуществления своих функций и обязанностей. Например, сообщения электронной почты, создаваемые и получаемые государственными служащими в процессе выполнения своих функций, признаются государственными документами (public records)¹⁶. К подобным сообщениям относятся те, которые: имеют доказательную ценность, в т.ч. если информация, содержащаяся в сообщениях, больше нигде не содержится; документируют официальное одобрение (согласие) должностных лиц на выполнение тех или иных действий; являются средством официальных документированных коммуникаций между работниками либо между работниками и сторонними лицами (организациями), в т.ч. представляют собой ответные сообщения на присланные в организацию официальные запросы; документируют разъяснение (обоснование) политики организации, совершаемых действий, принимаемых решений, в т.ч. в отношении направлений дальнейшей работы; определяют необходимость выполнения работником действий в рамках возложенных служебных функций и задач.

В дополнение к указанному австралийские специалисты также выделяют категории сообщений электронной почты временного характера (ephemeral e-mail, transitory e-mail), которые рассматриваются как источник информации, необходимый лишь на протяжении короткого периода времени (от нескольких часов до нескольких дней или недель)¹⁷.

В работах различных зарубежных исследователей также определяются критерии отнесения сообщений электронной почты к категории документов (records), подлежащих включению в систему управления документами организации. Как правило, подобные критерии основываются на общих правилах отнесения документированной информации к категории документов (records), в т.ч. закрепленных в международном стандарте ISO 15489-1:2001¹⁸.

Таким образом, на международном уровне, в законодательстве ряда англоязычных стран, а также работах специалистов этих стран существуют схожие подходы к определению критериев вы-

деления в массиве электронной переписки документов, подлежащих включению в систему управления документами организации.

В большинстве проанализированных источников при определении таких критериев основной упор делается на их доказательную, правовую и текущую информационную ценность (то есть с точки зрения нужд текущей деловой деятельности организации). При этом включению в систему управления документами организации в ряде случаев подлежат документы, которые согласно отечественным традициям делопроизводства в качестве объектов делопроизводственного учета, оперативного и архивного хранения не рассматриваются (повестки дня, черновики и промежуточные проекты документов и т.д.).

В результате проведенного анализа белорусского законодательства, а также зарубежных источников и работ различных исследователей можно определить ряд критериев содержательного характера, на основе которых среди массива электронной переписки организации может осуществляться выделение документов, подлежащих включению в систему управления документами организации, в т.ч. подлежащих регистрации (при необходимости) и формированию в дела. К таким критериям относятся:

создание пересылаемой информации в процессе осуществления организацией (должностным лицом) деловой деятельности, в т.ч. при выполнении закрепленных за организацией (должностным лицом) функций, реализации прав и обязанностей;

доказательный или справочный характер пересылаемой информации о процессах и результатах деловой деятельности, в т.ч. использование для целей отчетности;

использование пересылаемой информации для осуществления деловой деятельности, в т.ч. для принятия решений, установления прав и обязанностей работников;

использование пересылаемой информации для контроля деловой деятельности;

наличие у пересылаемой информации научно-исторической и/или социально-культурной ценности.

Таким образом, при выделении в массиве электронной переписки документов, которые подлежат включению в систему управ-

ления документами организации, следует использовать не только формальные, но и содержательные критерии. При этом в ряде случаев несоответствие формальным критериям (например, отсутствие должного оформления) не должно являться препятствием для отнесения электронных писем к категории документов, подлежащих включению в систему управления документами организации. Так, например, если электронное письмо содержит информацию, отражающую существенные условия подготовки итогового официального документа, повлиявшие на его окончательную редакцию, либо содержит уникальную информацию (например, самостоятельные аннотации и комментарии), позволяющую точнее понять логику принятых должностными лицами решений, такое сообщение представляется целесообразным включить в систему управления документами организации, поместив его в соответствующее дело. Также в качестве примера можно привести не содержащие собственноручной подписи электронные обращения граждан, на которые, тем не менее, в ряде случаев даются ответы.

В случае, если невозможно четко определить, относится ли электронное письмо к категории документа, подлежащего включению в систему управления документами организации, целесообразно относить его к такой категории, регистрировать (при необходимости) и хранить в течение установленного срока.

Для оптимизации состава регистрируемых документов электронной почты необходимо, чтобы категории электронных писем, не подлежащих регистрации, были включены в общий перечень документов, не подлежащих регистрации в организации.

Использование в практике деятельности организаций рассмотренных в статье критериев выделения из массива электронной переписки документов, подлежащих включению в систему управления документами организации, может стать важным инструментом совершенствования формирования документальных фондов организаций, позволяя избежать их загромождения «информационным мусором», не представляющим практической и исторической ценности, и позволяя при этом сохранить действительно важную и полезную информацию как для нужд текущей деятельности, так и для целей ретроспективного использования в будущем.

Примечания

¹ Сукач А.Н. Использование электронной почты в организациях Республики Беларусь // Архивы і справаводства. 2010. № 1. С. 42.

² Система управления документами организации рассматривается в статье в понимании международного стандарта ISO 15489-1:2001 как информационная система организации, обеспечивающая включение документов в систему, управление документами и доступ к ним в течение времени.

³ Инструкция о порядке формирования, ведения и хранения личных дел работников : утв. постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 26 марта 2004 г. № 2 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2004. № 58. 8/10795.

⁴ Инструкция по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь (п. 139.2): утв. постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 января 2009 г. № 4.

⁵ Инструкция по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь (приложение 5): утв. постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 января 2009 г. № 4.

⁶ Делопроизводство (Организация и технологии документационного обеспечения управления) / Кузнецова Т.В. [и др.]; Под ред. Т.В. Кузнецовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 242; п. 161–162 Типової інструкції з діловодства у центральних органах виконавчої влади, Раді міністрів Автономної Республіки Крим, місцевих органах виконавчої влади: затв. постановою Кабінету Міністрів України від 30 листопада 2011 р. № 1242.

⁷ Managing emails as Records // United Nations. Archives and Records Management Section. — <http://archives.un.org/ARMS/content/managing-emails-records>. 19.11.2012; Code of Federal Regulations – 36 CFR 1234 – Electronic Records Management // U.S. Government Printing Office: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CFR-2003-title36-vol3/pdf/CFR-2003-title36-vol3-part1234.pdf>. 19.11.2012; Email as Records : Advice to Victorian Government Agencies // Public Record Office Victoria. 2002. <http://prov.vic.gov.au/wp-content/uploads/2011/05/PROVRMadvice3.pdf>. 19.11.2012; Lord Chancellor’s Code of Practice on the management of records // The Justice. <http://www.justice.gov.uk/downloads/information-access-rights/foi/foi-section-46-code-of-practice.pdf>. 19.11.2012.

⁸ Information and Documentation – Records Management, Part 1: General : ISO 15489-1:2001 – First edition 15.09.2001. Geneva: the International Organization for Standardization, 2001. 19 p.

⁹ Managing emails as Records // United Nations. Archives and Records Management Section. — <http://archives.un.org/ARMS/content/managing-emails-records>. 19.11.2012.

¹⁰ Там же.

¹¹ Lord Chancellor’s Code of Practice on the management of records // The Justice. <http://www.justice.gov.uk/downloads/information-access-rights/foi/foi-section-46-code-f-ractice.pdf>. 19.11.2012.

¹² Guide 1. What is records management? // The National Archives. – 2010. — <http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/information-management/rm-code-guide1.pdf>. P. 3. 19.11.2012; Guidelines on developing a policy for managing email // The National Archives. 2004. http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/information-management/managing_emails.pdf. P. 28. 19.11.2012.

¹³ Code of Federal Regulations – 36 CFR 1220 – Federal Records; General (§1220.18) // U.S. Government Printing Office. — <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CFR-2012-title36-vol3/pdf/CFR-2012-title36-vol3-part1220.pdf>. – 19.11.2012; Code of Federal Regulations – 36 CFR 1234 – Electronic Records Management // U.S. Government Printing Office. — <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CFR-2003-title36-vol3/pdf/CFR-2003-title36-vol3-part1234.pdf>. – 19.11.2012; Developing a Policy for Managing Email // New York State Archives. – New York, 2008. — http://nysa32.nysed.gov/a/records/mr_pub85.pdf. – 19.11.2012.

¹⁴ Code of Federal Regulations – 36 CFR 1222 – Creation and Maintenance of Federal Records (§1222.14) // U.S. Government Printing Office. — <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CFR-2011-title36-vol3/pdf/CFR-2011-title36-vol3-part1222.pdf>. – 19.11.2012.

¹⁵ Developing a Policy for Managing Email // New York State Archives. New York, 2008. — http://nysa32.nysed.gov/a/records/mr_pub85.pdf. P. 8. 19.11.2012; Managing E mail Records // Missouri Secretary of State. 2001. <http://www.sos.mo.gov/records/recmgmt/e-mailguidelines.pdf>. P. 2. 19.11.2012; Huth G. Managing Email Effectively / Geof Huth // New York State Archives. 2002. http://www.archives.nysed.gov/a/records/mr_pub62.pdf. P. 10. 19.11.2012.

¹⁶ Email as Records: Advice to Victorian Government Agencies // Public Record Office Victoria. 2007. <http://prov.vic.gov.au/wp-content/uploads/2011/05/PROVRMadvice3.pdf>. 19.11.2012; Management of Email Records. State Records Office Guideline // State Records Office of Western Australia. 2009. <http://www.sro.wa.gov.au/sites/default/files/guideline-email-management-final.pdf>. 19.11.2012; Managing the Message. Guidelines on managing formal and informal communications as records // State Records Authority of New South Wales. 2005. <http://www.records.nsw.gov.au/recordkeeping/government-recordkeeping-manual/guidance/guidelines/guideline-7>. 19.11.2012.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Flynn N. E-mail Rules : a Business Guide to Managing Policies, Security, and Legal Issues, for E-mail and Digital Communications / N. Flynn, R. Kahn. New York: AMACOM, 2003. P. 63–69; Pennock M. Emails as Records. From Creation to Curation / Maureen Pennock // Digital Curation Centre, UKOLN. 2006. http://www.ukoln.ac.uk/ukoln/staff/m.pennock/presentations/curating-emails_200604.ppt. P. 5. 19.11.2012; Boudrez, F. Archiving E-mail / Filip Boudrez, Sofie Van den Eynde, eDavid Project. 2002. <http://www.edavid.be/davidproject/teksten/Rapporten/Report4.pdf>. P. 9–10. 19.11.2012; Cisco Susan L. Managing E-mail as Records / Susan L. Cisco [and others] // School of information. 1998. <http://www.gslis.utexas.edu/~scisco/lis389c.5/email/index.html>. 19.11.2012.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

З.П. ИНОЗЕМЦЕВА

ИЗДАНЫ УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ И ИСТОРИИ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

**Inozemceva Z.P. Textbooks on the history
of the Russian archives and of archive study
thought history are published**

Аннотация / Annotation

Рецензия посвящена учебникам по истории российских архивов за период XI–XX вв. и развитию архивоведческой мысли, изданными Минобрнауки РФ и РГГУ для студентов вузов, обучающихся по направлению 034700 «Документоведение и архивоведение». Социальная, научная и практическая значимость учебных дисциплин заключается в осознании магистрантами и студентами постоянно возрастающей ценности архивов как основного элемента «новой глобальной информационной инфраструктуры» (по терминологии ЮНЕСКО) и научной мысли, характеризующей уровень творческого самопознания Человека и общества. В этом контексте большое внимание уделяется изучению характерных особенностей изменения традиционной структуры «историк-архивист-архивы». В результате изучения материала магистрант и студент должны отчетливо представлять себе взаимообусловленность и взаимосвязанность эволюционных процессов, отражающих динамику профессий архивиста и историка.

The review is devoted to textbooks on the Russian archives history during the 11–20th centuries and to development of the archive study thought, published by the Ministry of Education of the Russian Federation and RSUH for students which are studying in the direction 034700 «Scientific discipline of documentation and archive studying». The social, scientific and practical importance of academic subjects consists in understanding by undergraduates and students of constantly increasing value of archives as basic element of «new global information infrastructure» (on UNESCO terminology) and the scientific thought characterizing level of creative self-knowledge of the person and society. In this context much attention is paid to studying of traditional structure «historians-archivists-archives» change. As a result of material studying the undergraduate and the student have to imagine distinctly correlation of the evolutionary processes reflecting dynamics of the archivist and the historian professions.

Ключевые слова / Keywords

Архивы, архивоведение, документоведение, новая глобальная информационная инфраструктура, РГГУ, Историко-архивный институт РГГУ, историк-архивист. Archives, archive studying, scientific discipline of documentation, new global information infrastructure, RSUH, historical-archival institute of RSUH, historian-archivist.

Отечественная историческая наука обогатилась уникальным научным трудом, выполненным учеными Историко-архивного института РГГУ Т.И. Хорхординой и В.И. Волковой в формате учебников*, которые были допущены для студентов вузов, обучающихся по направлению 034700 «Документоведение и архивоведение».

Учебники, изданные в 2012 г., по существу составляют единый комплексный труд, в котором впервые отечественное архивоведение как научная дисциплина обрело свою полноту, целостность, смысловую глубину и одухотворенность. Авторам в полной мере

Обложки учебников, изданных Историко-архивным институтом РГГУ

* Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли: Учеб. / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2012. 448 с.; Хорхордина Т.И., Волкова Т.С. Российские архивы: история и современность. Учебник / Отв. ред. В.В. Минаев. М.: РГГУ, 2012. 416 с.

удалось восстановить связь времен и поколений, прерванную революциями в XX столетии. Сотни имен выдающихся историков и архивистов предстают в этих учебниках живыми создателями и продолжателями интеллектуальных традиций отечественной историографии, источниковедения, архивоведения и документоведения, основанных на приоритете архивного источника и достоверности факта.

В научный оборот введен колоссальный объем исторически значимой неизвестной и малоизвестной фактографической информации о событиях и людях, трудившихся на ниве сохранения архивов как национальной памяти народа от времен Древней Руси до дней сегодняшних. Аналитическое освоение громадного во времени периода истории архивов и архивоведческой мысли позволило авторам предложить новую периодизацию развития архивного дела в России; емко, системно и научно аргументированно показать формирование архивоведения в самостоятельную отрасль междисциплинарного знания в области гуманитарных наук, не избегая и находя ответы на многие дискуссионные разномыслия последних десятилетий.

История российских архивов в контексте сложных и противоречивых исторических процессов раскрыта через судьбы и творческий путь десятков и сотен лучших умов России. Рассматриваемые учебники определяют оптимальный вектор развития отечественного архивного дела на базе обобщения достижений ученых историков-архивистов и практиков архивного дела всех предшествующих эпох. Историко-архивный институт продолжает лучшие традиции вузовской школы, оставаясь по своей сути методическим центром РГГУ.

Профессура и студенты гуманитарных вузов получили бесценный дар: «нить Ариадны» в лабиринты творческого архивного поиска для осмысления реальной истории государственности и культуры народа России.

О РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ АВИАЦИОННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В 1920-е–1940-е гг.

Tihonov N. T. About repressive policy concerning the Soviet aviation experts in 1920th – 1940th

Аннотация / Annotation

Рецензируемый труд представляет тематический обзор фондов и публикацию архивных документов филиала РГАНТД, содержащих описание научных и конструкторских исследований и изобретений в области авиационной техники. Многие документы рассекречены и вводятся в научный оборот впервые. Исключительный интерес историков и специалистов вызовут сведения о контактах ЦИАМ и авиационных предприятий Германии в освоении авиационной техники, заявочные материалы на изобретения, разработанные крупнейшими создателями советской авиационной техники, а также немецких авиаконструкторов Г. Юнкера, К. Дорнье и др. Отдельная глава посвящена репрессивной политике в отношении авиационных специалистов в 1920-е–1940-е гг., их самоотверженной работе в условиях тюремного заключения. The review of funds and the publication of archival documents of branch RGANTD. Documents contain the description of scientific and design researches and inventions in the field of aviation technics. Many documents are declassified and introduced in a scientific turn for the first time. Exclusive interest of historians and experts will cause data on contacts of CIAM and the aviation enterprises of Germany in development of aviation technics, application materials on the inventions developed by the largest founders of the Soviet aviation technics. The one chapter is devoted the repressive policy concerning aviation experts in 1920th–1940th, their self-denying work in the conditions of imprisonment.

Ключевые слова / Keywords

РГАНТД, изобретения, авиационная техника в СССР, заявочные материалы, ракетные двигатели, самолеты, вооружение, репрессии, патенты, немецкие самолеты, немецкие авиаконструкторы, германские авиационные фирмы. RGANTD, inventions, the aviation technics in the USSR, application materials, rocket engines, planes, arms, reprisals, patents, German planes, German aircraft designers, the German aviation firms.

В филиале Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самаре (филиал РГАНТД) собрано значительное количество материалов по истории развития авиационной техники в СССР. Часть документов рассекречена, в результате чего стали доступными весьма интересные сведения по созданию, развитию и тематике проводимых исследований таких ведущих организаций страны, как Централь-

ный аэрогидродинамический институт им. Н.Е. Жуковского, Центральный ордена Ленина институт авиационного моторостроения им. П.И. Баранова, Всесоюзный научно-исследовательский институт авиационных материалов, Летно-исследовательский институт им. М.И. Громова, Научно-исследовательский институт технологий и организации производства, Государственный союзный Сибирский научно-исследовательский институт авиации им. С.А. Чаплыгина и других научно-исследовательских учреждений, работающих в областях, связанных с развитием авиации.

В филиале РГАНТД хранятся заявочные материалы, разработанные К.Э. Циолковским, О.К. Антоновым, В.П. Ветчинкиным, С.В. Ильюшиным, М.Л. Милем, А.А. Микулиным, В.М. Мясичевым, Н.Н. Поликарповым, С.К. Туманским, А.Н. Туполевым, А.С. Яковлевым. Каждый из названных подателей заявок на изобретения – крупнейший создатель авиационной техники, известный не только в России, но и за рубежом.

Интересно отметить, что еще в 1930 г. В.И. Дудаков и В.А. Константинов получили не подлежащий опубликованию патент «На устройство с ракетным двигателем для облегчения взлета самолетов», но только более чем через 10 лет стартовые ускорители получили широкое применение.

В рецензируемой работе* хорошо описано первое изобретение О.К. Антонова, на которое он получил патент еще будучи студентом вуза, а также весьма поучительное описание причин отказа на две другие его заявки, так как к моменту их подачи изобретения уже были испытаны на практике.

Хорошо описаны решения проблем прочности самолетов с ростом их скорости, что заставило искать новые материалы для их изготовления.

В филиале РГАНТД хранятся отчеты по испытаниям на прочность самолетов и на методы инженерных расчетов их конструкций, которые практически исключали явление флаттера на самолетах.

* Антонова Л.Е., Солдатова О.Н., Фисюк Т.Н. Развитие авиационной науки и техники в СССР. 1920–1946 гг. Самара: НТЦ, 2010. 635 с., ил.

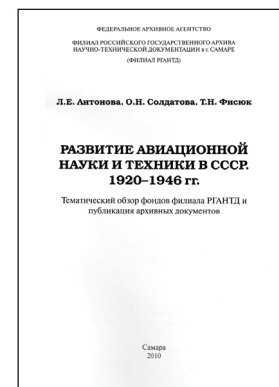
Проблемами авиационного материаловедения в СССР с 1932 г. занимался коллектив Всесоюзного института авиационного материаловедения (ВИАМ). В стенах этого института были разработаны высокопрочная сталь 30 ХГСА, прозрачная броня для остекления самолетов, фибровые, а затем и мягкие топливные баки.

Авиационное вооружение имеет свои особенности, связанные не только с необходимостью попадать в быстро движущуюся цель, что требует решения величины «упреждения», т.е. стрельбы не в цель, а в то место, куда цель продвинется, пока пройдет время от вылета пули или снаряда из ствола до достижения места встречи с целью, но и учета того факта, что летчик должен не только стрелять, но и управлять самолетом. Поэтому летчик «целится» самолетом (турельные установки пулеметов возможны только на больших самолетах, где стрелок не связан с управлением самолета). Практика показала, что авиационные пулеметы и пушки должны иметь ряд и других особенностей, связанных с тем, что пилот при стрельбе не может прекратить управление самолетом.

В работе дано описание целого ряда разработок авиационного оружия, получившего патенты или авторские свидетельства. В том числе синхронные варианты и пушек, и пулеметов, причем целый ряд разработок были запущены в серийное производство.

Крупнокалиберная пушка на штурмовике ИЛ-2 успешно использовалась для поражения наземных целей, включая и бронированные, таких, как танки «Тигр» и «Пантера».

Всеми работами по созданию, серийному производству и боевому применению крупнокалиберных пушек в авиации руководил

Обложка и титульный лист книги

А.Э. Нудельман, которому принадлежит авторство и других разработок отечественного оружия.

Глава V книги «Деятельность авиационных специалистов в условиях репрессивной политики в стране в 20–40-е гг. XX века» освещает удивительный факт работы ведущих авиационных специалистов в условиях тюремного заключения. В главе есть материалы о результатах этой работы, которые автору рецензии ранее не были известны. Полагаю, что не только ему. Коротко, но убедительно показана удивительная самоотдача в работе большого числа высококвалифицированных людей при работе в условиях тюремного режима. Не надо забывать, что немало специалистов как «враги народа» были расстреляны, и заключенные об этом знали и все же работали с удивительной отдачей.

Глава VI содержит ряд данных, вряд ли известных многим российским ученым и инженерам. Так, «... в филиале РГАНТД на постоянном хранении находятся 44 (!) дела с заявочными материалами на изобретения известного немецкого конструктора Г. Юнкера за 1926–1931 гг., по 17 выданы патенты, среди них «Металлическое крыло для самолета», «Гидросамолет», «Приспособление для установки винта, в частности для летательных аппаратов», «Устройство для размещения стрелков и оружия на быстро движущихся экипажах, в частности на самолетах» и другие.

Немецкий авиаконструктор К. Дорнье запатентовал в СССР шесть изобретений. Ему были выданы патенты на «Летательный аппарат с высокорасположенными крыльями», «Поплавок для летательных аппаратов» и др.

В 1940 г. специалисты ЦИАМ посетили ряд авиационных предприятий Германии с целью ознакомления и по вопросам закупки оборудования. Все самолеты покупались с полным комплектом вооружения и оборудования, включая пушки, пулеметы и бомбы, с прицелом и радиостанцией.

Основным центром испытания немецких самолетов был НИИ ВВС Красной армии. В мае – октябре 1940 г. там было организовано изучение летно-тактических и эксплуатационных характеристик вооружения и оборудования немецких самолетов.

Не менее интересны данные по испытанию германских само-

летов Мессершмитт, Хейнкель, Фокке-Вульф, Дорнье и Юнкерс в лаборатории НАГИ в 1940 г.

Нет сомнения, что благодаря рассекречиванию архивных материалов появились эти сведения в рецензируемой работе. Всего один пример в подтверждение сказанному: «Германские фирмы возобновили патентование своих изобретений в СССР. В 1939–1940 гг. заявки подали такие фирмы как «Даймлер-Бенц», «Клекснер-Гумбольд», «Динамит Акциенгазельпафт», «Франк-фурнер Машиненбау-Акциенгазельпафт», «Фокке-Вульф» и др.

При изучении столь глубокой по содержанию и значительной по объему работы всегда есть какие-то места текста и приложений, которые, по мнению рецензента, целесообразно исправить или дополнить. Однако рецензент недостатков в работе, требующих исправлений или дополнений не увидел.

Ценность рецензируемой работы заключается в том, что она дает возможность многим специалистам познакомиться с источниками весьма важных научных и конструкторских начинаний известных ученых и конструкторов, о которых они не знали, а порой и не могли знать! Нет сомнения, что заинтересованный и вдумчивый ученый или конструктор по крохам описания разработок своего предшественника может найти решение насущной современной проблемы или обнаружить начало пути в совершенно неведомое, что с учетом современных возможностей способно привести к серьезным научным открытиям или решению крупной актуальной конструкторской проблемы.

Вместе с тем, нельзя сбрасывать со счета предоставленную возможность ученым, работающим в авиационных вузах, использовать тематический обзор в своей педагогической деятельности, чтобы познакомить аудиторию с пионерскими работами своих знаменитых предшественников.

Изложенное выше, по мнению рецензента, главное и неоспоримое достоинство работы коллектива авторов – сотрудников филиала РГАНТД. Нельзя не отметить, что в работе нередко встречаются сведения, которые рецензенту никогда ранее не попадались, хотя их значение не из тех, что легко забываются.

НАШИ АВТОРЫ

АГЕЕВА Ольга Гениевна – ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, г. Москва; 8-495-695-10-51, 8-499-126-94-55, 8-915-036-66-01; Ageeva_OG@mail.ru

АЛЪТМАН Мария Михайловна – начальник отдела научно-исследовательской работы и маркетинга Российского государственного архива экономики (РГАЭ), г. Москва; 8-499-580-88-15; maria_altman@mail.ru

БУРАВЧЕНКО Нина Александровна – консультант (пресс-секретарь) Федерального архивного агентства, г. Москва; 8-495-606-23-29; buravchenko_na@gov.ru

ГАНИН Андрей Владиславович – редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук, г. Москва; andrey_ganin@mail.ru

ГЕНТШКЕ Валерия Львовна – старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), доктор исторических наук, г. Москва; 8-916-156-01-42; vlgent@mail.ru

ЕФРЕМОВА Юлия Николаевна – архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, аспирант Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), г. Омск; 8-3812-31-44-19; mirami@list.ru

ИНОЗЕМЦЕВА Зинаида Петровна – заместитель главного редактора журнала «Вестник архивиста», старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), кандидат исторических наук, г. Москва; 8-917-586-76-72; zinaida33@bk.ru

КОРНИЛОВА Ирина Валерьевна – доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов, г. Набережные Челны; 8-917-278-55-78; ivkornilova@list.ru

КУЗЬМИНЫХ Александр Леонидович – доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) Федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Вологда; 8-921-714-70-42; istorical@mail.ru

ЛАПТЕВА Татьяна Николаевна – младший научный сотрудник Архива РАН, г. Москва; 8-909-649-69-54; lapsti-stv@yandex.ru

ЛЮВЦОВ Алексей Сергеевич – старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), кандидат исторических наук, г. Москва; 8-495-334-48-69, 8-499-369-14-51; alex.lovcov@scsc.ru

МАГИДОВ Владимир Маркович – декан факультета технотронных и аудиовизуальных документов (ФТАД), заведующий кафедрой аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ, доктор исторических наук, профессор, г. Москва; magidov@list.ru

МАРКЕЛОВ Артем Владимирович – начальник отдела департамента по вопросам внутренней и информационной политики Кировской области, кандидат исторических наук, г. Киров; 8-919-507-07-45; avkimarkelov@mail.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, г. Киров; 8-8332-62-85-93, 8-912-724-54-62; wikma116@rambler.ru

МОРОЗАН Владимир Васильевич – профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, г. Санкт-Петербург; v_moga@mail.ru

МОРОЗОВА Людмила Евгеньевна – ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, г. Москва; 8-926-615-30-01

ПАШИН Василий Петрович – заведующий кафедрой истории государства и права Юго-Западного государственного университета, профессор, доктор исторических наук, г. Курск; pashinvp@mail.ru

ПЕТИН Дмитрий Игоревич – главный специалист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, кандидат исторических наук, г. Омск; 8-3812-31-44-19; mirami@list.ru

ПРОНИН Александр Алексеевич – доцент кафедры управления и права Уральской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук, г. Екатеринбург; 8-904-984-19-65; postdoc@k66.ru

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович – директор Российского государственного архива древних актов (РГАДА), кандидат исторических наук, г. Москва; 8-499-246-50-91; rgada@mail.ru

САБЕННИКОВА Ирина Вячеславовна – заведующая сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), доктор исторических наук, г. Москва; 8-495-334-48-69; sabennikova@mail.ru

САЛЕЕВА Лариса Владимировна – начальник отдела использования и публикации Государственного архива Хабаровского края, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Хабаровск; 8-421-230-53-00; caleeva@archiv.khv.ru

СИНЕЛЬНИКОВ Сергей Петрович – преподаватель Волгоградского промышленного техникума, г. Волгоград; 8-960-872-52-89; sinelisp@mail.ru

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – заведующий кафедрой отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент, г. Киров; 8-912-820-22-07; sudovikov70@mail.ru

СУКАЧ Андрей Николаевич – старший научный сотрудник отдела документоведения Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (БелНИИДАД), г. Минск; 8-375 29-190-79-09; anderscom@mail.ru

ТЕРЕЩЕНКО Владимир Васильевич – ведущий научный сотрудник Центрального пограничного музея ФСБ России, член Союза писателей России, кандидат исторических наук; г. Москва; 8-916-708-02-25; m.ohov@mail.ru

ТИХОНОВ Николай Тихонович – профессор Самарского государственного аэрокосмического университета, доктор технических наук, заслуженный конструктор РФ, г. Москва

ТУР Оксана Николаевна – доцент Кременчугского национального университета имени Михаила Остроградского, кандидат филологических наук, г. Кременчуг, Украина; 8-095-387-32-37; oktur@ukr.net

ШУМЕЙКО Михаил Федорович – доцент Белорусского государственного университета, заместитель главного редактора журнала «Архивы и делопроизводство», г. Минск, Республика Беларусь; 8-017-260-44-01, 8-029-751-46-67; ais_mag@tut.by

ЮДИН Кирилл Александрович – аспирант Ивановского государственного университета, г. Иваново; 8-908-568-73-63; chekist_1918@mail.ru

Contents

Archival, Source, Documents and Archeology issues

<i>Ageeva O.G.</i> Journals of Ceremonial affairs (department) as historical source of the ceremonial life of the Russian Imperial Court in 1744–1796's	5
<i>Morozan V.V.</i> Historical archive in Odessa creation attempts of Apollo Skalkovsky. The second half of 19 th century	19
<i>Mashkovtsev A.A.</i> Documents of the National archive of the Republic of Tatarstan on history of the Kazan not orthodox Christians (the second half of the 19 th – the beginning of the 20 th century)	34
<i>Kornilova I.V.</i> The works of V.F. Kudryavtsev as the sources for history of Russian province. The second half of 19 th – the beginning of 20 th centuries	49
<i>Magidov V.M.</i> Sources about activity of Skobelevsky's committee and its role in domestic film process on the eve and during the World War I, February and October revolutions in 1917	65
<i>Pronin A.A.</i> Archive funds on history of emigration from Russia. Source study aspect	82
<i>Pashin V.P.</i> Sources on personnel policy of Bolsheviks party research. 1920's	93
<i>Sinelnikov S.P.</i> The State Archive of Russian Federation documents about abolish religion education and the introduction of anti-religious upbringing in Soviet Russia (1917–1929)	103
<i>Kuz'minykh A.L.</i> Sources of the military captivity and the internment history of the World War II in the USSR	113
<i>Saleeva L.V.</i> From formation and development history of archives in Khabarovsk krai in 1923–2013	129
<i>Altman M.M., Inozemceva Z.P.</i> Actual problems of private documents collecting in modern stage	137
Historical research	
<i>Ryzhenkov M.R.</i> First tragedy in the House of Romanov: tsarevich Alexei case (1718)	151
<i>Markelov A.V.</i> “Vyatka is ended, the golden day is ended”. The Vyatka exile of the members of the Romanov House in april, 1918: reconstruction	170
<i>Tereshchenko V.V.</i> Creation of the first boarder districts of the Soviet republic in 1918–1923	178
<i>Yudin K.A.</i> Organizational, legal and ideological foundations of the Party Control Commission of the Central Committee at the CPSU (b) in 1934–1936	191
Official department	
<i>Buravchenko N.A.</i> Chronicle	200

Genealogy: domestic and foreign experience

<i>Morozova L.E.</i> The kindred of Romanov's ancestors with Moscow princes dynasty. 14 th – 17 th centuries	208
<i>Petin D.I., Efremova Yu.N.</i> The source potential of family archives for reconstruction of biography and genealogy of the Civil War participant. On an example of Abramov's family archive	217

Scientific publication of archival documents

<i>Shumeiko M.F.</i> The Belarusian addresses of the Russian historian and archivist A.F. Izyumov. First half of the 20 th century	232
<i>Ganin A.V. L.D.</i> Trotsky efforts for ex-generals M.M. Zagyu and S.M. Yazykov release (1919)	247

People. Events. Facts.

<i>Sudovikov M.S.</i> Merchant clan Prozorovs in memoirs of contemporaries	259
<i>Lapteva T.N.</i> Florovskys – Popruzhenko. Family history. 1840–1880's. On K.V. Florovskaya's «memoirs»	269

Foreign archival Rossica

<i>Gentshke V.L., Sabennikova I.V., Lovtsov A.S.</i> The archival Rossica in Australia	276
--	-----

Foreign experience

<i>Tur O.N.</i> First steps of Soviet government on protection and preservation of archive documents in Ukraine in compare with modern tendencies of archive development	288
<i>Sukach A.N.</i> Extraction documents from e-mail array to capture into the records management system of organization	298

Criticism and bibliografy

<i>Inozemceva Z.P.</i> Textbooks on the history of the Russian archives and of archive study thought history are published	308
Tihonov N.T. About repressive policy concerning the Soviet aviation experts in 1920 th – 1940 th	311

Our authors	314
--------------------------	-----

**ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей
для представления в редакцию журнала
«ВЕСТНИК АРХИВИСТА»**

Редакция принимает к рассмотрению публикации, соответствующие профилю издания – источниковедение, архивоведение, документоведение, археография, обзоры фондов, рецензии (рецензируемая книга должна поступить в редакцию).

Присланные статьи в печатном варианте принимаются к рассмотрению только при наличии электронной версии.
Все присланные статьи (info@vestarchive.ru) должны быть оформлены в соответствии с данными требованиями:

Сопроводительное письмо должно содержать описание файлов.

Текст в файлах должен быть набран без каких-либо элементов форматирования и переносов. В состав электронной версии должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации (если они имеются, в форматах **tif, jpg**). Не рассматриваются статьи, выполненные в виде одного файла с иллюстрациями, необходимо представить файлы на каждую иллюстрацию. Подписи к иллюстрациям выполняются отдельным файлом, их нумерация должна соответствовать нумерации в названии каждого файла иллюстрации. Растровые изображения должны иметь разрешение не менее **300 dpi**.
Файлы по эл. почте отправлять в виде **attachment** (приложения).

Файлы больших объемов архивировать общеизвестными архиваторами (**ZIP, RAR** и т.п.).

Рекомендуемый объем материалов – от 2 (**4 000** знаков, включая пробелы) стандартных страниц компьютерного набора) – до 20 (**30 000** знаков, включая пробелы) страниц. Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать 0,5 п.л. (**20 000** знаков с пробелами и сносками), соискателей степени доктора наук – 0,8 п.л. (**30 000** знаков с пробелами и сносками).

Материалы предоставляются в следующем виде: редактор **Microsoft Office Word 1995 – 2003** (не использовать Word 2007, 2008); шрифт **“Times New Roman”**; основной текст – кегль **14**; интервал **1,5**; верхнее и нижнее поля – **2,5** см; левое поле – **3** см; правое поле – **1,5** см; отступ (абзац) – **1,25** см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колоннитулами, ручными переносами и отступами; обязательна проверка орфографии.

Подписано в печать 18.02.2013 г. Печать офсетная. Формат 60x84/16.

Объем 20 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с электронного оригинал-макета заказчика
в ОАО «12 ЦТ»

117342, г. Москва, Севастопольский пр-т, д. 56/40.

Тел.: 8-495-334-98-94.